

СМОНА

ISSN 0131 — 6656

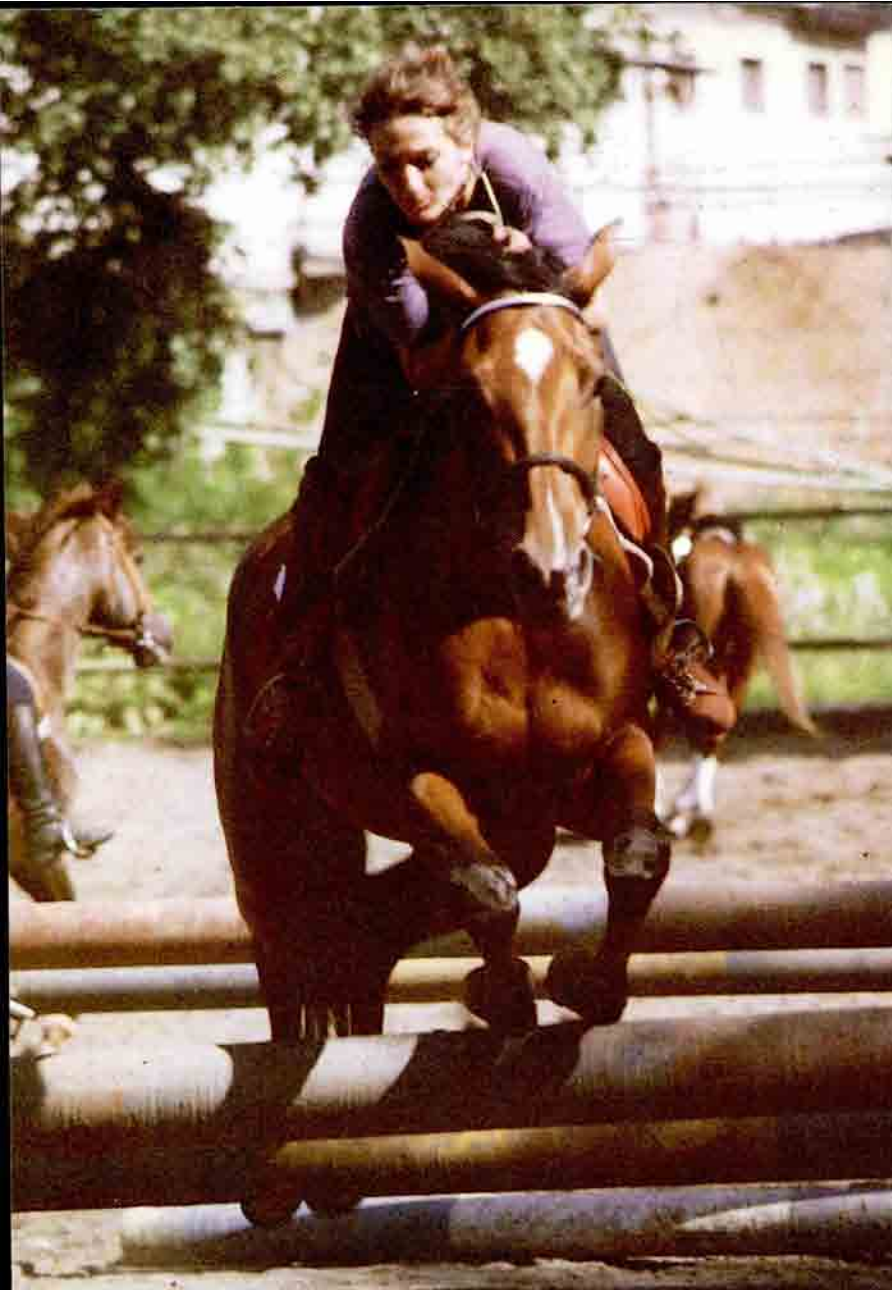
АЛЕКСЕЙ АТЕВ ■ ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА

РИЧАРД МАРСТЕН ■ ИСЧЕЗНУВШАЯ

НЕВЕСТА

6'94

АЛЕКСЕЙ АТЕВ ■ ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
РИЧАРД МАРСТЕН ■ ИСЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА
СКОТ ФИТЦДЖЕЛС
ДЕНЬ ГОЛДЕНГ

(Читайте стр. 156)

6'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.03.94.
Подписано к печати 13.04.94.
Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная». Печать офсет-
ная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 175 300 экз. Заказ № 1379.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы,
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

6 (1556) ИЮНЬ

© Издательство «Пресса»
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

На нашей
обложке:
ПАВЕЛ ФЕДОТОВ.
Портрет
Н. П. Жданович
в детстве.
(Читайте
стр. 120.)

Проза

20

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ. ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
Мистическая повесть

80

СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Рассказ

212

РИЧАРД МАРСТЕН. ИСЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА
Детектив

Поэзия

17

ТАТЬЯНА БЫЧКОВСКАЯ, ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

Человек и общество

4

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. ВЯЗНИКОВСКИЕ СОБИРАТЕЛИ

91

«ГЕРМЕС» ГАРАНТИРУЕТ

94

АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ. «МУЖИК» И «БАРИН»
Прокофий Акифьевич Демидов и Федор Иоанович Толстой

156

СЕРГЕЙ МАШИН. С МЕТЛОЙ И В КАМЗОЛЕ

170

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ. НОСТРАДАМУС

Культура, музыка, искусство

68

СТЕРЖНЕВОЙ КАДР
Фотовернисаж СЕРГЕЯ ПЕТРУХИНА

120

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

153

АНТРЕПРИЗЫ АЛЛЫ

*Беседа с руководителем Независимой группы
АЛЛОЙ СИГАЛОВОЙ*

203

ВИТАЛИЙ ПЕСКОВ

284

АЛЛА ТРИСТАН. «МАРС» — СЛУЖИТЕЛЬ АПОЛЛОНА

Спорт

200

АНДРЕЙ БАТАШЕВ. ГОНКИ: ПО ТРАССЕ И ПО ЖИЗНИ

278

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

7•94

3

■ **ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД. «ПЕРВОЕ ДЕЛО ФЛЕТЧА»**

Обаятельный журналист Ирвин Флетч хорошо знаком читателям «Смены». Серия романов о Флетче благодаря захватывающему сюжету, занимательной интриге и легкости изложения стоит в ряду лучших произведений детективного жанра.

И вот снова на страницах журнала встреча с Флетчем — пока еще юным репортером, придумывающим заголовки к статьям, сочиняющим некрологи и свадебные объявления.

Простое и безобидное задание подготовить статью для раздела светской хроники об известном юристе Дональде Хайбеке, решившем пожертвовать пять миллионов долларов художественному музею, превращается волею обстоятельств в настоящее уголовное расследование, в котором Флетчу впервые удается проявить присущие ему находчивость и смекалку.

■ **АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН. «МИЛЛИОНЩИКИ»**

«За 1992—1993 годы Россия потеряла от 485 до 53 миллиардов долларов. Точнее сказать, была ограблена на такую астрономически колоссальную сумму! Мы сейчас униженно просим у Запада два-три миллиарда, а сами потеряли в двести раз больше! Гигантские деньги!.. Где они?»

■ **ОЛЬГА ЧАЙКОВСКАЯ. «ПЯТЬ ТОПОРОВ»**

Судебный очерк.

АНОНС:

Виды Вязниковъ
Благоу́щенская ул.

Фот. КОЗНЕЦ

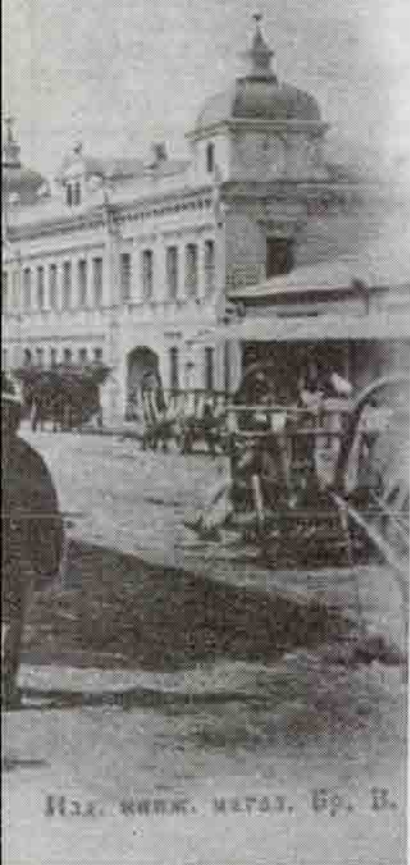
ВЯЗНИКОВСКИЕ

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

ФОТО

ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

СОБЫ

Изд. книж. магаз. Бр. В.

Несколько лет назад в галерее Вязниковского историко-краеведческого музея прошла необычная экспозиция. Входило в нее всего несколько десятков открыток из коллекции местного школьного учителя Доната Андреевича Обидина.

Рекламных афиш к вернисажу не выпускалось. Презентации и фуршета, естественно, не было. Но после небольшой заметки в районной газете «Маяк» количество посетителей музея выросло настолько, что Татьяна Субботина, его директор, и спустя годы говорит о большом и пока непревзойденном успехе более чем скромной по размерам выставки.

А он, успех этот, можно сказать, был изначально предопределен. Из своей громадной коллекции Обидин отобрал старые, дореволюционных лет издания, открытки с фотографическими видами тогдашних Вязников.

— Первую такую открытку местные книготорговцы братья Сизяковы издали в 1896 году, — рассказывает Донат Андреевич, — а всего в досоветские годы их было выпущено свыше ста. В последующие десятилетия, кстати, Вязники на открытки попадали буквально считанное количество раз. А в полиграфическом плане даже и сравнивать не хочется...

Из сотен Обидин отобрал, как было уже сказано, несколько десятков. Но таких, на которых посетители могли узнать нынешние улицы и уголки своего города.

Ну где такое можно было еще увидеть? В фондах самого музея подобных почтовых карточек нет. Есть отдельные репродукции со старых фотографий, но из этих фрагментов, как их ни увеличивай и ни «стыкуй», цельной «картины» не получалось. Да и негде размещать крупноформатные отпечатки — из-за ремонтных хлопот выставочная музейная площадь сокращена до двух небольших залов.

Что же касается современных краеведческих изданий, туристических буклетов и брошюр, то надо заметить, что Вязники — это все же не Санкт-Петербург, Суздаль или Владимир. В общем, выставка Обидина стала для горожан своеобразным окошком в собственную историю.

Мне довелось рассматривать эти открытки за письменным столом, освещенном светом настольной лампы. Я уже несколько дней жил в Вязниках, бывшем уездном, ныне районном центре, уютно и живописно сложившемся на взгорьях, холмах и в лощинах, сходящих вместе с речкой Волшник к достопамятной Клязьме. Походил по улицам в центральной части города, побывал в новых микрорайонах. Так что многие фотокадры, воспроизведенные на старых почтовых открытках, наслаиваясь на непосредственные зрительные впечатления, помогали воочию увидеть дистанцию между прошлым и настоящим.

Огорчу, наверное, тех, кто всецело поглощен страданиями по «России, которую мы потеряли». Ибо не получается какой-то однозначной оценки сравнения бывших

и теперешних городских видов. Налицо, как говорится, и плюсы, и минусы перемен в городском облике, произошедших за три четверти века. В нем недосчитывается несколько храмовых сооружений, разрушенных в тридцатые годы. Но не сбросить со счетов и то, что вместо окраинных темных барачков, пластующихся на фоне фабричных строений процветавших мануфактур, теперь благоустроенные многоэтажки. Они, правда, не блещут архитектурным изяществом и какой-либо примечательностью, но отсутствие этих черт (характерное для массовых застроек наших больших и малых городов) воспринимается как существенная примета исторического зтапа...

Однако я отвлекся. Хотя любое собрание — музейное или частное — вещественных свидетельств истории государства всегда вызывает и эмоции, и размышления. У каждого свои. Если именно так и происходит, то это можно считать за высшую оценку усилиям собирателей, их негромкому подвижничеству.

Донат Андреевич Обидин — один из очень немногих коллекционеров в России (впрочем, тут следует приложить масштаб всего бывшего Союза), кому удалось собрать гигантскую коллекцию открыток — свыше трехсот тысяч. Он, знающий коллег по увлечению, назвал мне еще двоих россиян. Только оба они живут в крупных городах, где худо-бедно, но всегда, даже в самые неблагоприятные, стесненные многими запретами и ограничениями, годы, существовало то, что можно назвать зачаточным рынком коллекционных материалов.

В Вязниках же когда-то Обидин был практически в единственном числе...

Он потомственный вязниковец. Нынешние горожане, видимо, и не знают, ничего не слышали об его отце, хотя овеществленная память о нем — перед глазами у каждого, в самом центре города. Андрей Иванович Обидин (кстати, прямой родственник тех московских Обидиных, о которых в одном из очерков своей знаменитой книги «Москва и москвичи» писал Гиляровский) был, как тогда говорили, мастером точной механики. Сломанные часы, весы и всякие другие приборы и механизмы, для ремонта которых требовался не молоток с гвоздями, проходили через его руки. Но, главное, он, подобно одному из персонажей Андрея Платонова, относился к любой машине или работающему механизму, как к наделенным душой. И вот такой случай подбирает жизнь.

В 1928 году в Вязники приехал Луначарский. Наркома просвещения, понятно, встречали тепло и радостно. Местная интеллигенция удостоила его вежливым вниманием и ненадоедливостью. А революционно настроенные культпросветовцы следовали по пятам, не отставая. И в подходящий момент обратились с просьбой, звучащей для него уже привычно: «Помогите театр создать». Происходило это как раз в тот момент, когда нарком, сопровождаемый толпой, находился рядом с Казанским собором, отличавшимся ко всему прочему тем, что на одном из его куполов были установлены часы, обращенные к центральной площади.

— Вот вам театр, — сказал нарком, большим пальцем указав за спину.

И уехал. А энтузиасты же стали ждать, когда наконец «отравители народного сознания» вместе с темной паствой будут изгнаны из

собора, а место амвона займет сцена.

Вышло все непредвиденно. Возможно, в какой-то столичной канцелярии случился сбой: Вместо специалистов по театральному интерьеру прибыл курьер с бумагой, предписывающей снести собор. Стала подбираться команда камнеломов, и по городу пошли всякие ропшущие, но бессмысленные разговоры. И тут в центр событий вмешался мастер точной механики. Он, пользуясь своим авторитетом, уговорил власти отложить намеченное действие на несколько дней. А сам помчался (впрочем, этот глагол определяет не столько скорость передвижения, сколько душевное состояние) в Москву.

Собор спасти ему не удалось. Но был достигнут компромисс, может быть, единственный в истории тех лет: часы бережно демонтировали. А затем вправили в специально достроенное навёршие трехэтажного универмага. Там они пребывают и сейчас, исправно показывая время. И график заводки остался прежним — раз в неделю.

Любопытно, что за установку часов Андрей Иванович был удостоен поощрительного внимания — из Москвы для торжественного вручения ему были присланы кожанка и фетровая шляпа. Шляпа, по свидетельству сына, служила до самой кончины.

— Отец вдобавок увлекался фотографией, — говорит Донат Андреевич, — и в этом ему, видимо, повезло больше, чем другим фотографам. Его, специалиста редкого по тем временам в Вязниках, привлекали ко многим мероприятиям, проводившимся в городе и округе. Так, например, отцу довелось быть рядом с Ворошиловым, Тухачевским и оружейным изобретателем Дегтяревым, которые приехали на проводившиеся здесь военные маневры. Очень увлекался

*Старинные фотографии
из коллекции Доната Обидина.*

он съемкой городских видов, отдельных зданий, автомобилей. Видимо, от этих отцовских снимков и зародилась во мне страсть к собиранию открыток. Да вдобавок и имя Тагрина, ленинградского коллекционера, было постоянно на слуху. Газеты то и дело писали, что его открытки использованы то для постановки исторического фильма, то для подготовки какого-то справочного издания, то в иных культурно-значимых целях...

Коллекционером себя считает Обидин с начала пятидесятых годов. Как раз в это время он закончил Горьковский институт иностранных языков. Отработал год в Тюмени. А потом вернулся в родные пенаты, где бессменно и по сию пору (хотя в прошлом году вышел на пенсию) учителствует. Преподает немецкий язык, а также русскую и немецкую словесность — все районные и городские руководители последнего периода были в свое время его учениками.

Коллекция Обидина, как я уже писал, громадна. Открытки по истории мировой живописи, архитектуры, техники, а также по теме «флора и фауна». Кроме того, он собирает разные вещественные памятники и документы: например, нагрудный знак, который носили волостные старшины во времена Александра II, — массивный, искусно сделанный из медного сплава, красивый. Сразу видно, что власть. Аж шапку ломать хочется... Или вот бляха низших чинов вязниковской полиции. На ней бросается в глаза большая цифра «8». Ага, догадываюсь, для чего! Прицепился к тебе ни за что ни про что оный чин, а ты уже знаешь, на кого жаловаться! А с другой стороны, сразу видишь, что полицейский настоящий, не какой-

нибудь переодетый в полицейское бандюга. Мундирчик-то с фуражкой можно стачать в подполье. А поди-ка бляху такую отлей без монетного двора.

Документы показал мне Донат Андреевич вообще потрясающие! На толстой гербовой бумаге. С вензелями и водяными знаками. Но главное — фамильные. Закрепляющие покупку его прадедом участка земли для строительства дома. Совершен документ 8 мая 1859 года. Из него следует: прадед, уплатив за участок 10 руб. 50 коп., обязан в течение трех лет построить дом. И построил. До Доната Андреевича дошел даже «Оплатной лист о налоге с недвижимых имуществ за 1871 год», свидетельствующий о том, что основатель фамильного гнезда читил законы и умел ладить жизнь.

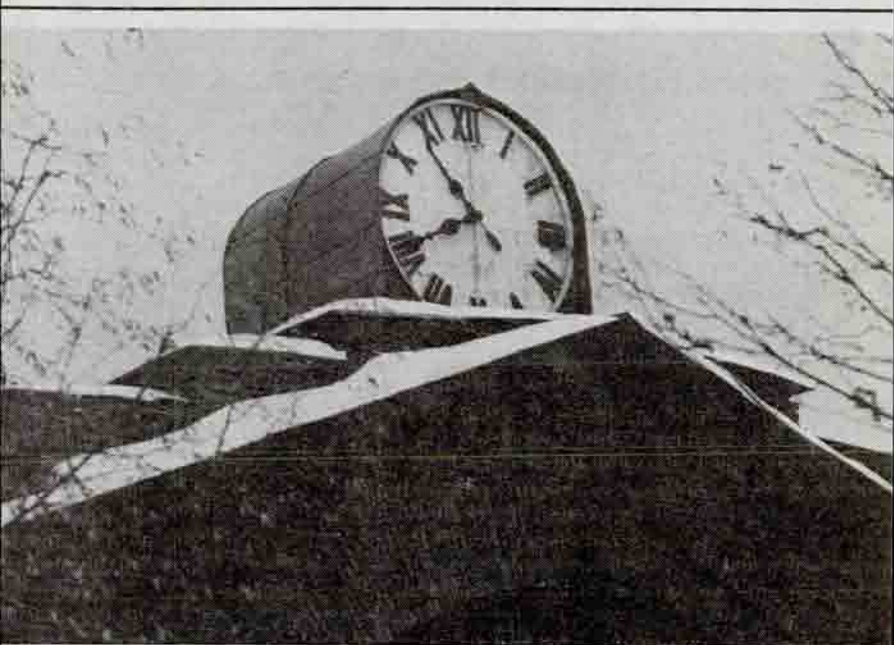
Пятнадцать лет назад деревянный добротный дом, в котором проживала семья Обидина, сгорел.

— Меня в это время вообще в Вязниках не было, — грустно вспоминает Донат Андреевич, — да, впрочем, присутствие предотвратило бы огонь? Видать, судьба с несчастьем пересеклась...

Но коллекция не пропала. Людмила Николаевна, умница, жена Доната Андреевича, не растерялась, не запаниковала. Побросала внавал пачки открыток в мешки и — подальше от огня. И книги почти все — Обидин собрал вдобавок большую библиотеку по истории искусства — сохранились.

Сейчас Обидины четвером (с двумя взрослыми дочерьми) живут в двухкомнатной квартире. И мне, честно говоря, трудно представить, как глава семейства умудряется при этом работать столько, сколько работает он. Я даже не о том, что ему, как педагогу, нужно ежевечерне готовиться к занятиям на завтра. Кро-

*Нагрудные знаки волостного старшины и вязниковской полиции.
(Из коллекции Николая Серебряникова.)*

Знаменитые соборные часы.

ме этого, есть и такой существенный момент: после памятной выставки в краеведческом музее, увидев, какой интерес проявили земляки к истории родного города, края, он начал, опираясь на свою коллекцию — открытки, фотографии, документы, — писать историографические и краеведческие статьи. Более ста напечатано. В местной, областных, московских газетах. Об их качестве говорит такой факт: в готовящуюся академическую энциклопедию городов российских статью о Вязниках заказали Обидину.

Кроме всего прочего, он руководит местным отделением Российского общества охраны памятников культуры. А также местным обществом коллекционеров.

Почти три десятилетия вязниковские коллекционеры собирались на свои, я бы так назвал, клубно-«рыночные» встречи во Дворце культуры завода осветительной аппаратуры (ныне АО «Освар»). Но с наступлением новой экономической эпохи досель гостеприимный дворец потребовал арендную плату. Коллекционеры дружно переместились сначала под сень деревьев соседнего парка. А потом в магазин, называющийся, как и прежде, «Умелые руки». Хотя три четверти его занимает то, что у нас сейчас определяется на американский манер как «шоп», а оставшуюся четверть — ТОО «Хобби».

Товарищество с ограниченной ответственностью взяло на себя смелость учредить несколько собирателей. Один из них, Николай Серебряников (инженер-технолог «Освара»), говорит:

— В предпринимательском плане наши дела отнюдь не блестящи. Но наша «лавчонка» — единственный способ не дать распасться обществу.

Сам Николай собирает, как он говорит, все интересное, «на чем остановится глаз». От нагрудных знаков должностных лиц прошлого времени, форменных пуговиц до коллекции жетонов метро — отечественных и зарубежных. (От него, кстати, я узнал, — увидел — что в московском метро использовались жетоны еще в сороковые годы...)

В торговой витрине товарищества выставлены монеты, коробки с открытками. Есть старые журналы и справочники. По соседству то, что уже приравнено к антиквариату, — старые самовары, граммофон, предметы культурного и культового обихода.

— Вообще-то все особо интересное, не рядовое, что приносит нам горожане, здесь не залеживается, — замечает Серебряников, — коллекционерские страсти неиссякаемы и неистребимы.

И это тем более удивительно, что коллекционеры — единственная социальная категория людей, которая всегда оставалась как бы за рамками государства. Тех, кто собирает картины, привечало Министерство культуры. Филателисты еще как-то пристроены — приписаны к почтовому ведомству. А остальные? Попадали, правда, в поле зрения официальных структур нумизматы. Но с точностью до наоборот. В свое время особо запретительные инструкции относительно этого вида коллекционирования исходили от Министерства финансов.

Любопытное несоответствие вообще получается. Скажем, та же нумизматическая коллекция, находящаяся в музее, автоматически патронируется Министерством культуры. Та, что у частного лица, — увя... Зато Министерство культуры становится «при чем» всякий раз, как идет речь о вывозе коллекции за границу. Без его раз-

решения — ни-ни... Выглядит-то иногда анекдотически.

Например, когда Сергей Тененбаум, известный музыкант (долгое время играл в «Бригаде С»), уезжал в Израиль, больше всего хлопот доставила ему коллекция металлических пробок от бутылок. Пришлось делать кучу фотоснимков, на обороте которых министерский чиновник проставлял разрешительный штамп. Как известно, спустя полтора года Сергей вернулся. Вместе с коллекцией. На обратный ее провоз никаких разрешительных штампов не потребовалось. Ни с той стороны, ни с этой.

А вот случай другого порядка.

Николай Спиридонович Тагрин был одним из крупнейших коллекционеров страны. Личность неординарная. В 18 лет он окончил экономический техникум, куда поступил по настоянию отца. Получив диплом, сбежал из дома и, добравшись до Крыма, пешком обошел побережье... Потом — учеба на композиторском отделении Ленинградской консерватории. Сдача экзамена самому Александру Константиновичу Глазунову. Писал песни о морских просторах и морской службе. Моряком обошел на кораблях весь земной шар. Два последних десятилетия путешествовал по стране на собственной машине. Путешествия и открытки сделали его счастливым.

Свою уникальную коллекцию он завещал государству. И формально его воля была исполнена: сразу после кончины Тагрин Ленсовет принял решение о создании музея открытки, с выделением ему помещения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. Прошло почти полтора десятка лет: музея нет. Более того, как свидетельствует московский коллекционер Михаил Степанович Забочень, близко знавший Тагрин,

сейчас даже трудно найти следы знаменитой коллекции, свезенной в какой-то музейный запасник...

В 1898 году в Вязниках состоялось открытие школы для глухонемых детей. После официальной церемонии ученики (числом около двадцати) вместе с воспитательницами (молодыми, миловидными, в длинных светлых одеждах), выйдя на улицу, чинно застыли перед фотокамерой.

Этот групповой снимок на фоне здания школы и попал на первую открытку, посвященную Вязникам. Издали ее местные книготорговцы братья Сизяковы.

Донат Андреевич Обидин, изучивший историю многих вязниковских родов и семей (и опубликовавший по этой теме немало работ, проиллюстрированных открытками из личной коллекции), поясняет:

— Свои открытки Сизяковы печатали в Москве, Варшаве — в Вязниках не было подходящей типографии. Но использовали работы исключительно местных фотографов. Вы думаете, в целях экономии так поступали? Ведь могли же, чтоб марку показать, пригласить столичных знаменитостей. Но не делали этого, в первую очередь, оттого, что хотели, чтоб и в Вязниках были мастера не хуже других. И здесь жили прекрасные фотографы: Кирилл Козин и его сыновья Николай и Иван, Федор Колесов, Николай Франтов... Старшего Козина, кстати, Сизяковы посылали даже на учебу в Нижний Новгород к знаменитому Дмитриеву, прославившемуся съемками нижегородских ярмарок. И вообще вот этот принцип — делая свое дело, поддерживать других, помогать, растить — очень характерен для тогдашних российских предпринимателей.

За витриной товарищества «Хобби»: слева — Н. Серебряников, в центре — Д. Обидин, справа — один из покупателей.

Старый уголок города.

«Торговый ряд».

Самый надежный транспорт.

Вязникам, думаю, в этом отношении еще и повезло. После земской реформы во главе города и уезда здесь оказывались умные, толковые люди. В пример приведу Елизарова. Начинать в Нижнем Новгороде простым рабочим одной из мануфактур. Спустя двадцать лет владел фабрикой в Вязниках, куда перебрался на постоянное жительство. А затем 27 лет возглавлял земскую управу (передав фабрику, согласно закону, в другие руки). Трудно сосчитать, сколько школ было построено в уезде за время его правления. Но вот факт, подтвержденный статистически: Вязники были поголовно грамотным городом. А в одном из упомянутых журналов я встретил отчет о заседании сессии земского собрания, в повестке которой отдельным вопросом было «О предоставлении стипендии студенту МГУ, сыну крестьянина Алексею Ивановичу Панкрывшеву».

Революция помешала осуществлению одного из последних замыслов того же Елизарова — строительству художественного музея. А вот все имеющиеся в городе библиотеки построены еще при нем. Назову лишь некоторые фамилии тех, кто попечительствовал над, скажем так, культурно-просветительской сферой в уезде: Сеньковы, Демидовы, Матренинский, Лукоянов, Шорин, упоминавшиеся ранее Сизяковы. В этом же ряду и купец Иван Николаевич Фатьянов, память которого следовало бы чтить так же, как чтим мы память его сына Алексея, ставшего знаменитым поэтом.

Встретился я с главой городской администрации Юрием Симоновым. До этого он сам был журналистом, к тому же сын известного на Владимирщине писателя-сказочника Ивана Симонова. Лю-

бит и знает город. Не мне рассказывать ему о проблемах, затронутых здесь.

Говорили о многом.

И неожиданно пришла такая мысль: а зачем, собственно, наши парламентарии, министры, мэры ездят по заграницам в поисках передового опыта в деле житейского переустройства? Поехали бы лучше в бывшие губернские и уездные города! Да не митинги-совещания проводить, а засесть в библиотеки и архивы.

Не там ли лежит под спудом опыт, столь нужный сейчас России?

Когда неверие в людей
 Моей душой овладевает,
 Тогда, увы, никто не знает:
 Быть может, смерть всему верней.

Но тайна тьмы страшит меня,
 И злая вечность за порогом...
 А наши договоры с Богом?
 Но им все меньше верю я.

И мечется мой слабый дух,
 У глаз безумие маячит...
 Но кто там, кто так тихо плачет? —
 Едва улавливает слух...

Посмотрите черной кошке в очи.
 То не очи, нет, то две луны.
 Нет. Одна. На лике черной ночи
 С этой и с обратной стороны.

Кошка ходит, кошка знает что-то.
 Знает что-то тайное про нас.
 Словно мудрый и спокойный кто-то
 Смотрит сквозь зрачки кошачьих глаз.

Нет, не зря египетскою ночью
 Этот кто-то много лет назад
 Заглянул однажды кошке в очи
 И увидел этот лунный взгляд.

Он увидел, как луна мерцает
 С этой и с обратной стороны.
 Он услышал: кошка что-то знает,
 Знает по ту сторону луны.

Кошка ходит, кошка жмурит очи.
 И глядит внимательно на нас...
 Чем темнее и туманней ночи,
 Тем светлей горит кошачий глаз.

На сукне зеленом цифры мелом,
 Свечи оплывают и чадят...
 Пушкин, к вам явиться б не посмела, —
 Вас бы позабавил мой наряд.

Но в меня вселилась греза ваша.
Так позвольте ж оторвать от карт
И шепнуть вам ласковое: «Саша...»
И густой вздохматить бакенбард.

Так бывает; поздно или рано,
Но осуществляется мечта...
Я не та, увы, не та Татьяна,
Но Татьяна так же, как и та.

Протянувшись запахом лаванды,
Эта тень не от меня ль легла?
Но кричат, уже кричат: «Анданте!»
Ах, простите, я вас отвлекла.

МОЙ АНГЕЛ

Дочери Анастасии

Бежать, бежать! Скорей в свою обитель!
Пусть нищую, но все-таки свою.
Там ждет меня мой ангел, мой хранитель,
Которого так преданно люблю.

Он ждал меня, он звал, он был уверен, —
Я не забуду дома своего,
Я расколдую запертые двери
И в дом войду, и обниму его.

И он навстречу распахнет мне душу,
И вновь простит, заблудшую, меня.
И ни о чем не спросит, только слушать
Усядется, головку наклоня.

И вот тогда сквозь радость и рыданья
Я расскажу, как труден путь земной,
И сладостные слезы покаянья
Пусть льются облегчающей рекой.

ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

Мы не любим.
Лишь пригубим
Золотой нектар из чаши.
На краю ее следа
Не оставят никогда
Губы наши.
Перепомятый сосуд,
Что стоит посередине,
Пчелы райские сосут,
Как разрезанную дыню.
Пересошим ртом орем,

Что грехи нас не пускают
На божественный паром.
На причале божий скаут —
В синей форменке пилотской
Говорит: запрещено!
Остаемся в шкуре плотской.
Сыро, холодно, темно.

Золотые часы небес
Ты носила на тонкой цепочке.
В смуглом желобе солнечный блеск
Растекался в критической точке.
В это устье нектарной струи
Я нырял и выныривал жадно.
Истекала горячая жажда
На прохладные камни твои.

Опять приехать в Симеиз,
Ступить на каменный карниз.
На самом краешке Отчизны
Полезно размышлять о жизни.
На самом краешке, поверьте,
Не страшно размышлять о смерти.

СОН У МОРЯ

Два огня
Разбудили меня.
Это судно, светящее ало,
Пронзывало, как будто стояло:
Фонари на носу и корме...
Два огня, проникая ко мне,
Продолжались извне и во сне.
Надо мною, как призрак, стояла
Тень, под парусом шедшего яла,
И дышала волна, и шуршала,
И трещала по гравию шало,
Обжимая взасос волнолом,
И двоилась под острым углом.
А невидимый глазу бурун
Завивался как тысяча рун:
Черно-бурых, и русых, и рыжих,—
Под огнем, что сначала их выжег
И повесил потом на карниз.
Здесь торчит, словно меч, кипарис.
Он щекочет верхушкою дно...
Тут еще есть название одно —
Это сон мой: Кара дениз*.

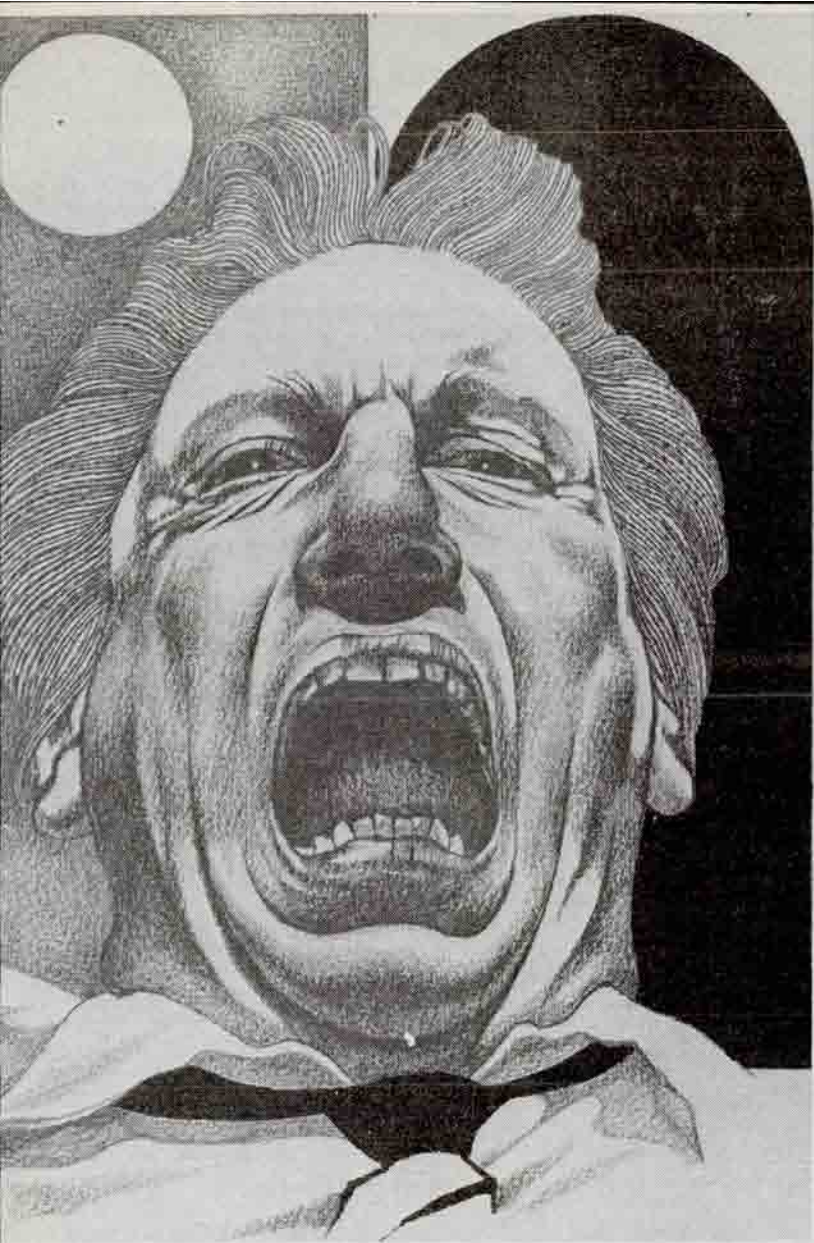
* Черное море — с кр. татарского.

Загадка

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ

старого

ЖЛАДЪЩИЩА

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ЛОСЕВА

Когда попытались разобраться, с чего все началось, кто-то вспомнил о кривой старухе Антонихе, известной пьянчужке, шатавшейся день-деньской от магазина к магазину: собирала пустые бутылки и к вечеру обычно бывала пьянехонька.

Жила она на первом этаже одного из окрестных домов, в так называемой дворницкой, поскольку некоторое время мела улицу.

Однажды прямо с утра прибежала бабка к магазину и, купив водки, подозвала к себе двух болтавшихся тут же, страждавших опохмелиться. Налив трясущимися руками полстакана, она выпила, а потом поведала «приятелям», что с ней случилось. По словам выходило, что вчера вечером она притащилась домой «очень хорошая», сразу уснула и проснулась среди ночи от чьих-то голосов. Сперва ничего не разобрала и подумала, что в квартире идет гулянка. Подобное, к слову сказать, происходило почти каждый день. Разлепив глаза, увидела: в комнате темно. Голоса раздавались рядом с ней и слышны были очень ясно. Говорили двое.

— Скучно, бабушка, — сказал женский голос.

— Да, невесело, — подтвердил стариковский надтреснутый тенор.

— Совсем житья не стало от этой мелюзги, — продолжала женщина. — Все под корень извели. А ведь какое времечко было! И все ты...

— Ну-ну, я-то тут при чем? — Старик сердито запыхтел. — Ты словам-то меру знай.

— Не прибеи ты тогда профессора, не мудрой с той бабой — жили бы в тиши и покое. — В голосе женщины послышались сдерживаемые слезы. — Помнишь его слова: «Все тут асфальтом да бетоном зальем»? Так и вышло.

— Ерунда! — сердито сказал старик. — Может, не кончи его тогда, совсем бы нас извели, да и вообще, чего ты разнылась, разве мы тут не хозяева?

— Какие хозяева! — крикнула женщина. — Чем тут хозяйствовать — пьянчугами этими?

Бабка Антониха лежала ни жива ни мертва.

«Что это? — думала она со страхом. — Или домовая с ведьмой говорят, или белая горячка начинается? Второе верней...»

— Но силы-то еще остались, — промолвил старик.

— И что?

— Можно тряхнуть стариной, вспомнить былое, показать, кто есть кто...

На этом разговор закончился. Антониха еще некоторое время лежала, обмирая и прислушиваясь... Подождав с полчаса, она кое-как поднялась и на цыпочках прокралась к выключателю. Вспыхнул свет. В комнате было пусто...

Собутельники слушали старуху с интересом, переглядывались

и косились на недопитую бутылку. После того, как часть содержимого досталась и им, завязался оживленный разговор. Стали вспоминать различные истории и, перебивая друг друга, рассказывать их старухе — в надежде, что она раскошелится еще на одну бутылку. Так оно и случилось. Когда прикончили и ее, старуха понесла такую околесицу, что собутыльникам сделалось не по себе. Тоскливо глядя на ополоумевшую бабку, оба подумали, что у нее белая горячка.

Через неделю старуха Антониха, продолжавшая пить беспробудно, не смогла добраться до родной кровати и замерзла мартовской ночью под грибочком на детской площадке в окружении темных многоэтажных громадин. Никто особенно по ней не горевал, а в дворницкую вселилась разбитная, веселая молодуха. Рассказ старухи несколько раз был повторен ее собутыльниками в разных компаниях, но особого успеха не имел. Об этой истории забыли. А зря...

2

Город, где произошли странные события, возник совершенно случайно. Году в шестидесятом геологи, бродя по окрестным лесам, наткнулись на какие-то богатые месторождения... Недолго думая, решили строить рядом город. Название ему дали красивое: Светлый.

До областного центра было недалеко, жилье в те времена возводили быстро, деньги платили неплохие, и потянулся в Светлый пришлый народ со всех сторон. Беда только, места там были нехорошие. Болота. Нельзя сказать, что строили на пустом месте. Имелась и деревушка со странным названием Лиходеевка. Да и то — какая деревушка, так, одно название, несколько домишек, десятка не наберется.

Вскоре все свободное место вдоль дороги застроили. Стали искать новые подходящие площади. В нескольких километрах от деревни наткнулись на обширное ровное поле — идеальное место для строительства. Однако, хотя проектировщики и произвели изыскательские работы, строить все не начинали. Не было коммуникаций, то да се...

Наконец проложили в вековом лесу несколько просек, и дело закипело.

На старое кладбище наткнулись еще первые геологи. Они с любопытством ходили среди диковинных обелисков. Заглянули в разрушенную часовню. Побывали здесь и проектировщики, нанесли кладбище на свои кроки и отметили в докладной записке, что при плановой застройке кладбище будет мешать и его, видимо, придется снести. Однако упомянули, что захоронение старинное и не худо бы пригласить для консультации историков, что и было сделано.

Приехал молодой парень из областного краеведческого музея, задумчиво ходил по кладбищу, пощелкал фотоаппаратом, а потом сообщил руководству стройки, что кладбище исторической ценности не представляет. С тем и уехал.

— К чертовой матери! — сказал главный инженер и приказал

подогнать бульдозер. Вмиг смели мраморные и гранитные обелиски, сровняли с землей часовню. Площадка была готова. На другой день приступили к закладке фундамента огромного двенадцатизэтажного многоподъездного дома, числившегося у строителей под номером 13. К площадке сбежалась вся стройка. Каменщики, отделочники, монтажники столпились в молчании, наблюдая за происходящим.

— Нехорошо могилки рушить, — громко сказала пожилая малярша, ни к кому конкретно не обращаясь. Ковш экскаватора врезался в жирный кладбищенский чернозем. Кости сыпались из ковша черно-желтым дождем, и многим стало не по себе. Один череп отлетел далеко в сторону и подкатился к самым ногам прораба. Пожилая малярша молча сплюнула и, круто повернувшись, стала выбираться из толпы. За ней повалили и остальные. Над кладбищем взвилась стая неведомо откуда взявшихся ворон. С пронзительными криками птицы летали над потревоженным прахом.

Внезапно экскаватор с надрывным гудением стал заваливаться набок, а потом рухнул в какую-то яму. Люди, отошедшие было, бросились обратно. Слышались глухие крики машиниста. Двигатель машины продолжал работать.

— А ведь он там угорит, — встревоженно сказал прораб. — Ну-ка, ребята, бегите за веревками.

Несколько добровольцев, обвязав лица мокрыми тряпками, спустились в яму, вытащили из кабины уже потерявшего сознание машиниста и заглушили двигатель.

— Там какое-то подземелье, — рассказывал любопытным один из добровольцев. — Пол и стены кирпичом выложены.

Дом постепенно рос, но на его строительстве случались разные происшествия: то вдруг завалятся только что сложенные кирпичные перегородки, то рухнет с высоты бадья с раствором. И все же дом был закончен, и в него начали вселяться жильцы.

Деревушка Лиходеевка, зажатая между серыми громадами, продолжала существовать своей особой, неведомой окружающим жизнью. Несколько раз ее пытались снести, однако всегда что-то мешало: то не могли выделить квартир для переселения, то выяснялось, что место, где она стоит, почему-то не подходит для строительства...

Так и стояла деревушка в окружении столетних лип. Кукарекали по утрам петухи, блеяли козы, и редко можно было увидеть в ней постороннего человека.

Дом № 13 по проспекту Химиков, двенадцатизэтажный, восьмиподъездный, вмещал в своем бетонном нутре тысячу с лишним человек. Жили тихо, спокойно...

Работа, телевизор, по выходным водочка, рыбалка, грибы. А грибов кругом — пропасть. Первое время грибников развелось видимо-невидимо. Шастали, где только можно. Но рядом с городом были глухие леса, болота — места жуткие, опасные. Пропала раз женщина — ушла за грибами и не вернулась. Искали ее, искали, да так и не нашли. Решили, что утонула в болоте. Было еще несколько подобных случаев. А одного грибника найти-то

нашли, да лучше бы и не находили. Совсем другой человек стоял перед поисковой группой. Волосы дыбом, глаза горят, рычит, кусается, в руки не дается. Да и говорить разучился за три дня, мычал что-то нечленораздельное...

И поползли по городу слухи, будто в лесах этих нечисто. То кто-то видел на болоте некое существо: вроде человек, а вроде и нет. Сидит-де на кочке и жалобно стонет. Другие слышали в лесу дикий хохот и жуткий вой. Третьи встречались лицом к лицу со старухой, вылитой Бабой Ягой.

Как ни странно, слухов, связанных с кладбищем, не было совсем. О нем даже не вспоминали... Но вскоре оно само напомнило о себе.

3

Квартира номер 49 находилась во втором подъезде на первом этаже, там жила семья директора музыкальной школы Аполлона Степановича Кнутабоева. Жена Кнутабоева — Матильда Пантелеевна — работала в той же школе, вела класс фортепиано, а в свободное время давала частные уроки. Детей у них не было.

Соседи не признавали Кнутабоевых за своих. По общему мнению, и муж и жена были спесивы, здороваясь, едва кивали головой, никогда ни с кем не заговаривали. Кроме того, утомляла непрерывная музыка, все эти фуги и гаммы, Аполлона Степановича в школе не любили, называли за глаза Аполлошкой. Ученикам и преподавателям не нравились его сухость, педантичность. Жена, напротив, пользовалась общей симпатией, поскольку была веселой и простой в обхождении женщиной.

Несмотря на несхожесть характеров, жили они дружно. У Аполлона имелся лишь один «пунктик», вызывавший досаду у Матильды, — величайшая аккуратность. По его мнению, каждая вещь должна находиться в раз и навсегда отведенном ей месте. Бывало, отсутствие обувной ложки портило ему настроение на весь день. Однако такое случалось не часто. Матильда, хотя и не одобряла чрезмерной аккуратности мужа, тщательно следила за чистотой.

В то октябрьское утро Кнутабоев отправился на работу позже жены.

Когда он вышел из ванной комнаты, Матильды уже не было. Направившись на кухню выпить стакан чаю, Кнутабоев застыл на пороге — в центре кухни, на белоснежном кафельном полу растекалась лужица красного цвета.

«Безобразие», — раздраженно подумал он и, хотя торопился, принес тряпку и стал вытирать пятно.

— Что это за дрянь? — Он обмакнул в жидкость палец и поднес к носу. — Вроде кровь... Наверное, жена мясо из холодильника размораживала, вот и потекло. Бывает. — Он навел порядок и тут же забыл о случившемся.

Однако на другой день вновь обнаружил на кухне на прежнем месте кроваво-красное пятно.

Терпению пришел конец. Чертыхаясь, схватил тряпку и принялся лихорадочно вытирать злополучную лужу. В душе все

кипело. Мысленно он перебирал все извительные и уничтожающие слова, какие скажет супруге. Кое-как наведя порядок, он помчался в музыкальную школу. На перемене нашел жену и уставился на нее гневным взглядом.

— В чем дело, Аполлон? — недоуменно спросила жена.

— Ты еще спрашиваешь, — зловецким шепотом произнес Кнутобоев, — ты еще спрашиваешь!.. Второй день кровавые пятна на полу, и я вынужден сам их вытирать.

— Какая кровь? — изумилась Матильда.

— Ну от мяса или от чего там еще. — Аполлон досадливо дернул головой.

— Что ты, дорогой, никакого мяса я не размораживала, ты что-то путаешь!

Аполлон заколебался, поняв, что здесь что-то не так.

— Ладно, дома разберемся, — буркнул он, услышав звонок на урок.

Домой после работы он пришел вместе с женой. Едва отперев дверь, побежал на кухню. Ни единого пятнышка Кнутобоев не обнаружил.

— Ну, Аполлон, — грозно произнесла жена, — где же грязь?

Кнутобоев растерянно улыбнулся. Потом вспомнил о тряпке, на ней наверняка должны сохраниться следы, ведь он ее не прополаскивал. Принес тряпку. Но, увы. Никаких следов крови на ней не было.

Кнутобоев смутился. Начал что-то невнятно лепетать о луже, второй день появляющейся на полу, о том, что осознает нелепость собственного педантизма...

Матильда, не слушая его, принарядилась, нарядилась и, бросив через плечо «Я к Любаше» (Любаша была ее лучшей подругой), хлопнула дверью.

Кнутобоев остался один. Уныло перекусив, сел перед телевизором, предварительно выключив звук, и, машинально глядя, как фигурки футболистов суетятся на поле, стал размышлять. Проклятое пятно. Откуда оно могло взяться? Матильда свою причастность отрицает. Может быть, с потолка накапало?

Над ними жили какие-то подозрительные личности, у которых, судя по всему, постоянно царил праздник. Иногда среди ночи они устраивали буйные пляски. Тогда потолок ходил ходуном. Случалось, пляски переходили в побоище — тогда ходуном ходил не только потолок, но и стены.

Кнутобоев побежал на кухню, включил свет и внимательно осмотрел потолок. Он был чист. Но ведь должны же остаться какие-нибудь следы. Кнутобоев озадаченно уставился на пол, затем разыскал лупу, встал на колени и внимательно исследовал каждую трещинку, каждый шов между плитками. Не было и намека на что-то красное. «Да была ли это кровь? — подумал Кнутобоев. — Может, краска? А может, мне померещилось?..»

Ночью он несколько раз вскакивал, бегал на кухню и, включив свет, проверял, не появилась ли красная лужа. Но все было

чисто. Уже под утро его разбудил истошный крик жены. Сломив голову Кнутабоев побежал на кухню. Матильда в ночной рубашке стояла посреди кухни и вытаращенными глазами смотрела на пол. Она больше не кричала, а только бессмысленно шевелила губами. Сначала Кнутабоев решил, что она увидела злополучное красное пятно. Но, присмотревшись, различил на кафельном полу лицо человека.

Изображение — лицо мужчины лет сорока с бородой и усами — было в натуральную величину. Длинные волосы слиплись от пота. Взгляд исполнен страдания. Кнутабоев долго смотрел на пол, не в силах пошевелиться. Потом встал на колени и провел по изображению рукой, но ладонь ощутила гладкую кафельную поверхность. Матильда опустила рядом.

— Что будем делать? — спросила она с дрожью в голосе.

— Мне кажется, — голос Аполлона обрел привычные металлические интонации, — нужно обратиться в милицию. Там разберутся.

Матильда с сомнением посмотрела на мужа.

— А если оно исчезнет?

Аполлон уставился на портрет; ему показалось, что изображение начинает бледнеть.

— Неси скорей фотоаппарат, — закричал он.

Жена бестолково заметалась по квартире. Между тем лицо на полу потускнело, расплылось и пропало.

Растерянные супруги стояли посреди сверкавшей белизной кухни.

— И все же я позвоню в милицию. К тому же там Коля Тарасов работает, мой школьный друг. Он-то мне поверит.

— Послушай, — вкрадчиво сказала Матильда, — лучше пригласи Тарасова к нам в гости, а уж тут, за стаканом чая, за рюмочкой коньяка, и расскажи ему все.

Тарасов ходил по кухне, задумчиво разглядывая сверкающий пол. Супруги смотрели на него выжидательно, словно были уверены, что вот сейчас разрешатся все загадки.

Однако Тарасов не знал, что им ответить. Ни с чем подобным ему до сих пор сталкиваться не приходилось.

— Если это больше не повторится, считайте, что вы стали жертвой галлюцинации, и лучше помалкивайте, — произнес Тарасов.

Супруги дружно закивали.

— Но если, — продолжал он, — чудеса повторятся вновь, звоните, я тотчас буду у вас. Советую держать под рукой фотоаппарат. Понимаю, вы ждали от меня разгадки, но, извините, не в моих это силах.

С тем и откланялся.

...Ночью его разбудил телефонный звонок. Включив настольную лампу, Тарасов недовольно глянул на часы — около трех утра.

— Слушаю. — Он ждал какой-нибудь очередной неприятности.

— Коля, извини, что звоню среди ночи. — Тарасов не сразу узнал в срывающемся, взволнованном голосе Кнутобоева.

— А, это ты, Аполлон. Что случилось?

— Приходи сейчас же. — Из телефонной трубки, казалось, исходила волна страха. — Это опять появилось!

— Сейчас приду...

На улице была непроглядная темень. Дождь усилился. Но Тарасов, не обращая внимания на слякоть, мчался к дому Кнутобоевых. Дверь распахнулась, как только он позвонил. Увидев лица своих друзей, Тарасов понял: мистификацией здесь не пахнет.

— Доброе утро, — буркнул он, но Кнутобоевы, не отвечая на приветствие, потащили его на кухню.

С залитого кровью кафельного пола на Тарасова смотрело искаженное страданием лицо мужчины.

Странные события происходили не только в квартире Кнутобоевых. Тем же воскресным днем пепочка таинственных происшествий охватила весь огромный двенадцатизэтажный дом, построенный на месте старого кладбища.

В соседнем подъезде на двенадцатом этаже, в однокомнатной квартире проживал учитель физкультуры Владимир Петрович Сыроватых. Знакомые, учитывая молодость и общительность физрука, звали его просто Володя, ученики же дали ему короткое, но выразительное прозвище «Сыр».

Володя — человек холостой, веселый — не гнушался компании, не прочь был выпить, поиграть в карты. Субботний день и большую часть ночи он провел за преферансом. Пришел домой под утро и сразу лег спать. Проснулся около двенадцати дня, перекусил, тоскливо посмотрел в окно на серую улицу, где моросил мелкий дождик, походил по своей тесной квартире, затем снова улегся на любимую тахту. За окном раздавался стук падающих капель. Спать не хотелось. Чем бы заняться? Он вспомнил, что дня два не вынимал газеты из почтового ящика, оделся и на лифте спустился вниз. Ящик был действительно полон. «Спорт-экспресс», «Комсомолка», еще какие-то издания. С ворохом газет в руке Володя вошел в лифт и нажал кнопку двенадцатого этажа. Лифт медленно пошел вверх. Внезапно он остановился. Двери остались закрытыми.

— Черт, застрял! — зло произнес Сыроватых. — Этого еще не хватало.

В отчаянии Володя стал тыкать пальцем во все кнопки подряд. Потом попытался руками раздвинуть створки лифта. Все напрасно.

«Интересно, на каком я этаже?» — тоскливо подумал Володя и прислушался. Ему показалось, что где-то поют. Слов не разобрать, но мелодия была печальна. Вдруг лифт пришел в движение и стал медленно опускаться вниз.

Ну, наконец-то! Физрук облегченно вздохнул. Однако радость сменилась испугом. Лифт не останавливался. Первый этаж, судя по времени, давно проехал, а он все продолжал спускаться.

Наконец лифт остановился, двери распахнулись. За ними была абсолютная тьма.

Выходить или не выходить? Сердце тревожно билось, однако любопытство оказалось сильнее страха. Физрук уверенно шагнул в темноту. Аккуратно оторвав один газетный лист, свернул его и поджег.

Пламя осветило полукруглые своды, сложенные из красного кирпича, и такой же кирпичный пол. Несомненно, это подземный ход, но куда он вел? Факел догорел, снова наступила тьма.

Володя осторожно двинулся вперед. Зажег новый факел. Наклонившись, присмотрелся к каменной кладке пола. Видать, древняя, но очень прочная. Сколько же ей лет?

А что, если здесь клад? — мысль оказалась настолько заманчивой, что он, забыв об осторожности, ускорил шаги.

И всё же чувство тревоги не отпускало, заставляло озираться назад, вглядываться в освещенную кабину лифта, которая была уже довольно далеко. Внезапно что-то звякнуло, и он в страхе остановился. Снова зажег газету и посветил под ноги. Прямо у ног валялась консервная банка. Он наклонился и поднял ее. Банка была из-под венгерского консервированного зеленого горошка, открыта, судя по всему, совсем недавно. На дне оставалось несколько горошин. Володя в сердцах отшвырнул банку, и она с грохотом покатила по каменному полу.

Вот тебе и раз — подземелье, тайны... Тут кто-то ходил, и совсем недавно.

Володя хмыкнул, зажег очередной газетный лист (их оставалось совсем немного) и смело зашагал вперед, глядя под ноги. Надо же в конце концов узнать, куда ведет проклятый ход — не розыгрыш ли это учеников, которые его недолюбливали? Но на пути ничего больше не попадалось. Сыроватых решил вернуться назад.

Газета догорела, и в наступившем мраке Володя различил впереди какое-то светлое пятно. Он оглянулся — лифт едва светился сзади.

Остановившись, физрук размышлял, что делать дальше. И решил выяснить все до конца. Он побежал вперед и вскоре с ужасом понял, что приближается к кабине лифта. В недоумении оглянулся — сзади было темно и пусто. И тут он заметил, что в лифте кто-то есть. От злости и растерянности у него затряслись руки.

«Ну сейчас я этого шутника сделаю», — рванулся он к кабине.

Человек стоял к нему спиной и, казалось, что-то рассматривал на стенке лифта. Володя оторопел. На странном незнакомце было надето нечто вроде старинного камзола с высоким стоячим воротником. На голове покачивался огромный, покрытый, как показалось Володе, плесенью парик. Но самое ужасное, что сквозь этот самый камзол и парик ясно было видно стенку лифта.

Физкультурник Сыроватых считался нетрусливым человеком. Однако в этот момент привычная самоуверенность покинула его.

Ноги стали ватными, по телу пробегала мелкая дрожь. Разум

перестал реагировать на происходящее, и Володя ошолобелено взирал на прозрачную фигуру. Вдруг фигура повернулась, и он увидел, что у нее между париком и воротом совершенно пустое место. Однако руки и ноги были на месте.

— Отдай мою голову,— промолвило существо басом. Откуда шел голос, Володя не понял.

— Отдай голову, отдай голову...— запищали, заскрежетали, заплакали вокруг другие голоса. Горячая струйка побежала у физрука по ногам прямо в кроссовки «Тайгер», которыми он очень гордился.

Володя почему-то сразу понял, что речь идет о черепе, украшавшем интерьер квартиры. (Он его как-то подобрал среди кладбищенских руин.) С этой минуты он плохо помнил, что было дальше. Кажется, сломя голову побежал назад к лифту, влетел в него, нажал кнопку двенадцатого этажа. Нисколько не удивился, что лифт работает безотказно. Квартиру открыл мгновенно, схватил со стола череп, завернул его в какую-то газету, опять вбежал в лифт, который стремительно понесся вниз.

Вот и знакомое подzemелье. Освещенная кабинка. Призрак, казалось, ждал. Он взял сверток, отшвырнул газету и водрузил череп себе на плечи. Сыроватых увидел, как кости черепа стали покрываться мускулами, затем кожей, и скоро перед ним стоял пожилой мужчина с суровым, изрезанным прамами и украшенным вислыми усами лицом.

При этом фигура человека стала вполне матерьяльной.

— Не бери больше чужих голов без спросу,— промолвил он басом и погрозил физруку пальцем.

— Не бери, не бери...— заверещали кругом голоса, и силы оставили спортсмена.

Очнулся Володя, как ни странно, дома, на любимой тахте. Мягкий серый свет наполнял комнату, дождь кончился. Вскочив с тахты, он очумело затряс головой. Какой жуткий сон приснился. Потом посмотрел на стол — черепа не было. Метнулся в прихожую, схватил кроссовки. Они были влажные и неприятно пахли. С кроссовками в руке он сел на пол и с ужасом уставился на входную дверь. Волосы его зашевелились...

В квартире номер 49, примерно в то же время, заседал небольшой совет. Когда первое потрясение от увиденного прошло, майор Тарасов попытался осмыслить происходящее с научной точки зрения.

Лицо принадлежало человеку лет сорока, смуглому, темно-волосому. Массивный горбатый нос с широко вырезанными ноздрями, глубоко посаженные глаза, удлинненный овал лица — все это выдавало в нем личность незаурядную.

Более того, чувствовалось, что человек этот — не нашего времени. Казалось, лик его сошел со старинной итальянской или испанской гравюры. Невольный трепет вызывало выражение его лица. Казалось, невероятные муки отражались на нем. Рот, застывший в крике, перекошен, ровные зубы покрыты кровавой пеной, стекавшей на подбородок.

Тарасов задумчиво разглядывал лицо, соображая, что же ска-

зять Матильде и Аполлону. Внезапно по полу как бы прошла рябь. Изображение стало тускнеть и пропало.

— Вот так же было и в первый раз! — возбужденно закричала Матильда. Впопыхах она забыла надеть халат, и ночная рубашка разошлась у нее на груди, обнажив бюст. Тарасов машинально отметил, что он весьма неплох.

Аполлон подавленно молчал. Он понял, что его друг вряд ли сможет объяснить все эти чудеса.

— Помнится, ваш дом, да и другие окрестные дома построены на старом кладбище. — Тарасов задумчиво смотрел на бюст Матильды. Она перехватила его взгляд и запахнула ворот рубашки.

— Что ты этим хочешь сказать? — Аполлон вопросительно взглянул на приятеля.

— Неплохо бы провести под вашей кухней раскопки.

— Это вы бросьте, Николай Капитонович. — Матильда сурово взглянула на майора. — Рушить квартиру я не дам.

— Ну-ну, не волнуйтесь. — Майор успокаивающе улыбнулся. — Не обязательно взламывать пол вашей квартиры. Есть и другие... методы. Утром я этим займусь.

5

Майор Тарасов явился на службу невыспавшимся и злым. Машинально перелистывая уголовные дела, он мучительно размышлял, как поступить. Внезапно в голову пришла блестящая идея. Он решил посвятить во все эти события начальника научно-технического отдела управления капитана Ивана Кулика. Парень с чувством юмора, к тому же, как знал Тарасов, интересовался всякими таинственными, необъяснимыми явлениями. Поднявшись в лабораторию и уединившись с Куликом в крошечном кабинете, Тарасов начал свое повествование.

Сначала Иван смотрел на Тарасова с насмешливой улыбкой, мол, разыгрывает, затем с возрастающим любопытством, наконец, лицо его стало серьезным и недоверчивым.

— Что, и кассета со снимками при тебе?

Тарасов молча достал из кармана кассету. Кулик взял ее и задумчиво произнес:

— Приходи минут через сорок, тогда и поговорим.

Когда майор вернулся в лабораторию, Иван с любопытством разглядывал еще мокрые фотоснимки. Внезапно он метнулся в свой кабинетик, выскочил оттуда с лупой и принялся рассматривать самую большую из отпечатанных фотографий.

— По-моему, на заднем плане проступают еще какие-то изображения, кажется, тоже лица.

— Дай-ка посмотреть. — Тарасов взял лупу и стал всматриваться в мутноватую поверхность фотографии. И действительно, создалось впечатление, будто на лицо мужчины с бородой наложены контуры нескольких лиц.

— Послушай, Николай Капитонович. — Кулик пристально посмотрел на Тарасова. — А может быть, это все-таки мистификация?

Майор хмыкнул:

— Эти люди не способны на мистификации.

— Ну что ж, придется поверить. А нельзя ли мне побывать в загадочной квартире?

— Хозяева на работе, но мне дали ключ.

— Ну так поехали.

Когда «Запорожец» Кулика остановился возле знакомого дома, Тарасов с удивлением обнаружил толпу возле подъезда.

— Это что, — Кулик указала на старушек, — очевидцы происшествия?

Тарасов удивленно закрутил головой, разглядывая собравшихся:

— Не может быть, чтобы Кнутобоевы разболтали.

— Милиция, милиция, — зашелестело в толпе.

На кухне Кулик опустился на колени и стал изучать пол. Потом достал из кофра мощную переносную лампу. Яркий свет залил кухню. Иван ползал по полу минут двадцать.

— Ничего, — наконец признал он.

Тарасов мрачно кивнул.

— Слушай, — Кулик постукал по кафелю костяшками пальцев, — а там что — подвал?

— Да нет, подвалов в таких домах не бывает. Небольшое пространство, может, метр-полтора высотой, а дальше фундамент.

— А ведь этот дом стоит на месте старого кладбища, — вдруг вспомнил Кулик.

— И что же?

— Да ничего.

— Я сам думал про кладбище. — Тарасов неторопливо закурил. — Что-то слышал про него, а что — не помню.

— Я знаю эту историю. — Кулик присел на белоснежный табурет. — Смысл ее в том, что при кладбище издавна обитала какая-то колдовская секта. Некая любительница грибов из областного центра случайно стала свидетельницей их тайных церемоний, за что и была заживо похоронена. К счастью, ее удалось спасти.

— Я что-то такое слышал. — Тарасов закашлялся, подавившись табачным дымом. — Было еще убийство в областном центре.

— Да. Кладбищем занимались какие-то таинственные ученые, они тоже пали жертвой секты.

— А кто тебе это все рассказал?

— Да имел я беседу с одним гражданином, — уклончиво ответил Кулик. — Знаешь что, — внезапно перевел он разговор. — Давай сегодня заночуем в этой квартире. Хозяев попросим провести ночь где-нибудь на стороне, хотя бы у тебя. Возьму кое-какую аппаратуру, хотелось бы своими глазами увидеть.

— Что ж, не возражаю. — Майор даже обрадовался, что Иван заинтересовался этим делом.

Спортсмен Володя Сыроватых на работу не пошел и валялся на тахте, перебирая в памяти ночные события. Он до сих пор не был уверен, случилось ли с ним все наяву или приснилось.

Больше всего беспокоило отсутствие черепа на столе. Неужели все произошедшее — реальность? Да еще эта пустая банка из-под зеленого горошка. «Откуда там взялась банка? — туго думал он. — Не должно там быть никакой банки».

Неожиданно в дверь позвонили. Володя вздрогнул и замер, решив не открывать ни за что на свете.

В дверь продолжали настойчиво звонить. Наконец Сыроватых не выдержал и соскочил с тахты. В дверной глазок он увидел соседа из квартиры напротив.

— Владимир Петрович, вы дома? — Голос соседа звучал тревожно.

— Дома, дома, — пробурчал Сыроватых, открывая дверь, — чего надо?

— Пройдите в мою квартиру. — Сосед схватил его за руку.

— А в чем дело? — Володя попытался вырваться, но сосед держал цепко.

— У меня там творится черт-те что. — Сосед умоляюще заглядывал Володе в глаза. — Пойдемте, я вас очень прошу!

Перешагнув порог чужой квартиры, Володя застыл в изумлении. Такую мебель и все прочее он видел только в кино.

«Шикарно живет», — подумал он и с невольным уважением посмотрел на соседа. Его собственная комнатенка, оклеенная пестрыми картинками и увешанная вымпелами, не шла ни в какое сравнение с блистающими благородным деревом и дорогим хрусталем.

Ноги тонули в длинном ворсе ковра, в углу стояла японская стереосистема, а на стенах висели картины в золоченых рамах.

— Так что же у вас случилось? — почтительно спросил он у богатого соседа.

— Вы знаете, — начал сосед плачущим голосом, — проснулся я от стука в дверь. Поглядел в глазок — за дверью никого. Думаю: может, дети хулиганят? Открываю — нет, пусто. Дверь закрыл, и тут началось. На столе стояла чешская ваза. Вдруг она поднимается в воздух — и бац об стену! Осколки во все стороны. Я, признаться, так и сел. Ничего понять не могу. Следом шифоньер затрещал, точно его ломают, дверцы распахнулись, оттуда одежда полетела. Да вы сами посмотрите.

Он провел физрука в спальню. В ней царил неопишуемый беспорядок. Повсюду была раскидана мужская и женская одежда, стол перевернут, белье на кроватях скомкано и перекручено.

— Хорошо, что жены нет, — шепотом произнес сосед. — Она бы с ума сошла. Ну, а потом началось такое... Я сначала подумал, что это землетрясение, но почему только в одной комнате?

— А что, в других комнатах спокойно? — с интересом спросил Володя.

— В том-то и дело. Продолжалось все минут пятнадцать, а потом внезапно прекратилось. — Сосед с тоской взглянул на разгром.

Неожиданно на кухне раздался металлический звон. Они вы-

бежали из комнаты. То, что они увидели, заставило Володю широко открыть рот от изумления, а богатого соседа тихонько заскулить от страха.

По кухне порхали, точно птички, ножи, вилки, ложки. Порхание продолжалось недолго. Вся столовая мелочь обрушилась на роскошный кухонный гарнитур и стала с остервенением резать, царапать, бить его стенки; из открывшихся дверей выскакивали тарелки, стаканы, рюмки и со звоном бились об стены. Стоял неопиcуемый грохот. Внезапно один нож — большой, длинный и, судя по всему, чрезвычайно острый — закрутился над головой соседа, словно примериваясь, как повлечее нанести удар.

— Бежим! — заорал физрук и, схватив соседа за руку, бросился к выходу.

Нож медленно и плавно плыл следом.

Пока они суетились у двери, безуспешно пытаясь открыть ее, нож, не обращая на них внимания, стал методично резать прекрасную дверную обивку из натуральной кожи. Дверь не открывалась, обивка превратилась в кучу ремней. Внезапно нож улетел в гостиную, и оттуда стали раздаваться звуки, свидетельствующие, что нож и там нашел себе работу. Сосед обхватил голову руками и, раскачиваясь, завывал.

— Нужно уходить отсюда, — зашептал физрук, но сосед, казалось, ничего не слышал. В этот момент огромное зеркало, висевшее в прихожей, осветилось, и Володя увидел в нем знакомое подземелье и фигуру призрака, маячившего вдалеке. Ошибки быть не могло — тот же камзол, парик. Призрак помахивал рукой — не то грозил, не то манил к себе.

Не помня себя от ужаса, Володя мигом открыл дверь, выскочил из квартиры и выволок за руку продолжавшего выть соседа. Выбежав из подъезда, они пронеслись сквозь строй старушек, расшвыряв их в разные стороны. Не стовариваясь, присели на скамейку, стоявшую на детской площадке, и тяжело задыхались, затравленно озираясь. Старушки с интересом смотрели на них, но подойти не решались.

Наконец сосед дрожащими руками извлек из кармана пижамной куртки пачку «Мальборо» и закурил. Взял сигарету и Володя, хотя вообще-то табаком не баловался.

— Что же это было? — шепотом спросил сосед.

— Колдовство, — веско произнес Володя. — Волшебство и черная магия.

— Вы думаете? — Сосед неуверенно посмотрел на него.

— Нет никакого сомнения.

— Ну и что же делать?

— Нужно обратиться в милицию.

— Нет, нет! — испуганно произнес сосед. — Только не в милицию. Лучше позвать какого-нибудь священнослужителя, есть у меня один знакомый священник.

Возвращаться в заколдованный дом не было никаких сил. Физрук встал и побрел в школу. Сосед так и остался сидеть на скамейке.

Тарасов договорился с супругами Кнутобоевыми, что ночью в их квартире займется кое-какими исследованиями вместе со своим коллегой Куликом. Супруги согласились временно переселиться в квартиру майора.

Майор явился к Кнутобоевым задолго до условленного срока, надеясь, что в одиночестве сможет если не найти решение, то отыскать хоть какую-нибудь зацепку.

Возле подъезда по-прежнему стояло несколько старух. Они что-то оживленно обсуждали, но, увидев майора, примолкли. Неожиданно из подъезда выбежала крикливо одетая женщина лет сорока. Вид у нее был возбужденный, лицо покрыто красными пятнами.

— Какой мерзавец! Какой мерзавец!.. — кричала она.

«Еще одна семейная драма», — подумал Тарасов, открыл дверь и вошел в квартиру. Он остановился в прихожей и прислушался. Стояла тишина. Майор разулся и надел тапочки, помня сколь цепетилен Аполлон в отношении чистоты в доме. На кухне капала вода, и он, прикрутив потуже кран, выглянул из-за занавески на улицу. Та же крикливая женщина возбужденно размахивала руками. Старухи сочувственно кивали головами и показывали руками то на скамейку, стоящую на детской площадке, то куда-то вдоль дома. Слов было не разобрать, но женщина бегом бросилась в том направлении, куда указывали бабки. Тарасов задернул занавеску и приступил к осмотру. В который уже раз опустился на кафельный пол и стал разглядывать его поверхность. Она была совершенно чистой. Тарасов постучал по кафелю, проверяя, нет ли под ним пустоты. Звук был повсюду одинаковый.

Поднявшись с пола, он рассеянно заходил по комнатам, затем сел в кресло. Обдумывая обстановку, незаметно задремал.

Ему приснился сон. Будто он на огромном кладбище... Кое-где горят небольшие костерки, курится дымок. Люди стоят у костра... Не то греются, не то еду готовят. И видит Тарасов: кто-то его с горы манит — мол, иди за мной! Парень весь в лохмотьях, голова бритая, улыбается приветливо.

Тарасов думает: как же я на гору поднимусь? Глядь — ступеньки. Он по ним быстренько поднимается к парню, а тот ныряет в какую-то нору. Тарасов за ним, и вот они уже в просторном, довольно светлом туннеле, а туннель не глухой, в стенах ходы, каморки, и людей кругом много. Выглядят по-разному: кто в лохмотьях, кто одет чисто, некоторые даже с орденами и медалями, а есть и совсем голые, но все почему-то бритоголовые.

Тарасов по сторонам озирается, все ему любопытно, но идет вслед за парнем. Наконец они входят в пещеру. Парень куда-то исчезает, а из темного угла появляется человек. И в нем Тарасов узнает того, чье лицо видел на кухонном кафеле. Только не искажено оно болью, а спокойно и даже слегка улыбается. На человеке странная одежда — похоже, испанского покроя, на боку

шпага, он не брит, как остальные, а с длинными черными кудрями до плеч.

— Не меня ли ты ищешь? — спрашивает человек у Тарасова.

— Тебя, — отвечает тот.

— Чего же тебе надо?

— Хочу знать правду.

— Правда проста. Я — это ты, а ты — это я, и все мы вместе здесь...

И тут Тарасов проснулся. В дверь настойчиво стучали. Он затряс головой, собираясь с мыслями, потом подошел к двери и открыл ее.

На пороге стоял Кулик.

— А, это ты, Иван. — Тарасов провел ладонью по лицу, разгоня сонную одурь.

— А ты кого хотел увидеть?

— Да сон странный приснился. Только не до конца я его досмотрел.

— В другой раз досмотришь. — Кулик поставил на пол две объемистые сумки. — Давай помогай...

«А все-таки, — размышлял Тарасов, — что хотел этот «испанец», чего не успел досказать?» Машинально помогая Ивану распаковывать аппаратуру, Тарасов продолжал размышлять о только что увиденном сне. Сон был настолько реален, что, казалось, на зубах до сих пор хрустит песок и глаза запорошены пылью.

В памяти отчетливо возник один эпизод. Когда шел по бесконечным коридорам, на глиняном полу что-то блеснуло. Он наклонился и поднял большую серебряную монету, которую опустил в карман.

Машинально Тарасов сунул в карман руку. Среди мелочи нащупал большой, увесистый круг. Он вытащил монету и похлодел. Та самая, которую нашел во сне. Полустертая серебряная монета. С одной стороны чей-то профиль, с другой — сложный герб. Он с удивлением разглядывал монету, вертя ее между пальцами.

— Что там у тебя? — любопытствовал Кулик. — О! Ты что, нумизматом стал?

— Да нет, подобрал на улице, — нашелся тот.

— На улице? Брось шутить. Это старинный испанский талер — восемь реалов, шестнадцатый век.

— Нашел, — упрямо повторил Тарасов. — Может, какой чудик обронил.

— Ну нашел, так нашел. — Кулик вернул монету и продолжал расставлять свое оборудование: фотоаппарат на штативе, небольшой, но мощный софит, портативный магнитофон с двумя микрофонами, какие-то датчики.

— А магнитофон зачем? — недоуменно спросил Тарасов.

— Пригодится, мало ли что можно будет услышать. — Кулик наморщил лоб, что-то вспоминая. — Кстати, — повернулся он к Тарасову, — в доме и, по-моему, даже в этом подъезде случилось сегодня еще одно ЧП.

— Что такое? — вскинулся майор.

— Поступило заявление от гражданки по фамилии, кажется, Головаль. Ее муж, гражданин Головаль, вдребезги разнес всю мебель в квартире, перебил дорогую посуду и исчез в неизвестном направлении.

— Вот мерзавец, — равнодушно произнес Тарасов. Он вспомнил женщину, шумевшую у подъезда, и подумал, что она, видимо, и есть гражданка Головаль.

— Ну, вроде все. — Кулик с удовлетворением оглядел свое хозяйство. — Остается только ждать.

Мысль о проклятой монете не давала Тарасову покоя. Как попала она к нему в карман? Может быть, действительно где-то машинально подобрал?

— Слушай. — Кулик вопросительно поглядел на Тарасова. — А когда появляются эти изображения?

— Трудно сказать. Кнутаобоевы обнаруживали их под утро. А время появления неизвестно.

— Если следовать логике черной магии, то таинственный портрет должен появиться где-то между двенадцатью и часом, а сейчас, — Кулик посмотрел на часы, — только десять. Подождем. Посидим, покурим.

Они прошли в гостиную. Усевшись на диване, Тарасов вытащил из пачки сигарету и задумчиво вертел ее между пальцами, не спеша закурить.

— Хочу тебе рассказать кое о чем, — начал Кулик. — Наша пресса, естественно, о подобных вещах не пишет. Помнишь историю, происшедшую в этих местах лет двадцать назад? Главная героиня ее, Валентина Сергеевна Петухова, чудом осталась жива (а может, с ней намеренно проделали все это с целью показать свое могущество). Но в этой истории были замешаны работники какого-то секретного ведомства, видимо, сильно мешавшие силам, издавна окопавшимся здесь. Что за силы — не имею ни малейшего понятия: не то сатанисты, не то адепты черной магии. Люди из секретного ведомства погибли в схватке с силами зла.

— Ну а Петухова, она жива? — с интересом спросил Тарасов.

— Не знаю.

— Ну хорошо. — Тарасов внимательно поглядел на Ивана. — Если ведомство могущественное, то почему оно не отомстило за смерть своих людей? Не уничтожило это сатанинское гнездо?

— Во-первых, мы ничего не знаем — может, и отомстило... Во-вторых, можно допустить, что силы, противоборствующие ведомству, могущественнее, чем мы себе представляем.

— Ну а в-третьих? — насмешливо спросил Тарасов.

В это время на кухне послышался какой-то шорох. Они вскочили и ринулись туда. На кухне было темно, и рука Тарасова потянулась к выключателю.

— Подожди, не зажигай свет! — Кулик схватил майора за руку. — Смотри...

Тарасов различил на полу какое-то слабое мерцание. В первую минуту ему показалось, что кафель отражает лунный свет. Но луна была скрыта плотными тучами, да и свет был не серебристый, а зеленоватый, напоминающий едва освещенный аквари-

ум. Постепенно становилось светлее, свечение все усиливалось... Через несколько минут пол сверкнул ровным голубовато-зеленым огнем и исчез. Казалось, они стоят перед толщей прозрачных вод. Хорошо было видно все, что происходило в глубине. Подземное пространство (а видели они именно его) напоминало лабиринт. Ветвились галереи, входы, ответвления и тупики. То тут, то там можно было различить подземные склепы, гробницы с человеческими останками. Было ясно, что перед ними заброшенное кладбище.

Внезапно им замерцало какое-то движение. Тарасов крепко схватил Кулика за руку. Из одного гроба медленно выбиралось нечто, отдаленно напоминавшее человека. Сморщенное черное лицо, горящие угольки глаз в глубоких впадинах, какие-то странные отрепья, ботфорты. Следом началось движение в огромном лабиринте — и вот уже череда мертвецов побрела друг за другом по бесконечным его ходам.

Тарасов и Кулик окаменели. Майору казалось, что перед ним продолжение его сна. Двигались монстры судорожно и механически, точно заводные куклы.

Наконец зал наполнился. Мертвецы стояли вдоль стен и словно чего-то ждали. Он увидел невысокого седого старика, одетого в старомодную толстовку, парусиновые брюки и сандалии на босу ногу. На носу старика плотно сидели круглые металлические очки. Старик был вовсе не похож на ожившего мертвеца. Напротив, от него исходила мощная жизненная сила. Он неторопливо обходил строй мертвецов, внимательно оглядывая их. Сколько времени это продолжалось, ни Тарасов, ни Кулик впоследствии сказать не могли. Наконец старик что-то произнес и махнул рукой. Мертвецы покорно повернулись и пошли назад. В это мгновение старик посмотрел вверх и, казалось, увидел, что за ним наблюдают. Он поднял руку и погрозил кулаком. Свет стал меркнуть, и скоро на кухне опять стало темно. Только сейчас Тарасов почувствовал, что судорожно вцепился в Кулика. Он перевел дыхание и разжал пальцы. И снова кухня стала наполняться мерцающим светом, но на этот раз не зеленым, а красноватым, какой бывает от огня. Теперь перед ними было глубокое сводчатое помещение. Закопченные кирпичные стены плохо отражали свет, и в комнате, вернее, в большом зале, было почти темно, несмотря на горевшие факелы и большую жаровню, полную пылающих углей. В помещении находилось несколько человек: за невысоким столиком сидел худой человек в монашеской рясе и что-то писал. Поодаль в высоком резном кресле развалился богато и вычурно одетый старец с седой остроконечной бородкой. Тут же присутствовали два крупных человека в длинных фартуках. И, наконец, к железным кольцам, вделанным в кирпичную стену, был привязан мужчина лет сорока с длинными черными волосами, слипшимися от пота и грязи. Красивое и волевое лицо искажено страданием, то самое лицо, которое появлялось на кафельном полу.

Без сомнений, перед ними — камера пыток. Кроме того, они поняли, что дело происходит не в России, скорее, в Испании, и отнюдь не в наше время, а лет триста, четыреста назад.

Ни Тарасов, ни Кулик не были настолько сильны в истории, чтобы по костюмам определить место и время действия, несомненно только, что монах — католический, а старик в кресле — какая-то важная персона.

Было далеко за полночь, когда исследователи покинули злополучную квартиру. Они молчали, подавленные увиденным, друг на друга старались не смотреть и, когда выбрались в стылую осеннюю темень, не заметили в одном из окон третьего этажа детское лицо. Ребенок наблюдал за ними, прижавшись к оконному стеклу, а на лице его играла холодная, совсем недетская улыбка.

7

Жила в уже известном доме номер тринадцать молодая женщина с сыном. Звали ее Татьяна. А фамилия у нее была редкая — Недоспас. Хороша собой — невысокая ладная фигурка, темные пушистые волосы, карие глаза, приятное открытое лицо, на котором, однако, постоянно лежала тень озабоченности. Все мысли Татьяны были заняты ребенком — сын Станислав давно и неизлечимо болел эпилепсией.

Стас Недоспас рос смышленным, но тихим ребенком. Он не чувствовал себя ущербным по отношению к другим детям. Напротив, считал, что знает и ощущает такое, что им неведомо. В отличие от слабых он не искал покровителей среди старших ребят, не задабривал и не угождал им. У него были более сильные защитники. Например, огромная кривая сосна, росшая неподалеку от их дома. Сосна случайно уцелела во время строительства города. Подойдет к ней Стас, прижмется к корявому стволу и просит дерево наказать обидчиков. И бывало, один из них заболит свинкой, другой упадет и разобьет колено. Стас видел в этом магическую мощь дерева и благодарил его, зарывая под корни конфету или кусочек сахара.

Так он и жил в вымышленном мире, воспринимая его как реальность, и когда потусторонние силы на самом деле вошли в его жизнь, он нисколько не удивился.

В одну из зимних ночей, примерно за год до описываемых событий, он лежал в своей кровати и не мог заснуть. За окном слышалось завывание ветра, раскачивавшего деревья напротив дома. Внезапно среди мечущихся веток он заметил тень, напоминающую маленького человечка. Взгляд мальчика перебежал на подоконник, и он увидел, что на нем действительно сидит какое-то существо размером с большую куклу. Карлик смотрел на мальчика и не двигался.

Стас не испугался. Он был давно подготовлен к такой встрече. Быстро вылез из-под одеяла и подошел к окну. На подоконнике сидел старичок, одетый, как одевались в русской деревне в незапамятные времена. Волосы на голове стояли дыбом, глазки поблескивали, точно у кошки. Существо не мигая смотрело на Стаса.

— Ты кто, — спросил мальчик, — домовый?

Человечек неслышно спрыгнул на пол, медленно подошел к стене и вошел в нее.

— Домовой, — заключил Стас. — Хороший!

Он лег в постель и тут же заснул. О том, кого видел ночью, Стас никому не рассказал. Матери — потому, что она болезненно реагировала на подобные рассказы, видя в них признак психического отклонения. Друзей же у мальчика не было.

На другой день, перед сном, уловив момент, когда мать была чем-то занята, Стас нашел маленькую кофейную чашечку, наполнил ее молоком и поставил в самый угол окна, за штору. На другое утро он с радостью обнаружил, что молока в чашке не было.

Стасу ужасно хотелось снова увидеть домового, но он больше не появлялся. К тому же если раньше мальчик действительно долго не мог уснуть, то теперь, едва голова его касалась подушки, он мгновенно засыпал.

Так продолжалось примерно месяц. Однажды ночью Стас неожиданно проснулся. Ему показалось, что по лицу его провели чем-то мягким и мохнатым.

Привыкнув к темноте и присмотревшись, мальчик различил едва заметный силуэт, стоявший на стуле.

«Пришел, — радостно подумал Стас. Сердце его забилося. — Как же с ним заговорить? Да так, чтобы не разбудить маму?» Он тихо лежал и раздумывал над этим, как вдруг тень соскочила со стула и заковыляла на кухню. Мальчик заворожено следил за ней. У порога комнаты тень обернулась и поманила его рукой. Стас тихонько вылез из кровати и на цыпочках пошел следом.

«Как бы не наступить на него», — думал он. На кухне хотел было включить свет.

— Ш-ш, не зажигай, — раздался вдруг шепот, — запали свечу.

Мальчик на ощупь нашел в кухонном шкафчике свечу, которую держали на случай перегорания пробок, чиркнул спичкой, и крохотный язычок пламени вырвал из тьмы странную фигуру с всклокоченными волосами.

Держа в руках свечу, Стас сел на табурет. Домовой уселся на стол. Они смотрели друг на друга и молчали. Первым нарушил молчание гость.

— Налей-ка мне молочка, — попросил он тонким свистящим голосом, — уж больно мало ты мне его оставляешь. Мог бы и кружку не пожалеть.

Стас приладил свечу на столе, открыл холодильник, достал молоко и налил полную кружку.

Домовой жадно принал к ней, пил, фыркая и чмокая, наконец поставил пустую кружку на стол и, отдуваясь, сказал:

— Люблю молоко.

Стас налил еще.

Покончив со второй кружкой, домовый уселся на стол, привалившись спиной к стене. Вдруг он икнул и, глядя в сторону, произнес:

— Ну какое это молоко, из-под машины, коровой даже и не пахнет, парного бы...

— У нас нет парного, — извинился Стас.

— Ничего у вас путного нет.— Домовой горько усмехнулся.

— А меня Станислав звать,— осторожно начал мальчик,— или просто Стас.

— Да знаю я,— домовой презрительно махнул рукой,— я все про всех знаю и про тебя тоже.

— А вас как? — Стас вопросительно посмотрел на домового.

— Мирон! — произнес тот важно.

— Вы домовый?

Мирон кивнул.

— А я думал, домовые только в деревянных домах живут, в избах.

— Да жили мы там, жили! — Домовой завизжал так, что Стас с опаской посмотрел на дверь — вдруг мама услышит.

— Не проснется мать, не бойся,— успокоил его Мирон,— я над ней немножко поколдовал.

— Поколдовали? — ужаснулся Стас.

— Утром она проснется.

— А вы ко всем приходите?

— Ну, естественно,— домовой снисходительно посмотрел на мальчика,— я в этом доме хозяин...

— И многие вас видели?

— Да, считай, ты один.

— А почему именно я?

— Да приказали мне,— начал было домовый и осекся. Помолчав, продолжил: — Ты вот мне угощение ставил, молодец, понимаешь, что к чему. За это, наверное, тебя и отметили.

— Кто отметил?

— Не важно. А другие... У них только деньги на уме да разные цацки. Иные пьют. Залезешь ночью на такого и душишь его. Не до смерти, конечно... Или покажу ему страсть какую, так, веришь ли, визжит, бедный. А на иную квартиру тараканов напушу или, скажем, мышей. Только у вас в доме и без меня тараканов хватает.— Домовой засмеялся.— А пойдем ко мне,— неожиданно предложил он.

— Да как же я пойду? — спросил Стас.

— Очень просто, оденься только. Теперь возьми меня на руки и шагай сквозь стену.

— Да разве это можно?

— Ты попробуй, главное — не бойся.

Стас взял домового на руки, и странное чувство охватило его. Оно напоминало состояние перед приступом, когда стоял он перед прозрачной дверью в неведомый мир и никак не мог туда попасть. А вот теперь, кажется, попадет. Вместо рук у Мирона были мохнатые лапы. Он вцепился в мальчика и вдруг крикнул:

— Вперед!

Стас, не помня себя от восторга, шагнул сквозь стену. Оказалось, что это очень просто, будто делал подобное тысячу раз.

Наконец домовый скомандовал: «Стой!» — и Стас остановился.

— Ну вот и пришли,— удовлетворенно проговорил Мирон.— Это мои хоромы, располагайся...

Стас осмотрелся. Уж и не подумал бы, что в доме есть такое странное место. А вот ведь есть.

Довольно большое помещение, без окон и дверей — логово домового, было забито странными вещами: прялками, конской упряжкой, тележными колесами, допотопными креслами с висевшей ключьями обивкой. Где он это подобрал и как притащил сюда?

— В хозяйстве все сгодится, — заметив недоуменный взгляд Стаса, буркнул домовый.

Он достал древнюю шкатулку и, отгородившись от мальчика спиной, стал копаться в ней. Потом протянул ему какой-то круглый предмет.

— Ну вот, теперь мы квиты. Ты меня кормил, поил... — Домовой говорил нараспев, словно произносил давно затверженную формулу. — Пойдем я тебя отведу домой.

При свете свечей Стас различил стеклянное яйцо и сунул подарок в карман.

Утром мальчик проснулся с полной уверенностью, что видел невероятный сон. Вспомнив о подарке домового, рука невольно скользнула в карман штанишек. Нащупав холодный круглый предмет, Стас зажмурился: сон продолжался. Открыв глаза, увидел круглое хрустальное яйцо. Внутри него кружилась снежная метель, окутавшая маленький волшебный город. Стас не мог налюбоваться подарком.

С тех пор домовый часто навещал мальчика. Они бродили по ночному дому, наблюдая за его обитателями. Иногда Мирон запрещал мальчику смотреть, что происходит в чужих квартирах.

— Тыфу, паскудство какое, — плевался домовый и тащил Стаса дальше.

Однажды, пройдя бесконечные квартирные лабиринты огромного дома, они очутились в каком-то подземелье.

— Где это мы? — с любопытством спросил Стас.

— Узнаешь, — загадочно ответил домовый. В подземелье было темно, однако мальчик различил полукруглый свод стены, металлические кольца, вделанные в кирпичную кладку. Каким-то образом он научился видеть в темноте, как кошка. Но этот дар приходил к нему только с Мироном.

Поплутав по каменным коридорам, они вошли в большой зал, освещенный множеством свечей.

— Эй! Хозяин! — крикнул домовый. — Я привел его.

Перед мальчиком возник старик невысокого роста, с небольшой бородкой, одетый просто, даже бедновато. Глаза старика были пронзительные и необычайно властные. Поймав его взгляд, Стас невольно опустил веки, а домовый как-то съежился, стал еще меньше.

Все молчали.

Наконец старик заговорил:

— Ты пока иди, Мирошка, надо будет, я тебя позову.

Домовой послушно исчез.

Старик продолжал разглядывать мальчика, потом взял его за руку.

— Ты мне нужен, — просто сказал он. Стас молчал, не зная, что на это ответить. — Удивлен? Что ж, не мудрено.

Однако думаю, ты подготовлен ко встрече со мной. Я-то давно к тебе приглядываюсь. С тех самых пор, как мать твоя поселилась в этом проклятом доме. Давай-ка сядем, — продолжал он.

Стас только сейчас обратил внимание, что в зале стоят два старинных огромных кресла. Такие он видел только на картинках да в кино.

— Чтобы все объяснить, — сказал старик, — расскажу тебе одну историю. Слушай же. Произошла она лет четыреста назад. В Испании, в городе Саламанка, жил один бедный студент. Начало, — усмехнулся старик, — прямо как из сказки. Так вот, этот студент, звали его Рамирес, очень хотел разбогатеть. А как — не знал. Поговаривали, будто в заморских колониях деньги сами текли в руки. Но до колоний далеко, и кто знает, что там ждет на самом деле. «Нет, — думал он, — надо искать другие способы».

Раз, сидя в таверне, которая находилась в маленьком подвальчике на улице Святого Яго, услышал он любопытный разговор. Два собутельника беседовали вполголоса, и он стал невольно прислушиваться. Речь шла о деньгах и о каком-то человеке, имени его Рамирес не расслышал, который неожиданно разбогател. Вроде бы с помощью черной магии. В этот момент и прозвучало имя Трабзони. Рамирес насторожился. Асмо Трабзони — не то грек, не то итальянец — был одним из самых знаменитых преподавателей университета в Саламанке. Высокий, необычайно худой, с вытянутым лицом и горящими глазами, он производил впечатление человека не от мира сего. Преподавал математику и логику, но, как говорили, был силен и в географии, истории, риторике.

Спорщики наконец успокоились и, расплатившись, вышли из кабачка.

Рамирес некоторое время сидел, обдумывая услышанное. Неужели то, о чем говорили эти пьянчуги, правда?

Что ж, вполне вероятно, что он не только математик. Однако пора идти.

Смеркалось. Узкая, кривая улица была совершенно пустынна. В столь поздний час в этом месте редко можно увидеть прохожего. Неожиданно Рамирес заметил впереди на земле какой-то большой предмет. Он подошел поближе. На булыжной мостовой лежали два трупа. Он узнал в них тех самых спорщиков.

В страхе Рамирес бросился бежать. Всю ночь он не мог уснуть, размышляя о случившемся. Почему погибли эти люди? Может быть, ссора их продолжилась на улице и они схватились за кинжалы? Но ведь оба убиты ударом в спину. Значит, на них напали. Но кто? Уличные грабители?

Несколько дней Рамирес ходил сам не свой. Имя Асмо Трабзони не выходило у него из головы. Пару раз встречал он и самого ученого на университетском дворике. Тот шел ни на кого не обращая внимания, взгляды его скользил поперх голов.

Наконец после долгих колебаний Рамирес не выдержал и решил объясниться с Трабзони, а там будь что будет.

Рамирес рассказал о разговоре в кабачке, о двух трупах на

улице, о том, что хочет приобщиться к тайным наукам, много еще вздора наболтал он сгоряча.

Тот спокойно выслушал его сбивчивые речи.

— Что вы, собственно, хотите, молодой человек, — Трабзони холодно смотрел на Рамиреса, — и за кого меня принимаете?

Тот растерянно молчал.

— А хотите вы одного: золота, — неожиданно заключил Трабзони. — Что ж, естественное в вашем возрасте желание. Но я не чернокнижник, не слуга Сатаны и осыпать вас сокровищами не могу. Убирайтесь!

Сконфуженный и вконец подавленный, вышел Рамирес из кельи ученого.

Прошло несколько дней. Однажды вечером в домик, где снимал комнату Рамирес, постучали. Он открыл дверь. Дальше произошло непонятное. Он вдруг потерял сознание и очнулся в совершенно странном месте.

Огромная пещера, ярко освещенная плавающими по стенам факелами, была полна народа. Закутанные в черные рясы, наподобие монашеских, с глубоко надвинутыми на лица капюшонами, они стояли в молчании вокруг большой каменной глыбы с гладко отполированной поверхностью, представляющей собой нечто вроде алтаря. Рамирес находился рядом с камнем. Он был совершенно наг. Его крепко держали за руки двое в черных рясах. Рамиреса прошиб холодный пот.

«Ну вот и поплатился за свое любопытство», — подумал он. Сомнений в происшедшем у него не возникало — черная месса, кровавый сатанинский обряд, а он, очевидно, жертва.

Фигуры вокруг запели какую-то молитву. Рамирес узнал в ней искаженный до неузнаваемости «Патер Ностер».

Из толпы выделился высокий человек со скрытым маской лицом. В одной руке он держал кинжал, в другой перевернутое распятие.

Рамиреса подхватили и положили спиной на камень. Руки и ноги были тотчас привязаны к вделанным в камень кольцам. Холод глыбы пронизывал насквозь.

Высокий человек подошел к алтарю. Он произнес несколько латинских фраз, из которых следовало, как понял Рамирес, что его приносят в жертву дьяволу.

После этих слов высокий плюнул три раза на распятие и занес кинжал. Рамирес зажмурился: вот и настал последний час. Сжавшись, он ждал удара. Но его не последовало.

Рамирес открыл глаза и увидел, что высокий что-то разглядывает у него на бедре.

— Знак! — вдруг сказал высокий. Он ткнул пальцем в бедро Рамиреса: — Он наш!

Вокруг алтаря сгрудились черные фигуры. В этот момент Рамирес лишился чувств. Очнулся в той же пещере, рядом стоял высокий человек. Был он без маски, и Рамирес узнал Асмо Трабзони.

Впоследствии Рамирес часто думал: был ли это спектакль с заранее известным концом или все случившееся — гримаса судьбы? Но сколько бы ни размышлял, ничего определенного

сказать не мог. Иногда казалось, что все ловко подстроено еще с подслушанного разговора в таверне. Как бы там ни было, но вся дальнейшая жизнь Рамиреса круто повернулась.

Тайные знания, к которым с того дня он получил доступ, полностью изменили его мировоззрение. Теперь уже не золото привлекало его. Власть над людьми — вот что стало главной целью его жизни. Под руководством Асмо Трабзони он стал постигать азы тайных наук. Спустя десять лет (а было ему тогда что-то около тридцати) он стал вторым человеком в «черном братстве».

Старик внезапно прервал рассказ и посмотрел на мальчика.

— Ну что, интересно?

Стас молча кивнул.

— Я знал, что тебе понравится. Но ты, конечно, спросишь, какая связь между этим рассказом и тобой. Дело в том, что ты тоже отмечен тем же знаком, что и Рамирес. Он у тебя на правом плече.

Мальчик удивленно посмотрел на старика. Тот дотронулся до плеча мальчика.

— Вот здесь... Словом, ты один из нас.

— Но вы ведь злые. — Стас задумчиво смотрел на него.

— Не злые, не злые... Мы справедливые. Посмотри, кто живет в этом домишке. Ты ведь многое видел, гуляя с Мирошкой по ночам. Ну и что скажешь? Жалкие людишки... Ни в Бога, ни в черта не верят. Жрут да пьют. А мы? Мы — древние. Многие тайны нам ведомы. И лечить можем от разных болезней.

— А что дальше стало с этим Рамиресом?

Старик покосился на мальчика.

— Потом как-нибудь доскажу. Могу только сказать, что ты его прямой потомок.

Стас изумленно раскрыл глаза.

— Он же испанец, а я русский.

— Э-э, мальчик. — Старик усмехнулся. — Все смешалось на этом свете. Пойдем со мной.

Он повел Стаса по пустынным коридорам. Сзади слышалось пыхтение домового.

— Некогда на этом месте было кладбище, — продолжал рассказывать старик. — Да кладбище непростое. Похороненные здесь не умирали. Некоторых можно было оживлять на время. Вот смотри. — Он подвел мальчика к нише в стене. — Здесь лежит отставной майор Кокуев. Ну-ка, майор, подымайся.

Послышался треск, скрип, и Стасу показалось, что внезапно ожило огородное чучело. Было не только не страшно, но даже смешно смотреть на нелепую, отдаленно напоминающую человеческую, фигуру, на которой болтались какие-то лохмотья.

Старик, видимо, понял чувство мальчика и попытался оправдаться за бледный вид своего знакомого.

— Конечно, поистрепался, — ворчливо произнес он, — подновить бы не мешало, лежит тут без употребления черт-те знает сколько. А ведь когда-то орел был, сочинительством занимался.

— Он что — писатель? — спросил мальчик.

— Пописывал маленько. Очень его наши дела интересовали.

Тут много таких. В другой раз покажу. Эй, Мирошка, — позвал старик, — отведи его домой. Понравился ты мне, паренек, — удовлетворенно сказал он. — Приходи еще.

После первой встречи с таинственным стариком мальчик видел его довольно часто, но не мог понять, для чего нужен старику...

После ужасной ночи и не менее ужасного утра физкультурник Сыроватых в полном смятении чувств прибежал в родную школу. Голова его шла кругом. Похождения в подземелье, встречу с безголовым призраком еще можно было счесть за сон, но случившееся у соседа сном никак не назовешь!

«Что же делать?» — мучительно размышлял он. Кое-как проведя уроки, Сыроватых отправился к директору и попросил три дня за свой счет якобы в связи со смертельной болезнью тетки. С большим скрипом три дня были получены, и, не заходя домой, физкультурник сел в автобус и отправился в областной центр. Возвращаться в ужасный дом он сегодня не стал бы ни за что на свете.

«Пережду денька два-три, — думал он, — а там видно будет».

Отправлялся он к своему закадычному другу Гарику Коневу, ведущему широкий образ жизни.

Квартира Конева как две капли воды была похожа на квартиру Сыроватых, с той только разницей, что в ней было две комнаты. От различных вымпелов, значков, медалей и плакатов рябило в глазах.

— Сыр приехал! — заорал хозяин, увидев физкультурника.

Сыроватых поморщился, он не любил своего прозвища, но смолчал. Оглядевшись, насчитал не меньше десятка знакомых, полужнакомых и совсем неизвестных лиц мужского и женского пола. Все были навеселе. Физкультурник знал, что гулянки у Гарика идут непрерывно, поэтому предусмотрительно зашел в гастроном и купил пару бутылок портвейна, появление которых встретили с явным одобрением.

Через полчаса Сыроватых со всеми перезнакомился, повеселел, страхи отступили.

Веселье шло полным ходом. Некоторое время физкультурник крепился, но желание поделиться впечатлениями о необычных событиях, участником и свидетелем которых он был, оказалось настолько сильным, что он не выдержал и стал громко о них рассказывать. Несколько минут его слушали, потом сунули в руки полный стакан и больше не обращали на него внимания. Оскорбленный физкультурник отставил стакан в сторону и задумался. Конечно, смешно надеяться, что ему поверят. Тем более такая компания.

Он критически оглядел лица присутствующих.

Что за рожи! А он перед ними распинался.

Внезапно Сыроватых заметил, что на него пристально смотрит какой-то юнец, приглашающе кивавший на дверь кухни: поговорим, мол...

Сыроватых неохотно поднялся из-за стола, пошел на кухню, за ним последовал юнец.

- Ну, чего надо? — грубо промолвил физкультурник.
- Послушай, Сыр... — начал парень.
- Какой я тебе Сыр, Сыроватых моя фамилия.
- Ну извини, старик, я не хотел тебя обижать, дело в том, что твой рассказ меня заинтересовал. Мне кажется, ты не врешь.
- Врешь, не врешь, а ты кто такой?
- Я работаю в областной молодежке корреспондентом, стажируюсь пока. Горбатов Олег Владимирович.
- Ну что ж, Олежа, слушай, но учти: все, что я тебе расскажу, — чистая правда.

На протяжении всего рассказа физкультурника о происшествии в лифте и в подzemелье Олег недоверчиво вглядывался в него.

Сыроватых наконец понял значение этих взглядов.

- Я бы на твоём месте, если ты, конечно, настоящий журналист, а не стажер, сам бы туда отправился.
- А что, я с удовольствием, — загорелся парень.
- Вот и поезжай.
- А ты?
- У меня здесь дела, — веско заявил Сыроватых. — Записывай адрес.

8

Голавль работал заведующим небольшого обувного магазинчика. Жена его, известная в определенных кругах под прозвищем Голавлиха, руководила одним из двух городских ресторанов.

Голавлиха любила одеваться броско и вызывающе. На осуждающие замечания мужа только презрительно хмыкала. Вообще Кузьма Дамианович рядом со своей крупной, грудастой Голавлихой казался пигмеем. Даже поднаторевшие в жизни люди не могли определить, что их связывает.

Придя вечером домой с работы, Голавлиха долго стояла в прихожей с разинутым ртом, не в силах произнести ни слова. Потом она, почему-то на цыпочках, стала обследовать масштабы разрушений. Осколки посуды и стекла хрустели под подошвами итальянских сапог мадам Голавль.

— Разнес-таки, — спокойно констатировала она. Потом завопила: — Ах ты сука!

Надо сказать, это было любимым ругательством Голавлихи. Других бранных слов, которыми богат русский язык, она не признавала.

— Сука и сука, — с горечью произнесла мадам, — а я ведь тебя любила. Ну, Кузьма, увидишь у меня «кузькину мать».

Некоторое время Голавлиха металась по микрорайону, разыскивая благоверного. Долго размышляла, вызывать или не вызывать милицию. Наконец благородное чувство мести возоблудило над осторожностью.

Пришел участковый, сочувственно поцокал языком, составил протокол и отбыл.

Голавлиха осталась на пепелище одна. Плача и непрерывно

поминая собаку женского пола, принялась наводить порядок. Супруг-сокрушитель так и не появился.

Голавлиха плохо спала в эту ночь. Мережились какая-то возня на кухне, размышляла о своей горькой бабьей участи и под утро даже начала гордиться мужем.

«Нашел в себе силы, — с уважением думала она, — многие тысячи угробил, не каждый бы решился. Только бы вернулся, все прощу». Она уже жалела, что вызвала милицию. Но тут в сердце вонзилась ядовитая игла ревности. Голавлиха отчетливо видела, как ее Кузьму обнимает тощая химическая блондинка.

«Верка из отдела детской обуви, — подсказывало сердце. — Убью».

Голавлиха позвонила на работу и сказала, что заболела. Затем, даже не накинув на себя халат, принялась разбирать завалы. Разрушения оказались более значительными, чем она представляла. И дама вновь начала закипать. Часам к одиннадцати, услышав звук вставляемого в замок ключа, Голавлиха выпрямилась во весь свой довольно значительный рост и приготовилась к бою.

Каково же было ее изумление, когда вместо тощей фигуры мужа в дверях появился мужчина — большой, благообразный, бородатый, сверкающий золотом. Поняв, что перед ней стоит поп при полном параде, она взвизгнула, прикрыла свой роскошный бюст ладошками. И хотя ладошки были не маленькие, почти все прелести Голавлихи остались на виду.

Священнослужитель вздрогнул и дерекрестился.

— Жена! — свистящим шепотом произнес у него из-за спины Кузьма Дамианович.

— Женщину нужно убрать, — строгим баритоном приказал человек.

Голавлиха метнулась в спальню. Следом вошел супруг.

— Давай одевайся, — сурово сказал он.

— Что все это значит, Кузьма? — начала Голавлиха дрожащим голосом.

— Слышала, что батюшка сказал? Уматывай! — рявкнул Голавль, в экстремальные минуты он умел проявить характер. — Потом объясню.

Сбитая с толку супруга принялась поспешно одеваться.

Голавль оказался поумнее своей супруги и не побежал в милицию. Он сразу понял, что в его квартире поселилась нечистая сила, а управу на нее можно найти только в церкви. Потому и отправился в областной центр, так как в Светлом своего храма не было.

Несмотря на неурочное время, в церкви было довольно много народу.

— Где мне найти отца Авенира? — робко спросил Голавль у какой-то старухи. Та оценивающе оглядела его острыми, злыми глазками:

— Отпевать, что ли?

Голавль отрицательно покачал головой и дал бабке рубль. Лицо у той сразу подобрело. Она взяла его за руку и подвела к массивной дубовой двери.

— Здесь, касатик. — Старуха подтолкнула Головля к двери. — Стучи.

Внешний вид отца Авенира сразу же покори́л Кузьму Дамиановича. Богатая ряса, золоченый наперсный крест, густая, холеная борода внушали невольное уважение.

«То, что надо», — весело подумал Головль.

Благообразный священник оценивающе оглядел посетителя. Его помятый вид не произвел впечатления, потому батюшка сухо промолвил,

— Что вам угодно?

«Как же его назвать попочтительней?» — лихорадочно думал Головль.

Вдруг он вспомнил роман Дюма «Три мушкетера», кардинала Ришелье...

— Ваше преосвященство, — нерешительно начал он, — у меня не совсем обычная история... — При этом он извлек из кармана и положил на край стола, за которым сидел священник, запечатанную пачку зелененьких бумажек.

Глаза священника зажглись:

— Слушаю тебя, сын мой, — пропел он.

И Кузьма Дамианович начал свой рассказ.

На протяжении повествования священник пытливно вглядывался в лицо посетителя: не сумасшедший ли?

Закончив исповедь, Головль с мольбой посмотрел на благообразное лицо и промолвил:

— Не могли бы вы, ваше преосвященство, освятить мою скромную обитель? — Он все больше пользовался языком Дюма.

— Обитель? — задумчиво переспросил священник, остановив свой взгляд на зеленой пачке. — Отчего же, можно.

— В свою очередь, я, — продолжал Головль, — готов пожертвовать на строительство храма...

— Чувствую, чувствую, сын мой, что голос твой идет от сердца. — Священник сделал неувидимое движение рукой, и пачка исчезла в широком рукаве рясы. — На чем поедем? — деловито осведомился он.

— Я «на колесах», батюшка, — радостно ответил Головль, поняв, что дело на мази.

— Сегодня уже поздно, — изрек священник. — Завтра после заутрени и поедем.

Кузьма Дамианович согласно закивал.

Тем же вечером он снял номер «люкс» в лучшей городской гостинице. Потом спустился в ресторан и напился.

9

Прежде всего отец Авенир осмотрелся. Как и предполагал, квартира оказалась богатой, даже очень. Но разгром, учиненный в ней, был ужасен. Хрустальные люстры разбиты, мебель сдвинута и частью перевернута. Прекрасная горка карельской березы изрезана вдоль и поперек. Обивка диванов порвана, ковры изорваны и загажены.

Процедуру изгнания нечистой силы священник представлял

весьма туманно. Да, собственно, ни в какую нечистую силу он и не верил.

«Прочитаю «Отче наш», потом «Богородица Дево радуйся», окроплю углы святой водой, потом опять «Отче наш» — работы на час... Надо спросить его о плате».

— Хотелось бы поговорить о гонораре, — начал он.

Голавль достал из кармана красную пачку и помахал ею перед отцом Авениром.

— После окончания она ваша.

Сердце попа радостно екнуло. «Неплохо, — в восторге подумал он, — очень неплохо!» Однако искушенный отец Авенир сделал кислое лицо и демонстративно повернулся к двери.

Голавль, вздохнув, достал из кармана еще одну пачку, но уже другого цвета.

Поп удовлетворенно кивнул и принялся за дело: раздул кадило и начал махать им из стороны в сторону. Церковный аромат поплыл по квартире.

«Отче наш...» — начал он.

Зачарованный Голавль сидел в единственном уцелевшем кресле и наблюдал за манипуляциями «его преосвященства».

В это мгновение валявшийся на боку стол сам собой встал на четыре ножки. Священник от удивления раскрыл рот и замер.

— Вот! Вот! — Голавль вскочил с кресла и стал тыкать в сторону стола пальцем.

— Действительно, — недоуменно произнес священнослужитель: дело принимало непредвиденный оборот.

Он еще сильнее замахал кадилом.

Здоровенный полированный сервант, стоявший на середине комнаты, медленно со скрипом поехал на свое исконное место.

«Получается!» — мысленно поздравил себя отец Авенир.

Голавль одобрительно кивал головой. Он уже не сомневался, что не зря заплатил деньги.

Отец Авенир разошелся не на шутку, он был в своей стихии. Теперь он не читал, а произносил молитву истошно, нараспев, будто перед ним была многолюдная аудитория. Мебель сама собой двигалась на отведенные ей места.

Восторг охватил душу священника. «Чудотворец, истинный чудотворец», — ликовал он.

Внезапно в комнате потемнело. Так как на улице лил дождь и было сумрачно, оба не обратили на это внимания.

Вдруг вспыхнул пол.

Голавль с воем опрокинул кресло и выскочил в коридор. Хлопнула входная дверь, и «изгонявший демонов» остался один.

Он снова начал читать молитву. Едва произнес первое слово, как в рот ему влетел какой-то вонючий комок, оказавшийся кухонной тряпкой. Дергаясь от отвращения и страха, отец Авенир кое-как вытащил тряпку. Его стошнило. Голова раскальвалась, все тело корежило. Одна мысль билась в мозгу: выбраться, выбраться отсюда!

Поп бросился к окну и, растворив, выглянул из него. Далеко внизу различил фигурку Голавля, который, задржав голову, смотрел на свои окна. Увидев попа, он замахал рукой: беги, мол. Но тут оконные рамы с треском захлопнулись.

«Ведь на балконе должен быть пожарный люк», — вспомнил отец Авенир, рванулся в соседнюю комнату и дернул балконную дверь, она не открывалась. Схватив стул, что есть силы саданул по оконному стеклу. Стул оскочил, не оставив даже трещины.

Священнослужителя охватила полная прострация. Он поставил стул на пол и сел.

Ничего не происходило. Так сидел он минут пять, боясь пошевелиться. Все было тихо. И тут отец Авенир вспомнил про свой наперсный крест. Осторожно подняв руку, он взял его за нижний конец.

Вот этого делать не следовало. Стул вместе со священником медленно поднялся в воздух и завис под самым потолком. Внезапно стул выскочил из-под отца Авенира, и он с воплем шмякнулся на пол. Попытался пошевелиться, но неведомая сила подхватила его и грохнула об стену. Некоторое время он находился в неподвижности, вращая обезумевшими глазами. Потом его потащило вверх прямо по стене. Застыл он возле остатков хрустальной люстры. Крест валялся на полу прямо под ним. Глаза священника сосредоточились на фигурке распятого.

В это мгновение прямо из стены вышел мальчик лет двенадцати приятной наружности. Не обращая на отца Авенира внимания, он остановился на середине комнаты, подошел к распахнутой и ногой вогнал его в половицу. Страшный удар прокатился по квартире, с потолка посыпалась штукатурка, а пыль клубами повисла в воздухе. Когда она немного улеглась, мальчик поднял голову и, усмехнувшись, посмотрел на прилипшего к потолку отца Авенира. И такой у него был взгляд, что священник обреченно понял: все!

— Ну какой ты на хрен поп! — сказал мальчик стариковским тенором. — Чего ты, придурок, не в свое дело лезешь? Денег захотелось? На, получи!

Как только он это произнес, с потолка посыпались разноцветные бумажки.

Отец Авенир вторично, как жаба, грохнулся об пол.

— Тебе ли, — засмеялся мальчик, — тягаться с нами. «Ни Богу — свечка, ни черту — кочерга» — про таких как ты сказано. Убирайся отсюда!

Не помня себя от ужаса, отец Авенир бросился к входной двери. Та мгновенно открылась. Опрометью скатился он с двенадцатого этажа, выскочил из подъезда и побежал, не разбирая дороги. Он не слышал криков Голавля, не видел удивленных прохожих, озиравшихся на растерзанного и окровавленного человека с безумным лицом, в странном одеянии.

«Жив! Жив!» — билось кувалдой в голове. Пробежав сотни две метров, он споткнулся, упал в грязь да так и остался лежать в ней.

Внештатный корреспондент областной молодежной газеты Олег Горбатов трясся на заднем сиденье рейсового автобуса, направлявшегося в Светлый.

Приехав в городок, Олег долго искал нужный дом. Однообразие и убогость архитектуры поразили даже Горбатова.

«Все дома на одно лицо,— тоскливо думал он, перескакивая через лужи,— точно из спичечных коробков построены».

Наконец какой-то прохожий указал ему нужное направление. Порядком вымотавшийся Олег двинулся к цели. Внимание его привлекла толпа, стоявшая перед домом.

В машину «скорой помощи» укладывали носилки с каким-то человеком.

— Что случилось? — спросил Олег у одной старушки.

Та оглядела его с головы до ног, но ничего не ответила.

«Вот вредина, старая карга», — подумал Олег.

Он обратил внимание, что в толпе было много старух. Они шепотом переговаривались между собой и часто крестились.

Тут же метался странный гражданин лет сорока пяти, что-то бессвязно выкрикивавший и размахивавший руками.

«Пьяный,— решил корреспондент,— набрался с утра пораньше».

Не обращая внимания на сборище, Олег направился к дому. Лифт взлетел на двенадцатый этаж. Дверцы распахнулись, и он неуверенно шагнул на лестничную клетку. И тут Олег столкнулся нос к носу с высокой, крупной женщиной.

Это была Головлыха. Потрясенная всем увиденным, она, однако, ничего не могла понять. Страх, любопытство и жадность буквально раздирали ее на части. Далеко уйти от разгромленной квартиры она не решалась, однако и войти в нее было жутко. Поэтому Головлыха заняла позицию возле входной двери, ожидая (и не без оснований), что вот-вот появится милиция.

— Вы из органов? — обратилась мадам к Олегу.

Тот отрицательно помотал головой.

Женщина тотчас потеряла к нему интерес.

Олег нашел нужную дверь и стал неуверенно ковырять ключом в замочной скважине. Наконец дверь распахнулась, и он вошел в жилище мужественного физкультурника.

Итак, он на месте.

Однако что же делать? С чего начать?

Горбатов присел на тахту и задумался. Развитие событий не заставило себя ждать. На лестничной клетке послышались громкие голоса, переходящие в крик. Олег нерешительно выглянул из квартиры.

Возле двери, за которой, как рассказывал ему Сыроватых, происходили таинственные события, стояла группа людей: два милиционера, человек в штатском и истеричная женщина. Вошла именно эта гражданка.

— Многие тысячи! — надрывалась она. Представители власти внимательно слушали.

— Откройте дверь, гражданка Головлыха, — попросил один из милиционеров.

Олег, привлеченный необычностью происходящего, встал за спинами у странной группы. Наконец щелкнул последний замок, и за распахнутой дверью предстала ужасная картина. Казалось,

что по квартире пронесся ураган. Олег попытался протиснуться вперед, но тут же был остановлен громким окриком:

— Что вы здесь делаете?

— Я представитель прессы, — гордо, хотя и робко произнес Горбатов.

Все с любопытством уставились на него.

— Лейтенант Майсурадзе, проверьте-ка у представителя прессы документы, — потребовал человек в штатском.

Горбатов с готовностью протянул свое редакционное удостоверение.

— Перед нами внештатный сотрудник областной молодежной газеты, — сообщил Майсурадзе.

— Значит, внештатный? — задумчиво переспросил человек. — А откуда, интересно, пресса узнала об этом происшествии, или вы оказались здесь случайно?

Олег замялся и сказал, что приехал в гости.

— А к кому, если не секрет?

— Здесь живет мой приятель Владимир Сыроватых.

— Так-так, а где же он сам?

— Его нет в городе.

— Как же это? Друга пригласил, а сам отсутствует? Странная картина получается. А ведь вы, молодой человек, что-то знаете? По глазам вижу. Ну-ка, выкладывайте.

Властей Олег не то чтобы очень боялся, но сильно опасался. Поэтому, сначала запинаясь, но скоро войдя во вкус, повторил майору рассказ Сыроватых.

Тот внимательно слушал, потом достал блокнот и стал записывать.

— Как вы это явление называете, полтергейст?

— В переводе с немецкого — бунт духов, — объяснил Олег.

— Товарищ майор, идите-ка сюда! — позвал из комнаты возбужденный голос Майсурадзе.

— Пойдем, пресса. — Майор поднялся. — Посмотрим, что нашел бравый лейтенант.

Олег с готовностью вскочил со стула.

— Посмотрите. — Майсурадзе кивнул на пол.

Большой наперсный крест, какие носят священники, был вдавлен в доски пола. Концы креста выгнулись и торчали из досок, как заусеницы, фигурка Христа расплющилась. Только голова в терновом венке была не повреждена.

— Кувалдой, что ли, по нему били? — предположил второй оперативник.

— А ну-ка, дайте луну, — попросил майор.

Он стал внимательно разглядывать доски пола.

— Такое впечатление, что пол облили чем-то горючим, подожгли и мгновенно потушили. Краска слегка повреждена от огня.

— А потолок-то! — воскликнул Олег.

Все подняли головы.

— Действительно, вроде по нему кто-то елозил. — Майор включил в комнате свет. — И штукатурка на полу... А вот и кровь. — Он указал на бурые пятна. — Возьмите на анализ.

— Что же здесь произошло? — спросил, ни к кому не обращаясь, Майсурадзе.

— Думаю, драка.

— Возможно. — Майор попытался выдернуть крест. — Капитально забили.

Наконец он освободил его и, взвесив на руке, произнес:

— Серебряный. Заберу-ка я его с собой. А куда увезли пострадавшего? — спросил он лейтенанта.

— В химзаводскую больницу.

Пробыв в квартире еще некоторое время, милиция двинулась к выходу.

— А мне что делать? — воскликнула хозяйка.

— Разбирать завалы, — ответил майор. — Да! Советую вам сегодня переночевать в другом месте. А вы, молодой человек, что делать намерены? — обратился он к Олегу.

— Остановлюсь у Сыроватых. Постараюсь обобщить собранный материал.

— Вот как? А я вам советую: поезжайте домой.

— Но материал?

— Уезжайте домой, — повторил майор, — мой вам настоящий совет.

Чуть не плача, Олег поплелся в квартиру Сыроватых. Согрел чай, перекусил захваченными бутербродами и с горя лег спать на хозяйскую тахту. Но сон не приходил. Олег вспоминал все произошедшее, вспомнил и погнутый крест... Значит, все-таки полтергейст? Постепенно мысли его стали путаться, какие-то неясные образы замелькали перед глазами. По потолку забегали цветные огоньки. Зеленые, красные, синие, они напоминали искры от костра. Огоньки сплетались в прихотливые узоры, непрерывно менялись. Вдруг в комнате послышался какой-то шорох, и Олег понял, что он здесь не один. Страх сжал сердце, он не мог пошевелиться и заставить себя посмотреть в ту сторону, откуда раздавался шорох. Наконец повернул голову и различил маленькое существо, стоявшее у стены и смотревшее на него. Глазки существа мерцали зеленоватым кошачьим светом.

— Ты чего это вырядился, Мирон? — вдруг раздался детский голос.

— Так праздник же, — ответил карлик. — Гуляем...

Олег обвел глазами комнату. Ребенка не было. Откуда же голос?

— Здесь живет наш физрук, — продолжал детский голос, — «Сыр».

Карлик подошел поближе к тахте.

— Вот этот, что ли?

— Нет, это корреспондент, — сказал детский голос.

— Писарь, значит. — Малютка осторожно провел мохнатой лапой по лицу Олега. Тот лежал ни жив ни мертв.

— Может, возьмем его с собой?

— На кой он нам?

— Надо.

— Ну, вставай, писарь. — Малютка сильно встряхнул Олега.

Тот механически поднялся. Ноги были как ватные, в голове стоял звон.

Молотка подтолкнул его к входной двери: «Открывай, писарь!»

Олег кое-как справился с замком. Руки ходили ходуном.

Сзади его сильно толкнули, и он вылетел на лестничную площадку. Дверь с грохотом захлопнулась.

— Нажми на пуговицу, — приказал карлик, указав на кнопку лифта.

Еле передвигая ноги, Олег подошел к лифту и нажал вызов. «Нужно бежать», — мелькнула мысль. Дверцы лифта распахнулись, он вошел внутрь и, резко развернувшись, дал пинка карлику. Тот кубарем покатился по лестничной площадке. Олег быстро нажал на кнопку первого этажа. Лифт поехал вниз.

«Не догонят, — лихорадочно думал Олег. — Сейчас выскочу — и бежать из этого проклятого дома. Ведь говорил же майор, а я не послушался, дурак!» Лифт шел вниз медленнее, чем хотелось. Внезапно он остановился.

— Нам здесь выходить, — спокойно сказал детский голос. — А зачем вы Мирона ударили?

— Сволочь он, потому и ударил. — прошипел неожиданно оказавшийся рядом карлик. — Но сейчас он свое получит. — И домовой накинулся на молодого журналиста.

Несмотря на малый рост, Мирон обладал достаточной силой, выволочку несчастному он устроил внушительную. Удары так и сыпались на юношу. Олег не пытался защищаться, только закрывал голову руками.

— Ну, довольно, Мирон, — приказал детский голос.

Избиение прекратилось. Олег открыл глаза и посмотрел на домового.

— Получил, сволочь? — вкрадчиво осведомился тот. — И еще получишь, если попытаешься бежать. Будь хорошим мальчиком, слушайся старших.

— Он правильно вам советует, товарищ корреспондент, — вежливо сказал детский голос. — Ведите себя спокойно, выполняйте, что скажу, и все будет хорошо.

— Вот-вот, — подтвердил Мирон. — А теперь, писарь, позвоника сюда. — Он кивнул на обитую дерматином дверь.

Олег украдкой глянул на часы. Было около двенадцати.

— Не бойся, звони, — миролюбиво произнес домовый.

Испытывая одновременно страх и неловкость, Олег позвонил. Долго не открывали. Наконец заспанный женский голос недоброльно спросил:

— Кто там?

— Посыльный, — неожиданно для себя брякнул Олег.

— Какой еще посыльный? — переспросила женщина.

— Из органов, — уточнил Олег и еще больше удивился.

Защелкали замки и цепочки. И тут Олег почувствовал присутствие не только проклятого лилипута. Он обернулся и увидел две шкафообразные фигуры с каменными лицами.

Наконец дверь открыли. На пороге стояла немолодая женщина в ночной рубашке с заспанным, злым и плаксивым лицом.

— Уполномоченный КГБ Востоков, — изрек Олег, достал из

кармана редакционное удостоверение и помахал им перед носом женщины.

Она туло уставилась на него. «Сейчас прочтает, — ужаснулся Олег, — и все раскроется». Он быстро убрал документ, при этом мельком увидел, что это было совсем не его удостоверение — на красной коже золотом сиял государственный герб.

— Заходите, — пропела женщина. — Назар, к нам из безопасности! — крикнула она куда-то в глубь квартиры.

— Мы к вам с обыском, — четко произнес Олег, собственные слова его уже не удивляли.

Лицо женщины стало белым как мел. Она беспомощно посмотрела на появившегося в прихожей грузного лысого мужчину в полосатой пижаме.

— Что?! — мужчина взвизгнул.

— Гражданин Кочубей Назар Леонардович?! — полувопросительно, полутвердительно спросил Олег. — Вы обвиняетесь в шпионаже.

У гражданина Кочубея отвисла челюсть.

— Эх, Назар, Назар! — с упреком сказал Олег. — Допрыгался!

— Но ведь я, но ведь я... — начал тот.

— Я знаю, — веско произнес Олег. — Вы оказывали нам определенные услуги, но вели двойную игру. Теперь все выяснилось. Вы обвиняетесь в шпионаже в пользу Мальтийского ордена.

— Чего? — шепотом переспросил Кочубей.

— Не прикидывайтесь дураком! — прикрикнул Олег. — Нам все известно.

— А ордер на обыск у вас есть?! — вдруг завопила женщина.

— Молчи, дура! — крикнул Кочубей.

Не обращая на него внимания, Олег повернулся к даме.

— Анна Григорьевна Кочубей, в девичестве Анна-Амалия фон Риттер, неразоблаченный агент гестапо, в тридцать седьмом активно писала доносы, в годы войны занималась вредительством, шпионажем в пользу рейха, активный враг Советской власти.

— Рязанская я! — Грузные телеса тетки заколыхались под ночной рубашкой.

— Займитесь делами, товарищи, — бросил Олег через плечо, и все двинулись в глубь квартиры. Произнося эту чушь, Олег ловил себя на мысли, что где-то он это уже и видел, и слышал: кажется, в каком-то дурацком фильме про шпионов. Ему вдруг стало весело. Страх улетучился. Мысль о последствиях его не посещала. Было так интересно, как не бывало еще никогда в жизни.

«Вот и ладненько, — раздался чей-то голос в голове. — «Гаудеамус игигур», что значит на латыни «будем веселиться». А когда веселиться, как не в молодости?»

Олег согласно кивнул.

— Итак, гражданин Кочубей, не лучше ли сразу рассказать нам все? Чистосердечное признание, как вы знаете, может смягчить приговор. А шпионаж карается сурово.

— Клянусь партбилетом!.. — страстно начал Кочубей.

— Не смейте порочить святой документ! — заорал Олег. —

Имейте смелость сказать правду! Редкая птица, — он сбавил тон, — мальтийский шпион! Небольшое государство Мальта, однако и она протянула свои коварные щупальца к нашей Родине. А такие вот мерзавцы, — он кивнул на растерянных супругов, — им помогают, служат за тридцать сребренников. Иуды! А вы чего стоите? — обратился он к «шкафам». — Приступайте к обыску!

Обыск начался. Молодцы вспарывали диванные валики, потрошили маленькие, расшитые пестрым мулине подушки, двигали мебель, выстукивали стены. Потрясенные супруги молча наблюдали за происходящим. Олег сидел в плюшевом кресле и руководил разгромом.

— Простучите паркет, — командовал он. — Так, тут что-то есть, поднимите паркет.

Невесть откуда взялся лом. Паркетный пол с треском и хрустом подался под могучими усилиями и превратился в бесформенную груду дубовых плашек.

— К сожалению, ничего нет, — констатировал Олег.

— О-о! — завывала супруга Кочубея.

— Молчать! А ну-ка, ребята, пошуруйте в кресле!

Ребята с готовностью начали шуровать, и на свет был извлечен большой вороненый пистолет.

— «Люгер», — уверенно заявил Олег. — Вот и первая находка. Эх, Мальта, Мальта! Плохие ты готовишь кадры, хлипкие. Давеча взяли двух ребят из ЦРУ, вот это выучка. Орлы! Вмиг разгрызли ампулы с цианидом. Так поступает настоящий шпион.

Кочубей встал на колени, из глаз его полились тихие светлые слезы.

— Христом-Богом... — начал он.

Олега передернуло. Он закатил Назару Леонардовичу оглушительную оплеуху.

— Молчать, мерзавец!

В это время благоверная Кочубея запричитала.

— Меня-то за что?! Меня?!

— А вы, фрейлейн фон Риттер, хотите остаться ни при чем? — обратил на нее внимание Олег. — А ну-ка, ребята, гляньте-ка в гардеробе.

Во все стороны полетела одежда, и вскоре один из молчаливых парней протянул Олегу висевшее на плечиках полное эссесовское одеяние. Олег внимательно осмотрел его.

— Только сегодня гладили, — задумчиво изрек он. — А ну-ка, примерь, Анна-Амалия.

Та, не понимая, смотрела на Олега.

— Надень, я сказал! — заорал он.

Она стала натягивать мундир прямо поверх ночной рубашки. Глаза ее совсем обезумели. Рубашка свалилась с плеч. Олег старался не смотреть на жирные, дряблые груди. Кое-как мундир был застегнут, надеты галифе, черная фуражка с высокой тульей и черепом нахлобучена на голову.

— Красотка, ничего не скажешь, — констатировал Олег. — Ну, ладно, ты собирайся, — обратился он к Кочубею. — А за тобой, — он покосился на фрейлейн фон Риттер, — за тобой придем завтра.

Кочубей натянул поверх пижамы тяжелое зимнее пальто и двинулся к выходу. За ним вышли все остальные. Анна Григорьевна Кочубей, она же девица фон Риттер, тупо смотрела им вслед посреди разгромленной квартиры.

В лифт вошли вчетвером. Но, пока спускались, два «шкафа» исчезли. Вместо них появился Мирон. Он одобрительно посмотрел на Олега.

— Ну, писарь, — сказал он, — не ожидал!

— Он хороший юноша, — произнес детский голос, — а каждый хороший мальчик должен получать награду.

Лифт остановился. Двери растворились, но перед Олегом был не первый этаж, а какое-то подземелье.

— Пошли, — сказал домовый и мягко подтолкнул Олега вперед.

— А этот? — Горбатов вопросительно посмотрел на Кочубея.

— С нами пойдет, пригодится.

И они двинулись по гулкому каменному полу. За ними механически шлепал директор овощторга.

11

Утром следующего дня майор Тарасов отправился в больницу химзавода. Дежурная медсестра травматологического отделения на вопрос, нет ли среди пациентов некоего отца Авенира, утвердительно кивнула головой: да, есть такой, по паспорту Михаил Михайлович Швецов.

— Но увидеть его нельзя, он в бессознательном состоянии, — заявила медсестра. — Поговорите с лечащим врачом.

Лечащий врач, молодой парень, был знаком Тарасову.

— А-а, Николай Капитонович, — приветствовал он майора. — Догадываюсь, по чью душу вы явились. Попинком интересуетесь?

— Он что, избит?

— Трудно сказать. Все тело — сплошной синяк. Такое впечатление, что несколько раз падал с приличной высоты. Отбиты почки, сломан нос, других повреждений вроде бы нет. Ну, сотрясение мозга сильное.

— А как он себя ведет?

— Очень беспокойный, порывается встать, бредит беспрерывно. Упоминает Антихриста, считает, что тот его преследует. Да можете сами посмотреть. Он лежит в отдельной палате, чтобы не беспокоить больных.

Они прошли по длинному светлomu коридору в небольшую палату. На больничной койке лежал длинноволосый человек, возраст которого трудно было определить. Все лицо его представляло сплошной кровоподтек. Он что-то бормотал в бессмысленности. Тарасов наклонился, вслушиваясь.

— Антихрист... — слышался горячий шепот, — ...вселился в невинное дитя...

— Вот так все время, — пояснил врач.

— Придет ли в норму? — Тарасов серьезно посмотрел на врача.

— Придет, конечно, денька через два. Однако за психическое состояние не ручаюсь.

«Еще одна загадка, — размышлял Тарасов, садясь в служебную машину. — При чем здесь Антихрист?»

Часов в одиннадцать его вызвал начальник.

— Послушай, Николай Капитонович, — начал он без обиняков, — что это за дом такой номер тринадцать?

— А что случилось? — насторожился майор.

— Да вот еще одно происшествие в этом «веселом» доме. Пропал директор овощторга Кочубей. В восемь он должен был отчитываться о закладке овощей. Не явился. Послали на работу, говорят, не приходил. Поехали к нему домой. Звонили, стучали... Никто не открывает, а за дверью какое-то шевеление. Дверь взломали. Можешь себе представить: невероятный разгром, все перевернуто, самого Кочубея нет, а жена его сошла с ума. Называет себя каким-то немецким именем, никого не подпускает, кричит... Ее связали и увезли в психбольницу. Что там произошло, одному Богу известно. Ты бы съездил разобрался. Кочубея нужно сыскать обязательно. Поступила команда сверху. Так что давай!

Хмурый слесарь ЖЭКа открыл квартиру Кочубея. Тарасов обозрел разгром и сразу отметил разницу с квартирой Головлей. У Кочубея явно что-то искали. Пол был разворочен, спинки дивана и кресел вспороты.

— Когда же это кончится, товарищ майор? — тихо спросил слесарь. — Жильцы затерроризированы. Из квартиры выйти боятся. Второй случай в одном подъезде за два дня. Да и в соседнем подъезде у Кнутаевых черт-те что творится. Старухи рассказывают... — Он совсем понизил голос.

— Мне не интересно, что рассказывают старухи, — оборвал его Тарасов.

Слесарь обиженно замолчал. Разглядывая ковер на полу в квартире Кочубеев, майор обнаружил на нем отчетливые следы кед. «На ком же я недавно видел кеды? — попытался вспомнить он. — Еще подумал, что не по погоде. Да, на пареньке из молодежной газеты. Кстати, как он там, уехал? Надо бы проверить».

— Давайте поднимемся на двенадцатый этаж, — предложил он слесарю.

— Это к Головлям?

Майор промолчал. На двенадцатом этаже Тарасов подошел к квартире Сыроватых.

— Нет, товарищ майор, Головли вот здесь живут.

— Мне надо сюда, — сухо произнес майор и начал звонить в дверь.

Никто не открывал.

— А нет ли у вас ключа от этой квартиры? — обратился Тарасов к слесарю.

— Сейчас принесу.

Тарасов остался один. Он стал разглядывать следы на пыльном полу и в одном месте обнаружил точно такие же отпечатки

кед, что и в квартире Кочубеев. «Это становится интересным», — подумал он. Вернулся запыхавшийся слесарь. Щелкнул замок, и они вошли в квартиру физкультурника.

«Дорожная сумка парня здесь, — сразу отметил Тарасов, — и плащ из кожзаменителя тут же. Значит, он не уехал. А куда же делся? Может, выскочил в магазин?»

— Давайте немного подождем, — предложил он. — Кстати, где тут поблизости телефон?

— В квартире Голавлей. Ключ у меня есть.

У Голавлей по-прежнему царил разгром. Хозяйки не было.

— А сам Голавль не объявлялся? — спросил майор, вспомнив, что с хозяином он так и не познакомился.

— Не видать, — отозвался слесарь.

Тарасов набрал номер управления.

— Присылайте оперативную группу, — потребовал он. — Кстати, позвоните в областную молодежную газету, узнайте, появлялся ли на работе их сотрудник Горбатов.

«Пройду-ка еще раз по квартире, — подумал Тарасов, — может, что-нибудь осталось незамеченным». Он заглянул в одну комнату, в другую и снова поразился масштабам разгрома. Да! Здесь ничего не искали, ломали с остервенением, только бы разрушить. А вот и третья комната. Вид ее неприятно поразил майора. Весь потолок, углы стен были затянuty густой паутиной. Вчера этого не было.

— Что же тут у них паутины столько? — удивился следовавший за ним слесарь.

Тарасов дотронулся пальцем до паутины. Тенета были густые, как будто тут трудилась целая армия пауков.

«Меньше чем за сутки появилась», — изумился майор. Он наклонился над тем местом, куда был вдавлен крест, и увидел отпечаток, отдаленно напоминавший след копыта.

Походив по квартире еще немного, Тарасов спустился вниз и вышел на улицу. В этот момент подъехала оперативная группа.

— Так, ребята, — обратился к ним майор, — работаем в трех квартирах. Все следы, все отпечатки тщательно обработать и заснять. Приступайте.

«Эх, жаль, нет Кулика», — подумал он.

Из машины Тарасов снова позвонил в управление.

— В редакции сказали, что Олег Горбатов не появлялся, уехал в Светлый, так же ответили и дома.

— Еще одна пропажа, — упавшим голосом пробормотал майор, — и, видать, не последняя.

Дело все больше принимало неприятный оборот. Тарасов позвонил в больницу. Священник до сих пор не пришел в сознание. Другие сообщения тоже не радовали. Ни Голавль, ни его жена на работу не вышли. Куда делись — неизвестно. Не обнаружилось следов директора овощторга, не объявлялся и пропавший журналист. Не могли разыскать и Сыроватых. Ситуация была настолько запутанной, что майор не знал, что предпринять. С нетерпением ждал возвращения Кулика, и наконец после обеда тот появился.

— Ну что у вас тут происходит? — с любопытством спросил Кулик.

— А ты что-то узнал?

— Нет, давай сначала ты. — Иван усмехнулся и посмотрел на Тарасова. — По лицу вижу: есть, что сообщить.

На протяжении всего рассказа он молчал, изредка кивал головой, а услышав о событиях в квартире Голавлей, не удержался от удивленного возгласа.

— Действительно, впечатляет, — заявил он, когда майор закончил рассказ. — Ну и что же ты?

— Я в полной растерянности. Даже не знаю, с чего начать. Начальство требует результатов, а какие тут результаты?

— Ты поставил в известность, что привлек меня к этому делу?

— Пока нет.

— Итак, я расскажу о своих исследованиях, а потом сопоставим факты. Прежде всего я пошел в областное управление, хотел нащупать хоть какую-нибудь ниточку. Стал выяснять адрес Петуховой. Словом, Петуховых много, а такой нет. Думаю, пойду в библиотеку, а в какую? Короче, подался в областную, к заведующей. Отвечает: да, была такая, но давным-давно не работает.

— Ты покороче не можешь? — раздраженно промолвил майор.

— Ну что ты нервничаешь. — Кулик серьезно посмотрел на товарища. — В общем, нашел я ее. Оказалось, не Петухова, а Воробьева. Вышла замуж сразу после тех событий, кстати, за одного из участников. Пожилая, конечно, но держится неплохо. Муж ее умер, сама живет в небольшом домике на окраине. Квартиру, говорит, поменяла на этот домик. Богомольная очень оказалась старушка, все стены иконами увешаны. В общем, неплохо бабка. Но когда я начал рассказывать, зачем приехал, она переменялась.

— Не хочу, — говорит, — вспоминать о тех делах. Конечно, они мне всю жизнь переменяли и любимого человека помогли отыскать, и к вере в Господа наставили, а все равно не хочу. А Лиходеевка-то еще цела?

— Цела, — отвечаю, — только кругом дома городские.

— А кладбище? Старинное кладбище километрах в пяти от деревни?

— Так на кладбище новый микрорайон построен и дом тот, где все чудеса происходят.

Она побелела, перекрестилась.

— Это еще не чудеса. Чудеса все впереди. Лучше бы вам, молодой человек, к этому отношения не иметь. Потом долго раскаиваться будете, если чего хуже не случится.

— Что же вы, бабушка, все загадками говорите?

— Что сказала, то сказала, — ответила она. — А больше ни слова не услышишь от меня...

— Вот и все. А теперь давай по порядку. Итак, мы стали свидетелями необычного зрелища. Скажем, гипноза. Но зачем нас гипнотизировать? И для гипноза, как известно, необходимы гипнотизер и соответствующая подготовка объектов, то есть нас.

Ничего такого не было. Дальше. Ведь есть и материальные свидетельства нашего соприкосновения с неведомыми силами. Испанская монета — ведь ты ее не на улице подобрал? — каким-то образом очутилась в твоём кармане. Далее. Эти события в доме. Разгром в двух квартирах с совершенно непонятной целью. Исчезновение одних людей, физические и психические травмы — у других. Чья работа, а главное, зачем? Ответа, увы, нет.

— Ну и что? — Майор достал из кармана монету и задумчиво повертел ее в руках. — Ты ничего не объяснил.

— Моя гипотеза настолько невероятна, что ты в нее не поверишь.

— Выкладывай, коли начал.

— Дореволюционный этнограф Максимов в своей книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» рассказывал, что в старину плотники, рубившие дома нехорошему, нечестному человеку, могли сыграть с ним злую шутку. Плотники издавна слыли колдунами. Так вот, при строительстве избы они могли подвинуть первые венцы на то место, где был погребен неотпетый покойник или удушенный. В результате в доме начинали твориться разные чудеса. Раздавались голоса, требовавшие, чтобы хозяева покинули дом, летали различные предметы. В конце концов хозяев выживали из дома. Иной раз ломали избу и находили в переднем углу вбитый гвоздь от гроба, а то и сам гроб. Есть и более ранние свидетельства. Так, во времена царствования Ивана Грозного в знаменитой Александровской слободе, в пыточной избе, стали происходить странные явления. Где-то к полночи появлялся призрак одного из казненных бояр. Царь долго не верил, пока сам не убедился. Избу приказано было сжечь, а на этом месте отслужить молебен.

— Очень интересно рассказываешь, — усмехнулся Тарасов.

— Так вот, — продолжал Кулик, не обращая внимания на иронию, — наш дом стоит на огромном старинном кладбище. Видимо, некогда, может, совсем недавно, на нем творились колдовские обряды.

— А теперь мертвецы нам мстят за то, что кладбище сровняли с землей? — насмешливо спросил Тарасов. — И я должен пойти к начальству управления и попросить, чтобы в доме отслужили молебен?

— Насколько я понял, — ответил Кулик, — такой молебен уже пытались служить. Иначе почему появился отец Авенир? Главль, видимо, смекнул, что имеет дело с нечистой силой, значительно быстрее, чем мы, и обратился к нему за помощью.

— Тогда почему поп сам стал жертвой нечистой силы?

— Может, его вера недостаточно сильна? И дух наживы перечеркнул все молитвы? Кто знает...

— Ну хорошо, — подытожил Тарасов, — допустим, ты прав. Но нам-то что делать?

— Я считаю, — Кулик задумчиво посмотрел на майора, — нужно оставаться наблюдателями. Никому не сообщать о наших догадках, чтобы не прослыть сумасшедшими, вести следствие и не пытаться до определенного момента действовать.

— До какого момента?

— Не знаю. Но уверен, здесь замешаны живые люди, а не какие-то призраки. Эта Петухова-Воробьева что-то знает, но говорить не хочет. Одно я понял: все упирается в слободку — Лиходеевку...

— Сходить, что ли, туда пошуровать?..

— Ни в коем случае. Мы сможем вызвать действия противной стороны, которая нам неизвестна. А каковы ее силы, остается лишь догадываться.

— Неблагодарное занятие — выжидать. Однако я с тобой согласен. Пойдем в столовую.

— Ты, кстати, где обитаешь?

— Да в общежитии, Кнутабоевы у меня все еще живут. Матильда такой порядок навела, какого у меня в жизни не было. Да пускай живут, мне спокойнее. Значит, говоришь, нас нечистая сила обложила? — Тарасов захохотал.

Прокантовавшись сутки в областном центре, Володя Сыроватых затосковал. Замучило безделье. Пить надоело. Грызло беспокойство. Он жалел, что рассказал пацану из газеты о своих приключениях и отдал ему ключи от квартиры. Размышляя о своем поступке, он все больше приходил к выводу, что вовлек корреспондента в неприятную историю.

Позвонил в редакцию. Ему ответили, что Горбатов на работе не появлялся. Это очень обеспокоило физрука.

«Надо возвращаться, — тревожно размышлял он, — Нехорошо. Подставил парня, а сам в кусты...»

Сыроватых сел на подвернувшуюся попутку и двинулся домой. Доехал Володя без всяких приключений. Подходя к дому, он встретил своего ученика Стаса Недоспаса. Несмотря на то, что торопился, физрук остановился поговорить с мальчиком.

Как почти у всех, Стас вызывал у Сыроватых двойственное чувство. Общаясь с ним, Сыроватых наталкивался на некое сопротивление, природу которого не мог понять. Мальчик был всегда вежлив, не дерзил в отличие от большинства детей, однако на контакт шел неохотно. Физрук знал, что отца у него нет. Именно с такими детьми легче всего работать. Авторитет наставника был для них непререкаем. Но со Стасом ничего не получалось. Иногда физруку казалось, что воля мальчика сильнее его собственной. Грубоватое добродушие Сыроватых разбивалось о ледяное спокойствие Недоспаса. Стас не отказывался заниматься спортом, но не позволял, чтобы им руководили.

Вот и сейчас он натолкнулся на холодный взгляд мальчика.

— Как дела, Стас, как в школе?

— Что-то вас не видать, Владимир Петрович? — вопросом на вопрос ответил мальчик.

— Прихворнул немного, — соврал физрук.

— А-а, — протянул Стас. — А я думал, не случилось ли чего. У нас в доме такое творится...

— Что именно? — заинтересовался физрук.

— Говорят, какая-то банда грабит квартиры. Выносит все дочиستا. В нашем подъезде две очистили.

— Уж не мою ли? — тревожно спросил Сыроватых.

— Нет, до вашей еще не добрались, — произнес мальчик и как-то странно усмехнулся. — У вас, наверное, и брать-то нечего.

— Скажешь тоже. — Володя обиделся за свои спортивные реликвии. — У меня там почти музей.

— Жаль вас, — неожиданно произнес Стас. — Взрослый человек, а чепухой занимаетесь. С вашими-то способностями...

Сыроватых удивленно посмотрел на Стаса.

— Банку из-под зеленого горошка помните?

Владимир вытаращил глаза:

— Так это ты, мерзавец, ее там бросил?

— Может, и я, — спокойно ответил мальчик.

— А может, и ты представление устроил, с подземным ходом и мертвецом?

— Вы ведь искали клад? А клад был совсем рядом. — Мальчик протянул ладонь и разжал ее. На ладони блестел желтый кругляк.

— Монета? — спросил физрук.

— Золотая, их там много. А эту я вам дарю. — Стас передал кругляк физруку. Тот мгновенно схватил его.

— А теперь идите к себе, — повелительно произнес Стас, — и ждите.

Голова у спортсмена шла кругом. Сжимая монету в кулаке, он поднялся до своей квартиры...

64
Время шло, стрелки будильника подбирались к двенадцати. Уверившись, что сегодня никто не придет, Сыроватых разделся и пошел в ванную чистить зубы. Неожиданно раздался легкий стук в дверь. С зубной щеткой в руках Володя бросился к ней и выглянул на лестничную площадку. Там никого не было. «Показалось», — решил спортсмен и снова направился в ванную. Но вдруг стук повторился, и ритм ударов что-то напоминал. Азбука Морзе! Сыроватых неплохо знал телеграфный код еще с армейских времен. В его воображении всплыла зловещая картина: умирающий сосед судорожно стучит по стене, взывая о помощи. Он быстро схватил карандаш и бумагу.

«С»... — разобрал Володя, — наверное, «Сос».

Следующая буква была «Ы».

Ага, «Сыр». Его кличка. Дальше что? Снова «Сыр». Вызывает, значит. Но почему «Сыр»? Ах, да. Видимо, так короче. Хотя мог бы быть повежливее.

«Слышу», — отстучал он в ответ.

Стук ненадолго прекратился, потом возобновился.

«Это я, — расшифровал Володя, — Олег Горбатов».

«Батюшки, — изумился он. — А этот что делает в квартире соседа?»

«Ты где?» — простучал физрук.

«Не знаю», — последовал ответ.

«Что ты хочешь?»

«Сядь в лифт и спускайся вниз».

Володя насторожился.

«Чего дурака валяешь?» — простучал он.

«Погляди в зеркало», — последовал ответ.

Донельзя удивленный, Володя побежал в ванную и глянул в зеркало, перед которым совсем недавно чистил зубы.

Холодный пот прошиб его. Вместо собственного отражения из зеркала глядело лицо знакомого журналиста Олега Горбатова.

Володя вновь вбежал в комнату и простучал:

«Я никуда не пойду».

«Ты об этом пожалеешь».

«Ладно, иду».

«Чего бояться, — успокаивал себя Володя. — В прошлый раз ничего особенного не случилось, и в этот не случится. К тому же есть там родная душа — Олечка, чертила. Заберется же преска!..»

Лифт мягко поехал вниз, так же мягко остановился. Распахнулись двери. Перед ним было знакомое подземелье.

— Шагай вперед! — приказал чей-то голос.

Володя послушно двинулся по темному ходу. Впереди мелькали разноцветные огоньки, как бы указывающие путь. Внезапно физкультурник оказался в большом сводчатом зале, освещенном факелами. В центре зала в кресле сидел какой-то человек, рядом стояли двое.

— А вот и третий, — промолвил хорошо знакомый Сыроватых мальчишеский голос. — Обязательно надо, чтобы было трое. Так меня учили. — Володя пригляделся и узнал в говорившем Стаса.

«А он что тут делает?» — с испугом подумал физрук.

Внезапно в голове у него словно что-то взорвалось. Удивление исчезло, появилась безграничная покорность, желание, чтобы им повелевали, и не кто-нибудь, а вот этот мальчишка. Воля спортсмена, силой которой он так гордился, сломалась в одну минуту другой волей, неизмеримо более могучей, чем его собственная. Он понял: перед ним сидел господин, повелитель...

— Итак, все в сборе, — продолжал Стас. — Вы трое должны повиноваться мне безоговорочно и выполнять все, что я вам прикажу.

Физрук Олега узнал сразу. Во второго — пожилого, грузного, в тяжелом драповом пальто и пижамных штанах — он долго всматривался и наконец признал в нем жившего несколькими этажами ниже директора овощторга.

«Интересно, а как этот сюда попал?»

— Так же, как и ты, — ответил мальчик, — в лифте. Итак, времени у нас не много — до первых петухов. Но этого достаточно, чтобы поставить дом номер тринадцать «на уши», — употребил он выражение из школьного жаргона. — Для краткости я даю вам прозвища. Ты, — кивнул на Олега, — будешь «Писарь», так, кажется, называет тебя мой друг Мирон. Ну а Владимир Петрович, конечно, «Сыр». А этого, — Стас пренебрежительно махнул в сторону директора овощторга, — назовем... «Дятел».

— Почему «Дятел»? — подобострастно спросил Володя.

— Лишних вопросов задавать не следует! — одернул его Стас. — Однако разъясню: типчик всю жизнь стучал, потому и «Дятел».

Послышались чьи-то шаги. Физрук обернулся и увидел челове-

ка, одетого во фрак. В одной руке человек держал банку с зеленым горошком, в другой ложку.

— Для тех, кто не знает, это Мирон, — сказал мальчик. — Домовой очень любит консервированный горох, загадил тут все пустыми банками. Кстати, Владимир Петрович, об одну вы споткнулись в прошлый раз. Мирон будет вами руководить, а я осуществлять общий контроль. Временно, — инструктировал Стас, — вы получаете способность проходить сквозь стены, передвигаться вверх и вниз по своему усмотрению и быть невидимыми. Ваша задача — пугать спящее население, устраивать панику, создавать легкий разгром. Никакого физического насилия, никакого крупного материального ущерба. Веселитесь, но не хулиганьте. Сыроватых удивил лексикон мальчика. Так мог выражаться какой-нибудь сухарь-чиновник, а не школьник.

— Говорю, как умею, — вдруг сказал Стас, покосившись на Сыроватых.

Тот встал по стойке «смирно».

— Продолжаю: Мирон будет подсказывать, что нужно делать, останавливать, если что не так.

Домовой важно кивнул и скептически оглядел троицу.

— Вы-то ребята молодые и сообразительные, — Стас одобрительно глянул на Володю и Олега, — а Дятел — тугодум. Дятел, ты слышишь меня?

— Так точно, хозяин! — рявкнул директор овощторга.

— Орать ты умеешь. А вот как в деле? Ну да ладно. Вперед! — крикнул мальчик, и Сыроватых рванулся вверх.

66
Перемещаясь из квартиры в квартиру, он устраивал дебоши разной степени тяжести. Двигал мебель, заставлял летать посуду, производил громкий стук, хохотал и завывал — старался как мог. К слову сказать, больших разрушений он не причинял и физического воздействия не применял. Однако через час дом стал походить на муравейник. Напарники ни в чем не отставали, а в некоторых случаях и превосходили физкультурника. Хотя вели себя по-разному.

Назар Леонардович Кочубей действовал грубо и неаккуратно. В каждой квартире начинал с того, что разбивал зеркало, — почему-то зеркала особенно притягивали директора овощторга.

Корреспондент Горбатов бушевал изощренно и остроумно, стараясь не причинять особых разрушений. Так он довел до обморока одну старушку, беспрерывно спуская воду в туалете и издавая при этом непристойные звуки. В другой квартире проиграл на пианино похоронный марш. Вид клавиш, двигавшихся сами собой и извлекавших из инструмента печальные звуки, произвел на ее обитателей еще большее впечатление, чем вид сокрушенной мебели.

Но не каждая квартира в доме подверглась нападению. В некоторые разбушевавшихся «клеветов нечистой силы» будто что-то не пускало. Одной из таких квартир было жилище Татьяны Недоспас. Когда Олег попытался в нее проникнуть, то явственно услышал детский голос: «Сюда нельзя!»

Вакханалия длилась примерно часа полтора, потом внезапно прекратилась.

Испуганные жильцы дома номер тринадцать столпились во дворе, а сверху, с темного ночного неба, сыпал на них мелкий осенний дождик. Начали подлетать машины: милицейские, пожарные, «скорой помощи», но никто не мог толком объяснить, что же произошло в злополучном доме...

По завершении операции все ее участники снова собрались в подzemелье.

— Неплохо проделано, — подытожил Стас, — хотя на редкость грубо. Не обошлось и без рукоприкладства. «Сыр» ударил «англичанку», а я ведь приказывал: руки не распускать. Хотя она противная, — вдруг ни с того ни с сего заявил Стас. — Один раз припадочным меня назвала. Так ей и надо. И все же, — неожиданно заключил он, — она дама, учительша. — Мальчик посмотрел на Сыроватых и подмигнул ему: — Теперь дом достаточно напуган. Завтра с утра засуетятся власти. А нам только этого и надо.

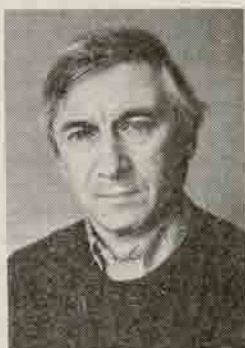
— А с нами что будет? — подал голос корреспондент.

— С вами-то? Побудьте пока у нас. В укромном уголке. Может, еще понадобится. Вы же теперь не просто люди, а отчасти чародеи. — Стас рассмеялся, но как-то невесело, по-стариковски...

Окончание следует.

Стержневой кадр

Фотографии СЕРГЕЯ ПЕТРУХИНА

68

Субъективный объект

— Первую камеру, старенький ФЭД, я купил в комиссионке на деньги, полученные за рацпредложение, — говорит фотожурналист Сергей Петрухин.

Добавим: было это тридцать с лишним лет назад, в пору, когда работал он печатником. А еще Сергей был токарем и чертежником, заканчивал вечернюю школу, ходил на выставки и в театры — в общем, жил, как многие «шестидесятники», скромно, но со вкусом!

— И потом, — продолжает Сергей, — рационализаторство вырабатывает хорошую привычку: думать и работать без суеты...

Это так. Могут подтвердить, потому что не раз в совместных командировках наблюдал за работой Сергея Петрухина. Он тщательно готовится к съемке, может часами «выслеживать» нужный кадр: не суется, не «щелкает» зряшно, напропалую. Я видел, как он

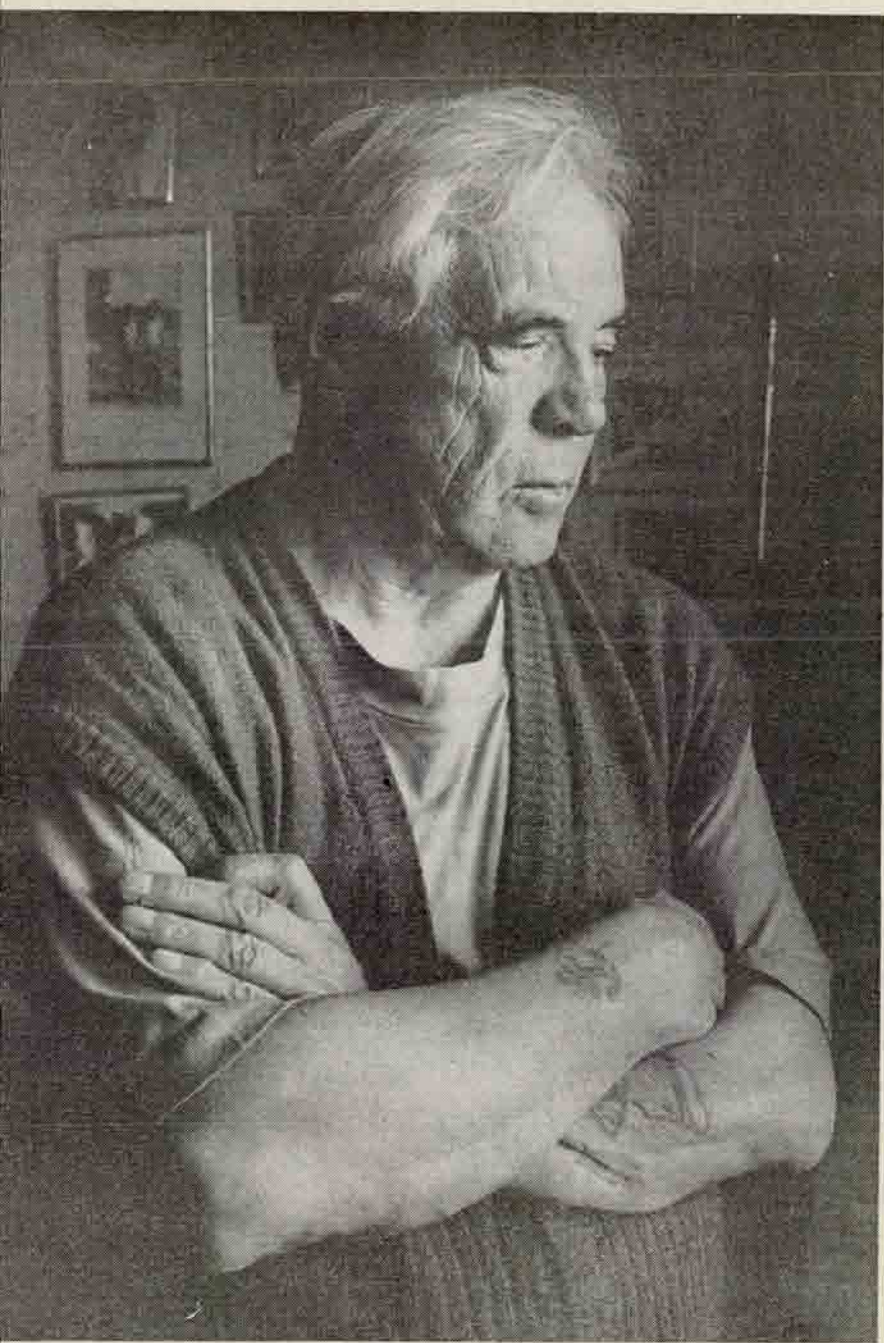
«строит» мизансцены будущей съемки на бумаге, как ходит «вокруг да около» с якобы отрешенным видом, на деле все примечая и остро чувствуя объект будущей съемки.

— Я снимаю трудно, — признается Сергей. — И вряд ли бы мог работать в газете, где необходимы быстрота, скорость... Тематическая съемка для журнала, выставочные темы — это другое. Это мое. Главное, найти стержневой кадр.

Международные престижнейшие призы, выставки в Англии, США, Франции, Буэнос-Айресе да и нынешний фотовернисаж в «Смене» подтверждают: Сергей Петрухин кадры такие с успехом находит. Он занимается своим делом.

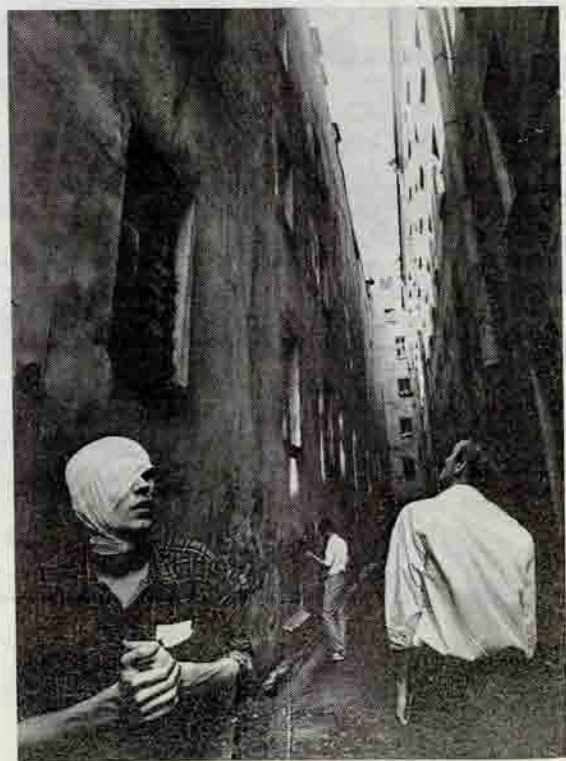
...Так что польза от рационализаторских предложений очевидна.

В. ГУРИНОВИЧ

СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД
Рисунок АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

ДЕНЬ

РОЖДЕНИЯ

Когда Джон Эндрос чувствовал, что стареет, он находил утешение в мысли о том, что его жизнь продолжается в ребенке. Мрачные трубы вечного забвения гремели тише, приглушаемые деловитым топанием дочурки или ее голоском, лепечущим в телефонную трубку невразумительные глупости. Последнее случалось ежедневно в три часа дня — жена звонила ему на службу, и эти звонки стали для него самыми радостными минутами рабочего дня.

Джон не был стар физически, но прожитая жизнь вспоминалась ему как бесконечное преодоление крутых холмов, и к тридцати восьми, одолев все болезни и нищету, он вдруг выдохся и уже не связывал с будущим особо радужных надежд. Даже любовь его к малышке была неполной.

Ее появление на свет надолго оборвало довольно частые в прошлом минуты близости с женой, и еще она оказалась главной причиной теперешней их жизни в пригороде, где за здоровый деревенский воздух приходилось расплачиваться извечными неприятностями и изнурительной каруселью ежедневных электричек.

К дочке Джона притягивала главным образом ее неистощимая энергия, наводившая на мысль о вечной юности. Он любил сажать малышку на колени, всматриваться в голубые глазки и торопливо гладить шишковатую хрупкую головку. Одарив дочку такой достаточной, по его мнению, лаской, Джон очень радовался, когда нянька забирала ее и относила в детскую. Его терпения хватало, в общем, минут на десять, потом эта бьющая через край энергия начинала раздражать, и как-то в воскресенье, когда Эд припрятала пикового туза, чем сорвала партию бриджа, он закатил такую дикую сцену, что довел жену до слез.

Этой бессмысленной злости Джон потом очень стыдился и внушал себе, что нельзя требовать от Эд, чтобы она проводила свои домашние часы в детской, поскольку, по ее словам, ребенок с каждым днем все больше превращается в «самостоятельную личность».

Маленькой Эдит было уже два с половиной, и сегодня ее пригласили на день рождения. Большая Эдит позвонила мужу на службу, и маленькая Эдит подтвердила сообщение, пронзительно завизжав в не подготовленное к такому подвоху левое ухо Джона: «...Иду на аааждение!»

— Забежишь к Марки прямо с поезда, ладно, милый? Эд будет просто прелесть в новом розовом платьеце.

Беседа завершилась ужасающим треском, означавшим, что телефон бесцеремонно швырнули на пол. Джон расхохотался и решил выбраться со службы пораньше. Перспектива детского праздника в чужом доме приятно щекотала нервы.

«С этими днями рожденья хлопот не оберешься,— думал он.— Соберется дюжина мамаш, и каждая будет глазеть только на своего беби. Детки начнут крушить все, что подвернется под руку, а потом навалятся на торт и будут таскать его руками, и каждая мамочка уйдет домой осчастливленная тем, что ее беби так выгодно отличается от других».

Настроение было хорошее, жизнь потихоньку выправлялась.

Сойдя на своей станции, Джон кивком головы отказал назойливому таксисту и побрел на холм пешком.

Одолев кирпичные ступеньки, он различил внутри дома голоса и обрадовался, что опоздал. Но тут же насторожился: возбужденные и громкие голоса никак не могли быть детскими. Ругались по меньшей мере трое, и по одному из этих голосов, перешедшему, по мере того как он вслушивался, в истерическое рыдание, он сразу опознал голос своей жены.

«Что-нибудь с Эд!» — мгновенно подумал Джон.

Их пригласили к половине пятого, но Эдит Эндрос, хитро рассудив, что новое платье произведет гораздо больший фурор на фоне уже потрепанных нарядов, пришла со своей дочкой в пять. Их глазам предстал праздник в полном разгаре. Четыре крошечные девчурки и девять таких же мальчуганов — умытые, причесанные и разряженные со всем старанием ревностного и гордого материнского сердца — топтались под музыку проигрывателя. Плясали, собственно, два-три малыша, но так как остальные ни минуты не стояли на месте, а то и дело подбегали к мамашам и, поощряемые ими, снова устремлялись в круг, то казалось, что танцуют все тринадцать.

Появление Эдит и ее дочки гости отметили нестройным хором возгласов, в которых явственно можно было разобрать: «...премиленькая, очаровательная!» Маленькая Эдит, в адрес которой эти слова предназначались, стояла, растерянно озираясь и теребя пальчиками краешки розового платица. Эдит не поцеловали — в наш век санитарии и гигиены! — ее просто пропустили из рук в руки по целому ряду мамаш, каждая из которых обязательно восклицала: «Премиленькая!» — и считала своим долгом поддержать девочку за розовую ручку, прежде чем передать ее дальше. Разделавшись с этими объятиями и восторженными возгласами, Эд немедленно пустилась в пляс и, таким образом, приняла самое активное участие в празднике.

Большая Эдит стояла возле двери и разговаривала с миссис Марки, не выпуская из виду крошечной фигурки в розовом. Она не выносила миссис Марки и считала ее вульгарной выскочкой, но Джон и Джо Марки ездили на работу одной электричкой и были в приятельских отношениях, поэтому обе женщины разыгрывали видимость теплой дружбы. Каждая постоянно упрекала другую, что та «никогда не заходит», и при встречах обе обязательно вспоминали, что надо бы им непременно пообедать вместе, а потом сходить на какую-нибудь пьесу. Но дальше этих планов дело, слава Богу, не шло.

— Ваша Эд такая миленькая, — говорила миссис Марки, улыбаясь и облизывая губы. — И такая взрослая, просто не верится...

Эдит благодарно улыбалась и думала, что она, по-видимому, имеет в виду своего Билли, который, будучи на семь месяцев младше Эд, весит на пять фунтов больше. Приняв от хозяйки чашку чая, она устроилась на диване с двумя молодыми мамашами, и началось долгожданное занятие этого дня — обязательные повествования о последних шалостях и подвигах малышей.

Так прошел час. Танцы наскучили детям, и они решили

заняться более серьезным делом: высыпали в столовую и принялись носиться вокруг стола, потом добрались до кухонной двери и облепили ее, но дверь была спасена экспедиционным войском мамаш. Оказавшись в их окружении, малыши тут же его прорвали и предприняли новый бросок в столовую, где опять повисли на уже знакомой двери. В разговорах мамаш все чаще стала повторяться фраза: «Как здесь жарко!» — и тогда все крошечные белесые брови стали вытираться белоснежными платочками. Попытались было усадить детей на колени, но они пронзительно кричали: «На пол! На пол!» — соскальзывали с колен, вырывались из рук и снова устремлялись к волшебной кухонной двери.

Эта фаза праздника завершилась одновременно с подачей угощений — огромного торта с двумя свечками и блюдец с ванильным мороженым. Билли Марки — жизнерадостный рыжеволосый крепыш с кривоватыми ножками — задул свечки и умело ковырнул большим пальцем сахарную изморозь на торте. Торт разделили на порции, и малыши жадно на него набросились, впрочем, дело обошлось без ссор. Дети вообще вели себя удивительно хорошо на этом дне рождения. Это были современные малыши, их кормили и укладывали спать строго по расписанию, поэтому характеры у них были покладистые, а лица — пышущие здоровьем; лет тридцать назад такой благопристойный праздник был бы просто немыслим.

После сладкого детей стали развозить по домам. Эдит с беспокойством взглянула на часы — время близилось к шести, а Джон все не шел. Ей хотелось, чтобы он посмотрел, как держится Эд в компании других малышей, чтобы он своими глазами убедился, какая у них серьезная, уменькая и вежливая дочка.

— Милочка ты моя, — умиленно шептала она дочке, порывисто прижимая ее к коленям. — Ты ведь знаешь, что ты милочка? Знаешь?

— Гав-гав, — произнесла вдруг Эд и рассмеялась.

— Гав-гав? — всполошилась Эдит. — Я не вижу здесь гав-гав.

— Гав-гав, — твердила Эд. — Хочу гав-гав.

Эдит проследила, куда показывает крошечный пальчик, и сказала:

— Но ведь это не гав-гав, милочка, это ме-две-жо-нок.

— Медвежонок?

— Ну да, медвежонок Билли Марки. Ты ведь не хочешь забрать у Билли медвежонка?

Оказалось, что Эд именно этого и хочет. Она вырвалась из материнских объятий, приблизилась к Билли, крепко державшему свою игрушку, и устала на него голубыми непроницаемыми глазками. Билли рассмеялся.

Эдит опять посмотрела на часы, теперь уже с явным нетерпением.

Праздник кончался. Если не считать Эд и Билли, в доме оставались двое малышей, причем один остался только потому, что спрятался под столом. «Какой же Джон эгоист, что не пришел посмотреть на дочку, — злилась Эдит. — Как он все же мало ею гордится. У других отцов нашлось время, по меньшей мере четверо пришли за своими женами и детьми».

Невеселые мысли Эдит прервал густой рев. Эд все-таки выбрала момент и завладела медвежонком Билли, рванув его из рук хозяина. Когда же тот захотел вернуть свою собственность, Эд без труда повалила его на пол.

— Разве можно так делать, Эд! — вскричала Эдит, подавив желанье расхохотаться.

К Билли приблизился Джо Марки, красивый широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. Он поднял сына и поставил его на ноги.

— Тоже мне парень называется, — весело заметил Джо. — С девчонкой не мог справиться. Тоже мне парень.

— Он не набил шишку? — встревоженно осведомилась миссис Марки, только что отделившаяся от последних гостей и вернувшаяся из колла.

— Не-е-ет, — протянул Марки. — Шишку он не набил, правда, Билли? Просто ему обидно, что его повалила девчонка.

Билли уже настолько забыл про свой ушиб, что опять стал пытаться вернуть медвежонка. Он схватил его за лапу, торчащую из-под руки Эд, крепко прижимавшей свою добычу, и потянул к себе.

— Нет, — выразительно сказала Эд.

Вдруг она положила медвежонка на пол, уперлась руками в плечи Билла и рывком повалила его.

На этот раз Билл упал менее удачно и стукнулся головой об пол в том месте, где кончался ковер, после чего помедлил, набрал побольше воздуха и заорал как зарезанный.

Началось общее смятение. Марки с криком поспешил к сыну, но его опередила жена. Она подбежала к кричащему мальшу и схватила его на руки.

— Боже мой, Билли! Какая ужасная шишка! Эту девчонку надо просто выпороть!

Эдит, бросившаяся к дочке, услышала последнюю реплику и сжала губы, чтобы не сказать чего лишнего.

— Зачем ты это сделала, Эд? — укоризненно шептала она. — Какая же ты плохая девочка!

Эд вдруг вскинула голову и рассмеялась. Это был смех победительницы, в котором слышались нотки вызова и презрения. Но, к несчастью, он оказался заразительным. Не успев даже осознать всю деликатность ситуации, Эдит расхохоталась сама, и ее смех был удивительно похож на смех дочки. Наконец она опомнилась и прикрыла рот рукой.

Лицо миссис Марки стало красным от злости и бешенства, а сам Марки, щупавший затылок сына, бросил на Эдит хмурый взгляд.

— Шишка здоровенная, — сказал он с нотой упрека в голосе. — Пойду поищу примочку.

Миссис Марки уже не владела собой.

— Не вижу ничего смешного в том, что ребенок ушибся, — выдавила она дрожащим от гнева голосом.

Эд тем временем с любопытством смотрела на мать. Она отметила ее реакцию на свой смех, и ей захотелось убедиться, всегда ли такие поступки будут восприниматься одобительно.

Воспользовавшись паузой в разговоре взрослых, девочка опять вскинула голову и рассмеялась.

Эту новую вспышку веселья у дочки Эдит встретила тем, что прижала ко рту платок и разразилась неудержимым, явно истерическим хохотом, впрочем, это была даже не истерика. У Эдит возникло странное чувство единства с дочкой, словно они вдвоем смеялись над своими недругами в их стане.

Марки искал наверху в ванной примочку, а жена его бегала по комнате, укачивая ревушего мальчика.

— Прошу вас уйти домой! — наконец не выдержала она. — Ребенок ушибся Бог знает как сильно, и если у вас недостает такта вести себя прилично, то лучше уходите домой!

— Прекрасно! — вскричала Эдит. — В жизни не видела, чтобы люди поднимали столько шума из-за...

— Убирайтесь! — в бешенстве крикнула миссис Марки. — Вот перед вами дверь, и убирайтесь обе! Я не желаю вас больше видеть в своем доме! И вас, и ваше отродье!

Эдит уже устремилась к двери, волоча дочь за руку, но при последних словах остановилась как вкопанная:

— Не смейте называть мою дочь отродьем!

Миссис Марки не ответила, она продолжала бегать по комнате, бормоча что-то под нос себе и Билли.

Эдит расплакалась.

— Конечно, я уйду, — всхлипывала она. — В жизни не видела, чтобы люди вели себя так вульгарно. Я даже рада, что ваш жирный кретин трахнулся об пол.

Джо Марки в это время как раз спускался со второго этажа и уже на первой ступеньке лестницы расслышал ее последние слова.

— Послушайте, миссис Эндрос, — произнес он сурово. — Неужели вам не понятно, что ребенок ушибся? Не мешало бы научиться вести себя прилично!

— Прилично? — рыдающим голосом подхватила Эдит. — Это вы свою жену поучите вести себя прилично. В жизни не видела более вульгарных людей!

— Она меня оскорбляет! — вскричала миссис Марки. Теперь ее лицо просто пылало от ярости. — Слышал, что она сказала, Джо? Немедленно выведи ее вон! Если она не уйдет, возьми ее за плечи и выстави!

— Не смейте ко мне прикасаться! — взвизгнула Эдит. — Я уйду, как только разыщу мое пальто.

Ослепленная слезами, она шагнула в сторону холла. Именно в этот момент дверь распахнулась и в комнату вбежал встревоженный Джон Эндрос.

— Джон! — закричала Эдит и бросилась к нему на грудь.

— Что случилось? Послушайте, что здесь, собственно, делается?

— Они... они выгоняют меня, — рыдала Эдит. — Я не могу найти свое пальто, Джон.

— Неправда, — поспешил разуверить Марки. — Никто не собирался вас выгонять. — Он обернулся к Джону: — Никто не собирался ее выгонять. Просто она...

— Что значит «выгонять»? — потребовал объяснений Джон. — Что вы хотите этим сказать и что у вас вообще здесь делается?

— Уйдем, Джон! Уйдем! — рыдала Эдит. — Я хочу уйти. Они такие вульгарные, такие грубые люди, Джон!

Лицо Марки стало еще более мрачным.

— Послушайте, вы уже не в первый раз об этом говорите. Пора бы уже успокоиться.

— Они назвали Эд отродьем.

На лице маленькой Эдит второй раз за этот день отразилось чувство единства и опять в самый неподходящий момент. Перепуганная орудиями взрослыми, она разревелась. Казалось, что нанесенное оскорбление поразило ее до глубины души.

— Чем вы, собственно, здесь занимаетесь? Оскорбляете гостей в своем доме?

— По-моему, это ваша жена всех оскорбляет, — зло возразил Марки. — И если уж на то пошло, скандал поднялся из-за вашей дочери...

Джон презрительно хмыкнул.

— Значит, вы вдобавок оскорбляете и детей? — холодно осведомился он. — Хорошее занятие для мужчины!

— Перестань с ним разговаривать, Джон, — потребовала Эдит. — Найди мое пальто.

— Значит, ваши дела и впрямь неважные, — не унимался Джон, — если приходится срывать злость на беззащитных детях.

— В жизни бы не подумал, что можно так извратить слова! — вскрикнул Марки. — Если бы ваша жена хоть на минуту унялась...

— Замолчите! — оборвал его Джон. — Вы сейчас разговариваете не с женщиной и не с ребенком.

Воцарилось молчание. Эдит шарила руками по креслу в поисках пальто, пока миссис Марки, ни на миг не спускавшая с нее пронзительного, злого взгляда, вдруг не потеряла терпение. Она положила Билли на диван, где ребенок сразу же принял сидячее положение и перестал орать, бросилась в холл и, вернувшись, молча протянула Эдит ее пальто. Затем подошла к дивану, взяла Билли на руки и, покачивая его, опять стала бурвить Эдит недобрый взглядом. Вся сцена отняла не больше минуты.

— Подумайте, какая наглость! — взорвался Марки. — Ваша жена является к нам в дом и начинает кричать, что мы, видите ли, вульгарны! Хорошо, черт побери, раз мы такие вульгарные, то и нечего к нам таскаться! Уходите отсюда немедленно!

Джон опять презрительно хмыкнул.

— Вы не только вульгарны, вы вдобавок и отъявленный хулиган, особенно когда имеете дело с беззащитными женщинами и детьми. — Он взялся за ручку двери и распахнул ее. — Пошли, Эдит!

Эдит взяла дочь на руки и вышла из комнаты. Джон презрительно покосился на Марки и собрался выйти следом за ней.

— Нет, постойте! — крикнул Марки. Он шагнул вперед, весь трясаясь от злости, и на висках его вдруг явственно проступили две здоровенные вены. — Уж не думаете ли, что вам спустят такие оскорбления?

Джон молча вышел, не затворив за собой дверь.

Плачущая Эдит пошла к дому. Убедившись, что она дошла до своей гравийной дорожки, Джон повернулся к Марки, медленно спускавшемуся по ступеням крыльца, сорвал с себя пальто и шляпу и швырнул их на дорожку.

...При первом же ударе оба грузно рухнули на землю, затем попытались встать, но опять не удержались.

Улица была пуста, и они дрались в полном молчании, если не считать их громкого и прерывистого дыхания и шлепающих звуков, когда тот или другой валился в слякоть, и это молчание еще более усугублялось загадочным мерцанием полной луны и желтым светом, исходящим из открытой двери дома. Несколько раз они валились на землю вместе, но потом выбрались на лужайку перед домом и тут разошлись врозь.

Десять, пятнадцать, двадцать минут они остервенело дрались на лужайке при лунном свете. Оба давно уже сбросили пиджаки и жилеты, молчаливо согласившись на необходимый для этого перерыв в драке, и теперь их рубашки свисали со спин драными мокрыми клочьями. Оба были избиты в кровь и уже настолько измотаны, что могли держаться на ногах, только повиснув друг на друге. Каждый очередной удар отнимал столько сил, что на четвереньках оказывались оба.

Но драка прекратилась не из-за усталости, сама бессмысленность ее еще долго заставляла бы их наносить удары. Драться они перестали потому, что, барахтаясь на земле, услышали чьи-то шаги. Они замерли, прижавшись друг к другу, словно двое мальчишек, играющих в индейцев, и лежали так, пока шаги не затихли. Тогда они с трудом поднялись на ноги и посмотрели друг на друга помутившимися, ослепевшими глазами.

— Будь я проклят, если буду еще драться, — хрипло буркнул Марки.

— По-моему, тоже хватит, — сказал Джон Эндрос. — С меня, во всяком случае, достаточно.

Они опять мрачно взглянули друг на друга, словно каждый подозревал другого в желании продолжать эту драку. Марки выплюнул из разбитого рта сгусток крови, тихо ругнулся и подобрал свой пиджак и жилет.

— Хотите зайти в дом помыться? — вдруг спросил он.

— Нет, благодарю вас, — ответил Джон, тоже подбирая пиджак. — Надо двигаться домой, а то жена станет беспокоиться. — Мокрый, как губка, и истекающий потом, он туло посмотрел на свои вещи, не веря, что всего полчаса тому назад все это было на нем надето, и нерешительно пробормотал: «Спокойной ночи...»

Неожиданно для самих себя они подошли друг к другу и пожали руки. Это рукопожатие не было ни случайным, ни бессознательным, потому что рука Джона Эндроса оказалась на плече Марки, и, легонько шлепнув его по спине, он сказал:

— Кажись, все обошлось благополучно.

— Да, благополучно... А у вас тоже все в порядке?

— Да, в порядке, слава Богу.

Джон повернул в сторону своего дома и побрел, слегка прихрамывая, с одеждой, переброшенной через руку. Когда он сошел

с узкой полоски истоптанной земли и потащился через пустырь, разделявший их дома, луна светила по-прежнему ярко. Внизу, в полумиле от него, послышался нарастающий грохот семичасовой электрички.

— Да ты просто рехнулся! — взволнованно причитала Эдит. — Я, грешным делом, подумала, что ты решил вернуться к ним, чтобы уладить это дело. Вот почему спокойно пошла домой.

— Ты хотела сама все уладить?

— Вовсе нет, я не желаю их больше видеть. Но мне показалось, что ты именно это собираешься сделать.

Разговор происходил в ванной комнате. Джон с наслаждением сидел в горячей ванне, а Эдит ловко обмазывала йодом синяки на его спине и шее.

— Надо непременно вызвать доктора, — упрямо сказала она. — У тебя могут оказаться внутренние ушибы.

Джон покачал головой.

— Маловероятно. Да и потом, доктор развонит по всему городу. Тебе не кажется, что эти детские праздники довольно варварская штука?

— Хорошо, что хоть в доме оказались бифштексы.

— При чем здесь бифштексы?

— Для твоего глаза, конечно. А ведь я, представь, чуть было не заказала говядину. Попробуй скажи, что нам не повезло.

Полчаса спустя, уже одетый, если не считать воротничка, который невозможно было застегнуть на туго забинтованной шее, Джон стоял перед зеркалом и полегоньку пробовал, может ли он двигать руками и ногами.

— Надеюсь, мне станет лучше, — задумчиво произнес он. — Наверное, я все-таки старею.

— Ты хочешь сказать, что в следующий раз его поколотишь?

— Я поколотил его и в этот раз, — заявил Джон. — Или по крайней мере мы поколотили друг друга оба. И вообще следующего раза не будет. А вот тебе совершенно ни к чему называть людей вульгарными. В следующий раз, когда ввяжешься в скандал, немедленно одевайся и уходи домой. Понятно?

— Да, дорогой, — покорно ответила Эдит. — Теперь я понимаю, что вела себя очень глупо.

Уже в холле он вдруг остановился перед дверью в детскую.

— Она спит?

— Как сурок. Но ты можешь на нее посмотреть.

Они на цыпочках вошли в детскую и вместе склонились над кроватью. Эд крепко спала в прохладной полутьме, щечки ее разругались, розовые кулачки были крепко сжаты. Джон вытянул руку и осторожно погладил шелковистые локоны.

— Спит, — озадаченно пробормотал он.

— Еще бы не спать после такого дня.

— Миссис Эндрос, — донесся из холла голос цветной служанки. — Там внизу пришли мистер и миссис Марки, они хотят вас повидать. Мистер Марки просто весь исполосован, мэм. Лицо, как сырой ростбиф. А миссис Марки прямо как безумная.

— Подумайте, какое нахальство! — вспыхнула Эдит. — Сей-

час же скажи им, что нас нет дома! Ни за что на свете не спущусь к ней!

— Нет, ты ее примешь, и примешь обязательно,— тихо, но строго сказал Джон.

— Джон...

— Ты сейчас же к ней спустишься и, более того, что бы там ни говорила эта женщина, извинишься перед ней. Ну а после можешь никогда больше с ней не видаться.

— Джон, я просто не могу...

— Тебе придется к ней спуститься, Эдит. Подумай, ей было куда труднее прийти к нам сюда, чем тебе сейчас выйти к ней.

— А ты не пойдешь? Не могу же я выйти к ней одна!

— Я спущусь через минуту.

Джон подождал, пока Эдит закрывает дверь, потом наклонился над кроватью и, подхватив дочку на руки, вместе с одеялом и простыней, крепко прижал ее к себе и уселся в кресло-качалку. Эд Шевельнулась, и он затаил дыхание, но сон ее был крепок, и через минуту она уже удобно устроила головку на стипе его локтя. Джон стал осторожно опускать голову, пока щека его не коснулась светлых локонов.

— Маленькая моя!.. — шептал он. — Маленькая... маленькая...

Только теперь Джон Эндрос понял, за что он так отчаянно дрался в этот вечер. И еще несколько минут просидел он в темноте, осторожно покачиваясь в кресле.

**Перевод с английского
ЮРИЯ РАЙСКОГО.**

«ГЕРМЕС»

ГАРАНТИРУЕТ

В предыдущем номере «Смены» (№ 5, 1994 г.) была опубликована статья президента концерна «Гермес» Валерия Неверова, в которой он рассказал о жилищной программе «Гермеса». Естественно, подобная тема — острейшая, жизненно важная для десятков миллионов семей — вызвала немедленный отклик читателей. Многие из них — акционеры «Гермеса» — уже привыкли верить этой предпринимательской структуре, на своем личном опыте убедившись в ее надежности и стабильности. Но, узнав о новом начинании «Гермеса», читатели задают один вопрос: сделает ли он то, что обещали российскому народу и не выполнили руководители государства?

На этот вопрос дают ответ сами акционеры «Гермеса». 2 марта они обсудили на своем собрании предложения руководителей АО «Концерн «Гермес», единогласно приняли следующее решение о дивидендах за 1993 год и, главное, о порядке финансирования строительства и распределения построенного «Гермесом» жилья.

ИЗ РЕШЕНИЯ СОБРАНИЯ АКЦИОНЕРОВ АО «КОНЦЕРН «ГЕРМЕС»

г. Москва

2 марта 1994 года

Выплатить акционерам АО «Концерн «Гермес» по итогам 1993 года 700% годовых на каждую акцию 1-го выпуска, проданную обществом до 2 марта 1994 года. Выплаты начать со 2 апреля.

Увеличить уставный капитал АО «Концерн «Гермес» до 111 миллиардов рублей, выпустив дополнительно 11 миллионов простых именных акций номиналом 10 тысяч рублей. После оплаты уставного капитала в 111 миллиардов рублей увеличить уставный капитал до 1111 миллиардов рублей, выпустив 10 миллионов акций номиналом по 100 тысяч рублей.

Выпустить в обращение жилищный опцион «Гермес» на предъявителя. Жилищные опционы «Гермес» продавать по номинальной стоимости. Продавать предъявителю опциона по номиналу по одной акции третьего и четвертого выпусков. При приобретении акции четвертого выпуска погашать опцион по номинальной стоимости. Разрешить участие жилищных опционов «Гермес» в лотерее на тех же условиях, что и отдельным

(не сформированным в пакеты) акциям АО «Концерн «Гермес».

Разрешить перерегистрацию владельцев акций в случае их перепродажи или передачи новому владельцу с заверением передачи прав владения любой печатью, зарегистрированной органами государственной регистрации. Новых владельцев вносить в реестр акционеров при любом их обращении в общество.

Владельцы акций имеют одинаковые права вне зависимости от срока владения акциями, в том числе по всем акциям выплачиваются одинаковые дивиденды.

Условия распространения акций АО «Концерн «Гермес» второго выпуска утвердить в следующем виде:

Способы приобретения	до 30 апреля	после 1 мая
покупка за деньги	20 000 рублей	25 000 рублей
обмен ваучеров	1 ваучер за акцию	2 ваучера за акцию
обмен на акции ТНК «Гермес-Союз»	1 акция за 1 акцию ТНК	2 акции за 3 акции ТНК
Обмен на акции «НТЦ «Гермес и К°»	6 акций за 1 акцию НТЦ	5 акций за 1 акцию НТЦ
Обмен на акции МАБ «Гермес-Центр»	1 акция за 4 акции МАБа	1 акция за 5 акций МАБа

В дальнейшем повышать курс продажи акций не менее чем на 1000 рублей ежемесячно.

92

Предоставить владельцам 500 и более акций право покупки дополнительно от 1 до 500 акций со скидкой 25% от цены продажи на момент приобретения дополнительных акций. Владельцам пакетов из 1000 шт. и более продавать акции со скидкой 30% от цены продажи без ограничения количества приобретаемых акций. Владельцам подписки на газету «Гермес» на II полугодие 1994 года предоставить право приобретения от 1 до 10 акций со скидкой 10% от цены продажи.

Курс покупки акций АО «Концерн «Гермес» до 30 апреля установить на уровне 10 000 рублей и в дальнейшем повышать не менее чем на 1000 рублей ежемесячно.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЖИЛЬЯ ДЛЯ АКЦИОНЕРОВ

На жилищное строительство направлять средства от реализации акций сверх номинальной стоимости, от продажи жилищных опционов «Гермес», а также прибыль от коммерческой деятельности концерна.

Строительство осуществлять преимущественно в престижных районах России: центрах городов Москвы и Санкт-Петербурга, в Подмосковье, свободных экономических зонах и т. д.

При утверждении проектов возводимого жилья отдавать предпочтение проектам, удовлетворяющим всем современным требованиям в области жилищных стандартов.

При выборе подрядчиков руководствоваться качеством исполнения и сроками проведения строительных работ.

ЖИЛИЩНАЯ ЛОТЕРЕЯ КОНЦЕРНА «ГЕРМЕС»

Розыгрыши построенного жилья среди акционеров АО «Концерн «Гермес» производить следующим образом (отметка в ячейке таблицы означает проведение ежегодного розыгрыша в данной категории):

пакеты акций (штук)	коттеджи	4- комн. квартиры	3- комн. квартиры	2- комн. квартиры	1- комн. квартиры
3000	•				
2000		•			
1500			•		
1000				•	
500					•
менее 500 и жилищные опционы	•	•	•	•	•

Прим.: пакеты акций могут быть переформированы в меньшие с переходом в соответствующую категорию.

В 1996 году в каждой категории разыгрывать 10% построенных квартир каждой категории, в 1997 году — 15%, в 1998 году — 20%. В сумме это составит 20% в 1996 году, 30% в 1997 году и 40% в 1998 году. Средства, вырученные от продажи остального жилья по рыночной стоимости, направлять на дальнейшее строительство. В случае превышения числом квартир числа соответствующих пакетов акций оставшиеся после розыгрыша квартиры переходят в розыгрыш по следующей категории (из категории коттеджей — в категорию 4-комнатных квартир и т. д.).

АО «Концерн «Гермес» берет на себя обязательство перед владельцами пакетов из 3000, 2000, 1500, 1000 и 500 акций обеспечить их к 1999 году соответствующими их пакетам коттеджами или квартирами, если им не повезет ранее в жилищной лотерее «Концерна «Гермес».

Установить, что после распределения призов акционеры вступают во владение квартирой в обмен на передачу прав собственности на соответствующий пакет акций обратно АО «Концерн «Гермес».

Для контроля над деятельностью акционерного общества и порядком распределения построенного жилья в срок до 31 декабря 1994 года создать наблюдательную комиссию из известных экономистов и общественно-политических деятелей России.

Членом ревизионной комиссии общества, общественной наблюдательной комиссии и независимых аудиторских служб подробно освещать в газете «Гермес» ход жилищного строительства, распределения построенного жилья, реализацию акций и жилищных опционов «Гермес».

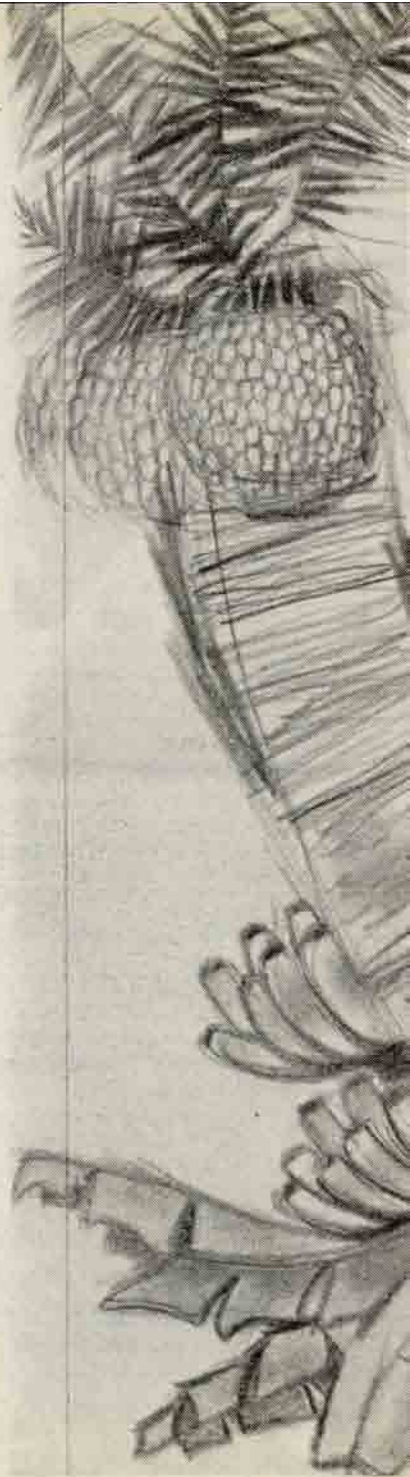
Адрес: 109180, Москва, ул. Большая Полянка, 22.

Телефоны для справок: 238-82-44, 238-85-10.

АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ

“МУЖЖ” И “БАРЫН”

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

PHIL JOHNSON

Эти люди не делали нашу историю, история делала их. Они ее плоть и кровь — с ее темпераментом и безрассудством, алчностью и бескорыстием, нелепостью и добродушием; тут и «штольцы», и «обломовы» — в одном замесе. И все это, вместе взятое, перемешанное и взбродившее, и есть тот самый национальный характер, который «аршином общим не измерить». И тем он интересен. Как интересными представляются нам два портрета людей, совершенно друг на друга не похожих, но в чем-то друг другу очень и очень близких. В чем — судить читателю.

ПРОКОФИЙ АКИНФЬЕВИЧ ДЕМИДОВ

То ли легенду здесь от правды не отличить, то ли правду — от легенды. А так как правда бывает только одна, выбирайте ее сами из двух эпизодов, рассказанных в русской истории.

По первому выходило, что у проезжавшего как-то через Тулу вице-канцлера Петра Павловича Шафирова был с собою испорченный пистолет работы знаменитого Кухенрейтера. Шафиров отдал его для починки первому же попавшемуся кузнецу Никите Демидову, а тот не только починил кухенрейтеровский пистолет, но и сладил по его образцу другой, тому нисколько не уступавший. Шафиров якобы показал работу Никиты Демидова Петру и тем составил его счастье.

По другому рассказу, сам царь, проезжая в 1696 году в Воронеж, остановился в Туле и приказал позвать к себе кузнецов, знавших ковку белого оружия. Таковых не нашлось. Явился один Никита Демидов, который и исполнил заказ царя вполне успешно. На обратном пути Петр заехал к Демидову, осмотрел его работы, расцеловал и дал денег на большое дело. И дело пошло.

Пошли и Демидовы. Акинфий Никитич оказался не только дельным промышленником — уральское горнозаводство его росло как на дрожжах, — но и разумным хозяином: восстановил судоходный путь по Чусовой, открытый еще Ермаком и потом заброшенный, устроил в тех местах хорошие сухопутные дороги и густо заселил глухие эти края до самой Кольвани. С этим вместе росли и богатства Демидовых, да так скоро росли, что в 1715 году Демидовы могли сделать родившемуся тогда царевичу Петру Петровичу «на зубок подарок», состоявший, кроме разных дорогих вещей, из ста тысяч тогдашних рублей. Сумма по нынешним временам неслыханная и с трудом представляемая. Но наживание демидовского капитала — история большая, поучительная, мимоходом не расскажешь, так что оставим ее до другого раза, куда отметим только, что главный секрет этого капитала в том, Демидовы-основатели были предпринимателями в истинно российском значении слова: они не перекупали, не перепродавали, но *делали, предпринимали дело*. Это был единственно *нравственный* путь к богатству и процветанию.

Но сегодня наш герой — потомок тех Демидовых, любивший больше тратить, чем наживать, и чем, однако, тоже можно баснословно прославиться.

Потеряв отца на тридцать пятом году жизни, Прокофий Акин-

фьевич остался обладателем такого состояния, что, как говорят, не мог с точностью определить собственных доходов. Разделившись с братьями, Прокофий Акинфьевич отправился за границу — в Голландию, Саксонию и Англию — *делать себе имя*, удивляя европейцев своим богатством и — чисто русская черта — презрением к нему. Разумеется, он ошибся, ибо европеец, издавна приученный не только уважать золото, но и поклоняться ему, принял Прокофия Акинфьевича просто за чудака, сумасброда и, уж конечно, человека ума недалекого. Впрочем, те же европейцы с удовольствием обжорствовали на лукулловых пирах, славословили его щедрость, а по пьяной лавочке сбывали ему же втридорога залежалые товары. Демидов доверху доволен был почестями, оказанными ему в Саксонии и Голландии, на что деньжищ просадил он уйму, ни об одной копейке, впрочем, не пожалев. Вот только гордые англичане испортили ему обедню, так нагло и беззастенчиво обирая русского миллионера, что вовсе и не пытались прикрывать этого внешними приличиями. Из Англии Прокофий Акинфьевич воротился обиженный и пустой. Благо что дома оставалось несметно.

Обиды, впрочем, он англичанам не забыл, а отомстить умел: скупил в Петербурге всю привезенную туда для англичан пеньку и два раза заставил английских купцов уехать с пустыми руками. Потом пеньку сбыл он другим купцам, правда, с убытком изрядным, но посрамлением спесивых англичан весьма довольный. В дальнейшем раскатывать по заграницам Прокофий Акинфьевич счел занятием скучным и предался забавам своим на российском поле.

Вот тут, дома-то, пошло-поехало как по маслу; «ндраву» Прокофия Акинфьевича никто не препятствовал, и такие, бывало, выкидывал он коленца, такие художества вытворял, что вокруг все только диву давались. Вот некоторые из запомнившихся.

У Демидова было несколько домов в Москве; однако он, не находя их удобными для своего помещения, выстроил на Басманной, близ Разгуляя, новый дом самой затейливой архитектуры и обшил его снаружи железом. Когда в соседстве случались пожары, Демидов приказывал лишь закрывать окна железными ставнями и затем продолжал спокойно заниматься своим делом, зная, что жилище его совершенно безопасно от огня. Внутренняя отделка дома была великолепна и вполне соответствовала колоссальному богатству хозяина. Масса золота, серебра и самородных камней ослепляла глаза; на стенах, обшитых штофом и бархатом, красовались редчайшие картины; зеркальные окна и лестница были уставлены редкими растениями; мебель из пальмового, черного и розового дерева поражала своей тончайшей, как кружево, резьбой; на мозаичных полах лежали ковры из тигровых и медвежьих шкур; на потолках были развешаны в золотых клетках птицы всех стран света; по комнатам гуляли ручные обезьяны, орангутанги и другие звери; в мраморных бассейнах плавали разнородные рыбы; мелодические звуки органов, искусно вделанных в стены, увеселяли слух посетителей; в столовой фигурные, серебряные фонтаны били вином — словом, Демидов

сосредоточил в своем доме всю роскошь и великолепие, которые только были доступны тогдашнему искусству и фантазии.

Необыкновенная щедрость Демидова привлекала к нему со всех сторон множество нищих, юродивых, аферистов и мошенников мелкой руки, старавшихся разными хитростями и штуками выманить у него деньги. Демидов без разбора принимал каждого просителя, вступал с ним в разговоры, выспрашивал о нужде, почти никогда не отказывая в помощи действительному бедняку, нередко помогал плуту и тунеядцу, но при этом непременно потешался и глумился над ним. Так, например, он вызывал охотников пролежать у него в доме на спине круглый год, не вставая с постели. Когда находился желающий, ему отводили особенную комнату и приставляли особых людей, которые ни днем, ни ночью не спускали с него глаз и удовлетворяли всем его требованиям относительно кушаний и напитков. Если субъект выдерживал испытание, то получал в награду несколько тысяч рублей; в противном случае его беспощадно секли и выгоняли вон. Подобным же образом, только за меньшую плату, поступал Демидов с соглашавшимися простоять перед ним целый час не мигая, в то время как он беспрестанно махал и тыкал пальцем около самых глаз их.

Некто Медер, обанкротившийся купец и вместе с тем ловкий плут, не зная, как поправить свои дела, решился обратиться за помощью к Демидову и с этой целью отправился к нему в Москву. Прокофий Акинфьевич принял Медера в одной рубашке и, не говоря ни слова, начал ходить кругом гостя, пристально осматривая его с ног до головы. Медер, приготовившийся вытерпеть все причуды Демидова, стоял как истукан, не шевелясь. Покружившись минут с пять, Прокофий Акинфьевич остановился наконец перед самым носом Медера и спросил его:

- Кто ты такой?
- Медер.
- Какое твоё ремесло?
- Я негоциант и маклер.
- Что тебе нужно?
- Видеть знаменитого Демидова, всюду прославившего свое имя добрыми делами.
- Как ты попал в Москву и откуда?
- Я приехал из Петербурга на почтовых.
- Умеешь ли ты ездить верхом?
- Умею.
- А на тебе можно ездить?
- Если хотите. Это зависит от вас.
- Ладно. Становись на четвереньки, я попробую.

Медер исполнил приказание. Прокофий Акинфьевич сел к нему на спину и велел возить себя по комнатам. Вдоволь накатавшись и порядком измучив своего импровизированного коня, Демидов остановил его и, слезая, сказал:

— Ты, я вижу, славный малый. Может быть, ты хочешь есть или пить?

— Лучше пить, — отвечал Медер. — Я всегда более чувствую жажду, нежели голод.

— А хороший ли ты питух? Какое ты вино пьешь?

— Всякое, какое мне дают.

— Отлично. Так мы начнем с пунша.

Вино было тотчас же принесено в великолепной чаше из севрского фарфора. Прокофий Акинфьевич налил два стакана и подал один своему собеседнику, но Медер с презрением оттолкнул его и, сделав недовольную гримасу, сказал:

— Я не умею так пить!

— А как же?.. Ну, пей по-своему.

Медер торжественно взял чашу, залпом опорожнил ее и потом бросил вверх, крича во все горло: «Ура! Да здравствует Демидов!» Выходка эта привела Прокофия Акинфьевича в восторг. Он вскочил из-за стола, обнял Медера, поцеловал его и сказал:

— Черт возьми! Я никак не ожидал встретить человека твоего закала. Ты мне очень нравишься; я хочу сойтись с тобою покорооче. Если ты имеешь до меня какую-нибудь просьбу, говори прямо.

Медер поспешил воспользоваться таким веселым настроением духа Демидова, объяснил ему свое горестное положение и намекнул, что десять тысяч рублей могут блистательно устроить его дела.

— Только-то! — отвечал на это Прокофий Акинфьевич и тут же подарил Медеру желаемую им сумму.

В Москве проживал один армянин, известный всем под именем «Тараса Макарыча», человек недалекого ума, страстный игрок и пьяница. Как-то он зашел к Демидову поздравить его с праздником. Прокофий Акинфьевич обрадовался верному случаю позабавиться и предложил Тарасу Макарычу сыграть в карты с условием, чтобы проигрыш последнего отмечался у него на лице углем. Тарас Макарыч, конечно, согласился. В течение игры Демидов усердно подпаивал его самым крепким вином, так что Тарас Макарыч скоро свалился на пол, мертвецки пьяный. Тогда Прокофий Акинфьевич велел принести гроб, уложил в него своего партнера, связал ему крест-накрест руки, всунул пук ассигнаций, приказал закрыть его крышкой, взвалить на дроги и отвезти к жене. Подъехав к дому, где жил Тарас Макарыч, провожатый бросил его среди двора и скрылся. На лай собак сбежались хозяйка, жильцы и соседи. Увидя разрисованного углем Тараса Макарыча лежащим в гробу, они подняли страшный вой и крики, которые наконец разбудили покойника. Можно судить, какой испуг и изумление произвело на присутствующих такое неожиданное воскресение из мертвых!

Один из заводских приказчиков Демидова попросил у него раз денег, говоря:

— Батюшка, Прокофий Акинфьевич, помогите; до того плохо приходится, хоть в петлю лезь!

— Очень рад, только сперва повесься при мне; я никогда не видал человека, который бы добровольно лез в петлю, — отвечал Демидов и упорно отказывал в пособии, повторяя: — Нет, ты

сперва потешь меня, а потом уж и я тебя: выдумка-то твоя мне больно нравится. Удружи, и я твоим наследникам хоть сто тысяч дам.

Через день он смиловался и, отдавая требуемое пособие, только прибавил:

— Вишь, какая у тебя подлая душонка; в кои-то веки, раз в жизни, задумал сделать неслыханное дело, да и то от трусости не посмел. Вперед уж лучше не хвастай, а не то я буду считать тебя за мошенника.

В прежнее время существовал закон, на основании которого войска, исполнявшие в каком-либо городе гарнизонную службу, размещались по очереди на квартирах у обывателей. Тягость постоя падала преимущественно на бедных жителей, потому что богатые откупались от нее подарками полицейским властям.

Как-то раз Прокофий Акинфьевич, рассердившись на полицейского офицера своего квартала, не послал ему обычного подарка. Полицейский, в свою очередь, желая досадить Демидову, назначил в его доме постоя для нескольких солдат. Прокофий Акинфьевич не выказал ни малейшего неудовольствия на такое распоряжение и дня через два написал полицейскому весьма вежливое письмо и убедительно просил его пожаловать к нему на обед. Полицейский, разумеется, не замедлил явиться на столь любезное приглашение. Демидов принял гости с необыкновенным радушием, отлично угостил его и к концу обеда напоил пьяным до бесчувствия. В этом виде полицейского отнесли в комнату, в которой находились только диван и огромное зеркало. Здесь его раздели донага, обрили ему голову, вымазали все тело медом, потом обваляли в пуху и оставили спать. На другой день Прокофий Акинфьевич с раннего утра был уже на ногах и, дождавшись пробуждения своего гостя, имел удовольствие сквозь замочную скважину видеть бешенство, плач и отчаяние несчастного. Насладившись этим зрелищем, Демидов отпер дверь в комнату заключенного и грозно сказал ему: «Как! ты, полицейский офицер, обязаный смотреть за общественным порядком, осмеливаешься являться ко мне в дом в таком безобразном виде?! Погоди, негодяй, я научу тебя приличию. Сейчас же отправлю тебя к губернатору и буду просить, чтобы тебя без всякого милосердия наказали за все твои мерзости!» Растерявшийся полицейский упал к ногам Демидова, со слезами просил у него прощения и клялся более никогда и ничем не тревожить его. Прокофий Акинфьевич потребовал, чтобы он подтвердил все это письменно. Когда полицейский исполнил желание Демидова, последний велел вымыть и одеть его и при расставании подарил ему парик и мешок с червонцами.

Статс-даме императрицы, графине Румянцевой, во время пребывания двора в Москве встретилась надобность в пяти тысячах рублей. Тщетно объездив своих знакомых, она наконец решилась обратиться за этой суммой к Демидову. Прокофий Акинфьевич, вообще недолголюбивавший аристократок, принял графиню чрезвычайно сухо и, выслушав просьбу, сказал:

— У меня нет денег для женщин вашего звания и происхождения, потому что мне некому жаловаться на вас, если вы не заплатите денег к сроку. Вы привыкли ставить себя выше закона, и сам черт с вами ничего не сделает!

Графиня терпеливо перенесла это оскорбление и, надеясь, что Демидов смягчится, возобновила просьбу. Прокофий Акинфьевич отвечал ей новой дерзостью, заставившей графиню вспыхнуть. Обиженная до слез, она встала и хотела удалиться, но Демидов удержал ее в дверях.

— Послушайте, — сказал он, — я готов услужить вам, но только с тем, если вы дадите мне такую расписку, какую я хочу.

Румянцева согласилась на предложение. Каково же было ее изумление, когда Прокофий Акинфьевич подал ей для подписи записку следующего содержания: «Я, нижеподписавшаяся, обязуюсь заплатить дворянину Демидову через месяц пять тысяч рублей, полученные мною от него наличными деньгами. В случае же если я сего не исполню, то позволяю объявить всем, кому он заблагорассудит, что я распутная женщина». Графиня с негодованием отказалась подписать эту бумагу.

— Как хотите, — равнодушно отвечал Демидов, — я не перемену ни одной буквы.

После многих и напрасных просьб Румянцева, крайне нуждавшаяся в деньгах и уверенная в скором получении их из деревни, подумав, решила уступить настойчивости Прокофия Акинфьевича и подписала расписку. К несчастью, Румянцева ошиблась в своих расчетах и, несмотря на все старания, не могла расквитаться с Демидовым через месяц. Дождавшись наступления срока, Прокофий Акинфьевич поехал на бал в дворянское собрание, где находилась императрица. Собрав около себя молодежь, он громкогласно прочел расписку графини. Чтение это, разумеется, произвело в слушателях взрыв смеха, который обратил внимание государыни. Заметив в кучке смеявшихся Демидова, Екатерина догадалась, что он сыграл с кем-нибудь шутку, и приказала разузнать, в чем дело. Когда ей доложили о поступке Прокофия Акинфьевича с Румянцевой, императрица сильно разгневалась, приказала ему немедленно оставить собрание, а на другой день поручила обер-полицмейстеру уплатить Демидову пять тысяч рублей и отобрать от него расписку графини.

Однажды Демидов, недовольный гордым обхождением некоторых вельмож, вздумал отомстить им и для этого пригласил их к себе на обед. Накануне назначенного дня он призвал штукатура и, под видом исправления лепной работы на потолках, велел ему устроить около каждой двери подмости. Когда приглашенные явились, Демидов повел их в столовую через все комнаты. Сановным гостям пришлось поневоле сгибаться и пролезать под мостками, а Демидов, уверяя, что это штукатур в его отсутствие без позволения начал работу, просил извинить глупого мужика в том, «что заставляет столь почтенных вельмож гнуть спины, прежде чем попасть в столовую».

В другой раз, при проезде через Москву какого-то важного лица, Демидов сделал в его честь большой обед, на который

позвал более ста человек; но важное лицо перед тем самым обедом прислало сказать, что не может приехать потому, что отозвано к генерал-губернатору. Взбешенный Демидов приказал втащить в столовую свинью, посадил ее на почетное место и в течение всего обеда сам служил ей. Свинья, пораженная видом многочисленного общества и новостью своего положения, страшным образом хрюкала и рвалась, а Прокофий Акинфьевич подносил ей самые дорогие кушанья, кланялся в пояс и приговаривал:

— Кушайте, ваше сиятельство, на здоровье, не брезгайте моим хлебом и солью, век не забуду вашего одолжения.

Граф Панин, благоволивший к тогдашнему московскому вице-губернатору Собакину, просил императрицу назначить его сенатором на открывшуюся вакансию. Демидов, находившийся с Собакиным в ссоре, старался всячески помешать этому назначению, но просьба Панина была, конечно, улажена, и Собакин получил звание сенатора. Прокофий Акинфьевич, рассерженный неудачей, чтобы досадить Панину, прибил к воротам своего дома картину, на которой были изображены две фигуры: одна — в старинном парике и костюме, обыкновенно носимом Паниным, а другая — поразительно похожая на Собакина. Внизу картины огромными буквами красовалась следующая надпись: «Собакин архи-парикмахер, только что возвратившийся из Парижа, предлагает свои услуги почтеннейшей публике. Адресоваться к г. Панонину». При этом слог «но» был так замазан грязью, что с первого взгляда никто не мог его разобрать.

Выходка Демидова была донесена до сведения императрицы: она хотела было наказать Прокофия Акинфьевича, но Панин сам уговорил ее не обращать на это внимания. Демидов, однако, не удовольствовался этим и распространил при дворе несколько стихотворных пасквилей насчет Панина и Собакина. Такая дерзость вывела императрицу из терпения; она приказала собрать и отправить все пасквили к московскому генерал-губернатору с повелением сжечь их через палача в присутствии Демидова. Когда Демидову была объявлена резолюция государыни, он попросил только, чтобы ему заблаговременно дали знать, где и когда будет исполнен приговор. В назначенный день он откупил все квартиры, выходившие окнами на площадь, среди которой должно было совершаться аутодафе, приготовил в этих квартирах обильные завтраки, пригласил на них своих многочисленных знакомых и явился сам с хором песенников и двумя оркестрами музыкантов. В то время как палач жег пасквили, Прокофий Акинфьевич пировал со своими приятелями под громкие и веселые звуки музыки. Шутка эта, разумеется, навлекла на Демидова негодование императрицы. Он получил высочайшее повеление в двадцать четыре часа оставить Москву и ехать на жительство в дальние деревни. Прокофий Акинфьевич испугался, просил прощения и поспешил умиловить государыню пожертвованием значительной суммы денег в пользу казны.

В одно прекрасное и жаркое июньское утро Демидову пришла фантазия прокатиться в саних и насладиться зимним путем. Для этого он закупил всю находившуюся в Москве соль и велел посыпать трехверстное пространство аллеи, которая соединяла его подмосковное имение с почтовой дорогой. Проехавши два раза по импровизированному снегу между ошипанных за большие деньги берез, представлявших аксессуары вымышленной зимы, Прокофий Акинфьевич, весьма довольный, возвратился домой и через минуту уже позабыл о своей оригинальной прогулке. Соль, истоптанная копытами тройки, сделалась достоянием всякого, кто хотел ее подобрать. А так как продукт сей был изрядно дорог, то санный путь в малое самое время опять обратился в летнюю дорогу.

Однажды зять Демидова попросил его к себе на завтрак. Демидов послал к нему вместо себя поросенка. Зять, изучивший хорошо его характер, принял поросенка с почетом, накормил досыта и доставил обратно в своей карете. Довольный поступком зятя, Прокофий Акинфьевич велел нарезать поросенка, набил шкуру его золотом и отправил в подарок дочери.

Увидя как-то, что садовник дотронулся голыми руками до особенно любимого им померанцевого дерева, с большим трудом и хлопотами перевезенного из Италии, Демидов приказал тотчас же его срубить и сжечь, говоря, что оно «загрязнилось». То же самое сделал он с дорогой каретой, выписанной из Англии, во внутренность которой на его глазах вошел кучер, желавший стереть пыль с бархатных подушек.

104 Демидов ездил по Москве не иначе как цугом, в колымаге, окрашенной ярко-оранжевой краской. Цуг состоял из двух маленьких лошадей в корню, двух огромных в середине, с фореитором столь высокого роста, что длинные ноги его тащились по мостовой. Ливреи лакеев вполне гармонировали с упряжью; одна половина была шита из золотого галуна, другая — из самой грубой сермяги, одна нога лакея была обута в шелковый чулок и лакированный башмак, другая в онучи и лапоть. Когда вошло в моду носить очки, Демидов надел их не только на свою прислугу, но даже на лошадей и собак.

Сыновья Демидова воспитывались в Гамбурге, где прожили много лет; возвратясь в Россию, они почти не умели говорить по-русски и хотя потом выучились родному языку, однако удержали навсегда иностранный выговор. Демидов почему-то не любил сыновей, обходился с ними крайне жестоко и, когда они переженились, отдал в их распоряжение только небольшую подмосковную деревушку, имевшую всего тридцать душ. Нищенское положение сыновей Демидова сделалось известным императрице, которая приказала Прокофию Акинфьевичу выделить им более приличную и достаточную для их содержания часть. Демидов купил им по тысяче душ и вместе с тем запретил показываться к себе на глаза, объявив, что постарается после смерти своей оставить им «одни стены да стрелы».

Дочерей своих Прокофий Акинфьевич выдал за фабрикантов и заводчиков; но одна из них осмелилась сказать ему, что пойдет замуж не иначе как за дворянина. Тогда Демидов велел прибить к воротам своего дома доску с надписью, что у него есть дочь-дворянка, и потому не желает ли кто из дворян на ней жениться? Случайно проходивший в это время мимо чиновник Станиславский первый прочел оригинальное объявление, явился к Прокофию Акинфьевичу, сделал предложение и в тот же день был обвенчан с его дочерью. Каждой из дочерей при замужестве Демидов делал значительный денежный подарок, хотя в рядной записи и писал, что назначает в приданое денег лишь 99 рублей 99 копеек. Это обстоятельство дало им впоследствии повод начать против братьев тяжбу, длившуюся многие годы и известную под названием «Пирамидовского дела».

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ТОЛСТОЙ

Людьми этого рода старая Россия «другие народы и государства», уж верно, перецеголяла. Числили их у нас по ведомству чудодеев, оригиналов, игроков и дуэлянтов, ёр-забияк и — тут без этого никак — гомерических пьяниц. Но даже эта, довольно просторная, согласитесь, «классификация» герою нашему оказывается не впору и трещит по швам. Речь, конечно, идет о графе Федоре Ивановиче Толстом, известном в истории русского XIX века под именем Толстого-Американца. Жизнь его подобна бурлеску, феерична, а в известном смысле даже блистательна.

С умом острым и пылким, силою недюжинной и храбростью безрассудной природа вложила в него все необходимое, чтобы в яркой пестроте российского бытия он занял бы то место, которое он занял, и оставил по себе память, какой не оставил никто из его коллег по ремеслу чудачеств и авантюр, к чему и время, и почва тогда, надо сказать, весьма располагали, и что так тонко замечено было писателем:

«Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие юродства, — говорит Герцен и продолжает: — В петушьем крике Суворова, как собачьем папуге князя Долгорукова*, в диких выходках Измайлова**, в полудоб-

* Долгоруков М. М. (1794—1841) — отставной капитан гвардии, был выслан «за буйство и неистовство» в 1831 году в Вятку, потом переведен в Пермь, потом еще дальше — в Верхотурье. Накануне отъезда туда дал богатый обед, накормив гостей неслыханным пирогом. Когда остались одни корки, Долгоруков обратился к гостям и сказал: «Не будет же сказано, что я, расставаясь с вами, что-нибудь пожалел. Я велел вчера убить моего Гарди для пирога». Гости искали глазами знакомую всем датскую собаку; ее не было. Князь догадался и велел слуге принести бранные остатки Гарди, его шкуру; внутренность была в пермских желудках. Полгорода замерло от ужаса.

** Измайлов Л. Д. (1764—1834) — генерал, рязанский предводитель дворянства, прославившийся жестокостью и самодурством по отношению к своим крестьянам.

ровольном безумии Мамонова* и в буйных преступлениях Толсто-го-Американца я слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием и направлена на что-нибудь другое. <...> Один взгляд на наружность этого старика (Герцен встречался с ним в конце его жизни. — А. К.), на его лоб, покрытый седыми кудрями, на его сверкающие глаза и атлетическое тело показывал, сколько энергии и силы было ему дано от природы. Он развил одни буйные страсти, одни дурные наклонности. <...> Он буйствовал, обыгрывал; дрался; уродовал людей, разорял семейства лет двадцать сряду, пока, наконец, сослан был в Сибирь, откуда «вернулся алеутом», как говорит Грибоедов...»

Прервем здесь цитату, потому что именно здесь Герцен ошибая (в чем — речь впереди), а Грибоедов привнес лишку чужих грехов, тогда как к концу жизни Толстому и своим-то было не замолить. Каким же было начало странной этой жизни?

Федор Иванович Толстой родился 6 февраля 1782 года, где — сведений не имеется, что само по себе для старинной и знатной фамилии крайне странно. Впрочем, Сергей Львович Толстой, самый, надо сказать, кропотливый биограф и исследователь этой жизни, сын Льва Николаевича Толстого, приходившегося, заметим здесь кстати, герою нашему двоюродным племянником, полагает, что родился Федор Иванович в имении своих родителей, в Кологривском уезде Костромской губернии, где, делает вывод автор исследования, «он запасся хорошим здоровьем и там же, в атмосфере крепостного права, его буйный нрав развевывался вовсю, сдерживаемый разве только его отцом, человеком военным, следовательно, знакомым с дисциплиной».

Что до «здоровья» и «буйного нрава» — тут ни прибавить, ни убавить, а вот касательно дисциплины, буйный этот нрав якобы сдерживавшей, здесь либо скрытая ирония, либо явный перебор, потому как дисциплина, с которой генерал-майор Иван Андреевич Толстой был, без сомнения, знаком, сыну впрок не пошла, в чем тоже не может быть сомнений, и дальнейшая его жизнь — тому доказательство, а свидетельства современников, при всем их разнообразии, поразительно единодушны в одном: эту жизнь повелевали иные силы.

Популярнейший в свое время писатель и крупный журнальный деятель, известный сегодня, впрочем, больше доносами, Фаддей Венедиктович Булгарин, был, однако, отличнейший мемуарист, которому не откажешь ни в наблюдательности, ни в тонком понимании современников. По его словам, Толстой был «человек эксцентрический, т. е. имел особый характер, вышедший из обыкновенных светских форм, и во всем любил одни крайности. Все, что делали другие, он делал вдесятеро сильнее. Тогда было в моде *молодечество*, а граф Толстой довел его до

* Дмитриев-Мамонов М. А. (1788—1863) — сын фаворита Екатерины II, наследовавший грандиозные его богатства. С 1817 года вел необычный образ жизни, никому не показываясь, даже камердинеру. Над ним учредили опеку. Он прожил еще 46 лет и умер от ожогов, случайно подпав на себе рубаху, смоченную одеколоном.

отчаянности. Он поднимался на воздушном шаре вместе с Гарнером и волонтером пустился в путешествие вокруг света вместе с Крузенштерном».

Впрочем, все по порядку, если, конечно, таковой сколько-нибудь возможен в беспутной и беспорядочной этой жизни. С самого начала, с первых шагов все пошло в ней наперекосяк, все «не как у людей»: получив образование в Морском корпусе, он почему-то вышел в гвардию, в Преображенский полк, и скоро весьма, правда, своеобразно украсил его историю. 9 сентября 1798 года Толстой, как значится в полковой книге, «из портупей-прапорщиков произведен в офицеры» (заметим — шестнадцатилетним), а полгода спустя бесчисленные дуэли, крупная и нечистая игра, скандалы, учиняемые этим отроком, и шутки его, кончавшиеся порой драматически, заставили сделать в полковой книге другую запись — о выписке Толстого в Вязьмитинский гарнизон.

К этому времени относится знаменитое, но не до конца выясненное дело о дуэли его с Дризенем. По словам современника, Толстой «наплевал на полковника Дризена», а зная стиль Федора Ивановича, надо полагать — в буквальном смысле. Неизвестно, которым по счету был этот поединок шестнадцатилетнего бретёра и повесы и чем он закончился — был ли Дризен ранен или убит, начав собою мрачный мартиролог, более всего прочего сделавший Толстого знаменитым и более всего прочего омрачивший память отпетой этой головушки?.. Дело, надо сказать, темное. Есть несколько не совсем, впрочем, внятных сведений о том, будто бы за эту дуэль Толстой был разжалован в солдаты, что при трагическом исходе ее было бы легким наказанием, но как согласить это с тем достоверным фактом, что вскоре после дуэли Толстой оказался на борту крузенштерновской «Надежды» и совершил первое русское кругосветное плавание — «в чине поручика гвардии и в мундире Преображенского полка»?

По чьему произволу долженствующее наказание заменено почетнейшим поручением сопровождать русскую дипломатическую миссию в качестве, как значится в судовой роли, «молодого благовоспитанной (ирония судьбы!) особы» — ответить невозможно. Легче сообразить, каким все-таки ветром сию «благовоспитанную особу» занесло на борт «Надежды»: та самая ирония судьбы, столь часто ему сопутствующая, и здесь себя оказала. А дело в том, что в Морском корпусе Федор Иванович Толстой воспитывался вместе с двоюродным своим братом, известным впоследствии художником-медальером, скульптором и графиком Федором Петровичем Толстым. Так вот он, Федор Петрович, моряк, а не Федор Иванович, пехотинец, наряжен был в экспедицию Крузенштерна. В самый последний момент оказалось, однако, что моряк не выносит качки, а пехотинец вполне к ней приспособлен. Оставалось только заменить отчество в судовой роли — «Петрович» на «Иванович». Полагают, впрочем, что без могущественной руки наверху такое дело и так живо не сладить. Но, так или иначе, один Федор был избавлен от качки, другой — от наказания.

7 августа 1803 года, взяв ветер и оставив за кормой Крон-

штадт, «Надежда» вышла в море. 14 ноября пересекли экватор, и ветер южного полушария впервые надул паруса российского судна и впервые подхватил андреевский флаг. А 3 марта 1804 года «Надежда» благополучно миновала мыс Горн.

Имя Федора Ивановича Толстого мы не найдем в истории географических открытий, но пребывание его на борту «Надежды» оставило по себе память, дошедшую и до нас. А казалось бы, где здесь, в замкнутом корабельном пространстве, найдет выход оторванный от родной почвы неуемный темперамент? Но именно здесь, в экзотических широтах, начинает множиться и набирать очки сомнительная слава нашего героя.

Когда 7 мая 1804 года «Надежда» бросила якорь у берега Нука-Хивы, самого крупного острова Маркизского архипелага, на борт поднялся король, темнокожий благообразный человек лет около 50-ти. На нем не было ничего, кроме пояса; Федор Иванович смотрел на короля с немым изумлением, но не непривычная нагота черного тела поразила его: король был татуирован с ног до головы!.. Каким уж там манером, через толмача ли, но тотчас же в каюту Толстого был доставлен некий туземец. О результатах этого визита мы узнаем позже из рассказа племянницы Федора Ивановича:

— Ну-ка, Американец, — сказал дедушка Андрей Андреевич, — покажи нам грудь и руки.

Федор Иванович растегнул свой черный сюртук и снял большой образ св. Спиридония в окладе. (Этот образ он постоянно носил на груди.) Он был весь татуирован: в середине, в кольце сидела большая пестрая птица, кругом были видны какие-то красно-синие закорючки. На руках змеи, дикие узоры. Потом мужчины увели его наверх и раздели догола. Все его тело было татуировано...

По понятным причинам здесь обрывается рассказ юной племянницы нашего героя; нам же остается домыслить полную картину и убедиться, сколь славно потрудились тогда умелец с острова Нука-Хива, а от себя добавить, что король острова, поразивший своим видом Толстого, и в дальнейшем не был обойден его вниманием. К удивлению всей команды, Федор Иванович очень скоро выучился общаться с ним без посредства толмача: Толстой берет щепку и, поплевав на нее, как это делают, натаскивая щенков, бросает ее в море; затем громко командует: «пиль!», «апорт!». Король бросается в воду, плывет, подхватывает щепку зубами и преподносит ее «хозяину»... Интересно, были ли тогда в туземном языке слова, подобные русским «озорничать» и «безобразничать»?.. И ведь ничего, обходилось, потому как, рассказывают, на другом острове очарованные Федором Ивановичем туземцы предлагали ему быть их царем... Какие уж там забавы белого человека покорили дикое племя — мы не знаем, но то, что инстинкты российского крепостника или американского индейца в нем взыграли — это вряд ли: ведь то же примерно самое проделывал Толстой и с равными себе русскими. Сохранился рассказ, переданный Вяземским:

Старичок корабельный священник был слаб на вино. Федор Иванович напоил его до сложения риз и, когда священник как

мертвый лежал на палубе, припечатал его бороду сургучом к полу казенной печатью, украденной у Крузенштерна. Припечатал и сидел над ним; а когда священник проснулся и хотел приподняться, Федор Иванович крикнул: «Лежи, не смей! Видишь, казенная печать!» Пришлось бороду подстричь под самый подбородок.

Но сколько мог добрый и выдержанный Иван Федорович Крузенштерн сквозь пальцы смотреть на забавы этой «молодой благовоспитанной особы», приписанной к дипломатической миссии? Когда терпение истощалось и шутки переходили все мыслимые и немыслимые границы, приходилось сажать под арест. Проку, впрочем, и тут не выходило: отсидев свое, Толстой принимался за прежнее, только еще более изощряя буйную свою фантазию. Рассказов на этот счет сохранилось множество; вот один из них.

Был на корабле ловкий, умный и переимчивый орангутанг. Однажды, когда Крузенштерн отплыл на берег, Толстой затащил орангутанга в его каюту, открыл тетради с его записями, положил их на стол, сверху положил лист чистой бумаги и на глазах обезьяны стал марать и поливать чернилами чистый лист. Обезьяна внимательно смотрела. Тогда Федор Иванович снял с записок замазанный лист, положил его к себе в карман и вышел из каюты. Орангутанг, оставшись один, так усердно стал подражать Федору Ивановичу, что в один миг уничтожил все записи Крузенштерна.

Нужно ли удивляться, что тут уж терпение и доброго Ивана Федоровича не выдержало: он приказал не то что списать — высадить Толстого на первый же остров.

Им оказалась одна из русских колоний в Америке. Нимало не смутившись столь крутым оборотом событий, Толстой — теперь уже можно сказать Американец — объездил все Алеутские острова, ухитрился как-то пересечь пролив, высадиться на Камчатке и через Петропавловский порт сухим путем воротиться в Россию, где, впрочем, был встречен отнюдь не с распростертыми объятиями: до Петербурга дошло уже донесение Крузенштерна о «подвигах» сего Робинзона на российский манер. У Петербургской заставы Американец был остановлен, минуя столицу, прямым ходом отправлен в Нейшлотскую крепость и одновременно приказом переведен из Преображенского полка в тамошний гарнизон, тем же, однако, чином — поручиком, где прослужил более двух лет — от конца 1805-го до 1808 года и выбрался оттуда благодаря Шведской войне.

Он попал адъютантом к командиру Сердобского отряда князю Долгорукову, но, по свидетельству современника, «сберегался для отчаянных предприятий», каковое, впрочем, не заставило себя ждать, и 15 октября за храбрую вылазку, стоившую шведам огромных потерь, Толстой был возвращен в Преображенский полк, где, в свою очередь, ему тотчас же удалось отличиться.

С несколькими казаками Толстой проделал отчаянный и невероятный по дерзости марш по шведским тылам, разведав путь для неожиданной атаки. Его донесение дало возможность Барклаю де Толли перейти по льду Ботнический залив и с трехтысяч-

ным отрядом занять Вестерботнию. Об этом рассказано у Михайловского-Данилевского в «Описании Шведской войны 1808—1809 гг».

Кажется, здесь должна была открыться блестящая военная карьера человека, по всему судя, для войны и рожденного, да, видно, другой демон, посильнее, сидел в нем.

Преображенский полк стоял в Парголове. По обыкновению, вечером несколько офицеров собрались у Толстого. Играли. В избе было жарко; офицеры сняли мундиры. Толстой держал банк. Прапорщик Александр Нарышкин, любимец полка, молодой красивый офицер, покупая карту, сказал: «Дай туза». Граф положил карты на стол, засучил рукава рубахи и, выставив кулаки, улыбаясь, сказал: «Изволь!» («Дать туза» — значит ударить; отсюда слово «тузить»). Нарышкин бросил карты и со словами: «Постой же, я дам тебе туза!» — взял мундир и вышел из комнаты.

Обидная двусмысленность каламбура была столь очевидна, что офицеры убедили Федора Ивановича извиниться и даже письменно объявить, что он не имел намерения обидеть Нарышкина. Но тот отвечал, что решение его стреляться непреклонно, что всякому другому он простил бы, но от дуэлянта, привыкшего властвовать над людьми страхом, терпеть оскорбления не намерен. Непреклонен остался он и выйдя к барьеру:

— Знай, что если ты промахнешься или выстрелишь в воздух, то я убью тебя, приставив пистолет ко лбу. Пора тебе кончить!

— Когда так, так вот тебе! — отвечал Толстой, протянув руку, выстрелил и понал Нарышкину в бок. Рана была смертельна.

Разжалование в солдаты и Выборгская крепость — ничтожная, согласитесь, цена за молодую жизнь, а там, как ни парадоксально, опять война выправила карьеру безумца повесы.

В 1812 году Толстой не был уже военным, частным лицом жил в Калужском своем имении, войну встретил ратником Московского ополчения, а к Бородину заслужил уже Георгия IV степени.

О встрече с ним после Бородина есть весьма интересная и характерная — для образа нашего героя — запись Ивана Петровича Липранди: «28-го, до рассвета, отправляясь из Можайска с квартирными к Крымскому броду и обгоняя бесчисленные обозы, я услышал из одного экипажа голос графа. Я подъехал к нему. Он был ранен в ногу и предложил мне *мадери*».

Великолепен этот союз «и» в последней фразе! Сам того, должно быть, не сознавая, мемуарист дал нам *манеру* и, если угодно, *стиль жизни* Толстого-Американца.

Чрезвычайно ценными — на этот раз в биографическом смысле — представляются нам и несколько строк, данных в качестве авторского примечания к «Дневнику партизанских действий» Д. В. Давыдова: «Находясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он (Толстой) был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услышал знакомый голос и свое имя. Обернувшись, он в гряде раненых с трудом мог узнать графа Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт

с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника».

Должно быть, этот эпизод все же предшествовал предыдущему (сначала Толстого везли с поля боя на общей *подводе* с другими ранеными, когда он окликнул Ермолова, и потом уже он ехал в *экипаже*, встреченный Липранди), так ли, иначе, но — было Бородино, была рана, был, наконец, чин полковника, исходатайствованный ему А. П. Ермоловым, с которым, как теперь выясняется («услыхал знакомый голос и свое имя»), Толстой был знаком; похоже — коротко.

Итак, война миновалась. В ореоле героя прежние грехи Толстого померкли; он был даже в большой моде у дам. Но, поселившись в Москве, в Староконюшенном, отставным полковником и завидным женихом, он с новой страстью, с энергией человека, только что прошедшего по краю жизни и счастливо не сорвавшегося с этого края в бездонную пропасть... принялся за прежнее. Опять была та самая жизнь — по пословице: из огня да в полымя, от дождя да под купель, из кулька да в рогожку. Ровесники его, товарищи бывшие по оружию, умудренные войной и прозревшие в европейских походах, желали перестраивать мир, готовились выйти на площадь под картечь отечественных пушек, с которыми дошли до Парижа, он же «знал одну, но пламенную страсть».

Страстей, впрочем, было две: игра и дуэли. В том и другом поразительное легкомыслие сочеталось с какой-то смертельной расчетливой холодностью, полным попранием норм морали и законов человеческого общежития. Жизнь Толстого полностью опровергает марксов тезис о том, что нельзя жить в обществе и быть от общества свободным. Жизнь эта была *преступно свободна*. Искусство убито и искусство разорять он довел до совершенства. Иные его дуэли и карточные дела похожи на ловко закрученные литературные сюжеты, которые по фантастичности их мы и могли бы числить таковыми, если бы их реальность не была подтверждена перекрестно проверенными свидетельствами современников.

Один из них рассказывает, что на холостой пирушке приятель Толстого, известный кутила и небезобидный острослов, безразборной остротой оскорбил некоего молодого человека и был вызван им на дуэль. Озадаченный и отчасти сконфуженный, он поведал об этом Американцу, который метал банк в соседней зале. Толстой спокойно передал кому-то метать, встал, вышел в другую залу и, подойдя к оскорбленному молодому человеку, ни слова не говоря, дал пощечину. Стреляться решено было тотчас же. Тройки, привезшие на пирушку цыган, поскакали за город с противниками и секундантами. Через час Толстой вернулся, скинул шубу, шепнул приятелю своему, что стреляться ему теперь нет надобности, и продолжал спокойно метать банк.

Как говорит биограф Американца Сергей Львович Толстой, версию этого же самого рассказа он слышал от своего отца, Льва Николаевича: якобы приятель Американца сообщил ему, что только что вызван на дуэль, и просит его быть секундантом. Толстой, разумеется, соглашается. Дуэль назначена на другой

день в 11 часов утра, и уговорено, что приятель заедет к Толстому в 10 часов, чтобы вместе ехать на место дуэли. В условленное время он был у Толстого, но застал его спящим.

— Для чего ты меня будишь? — спросонья спросил Толстой.

— Позволь, разве ты забыл, что обещал мне быть секундантом?

— Это уже не нужно, — ответил Толстой. — Я его убил.

Оказалось, что накануне, не говоря ни слова своему приятелю, Толстой вызвал его обидчика, условился стреляться в 6 утра, убил его, приехал домой и лег спать.

Тут, однако, приходится усомниться. Нет, не в правоте той или иной версии, а в том, что речь идет не об одной, но о двух дуэлях, в обстоятельствах весьма схожих. Человеку, для которого чужая жизнь ничто, одной дуэлью меньше, одной больше — это не счет: ни от него не убудет, ни к нему не прибавится. Тем более если верить, что Толстой был разжалован 11 раз, по числу учиненных им смертей, то самих дуэлей, надо полагать, было больше, и значительно, — чаще случалось, что после дуэли противники ехали вместе завтракать.

Вторая страсть, и тоже всепоглощающая, была игра. В отличие от дуэли здесь можно было «передернуть», что в игре Федор Иванович почитал искусством. На чей-то вопрос: «Ведь ты играешь наверняка?» — Толстой, со свойственной ему и достаточно циничной откровенностью, отвечал: «Только дураки играют на счастье». Будучи как-то в благодушном настроении, он отказал своему знакомому С. Г. Волконскому метать ему банк:

— Нет, мой милый, я вас слишком люблю для этого. Если мы будем играть, я увлекусь привычкой исправлять ошибки фортуны.

Впрочем, говорили, и, думается, не без оснований, что Федор Иванович просто был искуснейший игрок, потому и предпочитавший азартные игры, что в них характер игрока дает преимущества над противником и побеждает самое счастье. Толстой, человек, по единодушным свидетельствам, умный и проницательный, разгадывал характер и игру партнера, по его лицу узнавал, к каким мастям или картам он прикупает, в то время как своим лицом владел безукоризненно.

Со слов современника известен рассказ о том, как Толстой сошелся с Павлом Воиновичем Нащокиным. Шла адская игра в клубе; наконец все разъехались, за ломберным столом остались только Толстой с Нащокиным. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что партнер должен ему заплатить двадцать тысяч.

— Нет, я их платить не стану, — сказал Нащокин, — вы их записали, но я их не проиграл.

— Может быть, это и так, — отвечал граф, — но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это вам.

С этими словами он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и прибавил:

— Он заряжен. Заплатите или нет?

— Нет.

— Я вам даю десять минут на размышление.

Нащокин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал: — Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка: вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полицию вам придется заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление. Какой же вам расчет меня убивать?

— Молодец! — крикнул Толстой и протянул ему руку. — Наконец-то я нашел человека!

Конечно, нашел: темперамента и страстей Павлу Воиновичу было не занимать, а уж в неизбывном русском «почудить» новому другу своему Нащокин не уступал, и, соединившись вместе да разгулявшись на пару, шуму и страху нагоняли они не в одних московских клубах. Бывало, с толпой охотников, со сворой собак прикатят к незнакомому помещику, велют поставить палатки в саду или среди двора, и пошла писать губерния — хмельной пир гремел неделями, а хозяева и прислуга только Бога молили о помощи да боялись попадаться на глаза.

А что до дела питейного, тут один другому и малого бы не соврал, сказав, что «прикончил столько бутылок, сколько и в руках не удержать». Оба были «питухами» отменными, а Федор Иванович состоял к тому же и членом шуточного «Ордена Пробки», объявившего нешуточную войну трезвости, и в славной, надо сказать, компании — Вяземского, Дениса Давыдова, Василия Львовича Пушкина, Батюшкова. На веселых их пирушках дым стоял коромыслом и слава гремела...

В 1821 году произошло чудо — Федор Иванович женился. Кажется, тут бы и остепениться. Но не остепениться, не угомониться человеку этому было не под силу да и не по чину. И женитьба эта сама вышла не по правилам общества и времени — на таборной цыганке, увезенной от хора певице Авдотье Максимовне Тугаевой; да и жили две вольные эти души не венчаны. Конечно, коли не Федор Иванович, не знали бы мы сегодня об Авдотье Тугаевой ни словечка, но если бы не она, то, возможно, беспорядочная череда непутевой его жизни оказалась бы много короче.

А вышло так, что игравший всегда наверняка Толстой проигрался в пух и в Английском клубе должен был быть выставлен на «черную доску» за неплатеж суммы, надо сказать, весьма значительной, что и послужило причиной единственного, как казалось, решения покончить все разом — застрелиться. Видя возбужденное и мрачное состояние своего господина, чуткая подруга его стала допытываться, выспрашивать: что да что.

— Не лезь ты ко мне, — грубо оборвал Федор Иванович, — чем ты можешь мне помочь? Выставят меня завтра на «черную доску», я этого позора не переживу. Убирайся.

Авдотья Максимовна не отставала, а, визнавав, каковы эти деньги, уехала и к утру воротилась с потребною суммой.

— Откуда у тебя эти деньги? — удивился Федор Иванович.

— От тебя же. Мало ты мне дарил? Я все прятала. Теперь возьми их, они — твои.

Что тут мог сделать Федор Иванович? А ничего — к венцу.

А когда Пушкин поведет к венцу свою Наталью Николаевну,

помянем мы и свата его — Федора Ивановича Толстого. Но этому будут предшествовать события драматические, несколько раз — на самом краю необратимой трагедии...

Рассказывают (и это очень похоже на правду), что среди партнеров Толстого оказался однажды молодой Пушкин. По обыкновению, Толстой метал и, по обыкновению, передернул. Пушкин заметил ему это. «Да я и сам знаю, — отвечал Толстой, — но не люблю, чтобы мне это замечали». И продолжал метать. Есть сведения, что Пушкин был намерен стреляться, но какие-то обстоятельства обратили острый момент в шутку, и в конце концов кончилось тем, что ко времени отъезда Пушкина в южную ссылку они расстались приятелями, даже короткими. Но черт догадал Толстого где-то, красного словца ради, обмолвиться, будто Пушкин за дурное поведение был отвезен в Тайную канцелярию и там высечен. По счастью, дурная эта шутка дошла до Пушкина, когда он был уже в ссылке. Задержишься он в Москве, вызов был бы неминуем, а что могло произойти — подумать страшно. Но «бывают странные сближенья»: Пушкин уехал, а Толстой, как *Сильвио*, оставил за собой свой выстрел... Южная ссылка сменилась северной, и только в 1826 году, возвращенный Николаем, Пушкин оказался в Москве, и в первый же день, будучи еще в дорожном платье, поручил С. А. Соболевскому ехать к Толстому с вызовом... Толстого тогда в Москве не случилось.

Позже, с огромными усилиями, соперников помирили.

114 Существует несколько версий относительно того, почему Толстой пошел на примирение. Боялся быть убитым или раненым — отчего же раньше никогда этого не боялся? Щадил жизнь Пушкина? Холодность его к подобным сантиментам известна. Не хотел неминуемого разрыва с людьми, дружбой которых дорожил — Вяземского, Жуковского, Грибоедова?.. Можно гадать, а можно оставить эту загадку неразгаданной. Главное, примирение оказалось прочным, а отношения сложились добрыми. Свидетельство тому — эта записка, адресованная Толстому: «Сей час узнаем, что ты здесь, сделай милость, приезжай. Упитые винами, мы ждем одного тебя». Записка написана рукой Вяземского, подписи под ней: Бологовский. Пушкин. Киселев.

Итак, в жизни Пушкина Федор Иванович Толстой сыграл роль далеко не последнюю. Но, выходит, не только в жизни...

Конечно, люди, замеченные современниками, так или иначе переходят на страницы воспоминаний, и, конечно, неудивительно, что Федор Иванович Толстой занял законное свое место в русской мемуаристике. Удивительно, что этого самого человека мы без труда найдем и в отечественной нашей литературе, причем в роли куда более значительной, чем в воспоминаниях современников. «С кого Пушкин писал Зарецкого?» — теперь это не вопрос, а ответ, в котором не может быть сомнений. Секундант Ленского, хотя и злой, но портрет с натуры: «некогда буян, картежной шайки атаман, глава повес, трибун трактирный, теперь же добрый и простой отец семейства холостой». Был, заметим это тоже, и эскиз к портрету: «В жизни мрачной и презренной Был он долго погружен, Долго все концы вселенной

Осквернял развратом он. Но, исправясь понемногу, Он загладил свой позор, И теперь он — слава Богу — Только что картежный вор».

Что — зло? А почему, собственно, должно быть иначе? Ведь неправды здесь нет, но сходство есть, и такое, что оригинал портрета и не думал спорить, а ответил, заметим, в том же тоне: «Примером ты рази, а не стихом пороки, И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки».

То, что Толстой не обозлился за этот выпад на Пушкина, свидетельствует о его уме. Но еще более красноречив пример с Грибоедовым; строчки из монолога Репетилова всем памятливы: «А голова, какой в России нету, — Не надо называть, узнаешь по портрету: Ночной разбойник, дуэлист, В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, И крепко на руку не чист...»

— Зачем ты обо мне написал, что я крепко на руку не чист? — встретив Грибоедова, спросил Толстой. — Подумают, что я взятки брал. Я взятку отродясь не брал.

— Но ты же играешь нечисто, — заметил Грибоедов.

— Только-то? — ответил Толстой. — Ну ты так бы и написал.

Разговор этот, рассказанный Львом Николаевичем Толстым сыну Сергею, имел неожиданное и блестящее продолжение.

В свое время найдена была рукопись «Горя от ума», принадлежавшая декабристу князю Ф. И. Шаховскому, в которой рукою Ф. И. Толстого против слов «В Камчатку сослан был» вписано: «В Камчатку черт носил, ибо сослан никогда не был», а стих «И крепко на руку не чист» исправлен: «В картишках на руку не чист» и на полях добавлено: «Для верности портрета сия прибавка необходима, чтобы не подумали, что ворует табакерки со стола; по крайней мере, думал отгадать намерение автора...»

Есть еще обстоятельство, которое роднит Федора Ивановича Толстого с русскою литературой, и не просто роднит, но и награждает его чертою драгоценной, еще более драгоценной оттого, что исходит это от самого Гоголя, писавшего Щепкину, как надо играть Развязку «Ревизора»: «Играющему Петра Петровича нужно выговаривать свои слова особенно *крупно, отчетливо, зернисто*. Он должен скопировать того, которого он знал как *говорящего лучше всех по-русски*. Хорошо бы, если бы он мог несколько придержываться Американца Толстого».

Что и говорить, решительно шагнул Федор Иванович в русскую литературу: и в прозу, и в поэзию, и в театр ее. Примеры тут под рукой: Дрлохов из «Войны и мира», Турбин в «Двух гусарах» Л. Толстого; добавить к этому можно и героев рассказов Тургенева «Бретер» и «Три портрета». Все это верно: эпизоды, поступки, канва жизни Федора Ивановича совпадают.

Но, кажется, никто до сих пор не обратил внимания, что есть в русской литературе очень верный психологический портрет Федора Ивановича Толстого!

*Страстями земными несмущаем,
Он не терялся никогда.*

Бывало, в деле под картечью

Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной.
Иль неподдельной остротой.
Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб —
Иль стал душою заговора;
Порой, незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

Таков-то был штабротмистр Гарин:
По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

«Казначейшу» Лермонтов писал в 1838 году; следовательно, в последнем стихе речь идет о 1833 годе — времени жизни нашего героя, когда «все, что мог, он уже совершил». Оставались последки, последние вспышки, запомнившиеся тем, кто его знал.

«Говорят, что он раз, в доказательство меткости своего глаза, велел жене стать на стол и прострелил ей каблук башмака, — рассказывает Герцен и продолжает: — Последняя его проделка чуть было снова не свела его в Сибирь. Он был давно сердит на какого-то мещанина, поймал его как-то у себя в доме, связал по рукам и ногам и вырвал у него зуб. ...Мещанин подал просьбу. Толстой задарил полицейских, задарил суд, и мещанина посадили в острог за ложный извет. В это время известный русский литератор Н. Ф. Павлов служил в тюремном комитете. Мещанин рассказал ему дело, неопытный чиновник поднял его. Толстой струхнул не на шутку: дело клонилось явным образом к его осуждению. Но русский Бог велик! Граф Орлов* написал князю Щербатову** секретное отношение, в котором советовал ему дело затушить, чтоб не дать прямого торжества низшему сословию над высшим...»

Но — удивительное дело! — Толстого любили, отдавали должное его уму, и какие люди — Пушкин, Вяземский, Жуковский, Грибоедов! Чаадаев, этот могучий русский мыслитель — казалось бы, что общего может быть у него с бретером и повесой, — подарил ему из своей библиотеки бесценную вещь — первопечатного «Апостола» Ивана Федорова!.. В чем же секрет обаяния непутевой этой жизни? Почему Лев Толстой писал о нем: «Помню его прекрасное лицо: бронзовое, бритое, с густыми белыми бакенбардами до углов рта и такие же белые курчавые волосы. Много бы хотелось рассказать про этого необыкновенного, преступного и привлекательного человека».

Прав, должно быть, Вяземский, сказавший: «Он — в мире нравственном загадка».

Но вот что, пожалуй, более всего поразительно: общество не могло — не в силах было — совладать с этим человеком. Властной над ним оказалась только судьба, и о суде Божьем он вспомнит только к закату жизни. Современник пишет: «Убитых

* Шеф жандармов.

** Московский генерал-губернатор.

им на дуэлях насчитывалось одиннадцать человек. Он аккуратно записывал имена убитых в свой синодик. У него было 12 человек детей, которые все умерли в младенчестве, кроме двух дочерей. По мере того, как умирали дети, он вычеркивал из своего синодика по одному имени из убитых им людей и ставил сбоку слово «квит». Когда же у него умер одиннадцатый ребенок, прелестная умная девочка, он вычеркнул последнее имя убитого им и сказал: «Ну, слава Богу, хоть мой курчавый цыганенок будет жив». Этот «цыганенок» была Прасковья Федоровна, в замужестве Перфильева; она дожила до глубокой старости...

Сам же Федор Иванович к концу жизни много молился, мучился, каялся за грехи жизни, за погубленные души и снова молился, молился. «Может быть, в этом, — заметил Лев Николаевич Толстой, — сказалась благочестивая традиция рода его матери, рожденной Майковой; ведь из этого рода произошел Нил Сорский»...

Федор Иванович Толстой умер 24 октября 1846 года, шестидесяти четырех лет от роду, на руках жены, умер раскаявшийся, но прощенный ли?.. Авдотья Максимовна пережила его на пятнадцать лет, но грех мужа будто бы пал и на нее: не своею умерла она смертью, насильственной — ее зарезал ее повар...

Здесь бы и поставить точку, но портрет, вижу, получился торопливый и весьма приблизительный. Быть может, дополнят его несколько выдержек из записных книжек князя Петра Андреевича Вяземского, больше других знавшего нашего героя.

Граф Федор Иванович Толстой сильно и метко говорит по-русски. Он мастер играть словами, хотя вовсе не бегаёт за каламбурами. Однажды заходит он к старой своей тетке.

— Как ты кстати пришел, — говорит она, — подпишись свидетелем на этой бумаге.

— Охотно, тетушка, — отвечает он и пишет: «При сей верной оказии свидетельствую тетушке мое нижайшее почтение».

Гербовой лист стоил несколько сот рублей.

Он же (Толстой) в одно время, не знаю, по каким причинам, наложил на себя епитимью и месяцев шесть не брал в рот ничего хмельного. В самое то время совершились в Москве проводы приятеля, который отъезжал надолго. Проводы эти продолжались недели две. Что день, то прощальный обед или прощальный ужин. Все эти прощания оставались, разумеется, не сухими. Толстой на них присутствовал, но не нарушал обета, несмотря на все приманки и увещевания приятелей, несмотря, вероятно, и на собственное желание. Наконец назначены окончательные проводы в гостинице, помнится, в селе Всесвятском. Дружно выпит прощальный кубок, уже дорожная повозка у крыльца. Отъезжающий приятель сел в кибитку и пустился в путь. Гости отправились обратно в город. Толстой сел в сани с Денисом Давыдовым, который (заметим мимоходом) не давал обета в трезвости. Ночь морозная и светлая. Глубокое молчание. Толстой вдруг кричит кучеру: «Стой!» Сани остановились. Он обращается к попутчику своему и говорит:

— Голубчик Денис, дохнй на меня!..

Воля ваша, а в этом дохнй много поэзии. Это целая элегия! Оно может служить содержанием к картине; был бы только живописец, который бы постиг всю истину и прелесть этой сцены и умел выразить типические личности Дениса Давыдова и Американца Толстого.

Какой-то родственник его, ума ограниченного и скучный, все добивался, чтобы он познакомил его с Денисом Давыдовым. Толстой под разными предлогами все откладывал представление. Наконец, однажды, чтобы разом отделаться от скуки, предлагает он ему подвести его к Давыдову.

— Нет,— отвечает тот,— сегодня неловко: я лишнее выпил, у меня немножко в голове...

— Тем лучше,— говорит Толстой,— тут-то и представляться к Давыдову.— Берет его за руку и подводит к Денису, говоря: «Представляю тебе моего племянника, у которого немного в голове».

Шепелев (генерал Дмитрий Дмитриевич) говорит всегда несколько высокопарно. Однажды он сказал Толстому: «Послушайся, голубчик, моего совета: если у тебя будет сын, учи его непременно гидравлике». «Почему же именно гидравлике?» — спрашивает Толстой. «А вот почему. Мы, например, гуляем с тобою в деревне твоей, подходим к ручью, я беру тебя за руку и говорю тебе: Толстой, дай мне 100 т. рублей»... «Нет,— с живостью прервал его тот,— подведи меня хоть к морю, так не дам». «Не в том дело,— продолжает Шепелев,— но я увидел, что на этой речке можно построить мельницу или фабрику, которая должна дать до 20 и 30 т. р. ежегодного дохода».

118

Когда в некоторых журналах наших встречаются (а встречаются часто) французские слова и поговорки, вкривь и вкось употребляемые, это всегда приводит мне на память рассказ Толстого. Он ехал на почтовых по одной из внутренних губерний. Однажды послышалось ему, что ямщик, подстегивая кнутом коней своих, приговаривает: «Ой вы, Вольтеры мои!» Толстому показалось, что он обслушался; но ямщик еще два проговорил те же слова. Наконец Толстой спросил его: «Да почему ты знаешь Вольтера?» «Я не знаю его»,— отвечал ямщик. «Как же ты мог затвердить это имя?» — «Помилуйте, барин: мы часто ездим с большими господами, так вот кое-чего и понаслушались от них».

Высаженный на берег Крузенштерном, Толстой возвращался домой пешеходным туристом. Где-то в отдаленной Сибири напал он на старика, вероятно, сосланного: он утешал горе свое родными сивухой и балалайкою. Толстой говорил, что он пил хорошо, но еще лучше играл на своем доморощенном инструменте. Голос его, хотя и пьяный и несколько дребезжащий от старости, был отменно выразителен. Толстой помнил, между прочим, куплет из одной песни его:

*Не тужи, не плачь, детинка;
В рот попала кофейника,
Авось проглочу.*

И в этом авось проглочу голос старика разрывался рыданием, сам он обливался слезами и говорил, утирая слезы свои: «Понимаете ли, ваше сиятельство, всю силу этого «авось проглочу!» Толстой добавлял, что редко на сцене и в концертах бывал он более растроган, чем при этой дикой и нелепой песне сибирского рапсода.

Однажды в Английском клубе сидел перед ним барин с красно-сизым и цветущим носом. Толстой смотрел на него с сочувствием и почтением, но, видя, что во все продолжение обеда барин пьет одну чистую воду, Толстой вознегодовал и говорит:

— Да это самозванец! Как смеет он носить на лице своем признаки, им не заслуженные?

Когда появились первые 8 томов «Истории Государства Российского», он прочел их одним духом и после часто говорил, что только от чтения Карамзина узнал он, какое значение имеет слово Отечество, и получил сознание, что у него Отечество есть. Впрочем, недостаток этого сознания не помешал ему в 12-м году оставить калужскую деревню, в которую сослан он был на житье, и явиться на Бородинское поле: тут надел он солдатскую шинель, ходил с рядовыми на бой с неприятелем, отличился и получил Георгиевский крест IV степени...

ИСТОРИЯ русской живописи

АЛЕКСАНДР БЕНУА

XVIII

120

Отметив в начале нашего изложения первые проблески истинного, живого искусства в России — в творчестве Левицких, Боровиковских, Кипренских и Венециановых, мы затем проследили ложное, официальное, так называемое академическое направление, которое широкой волной нахлынуло на юную русскую живопись и чуть было не затопило ее. Затем мы остановились на Иванове, на том художнике, который, испытав на себе пагубное влияние академической системы, восстал против академизма и пожелал выразить в живописи *живые* идеалы своего народа.

От Иванова были пути, но те, кто пошел по ним, спутались и создали бессвязно-слабое или ложное. Одного из этих последователей, Ге, нельзя, несмотря на всю его значительность, счесть за истинного продолжателя Иванова, так как он пренебрег тем, что для Иванова было главным: красотой. Другие забыли великие заветы Иванова и променяли их, кто на легкомысленное иллюстрирование Евангелия, кто на велеречивое эффектичание в духе церковной театральности. Однако поворот от лжи к правде все-таки совершился, слияние русского искусства с жизнью произошло, но вовсе не в сфере «высокого искусства», не в «исторической», а в скромной *бытовой* живописи, там, где уже поработали Венецианов и его ученики. В дни еще полной славы

Продолжение. Начало в №№ 1—5.

Пора прочесть

ИЯ писи

П. А. ФЕДOTOV.
Портрет поручика
П. Е. Львова. 1846.

Брюллова появился один из самых талантливых художников, одна из самых ярких и чарующих личностей русского искусства: Федотов.

Федотов родился в 1815 году, в Москве, в бедной семье отставного офицера. О каком-либо художественном влиянии на него в детстве ничего не известно. Мальчик, одаренный пытливым и живым умом, рос и развивался свободно, причем врожденная склонность заинтересовываться всем, что только ни попадалось ему на глаза, служила ему единственной учительницей и руководительницей. А видеть мог такой бедный, живший совсем на свободе ребенок, разумеется, несравненно больше, чем несчастные его сверстники, закабаленные, с первых же лет, в удушливых департаментах Академии. «Жизнь небогатого, даже попросту бедного дитяти, — говаривал Федотов, — обильна разнообразием. Я всякий день видел десятки народа, самого разнохарактерного, живописного и, сверх всего этого, сближенного со мною... Все, что вы видите на моих картинах (кроме офицеров... и нарядных дам), было видано и даже отчасти обсуждено во время моего детства; это я заключаю как по воспоминаниям, так и потому, что, набрасывая большую часть моих вещей, я почему-то представляю место действия непременно в Москве».

Последние слова знаменательны. Федотов не мог бы развиваться и не мог бы в себе воспитать жизненного своего искусства, если бы он провел детство в казенном, холодном, мертвенном Петербурге. Ведь и Венецианов получил свои впечатления юности — самые яркие, самые важные для дальнейшего развития — в Мо-

ске, и действительно, лишь коренная, русская жизнь древней столицы, ее цельность и характерность могли настолько врезаться и запечатлеться в воображении обоих художников, чтобы направить все их дарование на живое и своеобразное творчество. Естественно, что впоследствии, как только притягательная сила Петербургской Академии начала слабеть, настоящая русская школа живописи укрепилась и расцвела именно в Москве.

Никто, к счастью, не обратил внимания на духовную жизнь маленького Федотова, никто не постарался направить его наблюдения на «*путь истинный*», сейчас же подчинить их патентованной школе. В 1826 году Федотов был определен в кадетский корпус. Казалось бы, какая обстановка менее подходила для развития художественной способности, нежели казенщина и дисциплина военного училища? Но на деле вышло наоборот, и, вероятно, не случайно, так как есть же какое-нибудь основание в том, что как раз из военного сословия — из самой строгой, стянутой в мундир, николаевской военщины — вышло столько великих, самых драгоценных русских людей. Очевидно, в этих заведениях слишком много обращали внимания на шагистику и ружистику, на внешний лоск, мундир и выправку, чтоб уследить еще за духовным и умственным развитием, которое было предоставлено воле Божьей. Люди глупые и бездарные выходили из такой школы в худшем случае скучными педантами — скалозубами, в лучшем — попросту добрыми ребятами; зато люди с богатым запасом душевных и умственных сил могли свободно, самобытно развиваться, не подвергая коверканью свой внутренний мир. Вряд ли Достоевский мог бы в каком-либо другом учебном заведении, кроме как за крепостным валом Инженерного Замка, развиться до создания еще в этих самых стенах своих «*Бедных людей*» (ведь немислимо было бы что-либо подобное в «*благородном*» пансионе, под вечным присмотром вменяющихся во все гувернеров). Так же точно для художественного развития Федотова было скорее счастье, что он попал в кадетский корпус, где он свободно взлелеял и направил *по своему* свои детские впечатления. Попади Федотов в юном возрасте в Академию, из него скорее всего вышел бы второй Штернберг — нарядный, но бездушный и бессильный художник!

Уже в своих учебных занятиях Федотов обнаружил необычайную память и какую-то даже странную фантазию. Ему не было скучно изучать географию и историю, так же как и впоследствии ему не казалось скучным пестрое разнообразие жизни. Все врезывалось в его воображение, все освещалось у него в мозгу ярким, своеобразным светом, все приобретало значение и смысл. Для этого странного ребенка история, изложенная в примитивных, сухих учебниках, представлялась рядом драматических эффектных сцен, а география переносила его под яркие небеса к чудесной, чуждой нашему краю растительности. Так точно и в жизни впоследствии то, что для других было скукой, безразличной суматохой, томительным набором ненужных лиц и событий, для него казалось

увлекательным романом, где тысячи героев участвовали в бесконечных перипетиях. От Федотова ничего не ускользало, все отпечатывалось в его мозгу и мигом превращалось в дьявольский образ и тип: редкая и драгоценнейшая способность в художнике. Федотов уже в корпусе взялся за карандаш: он рисовал портреты, карикатуры, — и за это товарищи его любили, а начальство не беспокоило. Опять-таки, к счастью, никому не приходило в голову засадить его за гипсы, никто не вдавливал ему ядовитых академических сентенций. На глупейших уроках рисования он числился лентяем.

Окончив курс первым (в 1833 году) и перебравшись в Петербург — в Финляндский полк, он мог наконец вполне утолить мучившую его во время корпусного затворничества жажду людей. Он принялся неутомимо рыскать по городу и посещать своих знакомых. В художественных своих занятиях он и теперь был все еще сам себе учителем — точь-в-точь как одновременно юный Менцель в Германии. Вероятно, под впечатлением каких-либо картин Венециановской школы (Брюллов тогда еще не гремел) Федотов принялся за первую свою серьезную задачу: за *простой и пустой* вид из окна.

Но общество его товарищей и знакомых, славных малых, наивно заинтересованных его упражнениями, не могло долго удовлетворять художника. Чем ревностнее отдавался он искусству, тем сильнее сказывалась в нем необходимость делиться с назревавшими внутри него мыслями. К тому же ему понадобились чисто технические советы и указания, и все это побудило его наконец сойтись кое с кем из начинающих художников, которые и убедили его посещать вместе с ними вольные вечерние классы Академии. Теперь Академия, особенно в такой незначительной дозе, не была уже опасной для Федотова. Он являлся туда зрелым человеком, и преподаватели смотрели на него как на чудака, которого уже поздно учить уму-разуму. Вслушиваясь в пылкие юношеские речи своих новых друзей, предоставленный, с другой стороны, что касается дальнейшего эстетического развития, исключительно самому себе, Федотов мог сознательно и самостоятельно укрепить свою руку на срисовывании мертвых тел и натурщиков, не засушивая своего воображения, не заслоня уже приобретенный от жизни опыт всякой винкельмановщиной. Лучшим советником, впрочем, явился для него так же, как и в былое время для Венецианова, Эрмитаж — те же милые голландцы и фламандцы, с Остаде и Теньером во главе, которые таким убедительным и горячим языком говорили о том, как интересно изображать обыденное, как много можно найти и в нем мотивов красоты. Федотов совсем углубился в искусство этих мастеров, внял им и ясно понял их намерения. Благодаря влюбленности в этих искренних, сердечных художников появление Брюллова не смутило его. Автор «Помпей» казался ему каким-то далеким, величественным, но чуждым полубогом, и он не бросил, подобно Тыранову, Мокрицкому и Михайлову, изучение простой природы во имя какого-то велеречивого и пустого идеала. Благодаря своему основательному знакомству с приемами живописи старых мастеров Федотов мог мало-пома-

лу настолько развить свою технику, чтоб даже довольно близко подойти к своим образцам *, к их эмалевому письму, к приятной, отнюдь не вымученной, но внимательной выписке подробностей, к чрезвычайной рельефности лепки в связи с известной «дымчатостью» тона.

С годами призвание Федотова к искусству стало сказываться все яснее и яснее, и все сильнее и сильнее ощущал он необходимость сделать выбор между будущностью художника и военной карьерой. Однако лишь в 1844 году он уступил наконец своему влечению и променял блестящую будущность по службе (он шел отлично) на заведомо бедственное положение человека с крошечными средствами (пенсией от интересовавшегося им императора), принужденного учиться и одновременно кормить свою семью. Он еще не вполне сознавал, какой отрасли посвятить свой талант, и скорее был склонен думать, подобно своим доброжелателям, что настоящее его призвание — быть баталистом. Однако достаточно было одного толчка, чтобы Федотов с безусловной ясностью увидел, в чем именно его назначение. Великий знаток русской жизни помог ему разобраться в самом себе. Крылов, первый начинатель всего истинно русского движения в литературе, был так поражен и восхищен жизненностью и характерностью набросков и карикатур Федотова, что даже преодолел свою классическую лень и написал ему письмо, которое наконец открыло Федотову глаза.

124 В то время в обществе господствовало сатирическое настроение. В особенности литература, связанная, придавленная цензурой, но мощная затаенными силами, прибегала к иронии и сатире как к наиболее удобной форме излагать свое отношение к действительности, в частности, свое отношение к русской культуре. Гоголь уже замолк, но в русском обществе только тогда начинали оценивать его по достоинству, понимать ужас его шутки, оглядываться на себя и вокруг и мало-помалу переходить от смеха к слезам. Зрел, покамест еще втайне, яд Некрасова; Белинский, прячась за литературной критикой, все смелее и смелее высказывал свое пламенное негодование; Достоевский, только что, в первый раз, истерически разрывающийся в «Бедных людях», теперь принимался точить лезвие своего тонкого, почти незаметного, но смертельного стилета. Росли и развивались будущие герои 50-х и 60-х годов. Совет, данный Крыловым Федотову, исходил от литератора, весь век, с виду благодушно, но язвительно по существу, насмехавшегося над скверностью русской жизни, и этот совет литератора привил и художнику литературную точку зрения на живопись. Федотов, пошедший по стопам милых сердцу его голландцев, отступил от их заветов,

* Напротив того, Перов, живший уже в другую эпоху, когда на все старое решительно махнули рукой, притом в Москве, где этого старого было очень мало, так и не приобрел *равно никакой техники* и всю свою жизнь оставался очень скверным «живописцем». Но тогда это было скорее к лучшему, так как в этом блуждании по неизвестным и новым путям только и можно было найти новые технические данные.

П. А. ФЕДOTOB. Прогулка (автопортрет с отцом и сестрой). 1837.

увлекся методическим проповедничеством Гогарта, оставил в стороне чисто живописные задачи и взял в руки не одни кисти и палитру, а еще розгу и указку.

Федотов и теперь проводил целые дни в прогулках по городу, по-прежнему целыми часами наблюдал то или другое явление, заинтересовывался всяким встречным, как ребенок (он и любил больше всего на свете ребят, а дети обожали этого по-детски доброго и впечатлительного человека), радовался всему новому, забавному, характерному и типичному. Но переносить все это в живопись (как это решался делать Менцель) ему казалось теперь недостойным и обойтись без рассказа, без завязки, без морали — прямо невозможным. Его уже не удовлетворяло только писать картины*. Ему хотелось сочинять в картинах нравственные проповеди, которые служили бы для исправления его ближних.

Таким образом и Федотов был сбит с толку, но не Академией, а своей «литературностью», весьма, впрочем, понятной в современнике эпохи небывалого расцвета родной словесности. Зараженный общим настроением, общей жаждой просвещения, Федотов оставил простую действительность, оставил простое искусство, к которому был вполне способен, и пошел вслед за литераторами отыскивать темы для своей нравственной проповеди. Но если грустно, что Федотов подал первый пример того брюзжания «картин с содержанием», которое до такой степени нам досадило в последующих произведениях передвижников, то не надо в то же время забывать, что, не будь этого, явись Федотов и все его последователи только усовершенствованными Венециановыми, вряд ли могли бы они так решительно совладать со злейшим врагом русского искусства — с академизмом, вряд ли приучили бы они публику к картинам, вряд ли так заинтересовали бы и увлекли ее. Публика, и в особенности лучшая ее часть (худшая увлекалась Чернышевым и Иваном Соколовым), была в то время уже слишком настроена на «исправительный» лад, чтоб оценить что-либо, изображающее попросту действительность, без «полезного» намерения.

Первые серьезные работы Федотова были исполнены сепией и акварелью, за масло же он еще не решался браться. На двух из этих сепий он изобразил смешную страсть к животным, страсть, доведшую некую даму до того, что она с горя, по потере своей «Фидельки», расположилась умирать; на других Федотов изобразил старость бездарного художника, принужденного писать вывески, гнусно обманутого «молодого», кутежное жите офицера, какого-то господина, до обморока объевшегося и напившегося за пирушкой, наконец, жен-нарядниц, разоряющих своих мужей

* Чем был бы Федотов как простой изобразитель действительности, вникающий в смысл и прелесть явлений, показывают его первые вещи. «Встреча Великого князя полком» или милейший портрет его, с родителями, где все так курьезно и верно, а между тем нет ни капли назойливой тенденции, нигде не выглядывает оскорбительный для людей и ненавистный им учитель и педагог. Все так же, как в действительности, но только освещено теплыми лучами искусства, процежено сквозь драгоценный фильтр художественного темперамента.

безумными покупателями в модном магазине. Все чисто гогартовские темы, полные нравоучительных намеков, смешных сплетений и уморительных эпизодов. Запутанное содержание их медленно и не без головоломки «считываешь», приглядываясь то к той, то к другой детали, ища разгадку на всевозможных надписях, счетах, письмах и записках, валяющихся по всем углам. Художественная же сторона в полном загоне. Типы наскоро зачерчены и утрированы: рисунок сбит, композиция тесная, растерзанная и осложненная до безобразия. Никто не живет настоящей жизнью, а все играют заданную роль, несколько полюбительски, жестикулируя и гримасничая так, чтобы все могли понять их роли, иногда очень неясные. Странная черта в Федотове, этом человеке, всегда так пристально всматривавшемся в жизнь, глубоко понимавшем ее, — превращать жизнь в какие-то *charades en action*, с грубо нагримированными актерами. В этих потешных сценах нигде нет просвета на истинную прелесть и значительность жизни.

Замечательнее всего, что эти первоначальные темы Федотова и по содержанию являются ординарными, иногда даже просто плоскими анекдотами. В руках Федотова не было еще того жестокого бича, которым Перов и Курбе стегали по различным общественным язвам: по суду и духовенству, по лицемерию и грубости буржуа, по пошлomu мещанскому разврату. У него не было в руках той грозной указки, которою оба мастера корили имущих за бедственное положение неимущих. Федотовские рассказы никогда не возвышались до истинной сатиры. Они лишь легонько подсмеивались над общими человеческими слабостями, легонько, с опаской давали самые безобидные наставления: будь осторожен, внимателен, честен, милостив.

Наконец в 1848 году после долгой и трудной работы над собственным самообразованием, тем более долгой и трудной, что ему приходилось постоянно бороться с нуждой, Федотов почувствовал себя готовым для более серьезного творчества, и почти одновременно были тогда созданы им (в масляных красках) наиболее знаменитые его картины: «Свежий кавалер», «Сватовство майора», «Завтрак аристократа» и «Модная жена» (отрицательное отношение к женской эмансипации в духе Жорж Санд и наших «Тигриц» 40-х годов). Из этих произведений особенно два первых имели колоссальный успех, небывалый со времен «Помпей» (на выставке 1849 года). Они заслужили (как впоследствии произведения Перова) восторженное одобрение не только публики, но и, очевидно, по недоразумению, академических профессоров, в том числе самого Карла Брюллова *. Эти господа попались тогда на удочку веселого и занимательного рассказа и, потешаясь им, не разобрали, что этими картинами наносился первый удар тому зданию, которого они старались быть бдительными стражами.

* Отчасти по милости Брюллова Федотов так замедлил своим выходом в отставку, так как, когда еще в конце 30-х годов он пришел посоветоваться насчет этого к великому *maestro*, тот уговорил его не торопиться, находя, что у него слишком мало «знаний» — очевидно, академических.

Однако если по заданию эти картины и стояли выше прежних сепий и акварелей художника, то и они не менее их были пропитаны литературным духом. Одна изображала ужаснейшего представителя нашего бюрократического мира, личность, вполне годную для «Ревизора», мелкого чиновника, всякими неправдами выкарабкавшегося из приниженого положения до первого чина и ордена и отпраздновавшего это событие пьянейшей пирушкой. На другой — впервые было выведено в живописи «Темное царство»: Тит Титыч и вся его семья, мечтающие попасть, посредством брака дочки с разорившимся майором, из грязи в князи. Зато в чисто художественном отношении эти картины показывают в Федотове большой шаг вперед. Несмотря на то, что обе картины теперь сильно попортились, растрескались, они все еще способны доставить большое удовольствие для глаза. Они свидетельствуют о том, что Федотов к концу 40-х годов стал мало-помалу снова обращаться в сторону старых голландцев и наследника их — Венецианова. И в композиции замечается уже большой успех: вместо прежнего нагромождения актеров и эпизодов число действующих лиц ограничено до крайних пределов, и эти немногие персонажи если и позируют еще, то по крайней мере скромно, почти без утрировки. Типы также выбраны с удивительным знанием русской жизни* и представляют действительно любопытную и драгоценную для иллюстрации 40-х годов коллекцию характерных физиономий. Но, кроме того, все это писано и рисовано с таким любовным проникновением, с такой нежностью и правдивостью, которые трудно найти у современных Федотову художников, даже на Западе. *Nature morte* — объедки пирушки на столике у «Кавалера», соседняя, залитая солнцем, комната на «Сватовстве», выдержанная в таком приятном контрасте к темной и серой гостиной, в которой происходит главное действие, — это истинные перлы в чисто живописном отношении, которыми могли бы гордиться даже старые голландцы, перлы не поддельные, без малейшего мишурного блеска.

Можно предположить, что со временем Федотов отделался бы совсем от того литературного характера, который вредит его картинам в чисто художественном отношении. Федотов, привыкший всегда идти своей дорогой, вероятно, не послушался бы сбивающих толков в публике. Последние его работы заставляют думать, что через несколько лет он, наверно, превратился бы в сильного и простого поэта действительности. Федотов, бесспорно, находившийся одно время под сильным влиянием Гоголя, в сущности, не любил Гоголя. Его простая и нежно любящая натура была оскорблена тем неистовым глумлением, тем беспощадным бичеванием, которые скрыты под веселым тоном «Ревизора» и «Мертвых душ». И Федотов был не прочь посмеяться над человеческими слабостями, но не так, чтобы довести зрителя до

* Федотов месяцами искал тот или другой тип или даже самую обстановку, например, комнату, в которой происходит встреча жениха, так как считал необходимым все списывать с натуры; он не щадил на эти поиски ни терпения, ни времени, ни денег.

слезного раскаяния; он не прочь был давать наставления, но без запугивающего пророческого взывания. В сущности, Федотов был заодно с теми людьми, которых изображал. Он любил их, но не так, разумеется, как Достоевский, а так, как любили Вильки, Швинд или Шпицвег. Казнил он этих любимцев своих деликатно, вовсе не подымаясь выше их уровня, боясь обидеть их, дели их обыденные интересы, сетуя на то же, на что и они сами нередко сетовали.

Даже знаменитые картины его скорее подобного же свойства: в них есть насмешка над очень мерзким и порицание очень позорного, но это выражено едва заметно и так шутливо, так простодушно, что вряд ли могло рассердить Тит Титыча или даже «Кавалера». Отсюда успех, громадный успех во всех слоях общества.

И вот в последние годы жизни Федотова и эта последняя капля оставшейся в нем ядовитости стала мучить и раздражать его мягкое сердце. Ему казалось, что и эта насмешка слишком обидна, что он и на нее не имеет права; ему не хотелось дольше оставаться даже и таким «деликатным сатириком». Перед Федотовым стал носиться другой идеал. Он пожелал сделаться простым повествователем жизни, ее прелестей и горя. Федотов, наверно, сумел бы найти в себе достаточно поэтической, чарующей силы, чтобы все озарить мягким и примирительным светом, чтоб и горе, и радость изобразить одинаково приятными в художественном смысле, раскрыть в них какую-то общую им всем гармонию — «красоту жизни». Ужасно, что смерть не позволила ему привести свои замыслы в исполнение; таким образом, все творчество Федотова, в сущности, осталось недоговоренным и случайным; какими-то первыми пробами пера, далеко не выражающими личности художника.

Его «Вдовушка», много раз повторенная, характерна для этих новых, примирительных намерений, начавших последние два-три года все определеннее и определеннее сказываться в нем, несмотря на решительный успех его шутливых и назидательных картин. Несчастливая, совсем молодая женщина только что понесла ужасную утрату: умер любимый муж, красавец гусар, умер, ушел навсегда и оставил ее одну, незащищенную, неопытную, беременную, без средств — на произвол судьбы. В серой комнате, в холодном полумраке сумерек стоит она одна, с поникшей головой, надломленная горем, опершись на комод, из которого все вещи уже вытащены хищными кредиторами. В безысходной тоске переводит она свои заплаканные глаза с одного предмета на другой и то устывает на портрет горячо любимого погибшего друга, то на вещи, на весь их милый скарб, сложенный теперь в беспорядке, приготовленный уже к тому, чтобы также уйти из дому на рынок, разойтись по рукам чужих, неизвестных, равнодушных людей. Этот скарб, этот кусочек *nature morte* у кровати и на комод, но в особенности мрачные, сизые, постепенно сгущающиеся сумерки переданы превосходно, как это можно встретить только у голландцев. Того росчерка, характерного для XIX века, той неуместной сладости или приторности, считавшихся в его время обязательными при подобных сюжетах (если

Н. Е. СВЕРЧКОВ, Д. А. ТАТИЦЕВ. Из конюшни. 1866.

П. П. СОКОЛОВ. Портрет С. Н. Терпигорева (Атавы). 1889.

не считать несколько Брюлловского типа самой героини), нет и следа.

Однако еще замечательнее среди произведений Федотова его последняя вещь, в которой выразилось вполне, какой чудный художник, какой чудный поэт жил в нем. Над этой картиной он долго бился. Ему все казалось, что труднейшая колористическая задача, которую он себе поставил, не достаточно гармонично разрешена. Незадолго до своей роковой болезни он даже видел сон, будто к нему явился Брюллов и дал ему несколько дельных советов, которых, однако, он не мог вспомнить наяву. Но напрасно Федотов вспоминал слова автора «Сна монашенки». То, что было сделано им, было бесконечно выше всех эффектных, крикливых колористических чудес Карла Павловича. Скромная картина эта, изображающая «офицера, квартирующего в деревне», — одно из самых поэтических и необычайных произведений в искусстве XIX века.

В тесной и низкой избенке, темной-претемной, лишь тускло освещенной догорающим огарком, растянулся на полатах несчастный молодой офицерик, убийственно скучающий от принужденного безделья на зимней стоянке в какой-то «проклятой дыре». Единственное его развлечение — прыжки пуделя через протягиваемую палочку. В противоположном углу комнаты в совершенной мгле стоит громоздкий и мрачный денщик, покуривающий трубку и со вкусом отплевывающийся в сторону. В глубине сквозь жалкое оконце видна лунная ночь, клочок неба и сонная деревенская улица, занесенная снегом. Все тихо и темно, тесно и сумрачно до отчаяния. «Анкор, — кричит офицерик своей собаке, — еще анкор!» — и неутомное возбужденное и веселое существо скачет, скачет и скачет, без умолку, неустанно, среди темноты, на утеху своему барину. Молчаливый, мрачный и грубый солдат назойливо торчит все время перед глазами и целыми часами продолжает курить и отплевываться; маленькое помещение все более и более заволакивается дымом, в окошко глядит все тот же тоскливый пейзаж, та же пустая улица, те же избы, тот же снег и то же мертвое небо, и вокруг все так же тихо, скучно и темно... Но почему-то и сладко (в этом особенная пикантность картины), как бывает сладко в мутных сновидениях горячки, когда непрестанно все тонет, вянет и умирает, и лишь что-то вздорное, ненужное и мелкое, как этот пудель, суетится, толкается, шумит, мучительно мешая забыть о жизни.

Деятельность Федотова, всего лишь в последние 5—6 лет ставшего настоящим художником, так же как и деятельность Иванова, прекратилась на полуслове. Истерзанный уже долгими годами лишений (он жил в крошечной и холодной квартире, питался плохо и постоянно отказывался от того, что могло бы хоть отчасти повредить его художественной работе*), несмотря на успех, он принужден был бороться с крайней нуждой, вслед-

* Так, он отказался от женитьбы на богатой и симпатичной девушке, изъявившей желание выйти за него замуж, и не раз отказывался от выгодных заказов, например, копий со своих же собственных произведений.

ствие того, что почти весь его заработок шел на разоренную вконец семью, оставшуюся без крова и хлеба. Усиленные занятия последних лет, вечная забота о существовании, об обеспечении близких, постоянные лишения, быть может, и любовь к одной девушке, на которой он, художник, вдобавок стареющий, не решался жениться, — все это, вместе взятое, разбило его в высшей степени впечатлительную и нервную натуру, и летом 1852 года он внезапно сошел с ума. Грустно подумать, что никого не нашлось, кому русское искусство было бы настолько дорого, чтобы спасти лучшего представителя его, обеспечить существование этого художника и существование близких ему людей. Проболев несколько месяцев в каком-то подвале частного заведения для умалишенных, Федотов скончался 17 ноября 1852 года, всеми оставленный на руках верного своего денщика Коршунова, вернувшись незадолго до смерти к полной памяти. Говорят, что толпа шла за его гробом, — жаль, что эта толпа вовремя не пришла ему на помощь...

XIX

Все дальнейшее русское искусство, если оставить в стороне некоторое возрождение в 70-х годах академизма и попыток Ге и Васнецова в религиозной живописи, шло, почти вплоть до нашего времени, по стопам Федотова. Иначе и быть не могло. Если уже 30-е и 40-е годы могли породить такого художника — рассказчика и проповедника, — каким был автор «Кавалера», то 50-е, 60-е и 70-е годы должны были породить уже целую плеяду однородных художников.

Со вступлением на престол императора Александра II глухое брожение, чувствовавшееся под всеобщим выглаженным и вычищенным мундиром уже в последние годы царствования Николая I, вдруг разразилось неистовой лихорадкой. Полные светлых надежд, воспрянули молодые силы, задохнувшиеся последние 7, 8 лет, как только они почувяли приток свежего воздуха и как только разнеслась весть, что прежний, для них в особенности убийственный, строй будет заменен новым, стоящим ближе к уровню европейской цивилизации. Наиболее пылкие и стремительные люди верили тогда в то, что осуществимы и у нас те теории, которые, зародившись на Западе, привели Францию снова к республике (на империю Наполеона III первое время все смотрели как на мимолетное явление), Германию и другие монархические государства — к конституции. Они думали, что чисто западная программа даст России полное счастье и введет ее в общую жизнь народов. Другие если и не желали революции на западный лад, если и считали государственный строй России и всю ее культуру самыми для нее подходящими, то все же находили, что настало время починки и обновления. Они мечтали о том, чтобы оживить религию, возвысить нравственный авторитет монархической власти, дать ход всем коренным русским стремлениям, особенно чисто духовного характера.

Много сразу проявилось тогда наивного и странного, вероятно уже из-за той внезапности, с которой произошла перемена

в нашей внутренней политике. Оба лагеря, западников и славянофилов, когда-то соединенные вместе, теперь окончательно разошлись и впали в узкий фанатизм. Революционеры питались лишь западными идеями и мало знакомились с истинными нуждами народа. Славянофилы ударились в другую крайность: в фанатическом ослеплении отворачивались от всего не русского и заставляли себя искусственными заборами от Европы. Однако, по самому существу своему, все это движение было великим и высоким, полным жажды света и воздуха, полным идеальных стремлений к несбыточным, но прекрасным утопиям.

Казалось, все теперь призваны к участию в общем деле. Кто по-прежнему благодушествовал и находил, что все обстоит как нельзя лучше, тот был «ретроградом», того клеймили позорной в то время кличкой консерватора, от того отворачивались «порядочные люди». Наступила странная эпоха, свободомыслящая в принципе, но деспотическая на деле. Во имя свободного развития человечества отдельная личность была раздавлена, и, разумеется, искусству, в котором личное начало играет главную роль, пришлось оттого очень плохо.

Особенно пластическое искусство: живопись, скульптура — сейчас же было заподозрено главенствующей партией так называемых «западников» в неблагонадежности. Искусства в России было слишком мало и оно слишком мало пропитало наше общество, чтоб представляться чем-то таким, без чего немислима сама жизнь. Искусство в России до сих пор было только одним из средств в распоряжении у правительства действовать на массы, в обиходе же богатых людей — забавной, но пустой игрушкой. Новым людям было очень легко порешить с ним, так как они фатально должны были смотреть на него как на блажь, на предрассудок. Первое гонение на искусство и было объявлено еще в середине 50-х годов.

Положим, те, которые мечтали о русском возобновлении России, — славянофилы, как истые гегельянцы, на словах обожали искусство. В теории они признавали его колоссальное значение, и вся их проповедь носила определенно художественный характер, клонила к какому-то поэтическому и картинному откровению. Однако и они на самом деле видели так мало этого обожаемого ими искусства, что говорили о нем лишь понаслышке, в общих чертах, бессвязно и беспредметно и не могли оказать серьезного противодействия тому гонению. Их воодушевлению мы обязаны тем, что тогда уже кое-кто принялся с особенным рвением за отыскание русской древности и древнерусской красоты; однако много лет прошло, пока эти искания не принесли живых плодов. Долгое время они носили скорее отвлеченный или узкоспециальный характер.

Впрочем, и западники дипломатически не порвали с искусством окончательно. Они старались, напротив того, найти лазейки, чтоб впустить хоть некоторую часть этого презираемого искусства в свой стан: ведь и оно могло быть полезным для дела. Но они это делали на весьма опасных, для самостоятельного развития художественных личностей, условиях. Художникам

предписывалось приглядываться исключительно к земным потребностям. Им рекомендовалось прочесть собравшемуся народу из общедоступных книжек что-либо поучительное, стоящее вполне на высоте последних передовых идей, и сделать это ясным языком, не мудрствуя лукаво. Вот если бы художники могли пробудить в публике ненависть к тьме или заставить любить просвещение (в понимании позитивной науки), — это было бы делом! Для новых русских людей те лишь художники имели значение, которые видели в искусстве не одну только «гнусную блажь богатых людей», «мечты, годные для кисейных барышень», а средство двигать массами в «хорошем» направлении, действовать на народ, обучать его. Такие художники получили теперь от передовой части общества право гражданства, вербовались в общее войско, под условием отречения от всего прежнего и, во-первых, от формулы «искусство для искусства».

«Художественное произведение можно считать истинным», говорила передовая критика шестидесятых годов, «имеющим действительно высокое значение, если в него вложено здоровое содержание, если оно создано честной, преданной ему одной рукой». В сущности, с современной точки зрения почти нельзя возражать против этих слов. Однако весь вопрос сводится к тому, что мы подразумеваем и что те тогда подразумевали под словом «содержание», что мы называем и что те тогда называли «преданностью искусству» и самим искусством. И вот тут-то лежит колоссальная пропасть между нашим и тем поколением, вернее сказать, между нами и теми русскими эстетам 60-х годов, так как к поколению последних принадлежали также Бёклин, Дегас, Пювис и Моне, которые, разумеется, нам даже более близки, нежели большинство художников нашего времени.

Каково бы ни было внешнее мастерство, говорили наши домопращенные Прудоны, выражая, впрочем, мысли всего общества, оно теряет всю свою влиятельную силу, когда служит для целей пустых, легкомысленных и гнилых. Все дело в том, что хотел сказать художник, что ему нужно было выразить в более или менее совершенных формах искусства. «Именно вследствие окончательного овладения в наше время формой искусство не считает ее по-прежнему окончательной, главной задачей.» «Все внимание публики должно быть устремлено на новое, оригинальное и содержательное». «Пусть все это станут делать неумелые руки учеников, что нужны? Было бы главное сделано».

Нужно было презирать самую сущность искусства, чтоб говорить такие речи. Презирать форму — значит презирать и самое искусство. Лишь такое варварское общество, которое не глядело на художественные произведения и не знало их, для которого все сотворенное в этой области было разве только курьезным хламом, годным для «кунсткамер», могло поверить такому абсурду, что в середине XIX века, да еще в России, художники будто бы окончательно овладели формой и что потому пора бросить заботу о ней, пора заняться более дельным. Только в России, нищей

художеством, нищей формально прекрасным, обезличенной, в России, лишенной культурных наслоений, все наиболее свежие художники могли поверить этому абсурду и принести свои, часто удивительные, таланты в жертву ему. Грустно то, что презрение к форме не только отразилось на их творчестве, но и на творчестве последующей эпохи. Оно заставило Репина разбрасываться вширь, вместо того, чтобы идти вглубь, оно исковеркало первого по времени русского идеалиста В. Васнецова, заставив его исполнять свои, быть может, и дивные замыслы в дешевой, легкомысленной, почти иллюстраторской манере, и, наконец, даже художники нашего времени все еще должны биться из-за того, что старшие не захотели их учить в своих произведениях — чему единственно можно научить — владению формами, линиями и красками. Ведь то содержание, на котором так настаивали наши отцы, — от Бога. Содержания ищут и наши времена, и даже самым ревностным образом, но мы теперь под содержанием понимаем нечто бесконечно более широкое, нежели их социально-педагогические идейки.

Впрочем, об этом содержании, божественном, тайном и непонятном, нечего заботиться, так как оно всегда будет там, где нет всеиссушивающей схоластики. Истинный, свободный, вдохновенный художник фатально всегда вложит его в свое произведение.

Однако дальнейшее течение русского искусства было обусловлено не только учением специально-утилитарного характера, но и чисто эстетической теорией. С 50-х годов во всех художественных отраслях одновременно с утилитарными взглядами, в тесной связи с ними стал входить в решительную силу реализм.

В сущности, реализм появился у нас раньше. Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Крылов, Гоголь и Кольцов были настоящими реалистами и даже величайшими реалистами во всей русской литературе. Однако они были ими не в силу каких-либо теорий, а непосредственно. Как живых людей, как настоящих художников, их слишком трогало окружающее. Они так страстно жили общей жизнью, так страстно ею увлекались, что, естественно, должны были черпать и свои темы, и свое вдохновение из действительности. Но они не были притом *порабощены* действительностью.

Когда Пушкина, Гоголя и Лермонтова манило в сказочный мир, когда думы их отвлекались от обыденных интересов и устремлялись к лицемерию высших, веземных начал, они вполне отдавались этому своему стремлению и как раз тогда творили свои гениальные вещи.

То же самое было и в живописи, но, разумеется, в явлениях более мелких. Лучшие художники до поколения 50-х годов: Левицкий, Боровиковский, Кипренский, Орловский, Венецианов, в некотором отношении и Иванов — были также вполне реалистами, но и они не были закабалены черствой, узкой теорией. Они воспроизводили действительность с полной прав-

Н. Е. СВЕРЧКОВ. Псарь. 1860-е.

Н. Е. СВЕРЧКОВ. Возвращение с охоты. 1870.

дой и искренностью только потому, что близко стояли к жизни, что любили ее, что им *хотелось* ее изображать*.

С 40-х годов, после того, как в критике были сделаны удачные попытки формулировать и систематизировать *post factum* свободное вдохновенное искусство наших великих писателей 20-х и 30-х годов, реализм стал и в русской литературе, а затем и в русской живописи обязательным лозунгом. Он теперь уже не вытекал естественно из личной склонности художников к жизни, но являлся стройной, разумной, а главное, навязываемой теорией, целым вероучением, имевшим своих фанатиков, еретиков и врагов. Шло это учение, как все в нашей культуре за последние 200 лет, с Запада, где в сороковых годах на смену романтизму явилось отрезвление и раздались требования вернуться к насущным вопросам, взглянуть на окружающую действительность как на единственно доступный объект серьезного изучения. Тогда в философии восторжествовал позитивизм, в общественных науках — социализм, в искусстве — реализм. Однако никогда на Западе, где скрещивалась такая масса традиций, где было так много культурных наслоений, реалистическое течение не приобретало (если не считать одного Курбе) такой детски наивной прямолинейности, такой безумной ясности и безусловного деспотизма, как у нас, особенно в нашей живописи.

В 1855 году, еще в самом начале нового течения, появились «Эстетические отношения искусства к действительности» Чернышевского, и в этом сочинении уже прямо говорится, что «Прекрасное есть жизнь», что «величайшая красота есть именно красота, встречаемая человеком в мире действительности, а не красота, создаваемая искусством»**, «едва делается действительность сколько-нибудь сносной, скучны и бледны кажутся перед ней все мечты воображения».

Трактат Чернышевского, несмотря на свою наивность и смешную прямолинейность, для своего времени был пророческим словом. Он был вызван всем настроением тогдашней молодежи,

* Лишь Венецианов среди них принадлежал к известному, определенному художественному толку, но и он принадлежал к нему совершенно свободно, по доброй воле, по вдохновению, а не в силу какого-либо учения извне, которое связывало бы его творчество. Совсем другое его ученики: они питались уже готовым, сложившимся учением (очень узким, потому что в развитии его принимали участие далеко не все художественные силы того времени) и, как люди ограниченные, превратили его в тесную, неподвижную формулу, из которой не было выхода. Из этой формулы можно было только насильно вырваться, но тогда неминуемо попасть в другие тиски, еще худшие: в академизм. Заряноко был наиболее последовательным из венециановцев, и как раз он низвел все милое, высокохудожественное искусство своего учителя до какой-то рабской сьемки, до каких-то вымеров и вычислений. Весьма печально, что его тупоумное, робкое отношение к живописи отчасти отразилось затем на технике всех его учеников, иначе говоря, на всех главных представителях русской реалистической школы 60-х и 70-х годов, вышедших почти поголовно из Училища Живописи и Ваяния, где Заряноко был профессором.

** Как будто всякая красота не есть уже создание искусства? Как будто так называемое пленение нас природой не есть продукт некоторого творчества внутри нас самих, а не мертвой, безличной природы?

легко и самоуверенно шедшей на бой, с юношеской опрометчивостью глядевшей на все, что встречалось по пути. Наивность, с которой изложены в «Эстетических отношениях» плохо переваренные мысли западных социалистических и позитивных мыслителей, скорее, даже способствовала успеху брошюры в нашем еще полурембрантовском обществе.

«Единственная цель большей части произведений искусства», говорил Чернышевский, повторяя то, что уже носилось в воздухе (а за ним повторяли бесчисленные его адепты), «дать возможность хотя в некоторой степени познакомиться с прекрасным в действительности тем людям, которые не имели возможности наслаждаться им на самом деле. Единственное значение их: служить напоминанием, возбуждать и оживлять воспоминания о прекрасном в действительности у тех людей, которые знают его из опыта и любят вспоминать о нем». Такие слова были равносильны отрицанию искусства, самой сущности его, низведением его до степени фотографии или других, механическим способом добытых документов. Личность художника: его свободный полет, порыв его вдохновения, его искание тайны и высшей правды — была безжалостно задавлена, как теми социальными требованиями «полезной» деятельности, так и этой ограниченной эстетикой.

Одно, впрочем, добавляло другое. Раз видели в искусстве лишь «аляповатую копию с «прекрасной» действительности, то совершенно было последовательно не считать достаточным для права существования искусства в благоустроенном обществе свободное, бесцельное (или, вернее, самоцельное) изучение художником хотя бы той же действительности. От художника стали требовать в придачу: «содержание», «объяснение жизни» и, наконец, «приговор над изображенными явлениями» — все это вдобавок с известной «прогрессивной» точки зрения. Искусство представлялось для Чернышевского и ему подобных каким-то Handbuch'au, руководством для начинающих изучать жизнь. Его значение сводилось к тому, чтоб приготовить к чтению источников и от времени до времени служить для справок.

На смену великолепному и свободному истинному искусству требовали теперь совсем иного, исполняющего служебную роль. Литература, впрочем, жившая самостоятельной жизнью, имевшая уже прекрасное прошлое, не пожелала в лице лучших своих представителей подчиниться фантастическим требованиям времени (и это несмотря на вопли и брань передового общества). Зато живопись (и как раз ее наиболее свежие, жаждавшие света и жизни силы) покорно пошла под ярмо, должно быть, вследствие своей беспочвенности, а также вследствие малой культуры своих представителей.

Все это движение нашло себе дружную поддержку во всевозможных, одно время очень многочисленных, органах прогрессивной печати. Самым значительным его поборником является В. В. Стасов, первый специально-художественный русский критик, широко образованный человек, обладающий разносторонними и серьезными знаниями. К сожалению, и его совсем закрутило в общем водовороте, и потому ему не удалось выработать

свои, бесспорно, живые и интересные взгляды во что-либо стоящее вне суеты и сутолоки проходящих теорий. Тем не менее Стасов заслуживает только уважения всех интересующихся судьбами русского искусства, так как он был первый и временами единственный авторитетный писатель, защищавший лишь с редкими отдыхами и передышками свое ограниченное, но все же живое искусство от подчас очень сильного натиска академизма или от отвратительно плоских нападок популярных, забавляющих раек, критиканов.

XX

140

Несколько событий в чисто художественной сфере особенно способствовали тому, что новое направление, которое можно было бы назвать реально-обличительным, приняло такие широкие размеры и превратилось мало-помалу в одно крепкое целое. Если бы художественное образование в 40-х и 50-х годах продолжало вестись так же, как оно велось в 20-х и 30-х годах, если бы оно по-прежнему концентрировалось только в парниках Академии, то никакой перемены в росте и развитии нарождающихся сил и не могло бы произойти. Как бы ни были талантливы молодые люди, они, заключенные с ранней юности в стены художественной казармы, по необходимости должны были бы всегда переиначиваться на один, раз навсегда утвержденный лад, превращаться в скучных и лживых академиков. Но Академия уже в 30-х годах решила, из чисто экономических соображений, бросить свою прежнюю систему, и это решение в начале 40-х годов было приведено в исполнение. «Казеннокоштные» ученики были упразднены. Отныне все желавшие получить художественное образование должны были являться в здание Академии только для уроков, остальное же время они оставались на свободе, среди клокующей жизни. Такое нововведение очень дурно отразилось на манерах русских художников. Прежние ученики Академии выходили из нее если не хорошими художниками, то очень аккуратными, благовоспитанными молодыми людьми, умевшими танцевать менуэты и лансье и даже знавшими две три французские фразы. Теперь художественная молодежь стала грубой, ходила в рубицах, представляла собой жалкое сборище мужиковатых бедняков. Из той чрезмерно чинной и приличной среды трудно было выйти не обезличенным; эта новая, неприглядная с виду среда, наоборот, могла только способствовать образованию самостоятельных художников. Уже в конце 40-х годов возникли кружки из самых смелых голов и страстных поклонников новых течений, и в этих кружках хотя и бесполово и вздорно, но с жаром и неистовством толковали об искусстве. Без сомнения, эти собрания и толки больше способствовали тому, чтобы жизнь и теплота проникли в русскую живопись, нежели прописные восторги профессоров от Лаокоона или эффектные, но пустые фразы Брюллова. Когда дух обновления и свободы пронесся над всем русским обществом, кружки эти первые запротестовали против академической кабалы.

Вторым обстоятельством, немало способствовавшим эмансипа-

ции русского искусства, было основание также в 40-х годах (зарождение произошло еще в 30-х) Училища Живописи и Ваяния в Москве. Это был еще один лишний удар, нанесенный неограниченному прежде авторитету Академии. Положим, Академия была тогда еще настолько сильна, что сейчас же вступила в отношении протектората к новой школе, однако если это и имело некоторые дурные последствия, то все же оно не могло совершенно уничтожить хорошей стороны дела. Во всяком случае, Академия не могла помешать развиваться в Москве вокруг Училища обособленному и вовсе не чиновническому миру любителей и художников, в котором и воспитались лучшие представители нового направления. Впрочем, если бы даже и захотела московская школа превратиться в настоящую академию, то ей это было бы не по силам. Она не обладала нужными на то огромными средствами, которые искусственно поддерживали бы такое безжизненное и внежизненное учреждение. Московское Училище было, скорее, какой-то провинциальной школой, где три или четыре профессора никак не могли спеться, где поэтому царила большая свобода, почти распушенность. Там учили и учились как-нибудь, немножко на авось, но поэтому-то туда свободно могла проникнуть жизненная струя, еще свободнее, чем в преобразованную Академию художеств, в которой все же многочисленные и чиновные профессора, медали, звания и посылки за границу играли и теперь еще большую порабощающую роль.

Третье обстоятельство явилось фатальным следствием первых двух. Это обстоятельство, известное в истории русской живописи под именем «отказа 13-ти конкурентов», дало главную, решительную силу новому течению.

В Москве, этом истинном центре русской духовной жизни, появились первые новаторы, создавшие в конце 50-х и начале 60-х годов первые образцы новой живописи; в Петербурге кружок наиболее пламенных молодых художников, пропитавшийся прогрессивными взглядами, увидел в этих московских образцах воплощение своих мечтаний. Пора было повести дело в открытую и порешить со всем навязанным и рутинным хламом: с мифологией, с драпировками, с рыцарями, пажами и всем пестрым наследием Карла Павловича. Юные головы стали мечтать о том, как бы преобразовать по-своему древнюю *Alma-Mater*, как бы превратить Академию из охранительницы заветов навеки учрежденного «классического» искусства в простую, свободную школу жизненного искусства, в которой учили бы только справляться с техническими трудностями.

Затем была наивная и обнаруживала полное незнание настоящего положения дел, в особенности же незнания тех, от кого это положение дел зависело. Нам теперь представляется прямо смешным, что эти молодые люди могли ожидать, что такие мумии, как Тон, Пименов, Марков или Басин, а главное, глубокий и серафический Бруни, так-таки согласятся на то, чтобы отныне вместо достославных геройских событий, вместо касок и мантий обучающаяся у них молодежь писала одну деревенщину и мещанщину, смазные сапоги и тулупы да еще получала за это медали. Однако только благодаря этой наивности, этой уве-

П. Л. ФЕДOTOB. «Бедной девушке краса — стертная нос». (Мышеловка.) 1945.

ренности, основанной на неведении, кружок Крамского перешел от теории к практике.

Впрочем, здесь отчасти были виноваты и сами академические профессора. Десять лет назад они дали волю своему восторгу, когда появился Федотов, а теперь чрезвычайно поощрительно отнеслись к первым опытам в том же роде — Перова, Мясоедова, Якоби, Корзухина, Петрова и Пукирева. Они все еще не подозревали, что жизненность в творчестве этих художников подводила мину под высокомерное и ненужное сооружение, коего они были недостаточно бдительными стражами. Рассеянность и неосторожность этих жрецов «высокого» искусства достигли даже таких пределов, что они пошли было навстречу робким сначала требованиям молодежи и не отказывались, вместо прежних героических и выпренных тем, задавать на второстепенных экзаменах более общие, более жизненные программы. Они опомнились только тогда, когда молодежь, ободренная их податливостью, донельзя смелая молодежь 60-х годов вдруг отказалась от последних компромиссов и объявила, что заданных определенных программ вообще не признает.

Это уже было неслыханным по дерзости делом. Если бы Академия согласилась уступить такому требованию, она подписала бы свой собственный смертный приговор, так как сущность всей академической системы ведь и заключалась всегда в подчинении художественного творчества чужой воле, чужому заданию. Ведь во все времена главной целью Академии было изготовление официальных художников, *работающих на заказ*. Академия поэтому поступила вполне логично, когда наотрез отказалась дольше поддаваться фантазиям молодежи и, повернув резко назад, задала в 1863 году программу на золотую медаль самого отъявленно-академического типа, с сюжетом из скандинавской мифологии. 9 ноября этого года, знаменательный в истории русского искусства день, все 13 конкурентов на золотую медаль (среди них Крамской, Корзухин, К. Маковский, Морозов, Дмитриев-Оренбургский и Лемох), не согласные с той программой и с программами вообще, отказались совершенно от принятия участия в конкурсе и покинули Академию. Это был великолепный скандал, мятеж в стенах самого чопорного казенного учреждения, маленькая революция, показавшаяся, однако, настолько значительной, что о ней было запрещено писать в газетах.

Крамской был душой всего дела. Этот умный, толковый и пылкий человек стоял по образованию (с трудом доставшемся ему собственными усилиями) несравненно выше всей группы и поэтому приобрел в ней значение вожака. У него в квартире, при его непосредственном и главном участии, происходили все те подготовительные неистовые споры и разговоры. Там обсуждались политические события, нравственные и философские вопросы и, наконец, вся дальнейшая программа действий для русского искусства. Под его руководством велась вся «интрига» против академического совета, им же устроена Артель художников, и при его деятельном участии учреждены Передвижные выставки. Крамской как художник не занимает особенно выдающегося положения в русской живописи, но как мыслитель, как

человек, научивший своих собратьев и русское общество серьезно и с проникновенной любовью относиться к искусству, он заслужил вечную благодарность тех, кому оно дорого. Впрочем, эта *серьезность* Крамского была одновременно и слабым местом его деятельности. Во имя этой серьезности он и поддерживал всеми силами ложь направленного течения.

Очувтившимся на свободе молодым людям стало жутко. Нигде, ни в ком они не встречали поддержки: не присяжные же меценаты, *богатые* люди, могли оценить их предрезостный, мятежнический, «опасный для общественного спокойствия» поступок? Утешением для них было лишь то, что этот поступок возвысил их в мнении передового общества и укрепил их собственное самосознание: он поднял их нравственное чувство настолько, что еще впоследствии Крамской называл эти дни «единственно честно и хорошо прожитыми во всей жизни». Оставался, впрочем, один выход из тяжелого материального положения. Нужно было только, раз сплотившись и дерзнув, уже более не распадаться, дерзать дальше и общими силами пробивать дорогу. Решено было основать совершенно в духе времени «Художественную Артель», и решение это тотчас же было приведено в исполнение.

В сущности, это было учреждение дикое. Все были связаны, и никто не свободен. Артель не отказывалась и от наименее художественных подрядов. В основании ее находилось крайне непрактическое положение: самые горячие головы, самые нервные, мнительные и наименее уживчивые люди — художники — должны были, да еще с семьями, жить вместе, в одной квартире, чуть ли не заодно работать. Получался гнет, нажим, пожалуй, такой же несносный, как в Академии. Однако на первых годах артель имела благодетельное значение для этих беспомощных, бесприютных молодых людей. Она единственно могла обеспечить их материальное благосостояние и сплотить их воедино для общей борьбы. Притом в то время во имя идеи общественности можно было и не то еще перенести. Первые годы курьезная община, благодаря взаимным уступкам и внимательному друг к другу отношению, просуществовала даже довольно весело и дружно, наслаждаясь, после душных и смрадных каморок, светлым и просторным общим помещением, а также постоянными горячими беседами. Артель заслуживает сочувствия историка уже потому, что она была колыбелью общества передвижных выставок; из нее вылушилось знаменитое «Товарищество», оказавшее, на первых по крайней мере порах, безусловно, благодетельное влияние на дальнейшее развитие русской живописной школы.

«Товарищество передвижных выставок», утвержденное в 1870 году (инициаторами его были Мясоедов и Перов), оказалось несравненно более жизнеспособным, чем артель. Оно просуществовало до самых наших дней, сохраняя почти без изменения свой коренной характер, высоко держа знамя реалистического и «идейного» искусства, к которому и привилось у нас в конце концов наименование «передвижнического». Начиная с Перова и кончая Левитаном и Серовым, все выдающиеся представители здорового, основанного на изучении жизни, искусства, а также

все те, которые пытались в форме изображений действительности выразить свои нравственные и политические взгляды, все, кроме одного Верещагина, были передвижниками. Их дружное, неотступное от основных принципов реализма, творчество приучило русскую публику «видеть жизнь» в искусстве, отличать в нем правду от лжи. Если при этом, благодаря тому же влиянию передвижнической проповеди, и проникало в наше общество немало вредных и нелепых взглядов, если и укрепилось чисто литературное отношение к искусству, то все же деятельность наших художественных «шестидесятников» и «семидесятников» навсегда останется весьма и весьма почетной, хотя бы уже и потому, что она окончательно подточила основы академизма.

Здесь следует упомянуть об одном превосходном русском человеке, которому передвижники всего более обязаны своим процветанием, а следовательно, успехом и влиянием: о П. М. Третьякове. Он поддержал с помощью покупок и заказов «Товарищество», он составил из этих заказов и покупок единственный в мире по полноте Музей Национального Искусства и пожертвовал его на общую пользу городу Москве. Но насколько почетны и симпатичны личность и деятельность Третьякова, настолько же огорчителен тот неоспоримый факт, что не будь его у нас, пожалуй, не было бы никакого развития чисто русского, жизненного искусства. Без его помощи русская живопись никогда не вышла бы на открытый и свободный путь, так как Третьяков был *единственный* (или почти единственный), кто поддержал все, что было нового, свежего и дельного в русском искусстве. Не указывает ли один этот факт, как мало интереса в русском обществе к искусству, какой ненужной, занесенной из чужих краев роскошью оно считается во мнении подавляющего большинства?

Реалисты-передвижники завоевали для искусства жизнь, правду, искренность. Вполне естественно, что на их же выставках стали появляться первые проблески дальнейшего фазиса русской художественной мысли: первые проблески русского идеализма. Ге и Крамской открыли ряд, а вслед за ними явились большой знаток русской народной красоты Виктор Васнецов и большой поэт русской древности — Суриков. На передвижных же выставках выступили Нестеров, Поленов, Коровин и Малютин.

Однако реализм типичных первых передвижников, в сущности, был далеко не чистого свойства. Слабая сторона всего типичного передвижничества, та сторона, которая нас заставляет теперь видеть даже в наиболее прославленных когда-то картинах их направленческую и народническую «позу», заключается не в том, что их творцы чрезмерно увлекались жизнью, а в том, что они, напротив того, не отражали всецело ее. Огромный недостаток этих художников заключается в том, что они подходили к жизни с *заготовленной идейкой* и затем все свое изучение жизни *подстраивали* согласно этой идейке. Когда мы глядим теперь в музеях на те же картины, которые в дни нашего детства заставляли волноваться целые города, то нас, говоря откровенно, непременно охватывает тоска. Все это темное, нудное, неумелое, все эти житейские, а не жизненные интересы, мелкие, еле слышные протесты, слабое хихиканье или грубая, но немощная

брань — все это с первого взгляда коробит нас и угнетает чуть не до отчаяния. Однако во имя прежнего увлечения следует разобратся во всем этом, вникнуть и взглядеться. Тогда то тут, то там из-под скучной маски этого отжившего направления снова прозвучит теплое, задушевное слово, снова откроется любовное отношение к действительности, сердечное внимание к народной жизни, даже кое-где засквозит поэзия, что-то милое и дорогое, а этого всего в картинах Бруни и Брюллова уже ни за что не сыщешь, сколько ни ищи.

Для массы значение передвижников громадно. Они продолжили дело Федотова. Они приучили русскую публику *останавливаться* перед картинами, заинтересовали и увлекли ее. С их появлением только и начинается вообще хоть кое-какая связь между русским обществом и русскими художниками.

XXI

Между смертью Федотова и выставкой первой картины Перова прошло целых шесть лет, но за этот период времени не появлялось ничего яркого. Это были годы затишья, как в нашем искусстве, так и во всей русской жизни. Шла тайная выработка новых воззрений, новых требований и отношений между людьми. В самый год смерти Николая I появился трактат Чернышевского, содержащий новую эстетическую программу, но те художественные силы, которые должны были воплотить эти новые воззрения, только еще зрели. На виду были лишь эпигоны академизма: исторические живописцы и слащавые жанристы вроде Чернышева, Зичи и Ив. Соколова да еще несколько стоящих в стороне скромных реалистов, отпрысков Венецианова и Орловского. Этих последних, впрочем, можно было бы назвать и предвозвестниками чистого реализма, явившегося гораздо позже — в 80-х годах, на смену «общественной» и «литературной» школе Перова.

Среди этих простых изобразителей действительности, на которых мы теперь должны остановиться, наибольшего внимания заслуживает Петр Соколов, сын того превосходного миниатюриста, о котором было упомянуто выше. Этот художник пробыл в Академии так мало времени, что не успел заразиться ни от Штернберга, ни от Брюллова, и развился вполне самостоятельно. Он выступил очень рано, двадцатилетним молодым человеком, еще в 40-х годах, и сначала поддался было модному вкусу. Однако ему плохо удавалось жеманничать в манере Зичи и Чернышева, и мало-помалу он стал работать, повинаясь только своему влечению. Это был человек с вечно возбужденными нервами, обладавший непреодолимой склонностью к выдумке — традиционный тип охотника, склонный постоянно интриговать и хитрить, даже там, где этого вовсе не требовалось. При всем том в глубине души он был ярым поклонником правды, действительности и, как никто из художников-сверстников, любил и знал русскую жизнь. Про П. Соколова ходит масса анекдотов, рисующих его с очень невыгодной стороны, однако все эти поступки были, скорее, художественными выходками и не при-

П. А. ФЕДOTOV. Крестины. 1847.

носили ему ровно никакой выгоды. Он только тешил им свою чудаческую натуру. В нем было много ноздревского, но и много карамазовского, во всяком случае, типично русского сумасбродства, необузданного, дикого, но яркого и в некотором отношении даже чарующего. В конце концов художник этот, имевший блестящий талант, большой успех и значительные связи, ровно ничего в житейском отношении не достиг, ни с кем не сблизился и умер в одиночестве, полузабытый, почти в бедности.

Его творение вполне отражает его личность. Все оно проникнуто неистовством и необузданностью. Типичные «Петры Соколовы» — это те его картины, по преимуществу охоты и народные сцены, которые созданы в порыве, в пароксизме, тят да ляп, точно зря. Они писаны всем, чем попало: и акварелью, и гуашью, и пастелью, и маслом. Физиономии действующих лиц покосились от страсти или заплыли от пьянства, одежда на них мятая и рваная, лошади или мчатся в бешенстве, или в виде ужасных кляч еле перебирают ногами, избы готовы развалиться, дороги непролазны от слякоти, небо тускло до отчаяния, а леса обдерганы осенним ветром. В Петре Соколове странным образом соединились черты необузданного романтизма и самого искреннего реализма. С годами эта страстность, это искание крайнего настроения не покинули художника. Последние его вещи такие же, если еще не более страстные, чем те, которые написаны 30, 40 лет тому назад. Он так и не успокоился, не остепенился. Совсем дряхлым, большим стариком он все еще ходил целыми днями на охоту, а затем с таким же увлечением, как прежде, рассказывал о своих настоящих, а иногда и выдуманных похождениях. Таким-то диким и загадочным стариком изобразил он себя на изумительном собственном портрете (в Музее Александра III): взъерошенным, исхудалым, с болезненно-серым цветом лица, но со светящимися из-под очков стальными, хищными глазами.

150

Как Орловский, так и Петр Соколов брался решительно за все и на все накладывал отпечаток своей страстности, своих порывистых увлечений. Часто его произведения неприятно поражают своей излишней развязностью, но зато в них никогда нет ничего такого, что отдавало бы скукой, шаблоном. Иногда он даже мог быть превосходнейшим портретистом, что доказывают уже упомянутый портрет и великолепный портрет Сергея Атавы (также в Музее Александра III). Некоторые его сценки из светской жизни изумительны по блеску и оживлению, другие только красивы по краскам и пятнам, наконец, должен сознаться, что есть и такие, которые по своей безвкусной приторности и пошлой неприличности оставляют позади себя даже парижские скабрёзные картинки. В этих крайностях и непоследовательностях — весь Соколов. Иногда он брался за «исторические жанры» в духе Зичи, и они у него выходили более грубыми, но зато менее слащавыми, нежели у его прототипа. Наконец, известны несколько его религиозных композиций («Моление о Чаше», «Усмирение бури» и др.), имеющие свои очень крупные, чисто живописные достоинства и не лишённые известной доли поэзии.

Рядом с Петром Соколовым следует упомянуть о Сверчкове, имевшем с ним кое-что общее. Этот художник настолько подорвал свою репутацию однообразной плодovitостью и лавочной производительностью, что в наше время Сверчкова как-то перестали считать за величину, за художника, игравшего хоть некоторую роль в истории русской живописи. Однако справедливость требует не забывать о нем. Сверчков также выступил еще в 40-х годах. Он тогда же отмежевал себе крохотную область, в которой и проработал затем всю свою многолетнюю жизнь. Петр Соколов был энциклопедистом, он брался за все. Сверчков был только «лошадником», и если с точки зрения анатомии и в сравнении с фотографиями его сценки с лошадьми и не выдерживают критики, то все же эти сценки могут доставить некоторое, положим, не высокое, наслаждение. Сверчков все же *видел жизнь*, хоть один клочок ее, и этого достаточно для того, чтобы мы признали его историческое значение, так как в 40-х и в начале 50-х годов, в это фальшивое и натянутое время, и такие, еле заметные теперь, проблески были чрезвычайно редки, а потому и драгоценны. Как-никак, а в этих почти жалких произведениях нашего отечественного «Бюрокеля» отразилась частичка русской поэзии. Как-никак, а сумел же Сверчков передать то милое, жалкое, приниженное типично русское, что есть в наших сивках, или то веселое, бодрое, забавное, опять-таки очень характерное, что есть в наших мелких, но крепких лошадаках. Сверчков нашел эту «русскую лошадку», которая только мерещилась Орловскому и которую вовсе не понимали заезжие, очень искусные иностранцы и их ученики из русских. Пожалуй, уже от Сверчкова «выучился русской лошадке» Петр Соколов, а за ним все последующие, кто брался за те же сюжеты.

Здесь можно было бы еще упомянуть о Попове. Он также выступил еще до Перова и также, скорее, должен быть отнесен к чистым реалистам, в противоположность нашим доморощенным па'точным Salonmaler'am, в духе Зичи и Чернышева, и художникам-литераторам, выступившим в 60-х годах. На свое несчастье, Попов имел в самом же начале своей карьеры выдающийся успех во влиятельных кругах, и не успел он окрепнуть, как уже был отправлен «для усовершенствования» в чужие края. Малоподготовленный, наивный, он был там, как и все его предшественники, сейчас же сбит с толку и вернулся оттуда зараженный одною лишь модной приторностью лавочного французского и итальянского художества. Те картины, которые были написаны им до поездки: «Демьянова уха», «Чаепитие в трактире», несколько подстроенная, но все же живая сценка на «Нижегородской ярмарке», — обнаруживают в нем внимательного и довольно искусного художника. Пожалуй, еще недурно и то, что им сделано тотчас же по возвращении, очевидно, под ярким впечатлением родных местностей и нравов (например, его «Балаганы», 1868 г.). Зато остальное: его сценки из итальянской жизни и некоторые бонбоньерочные жанрики начала 70-х годов — достаточно свидетельствует о полном его художественном извращении. Впрочем, вероятно, он сам сознал свое падение, так как с 1873 года совершенно перестал появляться перед публикой.

Наконец, среди молодых художников, выступивших уже в 60-х годах, нашлись двое, которые имели больше общего с этими чистыми реалистами, попросту, без академических прикрас и назидательных тенденций, изображавшими жизнь, нежели со своими сверстниками. Одного из них, Морозова, прямо можно было бы принять за запоздалого Венецианова, и положительно, несмотря на то, что он жил в эпоху самого страстного протеста и даже был одним из 13, покинувших в 1863 году Академию, нельзя не видеть его сродства с флегматическими, несколько туповатыми художниками 20-х и 30-х годов.

Морозов — вылитый Щедровский: то же хладнокровие, то же механическое, бесстрастное списывание, но зато та же точность, сообщающая его картинам значение отменных документов. Хотя сильно они пообчищены и заполированы, но все же правдивы и тем самым драгоценны, если и не в художественном отношении. Вследствие этой изрядной точности или благодаря случайности в его беспритязательных вещах иногда проглядывает даже какая-то поэзия. Правда, некоторую прелесть придают им их отдаленность от нас, их уже несколько «дедовский» характер («Выход из церкви» и «Школа» в Третьяковской галерее). Хотя это еще не много значит, но все-таки следует отметить, что единственно на его скромненькой картинке, в которой, как в темном зеркале, отразились солнечный денек, лужайка, елочки и старичок, лежащий под деревом, отдыхает глаз в том отделении Музея Александра III, где висит эта картинка и где собрано, к сожалению, немало ужасных произведений любимцев нашей публики.

Второй из числа реалистов 70-х и 80-х годов — Ковалевский, сухой и безжизненный живописец, лишенный всякого темперамента, представляется интересным потому только, что и он рещался просто копировать природу в такое время, когда это считалось унижительным, когда казалось совершенно необходимым в картинах или что-нибудь рассказать, или что-либо прочесть назидательное.

Продолжение следует.

АНТРЕПРИЗЫ
АЛТЫ

Е жедневные репетиции. По вечерам спектакли. Преподавательские, администраторские проблемы... Маленькая тоненькая женщина с неподражаемой грацией и милой улыбкой воочию показывает, на что способен человек, если он увлечен своим делом.

Алла Сигалова — женщина уникальная. Уже шесть лет она руководит созданным ею самой театром. «Независимая труппа Аллы Сигаловой» хорошо известна театральным зрителям. Ее спектакли, в которых участвуют и драматические, и балетные актеры, всегда собирают аншлаги. Воистину этот театр синтетический, театр дивных зрелищ, прекрасной музыки, утонченных пьес. Труппу Сигаловой приютил у себя «Ленком». Там мы и встретились с ней после репетиции.

— Алла, как вас на все хватает? Ведь руководство театром, преподавание в ГИТИСе да еще игра на сцене требуют колоссальных душевных да и физических затрат.

— Самое страшное — дать себе расслабиться. По опыту знаю: тогда все пойдет прахом. Поэтому нет даже выходных, постоянно нахожусь в действии. Но мне это нравится, ведь в работе вся моя жизнь.

— С чего началось осуществление вашего «безумного» проекта частной антрепризы?

— Конечно, безумного. Но «безумству храбрых...». В конце 80-х создание частной антрепризы казалось делом нереальным. Требовалось много денег, а их у нас не было. Мне повезло: удалось найти спонсора — акционерное общество «Анис». Ну а все остальное — дело техники и трудолюбия. Сейчас в штате моего театра

14 человек: актеры, художники, постановщики. Все, как в обычном театре, только в небольшом масштабе.

— Кого вы смогли привлечь в труппу? Среди актеров есть ваши бывшие студенты?

— К сожалению, нет. В основном это выпускники актерского факультета, а я преподаю на режиссерском.

— Когда я училась в ГИТИСе, то много слышала о ваших знаменитых уроках хореографии. Вы тоже выпускница ГИТИСа?

— Я окончила Ленинградское хореографическое училище имени Вагановой. А потом действительно продолжила учебу в ГИТИСе на режиссерском факультете. Моими педагогами были И. Туманов и А. Эфрос. После окончания института меня «пригрели» на кафедре, с которой я до сих пор не могу расстаться. Очень люблю наших студентов: народ веселый, молодой, творческий...

— О вас всерьез заговорили в 1987 году, когда Роман Виктюк поставил в театре «Сатирикон» спектакль «Служанки». Вы были автором пластической партитуры. По-моему, великолепная работа. Как состоялся ваш союз с Виктюком?

— В то время я работала в штате «Сатирикона». Роман Григорьевич хотел воплотить свои замыслы именно на нашей сцене. Так родился спектакль. Впрочем, это было слишком давно. Сейчас спектакль растиражировали, и о нем уже нет смысла говорить.

— У «Независимой труппы» много постановок?

— Восемь. Первыми были «Игра в прятки с одиночеством» и «Отелло». Последняя — спектакль «La Divina», посвященный Марии Каллас. Но каждая рабо-

та — это этап жизни. Осмысленный и упоительный, часть моей души и судьбы.

— Многие считают, что ваш театр элитарен. Вы согласны с этим?

— Не знаю, что такое элитарность. Работаю, как умею, чувствую, понимаю. Ничего не делаю специально «на публику». И уж зритель выбирает: принимать или не принимать. В искусстве надо оставаться самим собой, а слово «элита» в наше время очень неопределенно. Потому что иной рядовой зритель часто воспринимает высокую культуру тоньше, нежели министр или так называемые «знатоки».

— Недавно в театре «Эрмитаж» состоялась премьера режиссера Романа Козака «Банан» по пьесе С. Мрожека «Вдовы». Как родилась идея этого спектакля?

— Мы, команда увлеченных людей из разных театров, решили поставить последнюю пьесу замечательного драматурга. Я тоже принимаю в ней участие как актриса, хотя обычно редко выхожу на сцену.

— В вашем театре работают актеры без специального хореографического образования. Откройте секрет: как вам удастся достигнуть с ними такого совершенства в искусстве пластики?

— Приходите к нам на репетицию — увидите, семь потов согнано.

— Неужели все сами, без помощников?

— Конечно, сама. Считаю, что в театре должен быть один хозяин. И пока меня физически и морально хватает на это «хозяйство», в помощи я не нуждаюсь.

— Где можно посмотреть спектакли «Независимой труппы Аллы Сигаловой»?

— Чаще всего мы арендуем

сцену Театра на Таганке. А репетируем здесь, в «Ленкоме». Я очень благодарна Марку Анатольевичу Захарову, радушно приютившему нас.

— Алла, ваши спектакли с большим энтузиазмом посещают театральные критики...

— Лучше бы они пореже ходили на премьеры. Спектакль совершенствуется со временем.

— Что бы вы пожелали читателям журнала «Смена»?

— Любви, любви и еще раз любви! Ведь это самое главное в нашей жизни.

ЕЛЕНА САСИМ

Фото на 4-й обл.
ВЯЧЕСЛАВА ПОМИГАЛОВА

“ГЕРБАЛАЙФ”

ТРАВА ЖИЗНИ!

■ Американский экологически чистый продукт питания на основе трав избавит вас от лишнего веса, нормализует давление, поможет быть энергичным и бодрым. Ах, как вы будете выглядеть на пляже!

■ Подробности в «Смене» № 11—93 г. Доставьте удовольствие прекрасному полу — купите СЕКС-КРЕМЫ!

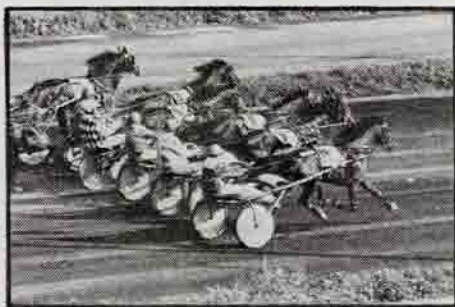
■ Спасение для всех — ФИЛЬТРЫ — КУВШИНЫ «МЕТТЭМ» (9 \$) для очистки водопроводной воды дома и на даче.

■ Чудо в вашем доме — вибрационно-вакуумный ГИДРО-МАССАЖЕР (12 \$).

У НАС САМЫЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ!

Тел./факс: (095) 245-40-72, 245-59-56

С СЕРГЕЙ МАШИН МЕТЛОЙ

И В КАМЗОЛЕ

156

Всегда считалось и считается, что работа с лошадьми, работа конюха — дело сугубо мужское. Но вот удивительный факт: на Московском ипподроме большинство конюхов — женщины. Юные, красивые. Филиал Голливуда, честное слово.

А наездники — почти все мужчины. Женщин-наездниц, кажется, всего пять. То есть мужчины там, где борьба, где красивые камзолы, публика, азарт, аплодисменты, призы. А там, где надо кормить и поить, терпеть, любить, ухаживать, — женщины.

Из истории

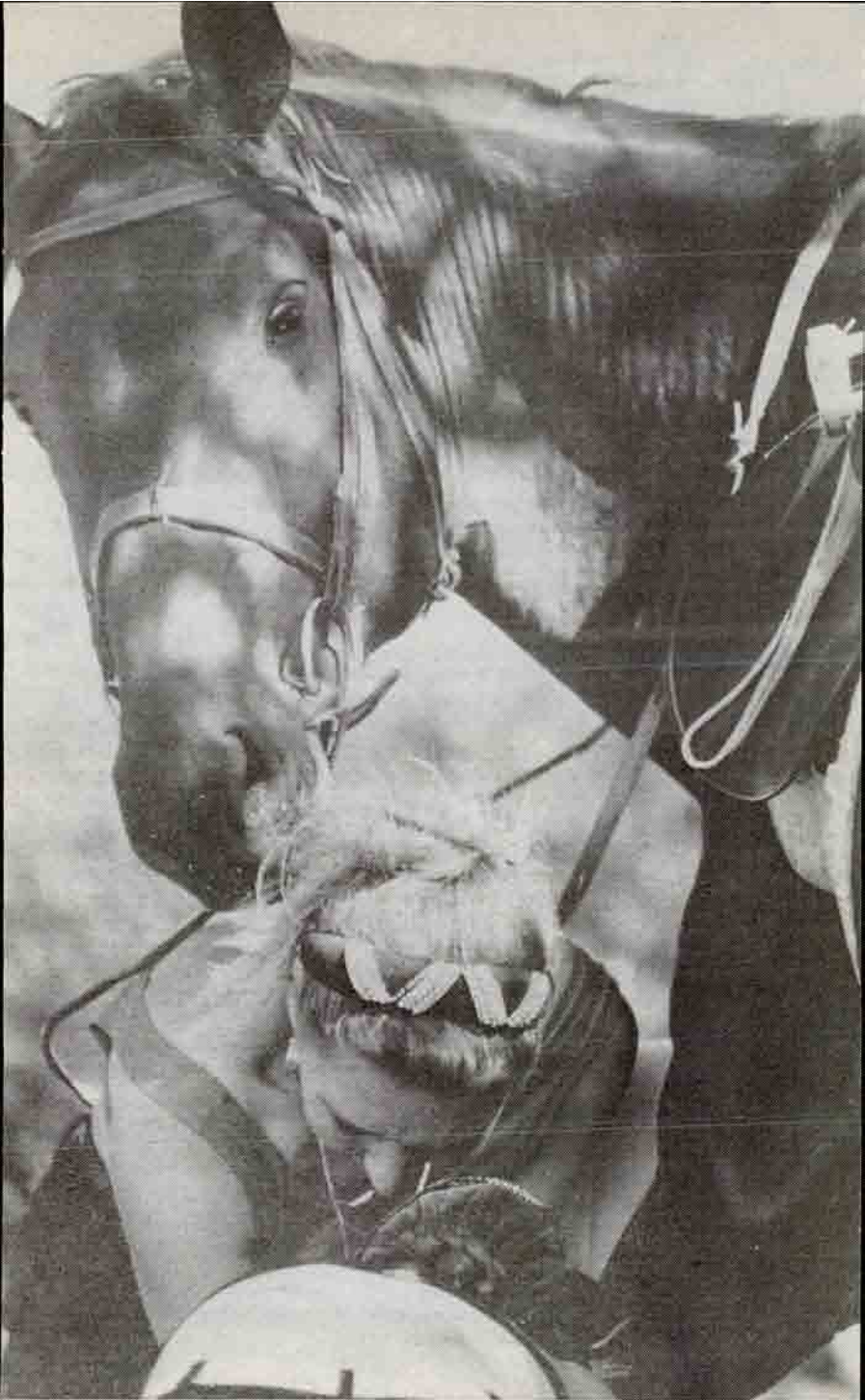
В 1834 году Московскому Обществу охотников рысистого бега была выделена на Ходынском поле 121 десятина земли. 1 августа здесь состоялись первые в России бега. С этого времени и ведет свою летопись Москов-

ский ипподром. Первым победителем ипподромных бегов стал рысак Горностай. А уже через два года его результат улучшил на целую минуту (!) рысак Бычок, внук знаменитого Холстомера.

С тех пор территория ипподрома сократилась втрое. Нынешний облик он приобрел в 1954 году, когда были построены новые трибуны. На ипподроме четыре беговые дорожки: две рабочие и две призовые. Здесь ежегодно испытываются тысячи лошадей, поступающих из конезаводов и конесовхозов России. В многочисленных службах громадного хозяйства работает более 600 человек.

Деревня

Первое, что я увидел на дорожке Московского ипподрома, была собака. Довольно крупный пес, очень колоритный, как будто за- давшийся целью воплотить в себе

типичные черты сельской дворняги: и лопоухость, и клочковатую шерстюгу непонятной расцветки, серо-бурую, со слабым отсветом рыжизны, и добродушную морду, и... в общем, типичный деревенский кабысдох. По дорожке ипподрома неслись рысаки, запряженные в качалки, а он бежал вплотную за последней качалкой с ответственным таким видом, будто выполнял очень серьезную, необходимую работу.

Я прошел ипподромное поле наискось, мимо остатков препятствий (когда-то на Московском ипподроме проводились и соревнования по стипль-чезу) и, миновав сетчатое ограждение, оказался на узкой асфальтированной дорожке. Дальше, за ней, начинались конюшни, ряды низких длинных барачков с обширными пространствами между ними, с лезадами (загонами) для выгула лошадей, с водилками — сооружениями, напоминающими карусели: когда погода не позволяет проводить тренировки на дорожке, лошади на водилке бегают по кругу. У ближней конюшни, на площадке у дороги, наездник в ватных штанах, толстой телогрееке и шапке-ушанке, низко надвинутой на глаза, запрягал в качалку стройную гнедую лошадь, похожую на рождественского зайчика. А похожа она была на зайчика потому, что на уши ее надеты чехлы из толстой оранжевой байки.

— Пугливая, что ли? — спросил я.

— Трепетная кобылка, — ответил наездник. — Каждого крика боится.

Кончив запрягать, он попросил меня поддержать кобылку под уздцы. Чтобы не понесла, пока он будет усаживаться в качалку. Плотно устроившись, кивнул, и я отпустил. Кобылка тронулась легкой рысью. Тут из дыры в огра-

де, со стороны ипподромного поля, выскочил уже знакомый кабысдох и деловито пристроился за ними. Видать, он считал своим долгом сопровождать каждую лошадь до беговой дорожки... Наверно, очень добросовестный. А может, просто молодой, новенький. Потому что остальные собаки, в больших количествах живущие на ипподроме, на дорожку особо не рвутся, привыкли, и заняты своими делами, каких всегда много в таком обширном хозяйстве.

Понятно, что собакам в деревне вольготно и уютно. А ипподром — большая деревня в самом центре Москвы. И в ней, как и в любой деревне, много разной живности. По конюшням, квохча, бродят куры, выклеывая овес. Голосят петухи. Цокают копытами ягнята, колышут пушистыми боками овечки. Их, конечно, стригут, и женщины прядут шерсть, вяжут теплые носки. Кое-где верещат поросята и хрюкают важные свиньи.

Хозяйство здесь держали всегда, во все времена, несмотря на гонения начальства. А сейчас в связи с наступившей свободой оно, начальство, махнуло рукой. И правильно сделало, потому что бороться с жизнью и здравым смыслом бесполезно и глупо: если есть лошади, есть сено и овес, то как же не держать кур и овечек? При нынешней дороговизне и нищенских зарплатах подсобное подпольное хозяйство — солидное подспорье: мясо свое, яйца свежие...

А на одной конюшне, обрадовавшись свободе, завели аж свою корову. Хорошую, черно-пестрой породы. Стоит она днем в лезаде, на свежем воздухе, жует свою жвачку и смотрит добрыми глазами на окружающие ипподром небоскребы Москвы. Думает небось: какая интересная ей попалась деревня...

Вот такой, совершенно особый мир — Московский ипподром.

Жеребята

Ангелика Сотникова, конюх.

Жизнь рысака начинается не в Москве, а где-то далеко в России, на конезаводах и в конесовхозах. У нас за каждой конюшней как бы закреплено свое хозяйство. На нашу конюшню приходят жеребята с Чикского конезавода, это в Новосибирской области. Я там была не один раз, неплохо его знаю. После окончания Тимирязевской академии мы с двумя подругами проходили там практику. Почти год. Наташе было двадцать лет, Ире — двадцать один, ну, и я чуть постарше их. Мы-то еще покрепче, а Ирина совсем миниатюрная. А ведь условия там суровые. Это здесь мы не разбираем, кто конюх, а кто наездник, на любую работу вместе набрасываемся. А там — нет... Мы-то приехали туда как наездники, заводские наездники. Наша задача — готовить жеребят, полудичков, к отправке на ипподром. По сути, объезжать полудичков, или, как у нас говорят, заезжать. И там мужчины-конюхи нам не помощники. Они смотрели так: вы наездники — вы и управляйтесь, а наше дело — убрать-покормить... Ну, разве что помогут оглоблю в лесу вырубить...

Жеребеночек, когда появляется на свет, он всех принимает. И людей — больше всего. Когда к нему подойдешь, он начинает класать зубами. Не от страха, нет. Это класанье означает: я маленький, я хороший, я дружелюбный, меня нельзя обижать. Вот тогда с ним и надо начинать занятия. По правилам, со второго-третьего дня жеребеночка надо уже водить, надевать недоузлочек и водить его за мамой. Сразу приучать. Потому

что через какое-то время он уже окрепнет, начнет ощущать свою дикую силу, и тогда уже контакт с ним налаживать трудно. А если с пеленок приучен, то потом с ним проблем нет. У меня там был жеребенок, который ходил за мной, как песик, даже в бытовки, в комнаты наши заходил.

По идее, на конезаводах, в маточном отделении, так и должны делать. Но некому заниматься! А сейчас — так и вовсе. На том же Чикском заводе сейчас нет ни одного наездника. Совсем нет! Кто умер, кто уехал, кто ушел в коммерцию...

Через шесть месяцев жеребенка выпускают в леваду, в табунок. Там он и ходит до года (в Хреновском заводе начинают заезжать с года), а то и до полутора (в Чикском заводе). Он дикий. Ну, полудикий. И надо его не просто объезжать, а готовить к бегам, по сути, делать из него рысака. Вначале приучали к недоузду, к сбруе. Потом водили по коридору на длинных вожжах, учили поворачивать вправо-влево. Тут уж они нас потаскали, полетали мы. И у каждого жеребенка свои фокусы. Была такая кобылка Пинегя. Она легко запрягалась, но на дорожке падала. Бежит-бежит — и вдруг падает. Лежит. Ну что делать с Пинегей? Думали-думали — решили применить цыганский способ. Как только упала, подбежали, зажали голову и связали. И оставили лежать. Она пролежала час, потом стала дергаться. Но мы ее не отпустили, лежала, пока нам не надоело на нее смотреть. И что вы думаете — дня четыре ходила как шелковая. На пятый день снова легла, но уже в дальнем конце круга. Снова связали. И так, потихоньку, наладилась у нас с ней жизнь.

А вот со Лыдинкой не получилось. Она сильно плечо поранила,

когда еще на воле ходила, в леваде. И ее начали заезжать позже всех. Вот она-то меня и разбила. В нашей работе падать, переворачиваться — обычное дело. Но тут я разбилась от души. Вначале Лыдинка понесла — это еще нормально. Но потом она сошла с дорожки, а там — канавы, ямы, борозды. Там мы с ней и расстались. Я осталась лежать, а она умчалась в конюшню.

Собралась я, доползла до конюшни. Тут принцип один. Если лошадь тебя разбила, надо снова запрягать и ехать. В каком бы ты состоянии ни была, в каком бы состоянии ни была лошадь. Упустить этот момент нельзя ни в коем случае. Иначе она поймет, что взяла верх, и потом с ней будет очень трудно... Одно дело, когда на дорожке три-четыре лошади, ничто их не отвлекает, не пугает. Другое дело — Московский ипподром, где по трем до-

рожкам несутся десятки лошадей, где шум и крики, где дома во круг, словом, сплошь стрессовые ситуации для лошади. На заводе надо начинать их обучение. Но ведь наездников там нет, я уже говорила. Совсем. А значит, следующая партия жеребят с Чикского завода будет совсем дикая, придется начинать с нуля. Вот приходят они к нам в феврале — марте, а бегать начинают только в конце года. И то хорошо. А бывает, стоят еще полгода, до нового сезона. То есть на хлебниками. А лошадь должна не просто окупать себя, а еще и на зарплату конюхам зарабатывать.

Из истории

Самая знаменитая порода российских лошадей — орловский рысак. Его родина — подмосковное село Остров близ нынешних Люберец. В восемнадцатом веке —

имение графа Алексея Орлова. Здесь он, заядлый лошадиник, и создал свой конный завод. Поставил перед собой задачу — вывести универсальную породу лошадей, годных и под седло, и на выездку, и для работы в поле, если понадобится. И, разумеется, отличающуюся необыкновенными статями. На что и положил тридцать лет жизни.

Родоначальником орловцев считается известный во всем мире серебристо-серый арабский жеребец Сметанка, купленный графом Орловым у турецкого султана за фантастическую по тем временам сумму — 60 000 рублей. В его потомке Барсе I и воплотился со временем тот тип сильной, красивой, высокой лошади, обладающей стремительной рысью, который и хотел вывести граф Орлов. Правнуком Барса I был знаменитый Мужик, за удивительно ровный и плавный ход названный по-

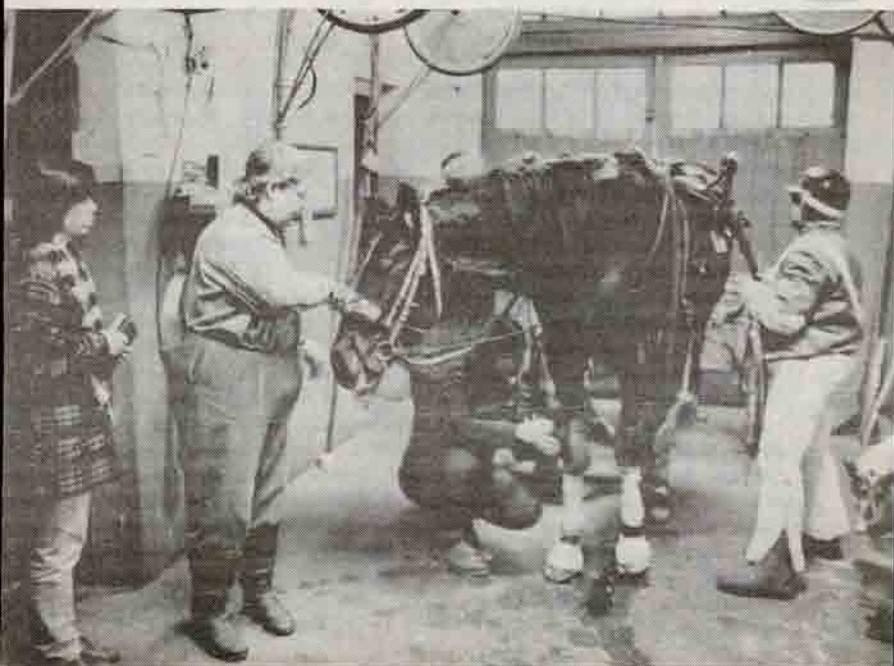
том Холстомером (холсты можно на бегу мерить).

В конце XVIII и в XIX веке орловцы превосходили всех в Европе и в мире по красоте и резвости. Но к концу XIX века их стали опережать на бегах американские рысаки — порода, специально выведенная только лишь для рысистых бегов. Метисы, потомки американцев и орловцев, дали начало новой породе — русской рысистой. Сейчас орловцы по резвости занимают четвертое место в мире, уступая американцам, русским и французским рысакам. Но по статям, по экстерьеру, безусловно, среди рысаков нет им в мире равных.

Вице-президент

Алла Ползунова, тренер, вице-президент Российской ассоциации рысистого коневодства. После окончания Тимирязевки, в 1958 году,

161

я пришла сюда, на ипподром. С шестьдесят девятого работаю самостоятельно, то есть тренером, хозяином конюшни. У нас конюшня — главное, самостоятельное подразделение. И вот уже тридцать пять лет пролетело! Как одна неделя. А недели у нас летят как часы. В воскресенье — бега. Во вторник — тренировка. В среду — бега, в четверг — тренировка, в пятницу — снова бега. И недели нет!

Идешь на работу — все у тебя плохо: и небо не того цвета, и прохожие какие-то противные, и... Пришла на конюшню — чудо! Лошадь, которая уже год болеет, все надежды потеряны, пошла! Все-все-все! Весна! Весна, а не жизнь.

На следующий день приходишь, сияя, радуясь всему на свете, и — ужас... У лошади, которую ты готовила два года, все мечты с ней связывала, планы на победы, на призы, — трещина в копыте. Мрак. Ничего нет, в жизни. Да и жизни самой нет. Пропала жизнь.

Так и летит наше время, как на качелях: то вверх тебя поднимет, то вниз. А уж про организационные или, пуще того, идейные неурядицы я и не говорю. Да-да, идейные. Чиновники-то не дремлют, они все время что-нибудь придумывают. Вот недавно Росконплемсоюз вновь решил среди орловских рысаков проводить бега только на закрытые призы.

Тут надо подробно объяснить. Известно, что орловцы уступают в резвости американцам и русским. Но им в бегах давался как бы гандикап, наезднику на орловце за призовое место начислялось гораздо больше очков, чем за такое же место наезднику на американце. У наездников был стимул! А что даст закрытый приз, то есть попытка устроить соревнования только среди орловцев? Это решение продиктовано якобы заботой

об орловских рысаках. Но мы это уже проходили. Профессионалам здесь все ясно. Закрытый приз на самом деле приведет к вырождению породы, к деградации. Искусственное устранение конкуренции неизбежно снизит рысистые качества орловцев — только и всего. По-моему, понятно даже неспециалисту.

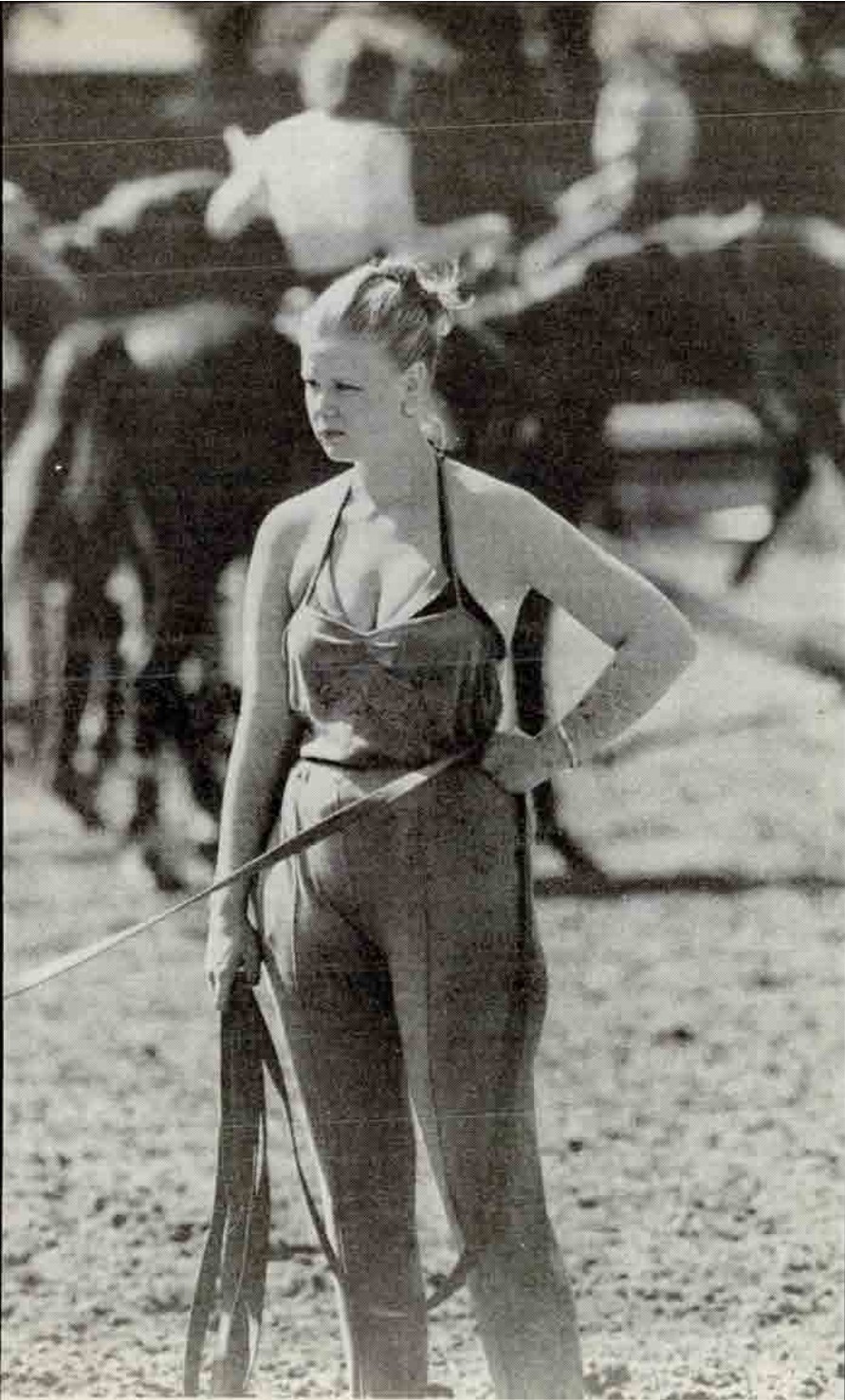
А наша-то задача — во что бы то ни стало сохранить орловскую породу, улучшить ее, совершенствовать. У меня иногда возникает такое ощущение, что мы не ценим того, что имеем. А вот иностранцы понимают. Все, с кем я общаюсь — а круг общения с иностранцами у меня весьма широкий, — в один голос твердят: «Это уникальная порода! Это ваше национальное достояние!»

Однако доходит, как видим, не до всех...

Из истории

Прародитель орловских рысаков арабский жеребец Сметанка путь от берегов Адриатики до подмосковного имения Остров проделал не за один, не за два и даже не за пять-шесть месяцев. Граф Орлов побоялся доверить драгоценную лошадь морской стихии. И потому был выбран путь сухопутный, дальний, кружной, но зато более спокойный: через Грецию, Македонию, Венгрию, Польшу. Вел жеребца специальный отряд из посланников графа и охранников — турецких янычар. Шли не спеша, по десять — пятнадцать верст в день, с дневками по субботам и воскресеньям. Зима застала караван в Польше. Туда и пришел приказ, «эстафет» графа: остановиться на зимние квартиры, трогаться только весной, по теплу.

Сей путь длился полтора (1) года. У предков наших было дру-

гое время. И — другое отношение к истинным ценностям.

Опасная профессия

Татьяна Фетисова, наездница.

Я родилась и выросла во Фрязине. И сейчас там живу. Папа у меня — токарь на заводе, мама — агроном в колхозе под Фрязином. Агрономы ведь на лошадях ездили, и сколько я помню себя, помню и нашу лошадку. Вот и все. После школы сразу же махнула в Тимирязевку. Увы, не поступила. Тут же устроилась конюхом на Московский ипподром. Мама смирилась, сказала: «Ну что ж, если тебе так хочется...» А папа был очень недоволен. До дня 8 Марта. По традиции в день 8 Марта всем женщинам, работающим на ипподроме, даже не имеющим диплома наездника, дают право участия в соревнованиях. Я, конечно, пригласила папу и маму. Досталась мне хоро-

шая кобылка — Лихая. Помню, как взяла я со старта первой, так и пришла Лихая первой на финиш. Отец увидел меня на дорожке, на круге, победительницей, услышал, что меня объявляют, что имя мое гремит из всех репродукторов, и растаял. И уже не ругался.

А в Тимирязевку на следующий год я поступать не стала — пошла в Хреновское училище наездников, получила диплом, и Алла Михайловна Ползунова пригласила меня к себе. И вот уже с января 1977 года — профессиональный наездник. Работа как работа. Конечно, риск повышенный. Тут всякое бывает: когда лошадь на дорожке понесет и галопом вместе с тобой влетает в конюшню, это, знаете, у нас называется — пройти рядом со смертью. Нельзя сказать, что мы смелые, не боимся. Наоборот, не будешь бояться — обязательно попадешься. Тут надо всегда быть настороже, реагировать на

взгляд лошади, на движение ушей, хвоста — все фиксировать.

Был у нас случай: тренер на одной из конюшен посадил на двухлетку малоопытную девушку. У нас ведь не ипподром, а проходной двор, через него люди ходят, школьники. Опытный наездник обязательно это учтет подсознанием. Она, видимо, не учла. Школьники, что проходили по полю, закричали, замахали руками. Лошадь и ударила задом. И все, врачи ничего не смогли сделать. Вечером девушка скончалась. Да, если лошадь ударит задом, она достает до качалки, до наездника. Это ведь не хозяйственные сани...

А бывают и роковые случайности. Выезжал один наездник на дорожку... а в это время там, на ипподроме, кто-то упустил лошадь. Она, одурелая, несется к конюшне и врывается в наездника, прямо в качалку. Падение, удар, перелом основания черепа...

Я, конечно, пугаю. И делаю это сознательно. Многие юноши, девушки, что приходят на ипподром просто посмотреть, просто покатаются, мечтают о профессии наездника. Пусть знают, что, помимо довольно-таки тяжелого труда, это еще и риск для здоровья, для жизни.

Что касается оплаты, то и тут не могу порадовать. Я — наездник, год нынешний был удачным, взяла несколько призов и соответственно получила призовые деньги. Так вот, если все вместе сложить, то получится минимальная зарплата рабочего метрополитена, которую, как написано в объявлениях, дают там пришедшему сразу, не требуя от него ни знаний, ни специальности.

Дети

Ирина Лазепная, конюх. Без любви здесь не выдержишь. Мы ведь

ничего особого не требуем. Нам бы с лошадьми быть. Они в тебе видят и маму, и папу, честное слово. В два раза больше меня, а относится ко мне так, будто я сильнее ее, крепче ее. Ну, например, надо зимой ввинтить в копыта по четыре шипа. Само по себе занятие — для мужских рук. Так на тебя еще и лошадь наваливается. Всем телом. Ты ведь ей одну ногу поднимаешь, а ей стоять на трех ногах тяжело. И она считает, что имеет полное право навалиться на тебя, ты ведь ей за мать и отца, на кого ж ей еще надеяться. И потом, у них же повадки чисто детские, многое они делают как бы понарошку, но так, чтобы я тоже понимала. Вот кобылка Иверия любит меня пугать. Делает вид, что хочет выставить меня из своего денника. Я показываю, что очень боюсь.

А потом сама на нее как крикну, как замahнусь, даю понять, что я тоже могу. И она уже делает вид, будто трепещет передо мной...

Красивая жизнь

Бытовка — столовая, гостиная и клуб одновременно. Длинный стол посередине, шкаф с посудой. На мощной электроплитке кипит чайник. Разложены по тарелкам принесенные из дома бутерброды. И — разговоры-споры. Не только о лошадях, конечно.

Сегодня, например, идет дискуссия о... ресторане. Девушки — за ресторан. Хорошо одеться, посидеть в красивом зале, где за тобой ухаживают... Мужчины смеются. Говорят, что нет ничего лучше, чем ужин на родной кухне, нет ничего вкуснее, чем домашняя еда. А если надо выпить, так лучше уж делать это дома, не переплачивая, не думая о счете, а тихо, спокойно, в свое удовольствие.

«Вам-то хорошо! — возмущаются девушки. — А посуду потом нам придется мыть!»

«А вы красивой жизни хотите? — иронизируют мужчины. — Может, еще и казино вам подавай?»

Тут все умолкают. Долгая, неловкая пауза. Напряженная.

Казино для них — не отвлеченный символ нового времени. Оно — рядом. Можно сказать, в их жизни. Потому что одно из крупнейших казино Москвы располагается не где-нибудь, а в святая святых, в главном здании ипподрома. Том самом, знаменитом, где наверху скачущие кони, где колонны и высокая парадная лестница. Прямо у входа, среди колонн, припаркованы сверкающие лимузины. Конюхи и наездники, ветеринары и кузнецы, идя на работу, каждое утро проходят мимо этих роскошных машин, мимо наглухо закрытых массивных дверей с охранной сигнализацией.

Дела семейные

Здесь часто женятся и выходят замуж за своих, с ипподрома. Быть может, чаще, чем где-либо еще. Потому что мир очень своеобразный, очень замкнутый. На другое общение, на другие знакомства просто нет времени. Да и желания особого — тоже.

Но здесь и разводов намного больше, чем обычно. Причем независимо, за «своим» замужем или нет. Скорее всего с «другими» даже сложнее. Потому что ни одна «нормальная» жена и ни один муж не будут очень сильно радоваться, если их ненаглядный или ненаглядная день и ночь, а уж в субботу и воскресенье непременно, пропадают на ипподроме. Эта работа просто не оставляет ни времени, ни сил для семейной жизни. Как говорила мне одна де-

вущка, когда приходишь домой, хочется только забиться в какой-нибудь тихий угол, лечь — и чтобы тебя никто не трогал.

Ну а когда разводятся «свои», то здесь им, конечно, хуже, чем инженерам, учителям, журналистам, слесарям или токарям. Те хоть могут разбежаться по разным конторам, разным предприятиям. А ипподром — один. Приходится работать вместе. Такой уж этот мир, особый.

Ровесники

Жанна Шугаева-Оскольская, конюх. Мне пятнадцать лет было, когда я впервые попала на ипподром. Мы с одноклассницами прочитали где-то, что можно покататься на лошадях, и пришли. Потом попросились помочь конюхам. Нам сказали, что здесь помощников в достатке, а если мы хотим поработать, то можем поехать в Раменское, на тамошний ипподром. Я и поехала. И сразу подружилась там с Триром, сыном Реприза и Тучки Небесной. Мне пятнадцать лет, ему полтора года — недалеко друг от друга ушли...

Пять лет я ухаживала за ним, поила и кормила. Вначале просто так приезжала, а потом, с восемнадцати лет, на работу уже устроилась. Он от меня не отходил. А потом я не выдержала: все-таки тяжело каждый день ездить в Раменское, поднимаешься чуть свет, возвращаешься затемно. Просто сил не хватило — и я уволилась. Хорошо, это был последний год, когда Трир в призах участвовал. Потому что после моего ухода, мне рассказывали, он отказался бегать. Вывозил из конюшни, доходил до дорожки и — останавливался. И, к счастью, Трира продали, отдали в частные руки. Теперь у него будет один хозяин, одна любовь.

А я тогда не просто ушла, а совсем ушла с ипподрома. Мама у меня продавец, и она устроила меня в большой магазин. Работа, конечно, почище и возможностей в смысле жизни побольше. Но я там и года не выдержала. Пришла сюда. И пока у меня никаких планов по жизни нет. Скорее всего буду учиться на наездника, диплом получу. И хожу я сюда уже не одна. Моей сестренке Ирочке пять лет было, когда я привела ее, посадила верхом, повела в поводу. Теперь ей восемь лет, просится все время со мной. Мама уже не ругается...

Финиш и... старт

Отсюда не уходят. Даже на пенсию. Правда, и пенсионеры крепкие, работа такая, что она сохраняет силы и здоровье. Вообще рядом с животными полезно находиться.

Здесь работают до конца. В прямом смысле. Так было с известным наездником Хиргой Александром Иосифовичем. Он умер на финише. Финишировал, съехал с дорожки и уже там умер. В калчалке. Это смерть наездника.

...А начинается все с того, что первый раз в жизни юноша или девушка приходит на конюшню и видит лошадь. Или жеребенка, который говорит: я маленький, меня нельзя обижать, я хороший.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ
«СМЕНЫ» —
МОСКВИЧИ И ЖИТЕЛИ ПОДМОСКОВЬЯ!

Если вы хотите и впредь читать наш журнал, но не имеете возможности платить лишние деньги почте за доставку или киоскерам, продающим «Смену» с большой наценкой, приезжайте к нам в редакцию, и мы подпишем вас с любого номера по цене, указанной в каталоге. При этом у вас будет стопроцентная гарантия, что вы получите журнал в срок.

Более подробную информацию об условиях подписки мы даем по телефонам:

257-30-55, 212-15-07.

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

НОСТРАДАМУС

Глава XI

Пребывание в Турноне затягивается

В начале августа 1555 года французский арьергард, переправившись через Рону, вошел в Турнон. Солдаты разбежались по узким улочкам в поисках крова и пропитания у местных жителей. Члены двора и высшее командование разместились в домах знати и богатых буржуа. Дофина с братом Генрихом пригласили во дворец кардинала, архиепископа Амбрэнского. Их проводил туда шеф городской полиции Резенак.

В дивных местах департамента Ардеш предполагался продолжительный отдых, но дофин, вдруг изменив свои планы, принялся всех поторапливать. Ему хотелось присоединиться к главным силам своего отца, расстаться наконец с унылым званием командующего арьергардом.

Турнонская знать, однако, выразила недовольство решением Франциска. Они тщательно готовились к его приезду, хотели завязать прочные связи с будущим королем, и все уже было готово к роскошному пиршеству. Дофину пришлось уступить надоедливым просьбам и отложить на день выход своих отрядов.

Пир организовали на славу. За длинным столом в центре просторного зала сидел дофин, рядом, разодетая в китайские

шелка, восседала его красавица мать. (Екатерина происходила из знаменитой семьи Медичи, могущественной династии банкиров, деловых людей и мекенатов эпохи расцвета флорентийского ренессанса. Мать десятирех детей, трое из которых стали королями Франции, регентша и главный советник трона, она в течение тридцати лет — с 1559 по 1589 год — управляла одной из самых крупных стран Европы.) По другую руку от него сидел младший брат — Генрих. Он постоянно испытывал зависть к старшему брату, ведь тому судьба определила занять французский трон. Когда же настанет черед самого младшего в семье? Может, ему, Генриху, придется всю жизнь довольствоваться званием дофина? Но и до этого еще так далеко!

Гости веселились, пили игристое ронское вино, слушали швейцарских музыкантов и искусных певцов, прибывших специально по этому случаю из Лиона. Только дофин был мрачен и молча сидел за столом с каменным выражением на лице.

Екатерина Медичи весело обратилась к насупившемуся сыну:

— Монсеньор, могу предложить вам рецепт одной замечательной винной смеси, она снимает любую печаль.

— Давайте ваш рецепт, — проворчал принц.

— Я отдам его вашему личному виночерпию...

— Монтекукули! — закричал дофин.

Монтекукули, молодой человек лет тридцати, заведовал у Франциска провизией и запасом вина.

— Здесь вы найдете превосходные рецепты, — сказала Екатерина, протянув ему небольшую потрепанную книжку.

Монтекукули, пошатываясь, вышел.

Генрих бросил на мать странный взгляд, в котором сквозили страх и тревога.

Войдя в свою комнату, Монтекукули запер дверь на ключ и только после этого решился открыть переданный ему Медичи сборник рецептов. От одного заголовка «Применение сильнодействующих ядов» ему стало дурно.

Трясущимися руками он принялся листать книжку, пока не дошел до страницы, отмеченной глубокой бороздой, оставленной ногтем королевы...

На следующий день около семи утра на главной площади Турнона сытые лошади игриво били копытами, поджидая своих сановитых седоков. Ревели надраенные до умопомрачительного блеска медные трубы, командиры резко выкрикивали имена запоздавших — все готовились к выступлению в поход. Ожидали только дофина и Генриха. Ни тот, ни другой не появлялись.

Как выяснилось, дофин неожиданно заболел. Одни говорили, что он простудился, искупавшись, разгоряченный, в Роне. Другие утверждали, что им опять овладела хандра.

Прошел час. Затем несколько курьеров на лошадях помчались сломя голову с донесением к Генриху II.

...День прошел, не принеся принцу особых страданий. Иногда ему казалось, что он совершенно здоров, и он даже сожалел, что поддался слабости и передал свой пост главнокомандующего завистнику-брату. Тот, несомненно, сумеет этим воспользоваться к собственной выгоде. Принц пытался приподняться на локтях,

но все попытки оканчивались неудачей. Голова, словно налитая свинцом, тяжело падала на подушку, заставляя содрогаться все тело. Его сильно тошнило, перед глазами расплывались радужные круги. Около четырех у него началась лихорадка. Вся кожа была горячей, словно накалилась от огня. Он еле ворочал сухим языком, постоянно просил пить. Болело горло, пучил живот. После первого сильного приступа лихорадки дофин начал бредить. Два королевских медика с тревогой склонились над ним, казалось, на этом юном лице проступили явные признаки близкой смерти.

Кризис длился несколько часов. Жители Турнона, заполнив церковь, возносили Богу молитвы во спасение королевского наследника.

Очнувшись, Франциск открыл глаза. Почувствовав приближение очередного приступа, с трудом задышал, заохал. Потом чуть слышно прошептал:

— Я умираю.

— Монсеньор, вы не умрете, если соблаговолите меня выслушать, — произнес чей-то грубоватый незнакомый голос.

— Кто вы? — тихо спросил дофин.

— Монсеньор, меня зовут Резенак, я всего лишь скромный офицер полиции в городе Турноне. Но у меня есть средство вам помочь.

— Получишь состояние, — с трудом шевеля языком, проговорил принц.

— Монсеньор, — начал Резенак, — несколько дней назад по приказу святейшего и достопочтенного отца Игнатия Лойолы, выдающегося монаха, борца за чистоту веры, был арестован человек, который проезжал через наш город. В данный момент он томится в подвале кардинальского дворца. Это знаменитый маг и астролог, астроном, ученый медик и фармацевт Мишель Нострадамус из Сент-Реми. С помощью дьявольской силы он может творить чудеса.

— Приведите его сюда немедленно! Разве вы не видите, что я умираю, — прохрипел принц.

Через несколько минут в комнату к умирающему ввели Нострадамуса. Грязный, дурно пахнущий, с всклокоченными волосами, с глубоко запавшими глазами и трясущими руками, Нострадамус медленно приближался к ложу дофина. Ноги, несколько дней закованные в кандалы, плохо ему подчинялись и при ходьбе причиняли острую боль.

— Пусть все отсюда выйдут, — строго приказал он.

Придворные недоуменно переглянулись. Мыслимое дело — оставить принца, будущего короля Франции, наедине с каким-то оборванным магом, шарлатаном и колдуном. Появив причину всеобщего замешательства, Франциск слабым жестом руки отослал придворных. Когда они остались вдвоем, Нострадамус склонился над агонизирующим дофином, внимательно изучая его лицо. Вывернул ему губы, поднял веки, внимательно осмотрел ногти на руках.

— Не падайте духом, монсеньор. Если я здесь, рядом, то вы будете жить.

Лицо умирающего озарилось надеждой. Он с трудом улыбнулся великому магу.

— Эй, кто там! — громко крикнул Нострадамус, открыв двери. К нему подбежали несколько человек.

— Вам предстоит в течение одного часа раздобыть все травы и растворы, список которых я передаю... Спешите. Выделите людей, чтобы они пожарче растопили камин в комнате дофина. Жара — необходимое условие для его выздоровления.

Два придворных медика, онемев от удивления, внимательно следили за манипуляциями колдуна, который, пользуясь кухонной утварью, готовил из трав и растворов неведомое им целебное средство. Придворный юре, став на колени в темном углу, возносил молитвы во здравие наследника. Когда микстуры были готовы, Нострадамус вновь попросил всех выйти из комнаты.

Время шло. На звоннице городского храма ударили в большой колокол, призывая прихожан к вечерне. Нострадамус подошел к дофину и протянул ему бутылочку микстуры. В ней была желтая, похожая на янтарь, жидкость.

— Вот, монсеньор, ваше лекарство. Выпейте, и через несколько часов все как рукой снимет. Это — противоядие.

Дофин опорожнил бутылочку.

— Значит, меня отравили. Но кто мог так поступить?

— Сие мне неизвестно, монсеньор. Но сегодня ночью мне было видение. Чей-то голос сообщил, что во дворце произойдет отравление, и трижды прокричал: «Каин! Каин! Каин!» Может, кто-то хотел убить своего брата?

174

Выйдя из дворца, маг направился к трактиру, где за ним сохранялся номер. Он попросил принести ему несколько больших тазов с горячей водой, после чего тщательно вымылся, надел чистое белье и заснул мертвым сном.

На следующее утро Нострадамус проснулся от оглушительного звона большого колокола, извещавшего, к радости горожан, о счастливом исцелении дофина. Вскоре он узнал, что Франциск уже ускакал и присоединился к армии отца.

Когда Нострадамус сидел за завтраком на террасе, к нему пожаловал шеф королевской полиции Турнона Резенак. Его приход не сулил ничего хорошего. Перед глазами Нострадамуса снова возникла мрачная картина подземелья. Но, к своему удивлению, он услышал следующее:

— Вы спасли жизнь нашего дофина и тем самым осчастливили его родителей — короля Генриха II и королеву, его супругу, Екатерину Медичи. Я разрешаю вам покинуть Турнон в любое удобное для вас время.

В середине дня Нострадамус сел в свою карету, и кучер погнал застоявшихся от безделья лошадей по дороге в Лион.

Когда Генриху II сообщили о попытке отравить дофина, он впал в дикую ярость. В Турнон были направлены гонцы с приказом королеве и принцу Генриху задержаться и провести тщательное расследование, чтобы задержать злоумышленника и покарать его.

Королевского виночерпия Монтекукуду бросили в подземелье.

Он отрицал все предъявленные ему обвинения, будучи уверенным в том, что всемогущая Екатерина, ее любимый сын Генрих, ради которого он пошел на это преступление, не оставят его в беде. Следствие тем временем продолжалось. Ему все труднее было отпираться, доказывать свою невиновность. В конце концов представили подметное письмо, в котором его прямо обвиняли в попытке отравления дофина. На какое-то мгновение ему показалось, что он узнает почерк Екатерины.

В конечном итоге Монтекукули был осужден на четвертование двумя парами лошадей.

Когда казнь состоялась, королева прошептала на ухо своему любимцу, дрожавшему от ужаса во время казни:

— Никто в мире теперь не узнает, как была предпринята попытка отравить твоего брата...

Но мать с сыном ошибались! Существовал один свидетель совершенного злодеяния — Нострадамус.

Глава XII

Приезд в столицу

В Лионе владелец типографии, напечатавший первый сборник «Центурий», принял Нострадамуса с распростертыми объятиями. Прикованный к креслу из-за сильнейших болей в бедре, Бенуа Риго надеялся, что знаменитый автор сумеет облегчить его страдания.

Когда молодой помощник объявил о приезде Нострадамуса, обрадованный печатник воскликнул:

— Вот увидишь, он меня заставит скакать зайцем!

И, опершись на толстую трость, с трудом поднялся навстречу великому магу.

— Дорогой мой, ваши «Центурии» вызывают повсеместно восхищение, о масштабе которого и говорить неприлично!

Печатник отсчитал автору сто флоринов, которые позволили Нострадамусу снять роскошный номер в гостинице «Двух рек», расположенной в нескольких шагах от улицы Тупэн, где находились лавки почти всех лионских издателей.

Знаменитые мази медика немного уняли боли добряка Риго, но не принесли полного выздоровления, на которое он рассчитывал.

— Все дело в заболевании кости, — объяснял пациенту великий маг свою неудачу. — Я медик, могу облегчить боль, но не в состоянии заменить в скелете кости. Пощаще бывайте на воздухе, на солнце, это поможет вам обрести иллюзию, что у вас ноги молодого человека, — ободрял издателя Нострадамус, когда они осматривали его типографию. Нострадамус не мог налюбоваться на печатную машину, изобретенную немцем Гутенбергом и доставленную сюда из Страсбурга. Машина, основные принципы которой заимствовали у китайских печатников, подверглась значительной модернизации, и теперь на ней печатали текст Библии в «сорок две строки».

Особое внимание пророка привлекла наборная касса. Ящички

с буквами были расставлены по алфавиту. Нострадамус, повзвизывая за верстаком, сразу понял, что такое расположение ящичков не могло обеспечить достаточно быстрый набор. Через несколько месяцев он пришлет своему печатнику разработанную им новую систему расположения букв для набора, которая не следовала классическому алфавиту. Теперь ящички с буквами располагались в соответствии с их сочетаемой близостью, что обеспечивало более быстрый и уверенный, с минимальными ошибками, набор.

Это изобретение Нострадамуса дошло до наших дней. Приблизительно по его системе сегодня располагаются буквы на клавишах пишущей машинки.

Дав указание Бенуа Риго относительно выпуска в свет своих знаменитых книг по уходу за кожей лица, а также рецептов различных конфитюров и варений, Нострадамус продолжил путешествие в Париж.

15 августа 1556 года, в день успения Богородицы, Нострадамус въехал в городские ворота Парижа. Чтобы до конца воспользоваться благоприятным предзнаменованием, он остановился в гостинице «Под знаком Святого Михаила» на улице Фруадмантель.

Нострадамус опасался встречи с Генрихом II, особенно после памятных событий в Турноне. Даже он, всемогущий маг, не мог с точностью предсказать, чем ему грозит особое монаршее внимание. Не радовала и новая встреча с Екатериной Медичи.

После выхода в свет «Центурий» Екатерина стала самой усидчивой читательницей сочинений Нострадамуса. Королева — нужно отдать ей должное — всегда проявляла чисто итальянский интерес к интригам, государственным и альковным тайнам, ко всему неизвестному и необъяснимому, к оккультным наукам, к астрологии.

В год ее бракосочетания, в июле 1533 года, в небе появилась комета. Этот факт произвел на нее неизгладимое впечатление. Ее сын, будущий король Франции Карл IX, родился спустя пять дней после полного солнечного затмения. В день смерти ее другого сына, Франциска II в декабре 1560 года, в течение 28 дней наблюдали комету над городом Блуа, где в это время заседали Генеральные Штаты.

Королева безоговорочно верила в дурные предзнаменования и была ужасно суеверной. Особый фетишизм проявляла в отношении дат, особенно опасалась пятницы. В этот день она никогда не предпринимала важных дел, не намечала заседаний Государственного совета.

Ученый-эрудит Лабувер, занимавшийся изучением эпохи правления Генриха II и Екатерины Медичи, писал в своем солидном труде в XVII веке:

«Королева, ради обеспечения полной безопасности своей личности, постоянно носила на животе тонкий пергамент (велень), на котором были нарисованы различные фигурки и в беспорядке рассыпаны буквы из всех языков, раскрашенные в различные цвета, которые то там, то здесь соединялись, образуя слова наполовину греческие, наполовину латинские, наполовину варварские.

Королева также носила браслет из десяти шатонов (золотых оправ для драгоценных камней) — там были орлиный камень или овальная рудная почка, агат с девятью гранями, оникс трехцветный, бирюза за золотой решеткой, двухцветный оникс, а также кусочки костей, извлеченные из чьего-то черепа. На этих камнях и костях были выгравированы маленькие фигурки, дата — 1559 год, дракон с крыльями, созвездие Змеи, расположенное между Скорпионом и Солнцем, окруженным шестью планетами, имена архангелов — Рафаила, Гавриила, Михаила, Уриэля и Иеговы...

Екатерина увлекалась ясновидением и заклинанием злых духов, чтобы ускорить влияние судьбы, гаданием по зеркалу, пытаясь вызвать дьявольские силы. Уделяла особое внимание «колдовской травке» — табаку, привезенному в Европу Колумбом из Америки в 1492 году. Она первой догадалась измельчать его в мелкий порошок и втягивать в ноздри. Такой порошок получил название «королевской травки», или «Медичея». Все придворные, естественно, старались во всем подражать ее затеям, и вскоре нюханье табака распространилось по всей Европе.

Вокруг королевы буквально кишели всевозможные колдуны, волшебницы, скоморохи, шуты, наперегонки пытались завладеть ее вниманием.

В тот момент, когда в Париж приехал Нострадамус, возле нее постоянно находились три предсказателя из родной Флоренции: братья Лоренцо и Козимо Руджиери.

Козимо Руджиери числился официальным придворным астрологом. Двух братцев-флорентийцев нельзя было назвать стопроцентными шарлатанами; они, судя по всему, все же владели прорицательским даром.

Почти каждую ночь королева занималась колдовством, ворожбой, магией, старательно исполняя все ритуалы. Она зажигала семнадцать свечей, отдергивала белую штору, закрывавшую большую часть стены, и, вперив в нее взгляд, предавалась размышлениям. Потом, повернувшись к большому магическому зеркалу, спрашивала совета у своих богов, пытаясь расшифровать посланные ей таинственные знаки. Правда, уже давненько они не сообщали королеве ничего утешительного...

Понятно, почему Екатерина Медичи с таким нетерпением ожидала новой встречи с Нострадамусом...

С наименьшим нетерпением и тревогой Нострадамус ожидал в своем номере в гостинице «Под знаком Святого Михаила» новостей из двора. Но день проходил за днем, и никто его не беспокоил. Он бесцельно бродил вдоль берега Сены, укрывался от жаркого солнца в тени строгих тополей и кудрявых вязов. Любил бывать на площади Грев, куда его постоянно влекли царившие там оживление, возбуждающий гомон, бестолковая суматоха. В кармане у него было пусто, и от этого еще более росло беспокойство. А однажды он был вынужден остановиться на улице случайного прохожего (им оказался дворянин, месть Мораль) и, представившись, попросить у него взаймы два эку. Получив монеты, Нострадамус собственноручно выдал ему расписку.

Безделье продолжалось четыре дня. Только 19 августа к нему в гостиницу по поручению Екатерины Медичи прибыл всемогущий коннетабль Анн де Монморанси, дабы препроводить мага ко дворцу, на аудиенцию к королю.

В то время королевский двор находился в предместье Сен-Жермен-ан-Лэ.

В роскошной золоченой карете, запряженной шестеркой белых элегантных коней, сидевший напротив Нострадамуса величавый сановник не проронил ни слова за всю дорогу от Парижа до летней резиденции короля. Уже в замке Нострадамус понял, что к его приезду готовились. Во всех прихожих толпились разнаряженные придворные. С любопытством взирая на великого мага, они молча расступались перед ним. Самое большое внимание к нему, естественно, проявляли женщины. Им было хорошо известно о его успехах в области косметики — а какая из дам, тем более придворных, не делая мечту стать еще краше? К тому же, по слухам, маг из Салона изобрел отлично действующий «любовный напиток». Достаточно при поцелуе протолкнуть язычком несколько капель в рот партнера или партнерши, как их обоих тут же охватывал лихорадочный любовный зуд.

Из изысканно одетой толпы посыпались вопросы, колкие, проциные замечания. Но Нострадамус, как и подобает истинному магу и пророку, был невозмутим и хранил таинственное молчание.

Вдруг какой-то похожий на скомороха карлик, с деформированной головой, вприпрыжку подбежал к нему. Жестом дал понять ясновидцу, чтобы тот склонился.

— Держитесь, — зашептал он. — Среди этих людей есть желающие вам злой смерти! — И живо растворился в толпе.

Нострадамус осведомился у шагающего рядом Монморанси:

— Что за странный тип?

— Брюскé, королевский шут. С ним держите ухо востро. Негодй способен на любую глупость, только бы вызвать улыбку у Его Величества.

Мага проводили в личные покои Генриха II. Король принял его, сидя за ночным столиком из красного дерева с богатой инкрустацией из слоновой кости. Рядом стояла его прекрасная супруга. Когда Нострадамус подошел поближе и низко поклонился, монарх, улыбнувшись, с подобающей случаю торжественностью громко произнес:

— Мы с королевой рады, что вы откликнулись на нашу просьбу и совершили ради нас столь утомительное путешествие до Парижа. Надеюсь, вам понравилось в столице, и мы попытаемся сделать все, чтобы ваше пребывание запомнилось надолго. Нам хотелось бы получить лично от вас некоторые уточнения в отношении нашумевшего 35-го катрена из 1-й «Центурии». Там, как утверждает супруга, речь идет о моей милости.

— Ваше Величество, — любезно ответил Нострадамус, понимая наконец причину внимания к себе со стороны сиятельных особ. — Это пророчество, как и многие другие, было ниспослано небесными силами, не пожелавшими сделать никаких уточне-

ний. Думаю, к нему следует прислушаться всем отважным рыцарям, выступающим на поединках в турнирах. Речь в этом катрене, уверен, не идет о Вашей Светлости.

Монарх облегченно вздохнул, камень дурных предчувствий упал с его плеч.

Пир был в разгаре. Осушив поднесенный на ходу внушительный кубок с вином, король направился в глубь просторного зала, где возвышался во всем своем великолепии французский трон. За ним устремилась толпа самых знатных придворных. Устроившись поудобнее на державном стуле, Генрих II, явно повеселев от вина, лукаво подмигнул своим приближенным и обратился к великому магу, стоявшему рядом с тронном:

— Месье, вы утверждаете, что вам все известно наперед. В таком случае, скажите, что вас ждет, ну, скажем, дней через восемь?

— Сир, — ответил Нострадамус, — я умею читать судьбы людей по звездам, но моя собственная от меня скрыта. То же касается моих родителей, сыновей, жены... Силы небесные возбраняют мне проникать взглядом в их будущее. В остальном, сир, можете задавать любые вопросы, и я постараюсь дать на них ответы.

— Хорошо, — весело отозвался монарх, который все больше втягивался в озорную игру на потеху придворных. — Тогда скажите, есть ли у меня среди этих людей настоящие друзья?

— Да, сир, есть. Ваш шут Брюске.

— А как насчет врагов? — не унимался король.

— Тоже есть. Он вас убьет, если только вы его не отправите на тот свет первым.

Король долгим взглядом обвел стоявших у трона придворных. Его глаза налились кровью.

— Оставьте, сир, не ищите его, — продолжил Нострадамус. — Вы находитесь в руках судьбы. Даже если отправите на эшафот всех присутствующих в этом зале, все равно она превратит вас в земную пыль, в прах, каким бы могущественным королем вы ни были...

— Назовите его! Назовите! — рычал, приходя в ярость, Генрих II.

Придворные онемели. Чтобы разрядить неожиданно накалившуюся обстановку, из-за их спин вынырнул герцог Гиз и насмешливым тоном осведомился у пророка:

— Мэтр, мне тоже хотелось бы узнать свою судьбу!

Великий маг внимательно посмотрел на него, а затем медленно, растягивая слова, произнес:

— Месье герцог, у вас есть шрам, над которым, насколько мне известно, многие потешаются.

— Ну и что в том странного? Многим при дворе известно, что у меня есть шрам. Не так ли, дорогие дамы?

Красотки стеснительно захихикали. Нострадамус, не обращая на них внимания, продолжал:

— Я не имею в виду шрам, который находится чуть ниже правого плеча. Я говорю о шраме, который появился в результате удара, нанесенного вам в область сердца одним гугенотом.

Жизнь покинет ваше тело, и умрете вы возле великой реки королей, предварительно расставшись со всякой надеждой когда-нибудь увидеть в дивном полете лотарингских дроздов. Это будет ваш последний вояж.

(Пророчество Нострадамуса исполнится. Генрих III, став королем, примет решение убить герцога Генриха де Гиза и его брата Людовика, кардинала Лотарингии, во время заседания Генеральных Штатов в Блуа, что и осуществится 23 декабря 1588 года.)

Герцог де Гиз побледнел.

— Ну а что мне готовит судьба? Мне? — выкрикнула стоявшая рядом с де Гизом будущая шотландская королева Мария Стюарт...

Нострадамус почтительно поклонился иностранной подданной, пристально посмотрел на нее. Затем мягко, ласково сказал:

— Мадам, вы прибыли к нам издалека... Если вы намерены возвратиться в свою страну, то постарайтесь избегать Англии и особенно опасайтесь гнева одной дьявольски ревнивой женщины. Здесь я вижу лужу крови...

Мария Стюарт, густо покраснев, робко заметила:

— Все так расплывчато, так неясно...

— Вы так считаете? — возразил великий маг. — В таком случае послушайте мой катрен из 1-й «Центурии». — Закатив глаза, Нострадамус заунывным, глухим голосом продекламировал:

*Сильнейший провал ждет королеву,
Вплывь через реку переберется нагой, —
Поднятый меч не убавит всем гнева,
К концу приведет ее яростный бой.*

(С 1565 года Мария Стюарт начала насаждать в своей стране католическую религию, и в результате народного восстания ей пришлось отречься от престола в пользу своего годовалого сына Якова IV. Огнем и мечом она пыталась подавить мятеж, но это ей не удалось. Мария Стюарт была вынуждена в 1568 году бежать в Англию, для чего переплыла голой через пограничную реку. По приказу английской королевы Елизаветы ее заточили в тюрьму за соучастие в убийстве своего второго мужа лорда Дарнелла. В Англии она фактически стала центром притяжения реакционных сил феодальной знати в их борьбе с королевой Елизаветой. После раскрытия католических заговоров, направленных против правления Елизаветы, Марию Стюарт предали суду и казнили в 1587 году.)

— Не могли бы вы сообщить нам, каково будущее Парижа? — озорно встрял в разговор шут Брюске.

— Вот вопрос, который мне нравится. — Нострадамус задумался. Затем, вздохнув, продолжил: — Я вижу кровь, много крови. Она на дверях, ведущих в королевский дворец, ею закапано величественное здание Лувра. Слышу, как тревожно гудит набат, а в переулках стук копыт ошалевших от страха лошадей. Слышу звяканье мушкетов и аркебузов. Вижу пылающие костры, пожары, горы трупов на улицах, словно городом внезапно завладела чума. Повсюду убивают. Париж раскололся надвое.

Братья мои идут друг против друга. Но всех их ждет скорая смерть. И повсюду — зловещая тишина, предвещающая разгул кровавых расправ и большого террора.

Похолодев от страха, Екатерина Медичи все же спросила:

— Неужели все это правда, мессир?

— Увы, — ответил маг. — Настолько же верно, как и убежденность, что когда-то все троны королей исчезнут в хаосе наступившего Апокалипсиса. И что люди в будущем увидят, как разъезжают по улицам экипажи без лошадей и как взлетит, осуществляя мечту Икара, в небо человек...

Вниманием всех вновь завладел Генрих II.

— Досточтимый Игнатий Лойола написал Нам, что вы со своим искусством магии представляете для Нас большую опасность. Он требует провести над вами показательный судебный процесс и осудить за колдовство. Но вы спасли моего сына. Я человек великодушный и отказал ему в просьбе. Дарую вам полную свободу. Но имейте в виду — теперь вам придется на деле доказывать, что вы человек честный и не являетесь посланником сил зла. — Затем, с изрядной долей иронии, промолвил: — Не предскажет ли мэтр, что король в данную минуту хочет?

— Предскажет. И даже известно желание короля, чтобы в спальню его проводила мадам Диана де Пуатье*.

Остроумный ответ мага разрядил грозovou обстановку.

Королева, сделав глубокий реверанс в сторону супруга, спросила:

— Ваше Величество, не позволите ли мне продолжить беседу с мэтром Нострадамусом?

— Как вам будет угодно, мадам, — любезно ответил король.

Нострадамуса проводили в «рабочий кабинет» Екатерины Медичи.

В большой комнате — настоящем зале — вдоль стен стояли шкафы из красного дерева, над ними — пейзажи в дорогих золоченых рамах. Расположенный возле одной из стен камин возвышался до самых балок потолка, с него свисали семь набитых соломой чучел крокодила и громадные олени рога. В шкафах Нострадамус увидел изделия из кожи Леванта, венецианские маски, зеркала, множество кукол, причем одна из них одета в траурный наряд, а другие — в роскошные придворные костюмы и платья, здесь же — горшочки с благовонными мазями, ящички, футляры и прочие диковинки: набитый соломой хамелеон, посуда из венецианского стекла, китайские ящички, амулеты, различные игры — шахматы, игрушечный бильярд, игра в «лису», шашки, обтянутое кожей колесико, игра в «сорок», девять эмалированных пластинок, статуэтка верующего, золотой и стеклянный кресты, две мраморные плитки в деревянной раме.

Между двумя окнами стоял шкаф для книг. Нострадамус с любопытством рассматривал аккуратно расставленные томики. «Утешение по случаю смерти», «Пророчества Сиби́ллы», «Злоупотребления в мире», «Портреты из истории Флоренции».

* Диана де Пуатье — фаворитка короля.

Дверь за спиной Нострадамуса растворилась. В кабинет вошла первая дама Франции. Она стала еще более привлекательной, сменив помпезный придворный наряд на более скромный, домашний, темных цветов. Но золотой кинжал по-прежнему сверкал на ее талии.

— Мне хотелось бы еще раз встретиться с вами в другой обстановке и выслушать ваши суждения в отношении будущей судьбы моих сыновей. Одна надежда на вас, — сказала она с очаровательной улыбкой.

— Всегда к вашим услугам, мадам. — Отвесив низкий поклон, Нострадамус вышел из кабинета.

Король Генрих II распорядился поместить мэтра Мишеля Нострадамуса в покоях «Отель де Санс», на берегу Сены, в резиденции кардинала Бурбонского. Этот дом сохранился до сих пор.

В тот же вечер королевский слуга доставил ему красный бархатный мешочек, в котором Нострадамус обнаружил сто экую лично от Генриха и еще пятьдесят от его супруги.

Как только знаменитый астролог перебрался в дом кардинала, тот утратил душевный и физический покой. С раннего утра на улице Ратуши перед входом в богатый особняк толпились вельможи, знатные люди, богатые куртизанки. Все они требовали от мага предсказать свое будущее и составить для них гороскоп. Естественно, на золото они не скупились.

Некоторые красотки старались явиться к Нострадамусу попозже, чтобы остаться наедине с магом до утра. Добродушный астролог не отказывал им в таком пустяке, тем более что он частенько бывал надолго оторван от дома, от супружеского ложа.

По Парижу поплзали слухи, что Нострадамус не только замечательный предсказатель, но в свои пятьдесят с хвостиком обходительный кавалер и достойный партнер в постели. Многие женщины утверждали, что они просто не в силах устоять перед загадочной глубиной его сверкающих глаз, казалось, что ими обладает не человек, а сущий дьявол.

Для таких признаний были основания.

Когда Нострадамус возвращался домой после длительных странствий, то всегда испытывал страх перед возобновлением супружеских отношений. Он был уже далеко не молод, да и жена Анна далеко не юная девица. Тогда хитроумный медик изобрел новый «фильтр любви», который наполнял его стареющее тело энергией, и в результате за следующие четыре года он со своей старенькой супругой произвел на свет еще четырех детишек!

Для желающих приводим рецепт «фильтра любви».

«Возьмите три корня мандрагоры и сварите их сразу же на восходе солнца, а затем заверните их в листья вербены, оставив в таком виде до утра следующего дня. Затем возьмите магнетитный камень и отломите от него часть, в которой нет железа. Шесть крупниц его нужно растереть на мраморной доске, а затем осторожно смочить порошок соком, извлеченным из корня мандрагоры. Потом через левое крыло нацедите крови у семи воробьев-самцов и возьмите: серой амбры — пятьдесят крупниц, а также ячменя и муската — семь крупниц; присокупите самой лучшей, имеющейся у вас корицы — триста семьдесят семь

крупиц; ячменя, левкоя и тонких стеблей алоэ весом три денье (денье — старинная французская мера веса. — Прим. авт.); потом извлеките из жабер красноперых рыбок по ушку, которые нужно настоять в меду, — двадцать одну крупицу; душистого аира — пятьсот крупиц; корня иллирийского ириса — семьсот крупиц; добавить критского вина — не более унции. Все это смешать, хорошенько растереть в мраморной ступке с деревянным пестиком и все сварить, помешивая серебряной ложкой. Потом всю массу поместить в стеклянный сосуд и довести до кипения, покуда вся масса не станет похожа на сахар в виде сиропа или смягчающей микстуры. После того, как смесь будет готова, ее следует получше выжать, а затем поместить в золотой, серебряный или стеклянный сосуд.

Каждый может приготовить такую смесь, но при этом должен руководствоваться только требованиями супружеской жизни; заниматься с помощью эликсира незаконной или распутной любовью — означает злоупотреблять благосклонностью природы.

Для использования «фильтра любви» нужно поместить небольшое количество этой смеси на язык и вместе со слюной протолкнуть ее в раскрытый рот любимого человека: его охватит любовный пожар такой силы, что он скорее согласится умереть, чем не изойти страстью со своим партнером».

Глава XII

Великий маг при дворе королей

183

Посередине улицы Фруадмантель возвышался красивый старинный замок кардинала с бойницами, окруженный рвом с водой. В нем по указанию Генриха II были предоставлены Нострадамусу личные апартаменты. Как поговаривали, он там даже кое-что переделал по своему вкусу.

В одиннадцать вечера перед замком остановилась карета. За задернутыми шторами сидели королева и Игнатий Лойола, основатель Ордена иезуитов. Оба были в масках. Пройдя по мосту, переброшенному через ров, королева и генерал Ордена остановились перед массивной дверью из старого дуба. Дверь тут же бесшумно отворилась.

Они оказались в большом холле, ярко освещенном свечами в массивных медных канделябрах, расположенных в виде треугольников. В конце холла виднелась лестница из красного мрамора. Возле нее стоял сморщенный старичок. Поклонившись, он сухо произнес:

— Мэтр ждет вас.

Он провел поздних гостей на второй этаж, открыл неприметную дверь и тут же исчез. Зал, куда они вошли, отличался удивительной простотой убранства. Совершенно круглый, с потолком, похожим на купол, в центре которого горел большой фонарь. Разливался мягкий рассеянный свет. В зал выходили двенадцать дверей, украшенных золотыми листиками и слоновой костью. На фронте каждой был изображен один из знаков

Зодиака. Двери отделяли друг от друга колонны из яшмы. У их основания стояли мраморные статуи каких-то странных, похожих на химеры, фигур, двенадцать духов, двенадцать знаков Зодиака.

Двенадцать кресел из красного мрамора были симметрично расставлены возле дверей. В центре зала стоял большой круглый стол, покрытый пластиной из чистого золота, с выбитым на ней высшим знаком, символом магии, — Розой и Крестом, в середине поблескивало выложенное бриллиантами священное слово — INRI.

(Роза и Крест, то есть сфера бесконечного. Роза символизирует откровение жизни, помещается в центре Креста, геометрической фигуры, выражающей ту идеальную точку, в которой сходятся две линии, продолжающиеся в бесконечности. Между их лучами древние маги помещали изображение четырех фигур, соединяясь друг с другом, они образовывали фигуру Сфинкса — человека, быка, льва и тигра. Иногда эти четыре фигуры заменялись четырьмя магическими буквами — INRI, которые древние иудеи рисовали на кресте Иисуса Христа.)

За спиной гостей раздалось чуть слышное пошаркивание. Они обернулись. К ним с улыбкой подходил Мишель Нострадамус. На его груди покоилась тяжелая золотая цепь, заканчивающаяся изображением Розы и Креста из крупных рубинов.

Он усадил Екатерину Медичи в кресло, стоявшее напротив двери со знаком Весов, Лойола — около двери с изображением Стрельца. Сам же опустился в кресло рядом с дверью со знаком Льва.

Они расселись за столом так, что каждый из них образовывал вершину равностороннего треугольника.

— Мадам, — произнес Нострадамус, — сегодня ночью я предоставляю все знания своей науки в ваше полное распоряжение. Можете задавать любые вопросы.

— Науки, — презрительно проворчал Лойола. — Тщетные химеры... Ложь, клевета, если только не преступление!

Нострадамус, повернувшись к собеседнику, ровным тоном произнес:

— Сегодня в шесть часов вечера под дверь этого дома просунули письмо. В нем сообщалось, что одна знатная дама намерена нанести мне визит ровно в одиннадцать часов. Вероятно, вы и есть та знатная дама. Ну а что касается вас, месье, то я вас не знаю. Меня не предупредили о вашем приходе. И хотя на вас, сеньор, надета маска, а под плащом скрывается костюм, мне не трудно догадаться, с кем имею дело...

Лойола весь задрожал от негодования.

— Месье, — сказал Нострадамус, — прошло ровно шестьдесят восемь лет с тех пор, как однажды в гористой жаркой стране одной женщине пришлось в девятый раз испытать родовые муки. Все происходило в замке, возвышавшемся над живописными окрестностями. Женщина хотела родить своего ребенка в яслях, как и Пресвятая Дева, и назвала появившегося на свет младенца Иниго, что означает побуждающий, подгоняющий к вере.

— Дьявол! — прошептал Лойола, впервые почувствовав, как ему в душу пробирается ледяной холодок страха.

— Нужно ли говорить, — продолжал Нострадамус, — что Иниго де Лойола был пажом короля Фердинанда V, командовал отрядом, отражавшим нападки неприятеля на город, был ранен в бою, из-за этого до сих пор хромает, и поклялся посвятить свою жизнь Иисусу. Нужно ли добавлять, что Игнатий Лойола, чувствуя приближение смерти, пожелал в последний раз посетить Францию, чтобы высказать напутствия своей лучшей и любимой ученице Екатерине Медичи, и, наконец, он явился сюда, в этот дом, чтобы обвинить меня в самозванстве и мошенничестве?

— Я больше не желаю оставаться в компании Сатаны! Мы еще доберемся до вас. Вспомните темницу в Турноне!

В дверях неслышно появился сморщенный старичок.

— Проводите сеньора...

Метнув в Нострадамуса полный негодования взгляд, Лойола решительно направился к двери.

— Мадам, — мягко сказал Нострадамус, — я знаю, кто скрывается под этой маской. Лучше ее снять. — Тон у него был спокойный, дружеский. — Те вопросы, с которыми вы сюда пришли, весьма серьезны...

— Ладно, — смирилась Екатерина, снимая с лица маску. — Я буду до конца откровенной с теми могущественными небесными силами, которые вы представляете здесь, на земле, но пусть и они мне ответят такой же откровенностью. Я хочу знать: какая судьба уготована моему сыну?

— Мне казалось, что у короля четверо сыновей — дофин, герцог Орлеанский, герцог Анжуйский и совсем крохотный герцог Алансонский.

— Повторяю, моего сына, — раздраженно произнесла королева.

Нострадамус молча пододвинул к королеве пергамент и цветной карандаш.

— Мадам, сообразуйте сформулировать коротко и ясно тот вопрос, с которым вы хотите обратиться к силам небесным, к Судьбе.

Екатерина слабой рукой набросала нужные слова:

«Определите будущую судьбу моего горячо любимого сына Генриха III».

— В вашем вопросе 53 буквы и три цифры, которые составляют один знак. Всего выходит 56 знаков. Я вписываю их в волшебный круг. Рядом с ним выстраиваю арифметическую прогрессию от 1 до 56. Каждая буква и каждый знак, внесенные в волшебный круг, имеют свое число, а каждое число обладает собственной тайной...

Нострадамус подвинул бумагу к себе и, протянув королеве чистый кусок пергамента, сказал:

— А теперь пишите, мадам. Те буквы, на которых я остановил свой рассеянный взгляд, сами образуются в слова. В них вы найдете ответ на ваш вопрос. Вот я вижу... как складывается перед моим взором слово... нет, не слово... часть фразы... пиши-

те, же, пишите! — Дрожащей рукой Екатерина вывела: «Но кинжал монаха». — А вот и другие слова, которые скажут у меня перед глазами. Пишите, мадам, пишите, его жизнь наталкивается... медленно... тщеславно. — Екатерина, чувствуя, как замирает сердце, записывала диктуемые магом слова. — Царь Ирод! — выдохнул Нострадамус.

Склонившись над написанной им странной фразой о монахе, Нострадамус горячо зашептал:

— Еще слово! Еще! Совсем маленькое, крохотное словечко. Всего несколько ничего не значащих букв, которые, соединяясь, означают такое могущество... Где оно, где? — Он наморщил лоб. — Да вот же оно! Это слово — «король»! Отлично! — воскликнул великий маг. — Единственное, что меня смущает, — слово «Ирод». Оно мешает точному предсказанию. Если не обращать на него внимания, то будущая судьба вашего сына Генриха мне ясна. Вот ответ, который нам дает магия: «Король — медлительный, тщеславный, Ирод. Но его жизнь натолкнется на кинжал монаха».

Генрих стал королем Франции в 1574 году под именем Генриха III — последний представитель династии Валуа. В 1573 году был избран на польский трон, но, узнав о преждевременной кончине своего брата, французского короля Карла IX, тайно бежал из Польши, чтобы заменить его на престоле. Генрих III получил кличку царь Ирод и на самом деле был чрезвычайно медлительным и тщеславным королем, не проявлявшим особого рвения при исполнении служебных обязанностей. Он был убит монахом Жаном Клеманом при осаде взбунтовавшегося Парижа в 1589 году.)

— Значит, Генрих будет королем?! — радостно воскликнула счастливая мать.

— Да, будет. Но он погибнет от кинжала монаха!

— Это уже не важно! Я за ним поспею. Мы и близко не подпустим к нему ни одного презренного монаха!

Нострадамус бросил на нее недоверчивый взгляд.

— Если вы хотите, чтобы мое предсказание было полным, я должен знать имя вашего любовника...

— Моего любовника? — зашипела Екатерина.

— Во мне говорит не любопытство, смею вас заверить. Я не могу общаться с небесными силами, если не узнаю до конца душу человека, который просит у них через меня точные сведения о своем будущем. Я знаю, что и Франциск, и Карл — дети короля, но они зачаты вами от человека, которого вы не любите. Напротив, Генрих — сын другого человека, которого вы любите. Назовите мне его имя...

— Имя?! Пусть тебе назовут его твои могущественные небесные силы. — И она дрожащим пальцем ткнула в Розу и Крест.

— Хорошо, мадам. В таком случае я его определю по буквам произнесенной вами фразы. — Начертив новый волшебный круг, Нострадамус быстро записал слова внутри и напряженно стал в них вглядываться. Затем с мягкой улыбкой, которая заставила похолодеть королеву, сказал: — А вот и имя. Мадам, возьмите...

Нетерпеливо схватив пергамент, Екатерина Медичи прочитала:

«Имя отца ребенка — Монтгомери. Его копье, дар Екатерины, решит судьбу короля».

— Как видите, эти слова произнесены оккультным могуществом.

— Ну что мне оставалось делать? — чуть не плача, захныкала она. — Вы же знаете, сколько женщин было у моего супруга Генриха. Но эта отвратительная Диана де Пуатье хуже всех. Он ни за что ее не бросит. Она столько лет живет во дворце. Разве это не унижение для королевы? Моя тайная любовь к Монтгомери — лишь отмщение, Нострадамус, отмщение слабой женщины, а не королевы.

— Но тогда чем же заслужил вашего отмщения еще один представитель дома Валуа?

— Что ты имеешь в виду, скверный маг?! — воскликнула она, предчувствуя еще одну каверзу. И поспешила добавить: — Уже за полночь, месье, будьте любезны, проводите меня во дворец. Я унесу все ваши горькие слова в своем разбитом сердце.

— Подождите немного, мадам. Для того чтобы мое пророчество было верным и не утратило силы, его следует повторить перед одним из умерших членов королевской семьи династии Валуа, к которой принадлежит и ваш супруг.

Нострадамус сделал жест рукой, и свет в круглом каменном своде погас. Они сидели молча в крошечной темноте.

— Что все это означает? — прошептала королева, теряя самообладание.

Великий маг не удостоил ее ответом.

Вдруг она почувствовала, как чья-то властная рука, охватив ее за талию, куда-то увлекла. Она повиновалась.

Екатерина оказалась в небольшой, слабо освещенной комнате без окон, потолок, стены и пол покрывала шелковая изумрудная ткань, прибитая медными гвоздиками. В центре комнаты стоял треножник, из него вился пахучий сероватый дымок. В глубине возвышалась большая рама, завешанная белым полотном. Перед ней стояло мраморное изваяние, наподобие алтаря, с талисманом Анаэля — пятиконечной звездой из кожи. Рядом с рамой располагался небольшой помост, обитый такой же изумрудно-зеленой тканью. Его поддерживали две обтянутые кожей колонны, у основания их притаился сфинкс из белого мрамора.

Внезапно на помосте королева увидела Нострадамуса. В левой руке он держал кожаный подсвечник с горящей свечой, а в правой — обнаженную шпагу. Поставив подсвечник возле стены, он острием шпаги начертил круг в центре комнаты. Этот круг, насколько ей было известно, должен уберечь мага от воздействия злых духов.

Нострадамус заговорил:

— Из толпы почивших, связанных невидимыми узами с Генрихом II, королем Франции, призываю в свидетели своего пророчества того, кого Генрих, французский король, так горько оплакивал — его любимого старшего брата, якобы скончавшегося от ничтожной простуды, — Франциска де Валуа!

— Нет! — завопила Екатерина Медичи. — Только не его! Я не хочу.

— Франциск де Валуа, — позвал Нострадамус. — Именем небесных сил, восстань из мертвых!

С рамы слетело полотно. Королева взглядывалась в пространство, ограниченное тяжелым золотистым прямоугольником. Но ничего не было видно, кроме сумеречных теней.

— Во имя оккультных могучих сил, — торжественно вещал Нострадамус, — Франциск де Валуа, старший брат Генриха II, короля Франции, заклинаю тебя, явись перед присутствующей здесь королевой!

Екатерина чувствовала, как у нее останавливается сердце, как прерывается дыхание. Вдруг она задрожала. В раме, в сумерках перемежающихся теней, начала вырисовываться чья-то мужская фигура. Расплывчатая, она словно приближалась из небытия. Прошло несколько секунд. Фигура уже отчетливо видна, вот она делает шаг вперед, выступает из рамы... Прямо в комнату.

— Франциск! Остановись! — закричала Екатерина. — Пощади, отойди от меня!

— Франциск де Валуа, — спокойно сказал великий маг. — Нострадамус приветствует тебя.

Екатерина задыхалась от страха. И вдруг она увидела, что призрак Франциска приближается к ней. Вот уже совсем близко, почти рядом. Екатерина упала навзничь на мягкую шелковую ткань. Над ней наклонился Франциск, всматриваясь в ее лицо. Какой ужас! Вот он протянул к ней руку. Коснулся лба. Рука скользнула к ее горлу: «Вы с мужем отправили меня на тот свет, не простуда!» — зашептал он, и она ясно почувствовала исходящий от него запах мертвящей гнили.

В это мгновение она потеряла сознание.

Когда Екатерина Медичи пришла в себя, то увидела, что сидит в мягком кресле, в красивой, богато обставленной комнате, залитой ярким светом. Нострадамус заботливо протягивал ей флакончик с приятно пахнущей эссенцией, успокаивал ее, просил не волноваться и не нервничать.

На следующее утро Нострадамус увидел в своей прихожей несколько знатных дам. Среди них он заметил изящную фигурку придворной дамы Маргариты де Рауэн. Она всегда проявляла повышенный интерес к его искусству, а он, в свою очередь, к ее несравненному искусству очаровывать кавалеров. Нострадамус уже имел возможность по достоинству оценить силу ее чар и теперь, обрадовавшись приходу Маргариты, соображал, не лечь ли в постель в специальной комнате для приема гостей.

Но, увы... Взволнованная дама сообщила своему бородатому поклоннику следующее: коннетабль Франции (расположением которого она часто пользовалась в собственных целях) по большому секрету рассказал ей, что по высочайшему повелению парижская инквизиция намерена допросить Нострадамуса в отношении применения им на практике магии и оккультных наук.

Нострадамус сразу понял, что повышенным вниманием к своей особе он обязан монаху Игнатию Лойоле, которому невольно нанес сегодня ночью тяжкое оскорбление.

«Чем быстрее я окажусь за городской чертой, — решил Нострадамус, — тем лучше!»

Глава XIII

Коалиция ревнивцев

Известие о возвращении Мишеля Нострадамуса в долину нижней Роны стало причиной веселых празднеств в его теперь уже родном Салон-ан-Провансе.

С удовольствием и со вздохом облегчения Нострадамус после взбаламошного, суетливого Парижа наслаждался тишиной своего таинственного подвала.

Только здесь, в мистической тишине, он чувствовал себя настоящим ученым-философом. Слава Богу, он снова дома. Теперь, уже обласканный вниманием королевского двора, Нострадамус мог спокойно, вдали от мстительного главного монаха папской инквизиции, греться в лучах славы.

Нострадамус знал, что некоторые из его коллег-медиков и астрологов ненавидящими, полными зависти глазами наблюдали за стремительным возвышением салонного пророка. Но разве не такая судьба у людей, достигших вершин славы? Ревность — главное оружие тех, кто остался в тени, кому приходилось видеть только спину шагающих в первом ряду.

Самым ревнивым, самым страстным обличителем Мишеля Нострадамуса, как это часто бывает, стал его лучший друг молодости, знаменитый ученый и литератор, поклонник и ниспровергатель Эразма Роттердамского, небезызвестный Юлиус Цезарь Скалигер. Его распирало от неутоленной гордыни, и он люто ненавидел удачливых, особенно если они имели сомнительную честь оказаться в числе его бывших друзей или знакомых.

Мэтр из Лескаля осыпал провансальского астролога едкими эпиграммами. В одной из них, написанной по-латыни, он обращался к Франции, но скорее всего к личности, ее олицетворяющей, — к Екатерине Медичи. Ведь именно она оказывала протекцию человеку, вызывавшему у Скалигера острое желание поскорее спихнуть его с незаслуженного, по его мнению, пьедестала.

Не видишь ли, что язык этого порочного мечтателя

Лишен всякого смысла?

Можешь ли терпеть, когда он злоупотребляет твоим доверием?

Кто же из вас двоих вреднее?

Это опасный шарлатан, но, может, обманщица и ты,

Та, которая благосклонно относится ко всем его выходкам?

Обидно, конечно, когда критические стрелы летят из стана бывших друзей. Но это еще не самое худшее. Его больше беспокоили злобные нападки из другого лагеря.

Ему, как ни странно, удалось избежать гонений со стороны инквизиции, обмануть королевское правосудие, но все меры предосторожности оказались неэффективными в отношении озлобленных кальвинистов, которых он называл «безголовыми идиотами».

Однако никто не мог открыто бросить ему обвинение в ереси, в принадлежности к инфернальным силам. Противники постоянно упрекали Нострадамуса, что в своих сочинениях он прибегает к редким, устаревшим словам, которые невообразимым способом смешивает, подобно своим микстурам и мазям, чем вызывает брожение как зрелых, так и незрелых умов.

Вскоре обвинения приняли официальный оттенок, стали появляться брошюры и памфлеты с острыми, язвительными инвективами.

В начале 1558 года в Авиньоне вышла одна из самых «неприемлемых» под названием «Декларация о злоупотреблениях, невежестве и мятежных мыслях Мишеля Нострадамуса из Салонан-Кроде-Прованса». Благодаря этому документу любой француз получал возможность всласть покуражиться над великим магом.

Два месяца спустя в Париже появилась книга, написанная полатыни гугенотом Ианом де ла Дагеньером и переведенная на французский Лемором дю Верже под броским заголовком «Монстр заблуждений».

Вскоре появилась еще одна, доставившая изысканное наслаждение врагам Нострадамуса под названием «Неопытный кормчий: тьма веков против Нострадамуса». Ее автор — поэт Теодор де Без, убежденный кальвинист. В ней можно было прочитать и такую потрясающую по своей неучтивости фразу: «Ты еще не владеешь даже начатками французского языка, а осмеливаешься приписывать своему перу божественную благодать».

Но самой большой популярностью во всей Франции пользовался памфлет гугенота Антуана Куйара «Опровержение насквозь лживых и порочных предсказаний Нострадамуса и его астрологии».

Нельзя сказать, что Нострадамус оставался безразличным к этим нападкам. Он стал хуже себя чувствовать, участились припадки эпилепсии. Тогда медик-астрофил приступил к написанию новых пророчеств.

Вскоре он довел общее число «Центурий» до десяти, как и задумывал прежде, но сделал соответствующее распоряжение, чтоб три последние опубликовались только после его смерти. Однако его издатели, как обычно, все же сделали несколько пробных оттисков. Один из них Нострадамус отправил Генриху II вместе с длинным письмом, которое королевский двор тут же опубликовал.

Холодными зимними ночами 1559 года Нострадамус начал сочинять новые «Центурии» — одиннадцатую и двенадцатую, но они так и остались незавершенными.

Глава XIV

Предсказание сбывается на глазах у всех

Герцог Эммануил-Филибер Савойский, будущий супруг французской королевы Маргареты, дочери короля Франциска I и се-

стры короля Генриха II, возвращаясь из Ниццы во Францию, решил сделать остановку в Салоне, чтобы увидеться с Нострадамусом.

К этому его подталкивало не простое любопытство, не мода на посещение знаменитого предсказателя, а горькая нужда — в его государстве разразилась чума, жертвой которой оказался и сам герцог.

Он был принят в Салоне с большими почестями, и консулы города от имени жителей преподнесли герцогу в дар двенадцать каплунов, четыре индейки и по три бочонка белого и красного вина.

Нострадамус добился от городских властей, чтобы больного герцога поместили в Салонском дворце, принадлежащем архиепископу Арльскому. Герцог поинтересовался у мага относительно перспектив собственного выздоровления, а также ликвидации очага заражения в столице его королевства — Ницце.

Нострадамус дал представителю королевского дома все заверения в благополучном исходе, и обрадованный герцог послал депешу будущей супруге с приглашением пожаловать в Салон.

Вероятно, слова у Нострадамуса не расходились с делом, так как через полтора месяца, в декабре, Маргарета без опаски прибыла в Салон, чтобы присоединиться к будущему супругу.

В тот день в Салон-ан-Провансе стоял трескучий мороз, а темное небо низко висело над головой. Отцы города при всех регалиях проводили сестру Генриха II под роскошным балдахином до самого замка, на стенах которого висели украшенные гирляндами цветов и зелеными венками гербы герцога. Весело гремели колокола на церквях Сент-Лорен, Сент-Мишель и францисканцев.

Нострадамусу, слывшему знатоком девизов, поручили по случаю королевского визита сочинить галантную надпись. Сочтя ее весьма удачной, укрепили на самом видном месте на фронтоне. Она была написана на латыни: «Sanquire Trojano, Trojano sticre creata» («Троянских кровей, троянского дерева поросль»).

Прочитав ее, принцесса улыбнулась, по достоинству оценив честь, оказанную монаршему дому Франции. В стародавние времена поэты связывали этот дом с сыном Гектора Троянского, бессмертным потомком Киприды (Венеры), богини любви.

Нострадамус часто посещал Маргарету в замке, где они вели продолжительные беседы, в основном об астрологии. По отзывам Нострадамуса, принцесса проявила такие же широкие познания, как и ее свояченица Екатерина Медичи.

Однажды сестра королевы попросила Нострадамуса посвятить ее в тайны астрологии и магии. Он намеренно туманно объяснял ей основы своего искусства и в качестве примера, дабы подтвердить правоту своих тезисов, развлекался тем, что предсказывал небольшие события, которые точно сбывались.

Как-то один из приближенных герцога, Клод Савойский, граф Тандский, спросил мага, чего ему следует опасаться.

— В течение всего месяца остерегайтесь мокрого, — не задумываясь, ответил Нострадамус.

С этого момента граф не брал в рот ни капли вина или воды,

предварительно не проверив их на слугах. Ничего особенного не происходило, и Клод Савойский разочаровался в предсказании мага. Но однажды во время прогулки по берегу реки нога у него поскользнулась, и он очутился в воде. Граф наверняка бы утонул, не приди ему вовремя на помощь слуга.

В другой раз граф Крюссоль, прибывший в Салон засвидетельствовать свое глубочайшее почтение сестре Генриха III, снedaемый любопытством, в ее присутствии поинтересовался у Нострадамуса, что ему готовит судьба. Ему была поручена миссия с помощью военной силы усмирить инакомыслящих. Великий маг загадочно ответил, что ясно видит только одно — благодаря усилиям графа деревья украсятся новыми плодами.

Как впоследствии подтвердила история, граф выиграл сражение и повесил на деревьях множество еретиков...

А летом в Париже разразилась трагедия, предсказанная магом в 35-й центурии. Генрих II пал на рыцарском турнире. Копье Монтгомери пронзило шлем короля, и его осколок застрял в глазу Генриха.

В первую ночь Екатерина Медичи не отходила от постели мужа до трех утра. Последующие дни король провел в забытии. Ему даже стало легче. Он слушал придворных музыкантов, пообещал построить храм Богородицы в Клері и после выздоровления навсегда покончить в стране с ересью.

Однако на следующий день, 4 июля, у него началась сильная лихорадка, и король испытывал острые боли в затылке. Проведенная впоследствии аутопсия покажет, что у него в голове образовался обширный абсцесс. Король был обречен. 9 июля у него еще хватило сил, чтобы благословить дофина Франциска. Екатерина Медичи все время находилась рядом, молча наблюдая за агонией супруга. 10 июля 1559 года Генрих II, король Франции, испустил дух. Ему было ровно сорок, и он правил страной двенадцать лет. Королева Екатерина Медичи, вероятно, чувствуя свою вину, до самой своей смерти будет носить по нему траур. Больше никогда не наденет шелкового платья, исключение сделает только при бракосочетании сыновей — Карла IX и Генриха III. Она изменит свой герб. Место семицветной радуги займет сломанное копье с девизом — «Laccypal hint, hint dolor» («Вот от чего мои слезы, вот от чего страдания»).

Разыгравшаяся во время рыцарского поединка драма, погрузившая Францию в скорбный траур, превратила мага в самого великого, но и в самого опасного пророка современности.

Во время официального сообщения о смерти Генриха II стоявший в толпе придворных в тронном зале могущественный коннетабль Анн Монморанси воскликнул, вспомнив о злополучном пророчестве Нострадамуса:

— О, несчастный, божественный злодей! Ты умеешь предсказывать как счастье, так и беду!

Недоброжелательное настроение при дворе выплеснулось на улицы Парижа. Предсказание Нострадамуса о неминуемой смерти монарха во время рыцарского турнира передавалось из уст в уста, звало к бунту невежественную парижскую чернь. Они, поддавшись гневу, сожгли на площади Грев соломенное

чучело Нострадамуса. Повсюду раздавались призывы к инквизиции, чтобы папский трибунал приговорил мага к сожжению на костре.

В родном Салоне фанатично настроенные крестьяне в черных накидках и капюшонах, да вдобавок разогретые вином, направились к дому Нострадамуса. В окна полетели камни.

Угрозы становились все реальнее. Нострадамус в интересах личной безопасности и безопасности членов семьи нашел приют за крепкими стенами местной тюрьмы. Неожиданно ему на помощь пришли заключенные. Они потребовали временно выпустить их из заточения, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу.

Местные власти пошли им навстречу. Завидев большую банду грязных типов, жаждущих расправы, крестьяне бросились наутек. Больше они не осмеливались тревожить покой мага.

Чтобы поблагодарить своих спасителей, Нострадамус попросил у тюремного начальства преподнести каждому из преступников по доброй мере вина...

Глава XV

Встреча в Салоне

После смерти Генриха II на границах Франции, казалось, воцарилось полное спокойствие. Но, к сожалению, в те времена политические интересы круто замешивались на религии.

Франция погружалась в пучину религиозных войн. На юге контроль над религиозной жизнью захватывали кальвинисты, выступавшие за радикальные изменения церковной иерархии вплоть до ее полной ликвидации — священников, епископов, архиереев и монахов. Опасаясь, как бы кальвинизм не захлестнул традиционную католическую религию, многие обращались за советами к Нострадамусу.

Нострадамус невозмутимо отвечал:

— Не бойтесь, за всей этой религиозной путаницей стоит всемогущий Бог. Он все рассудит.

Каждая европейская страна сделала свой выбор. Италия с Испанией оставались строго католическими странами, Англия и Скандинавия склонились к реформированной церкви, а Великая Германская империя разделилась между двумя ветвями.

Разделилась и Франция. В различных районах ее участились кровавые столкновения.

Екатерина Медичи, не надеясь на энергичность нового короля, сама взялась за наведение порядка в стране. Она вспомнила, что у нее есть мудрый советник, маг и астролог, Мишель Нострадамус. В Прованс был снаряжен нарочный с депешей от королевы-матери. В ней она просила великого прорицателя подсказать, какое следует принять решение, чтобы положить конец кровавым побоищам в стране.

Нострадамус оказался дальновидным политиком. Он ответил,

что лучший выход — собрать за «круглым столом» представителей враждующих сторон и добиться от них примирения. Но лично он не верил в благополучный исход такого «совещания». «Богу еще не угодно выбрать время, когда сложат оружие. Еще прольется немало крови, и никакой плотине на земле не удержать кровавого потопа», — заключил он свой ответ.

Расстроенная пессимизмом Нострадамуса, Екатерина все же решила пойти на безрассудную, казалось, встречу. Так в октябре 1561 года состоялось знаменитое собрание в Пуасси, вошедшее в историю.

Дабы успокоить растревоженные умы, королева подписала эдикт, по которому кальвинистам предоставлялось право свободно отправлять свой культ, за исключением закрытых городов, где службы могли проходить только в частном порядке.

В марте 1562 года на религиозных фронтах наступило затишье. Воспользовавшись этим, Екатерина Медичи созвала «расширенное совещание» государственного совета. Она пригласила предсказателей, магов, астрономов-шарлатанов, оккультистов всех мастей, чтобы обсудить один-единственный вопрос — как покончить с братоубийственной войной. Вразумительного ответа королева не получила.

Тогда королева решила устроить «инспекционную» поездку по стране. Она была уверена, что ее посещение провинций, охваченных братоубийственной войной, поможет унять страсти и водворить мир.

24 января 1564 года парижане были поражены необычным зрелищем. Из Луврского дворца выезжала кавалькада золоченых карет.

В первой, самой просторной и самой элегантной, восседала мать-королева со своим сыном — четырнадцатилетним королем. Карету тащила шестерка разряженных белых лошадей. По обе стороны кареты конюхи вели шесть оседланных лошадей-иноходцев на случай, если королева пожелает проделать часть пути верхом.

За первой следовало множество карет с личными вещами королевы. Везли широкую кровать под балдахином, набор шелковых простыней, весь несметный гардероб, тапки для мытья и ночные горшки, ее регистры, бумаги, массивный письменный стол, ларцы с драгоценностями и деньгами, целый магазин шляп.

За королевскими каретами вышагивала армия — четыре роты пехоты, рота легкой кавалерии, полк гвардейцев.

Через восемь месяцев королевский кортеж прибыл в столицу Прованса Авиньон, где провел около двадцати дней.

16 октября по мосту, наведенному из рыбацких лодок, он переправился на другой берег реки Дюранс. Обед состоялся в Шато-Ренар, а ночь члены королевской семьи провели в Сент-Реми, родном городке Мишеля Нострадамуса. На рассвете Екатерина Медичи намеревалась проследовать в Салон-ан-Прованс.

В городе заметно похозяйничала чума, и потребовалось специальное распоряжение полиции, чтобы заставить оставшихся жителей выйти на расчистку улиц перед визитом ее величества.

Многие считали, что чума разразилась в городе по вине властей, которые позабыли снять с деревьев давно разложившиеся трупы повешенных. Все же жители Салона установили несколько простеньких арок, украсив их гирляндами из мимозы и скромных полевых цветов, посыпали желтым песком улицы и высадили чахлые кустики розмарина, дабы перебить трупный запах.

Впереди кортежа на небольшом арабском скакуне гарцевал Карл IX. Конь был покрыт попоной из черного бархата с широкими галунами и золотой бахромой.

Выстроившись по обеим сторонам улицы, народ вопил:

— Да здравствует король!

За королем следовали Екатерина Медичи, герцог Анжуйский, Генрих Наваррский, коннетабль Монморанси, знатные сеньоры, высокие чины церковной иерархии, видные полководцы.

Выслушав приветственную речь Антуана де Корда, король, повернувшись к нему, заметил, что не видит среди нотаблей Мишеля Нострадамуса. Тот ответил, что лично направил ему приглашение, но великий маг предпочел встретить кортеж в толпе простолюдинов, и указал на человека с пышной седой бородой, стоявшего неподалеку в первом ряду.

Карл IX мило улыбнулся магу и, сделав грациозный жест рукой, поманил его к себе. Нострадамус спокойно подошел к юному королю и сделал глубокий церемониальный поклон. В руке он держал массивную индийскую морскую трость, украшенную серебряной инкрустацией. Он теперь с ней не расставался при ходьбе — все больше давала о себе знать подагра.

В тот же вечер Нострадамус получил приглашение пожаловать в замок вместе с членами своей семьи — женой, тремя сыновьями и тремя дочерьми, чтобы представить их королеве-матери и ее королю-сыну.

Екатерина Медичи ласково их приняла, заверив, что «простое человеческое любопытство побудило ее к тому, чтобы познакомиться с людьми, живущими в одном доме с ее любимым астрологом».

После торжественного ужина регентша, улучив момент, попросила Нострадамуса последовать за ней в уединенную комнату.

Плотно закрыв дверь роскошных покоев, Екатерина воскликнула:

— Мэтр, десять лет назад вы сделали предсказание о грядущем восхождении на французский престол моего третьего сына Генриха. Не могли бы вы подтвердить ваше пророчество? Имеет ли оно в сейчас силу? Сбудется ли?

Нострадамус долго разглядывал собеседницу. В ее взоре он видел не любопытство, а тревогу матери, первый сын которой уже переселился в мир иной.

Он обнадеживающе улыбнулся.

— Генрих обязательно взойдет на трон после своих братьев. Но, как я уже сказал, один монах лишит его жизни...

— Скажите наконец, кто этот монах? — встрепенулась королева и решительным тоном добавила: — Я тотчас велю его повесить!

— Мадам, я не пишу историю, я лишь предсказываю ее ход в будущем... Таковы правила, которые диктуют нам сверхъестественные силы.

На следующий день король Карл IX пожаловал городу Салону новый герб и дал разрешение на назначение в нем третьего консула. Нострадамусу выдал патент, удостоверяющий, что он, Нострадамус, является «советником и ординарным медиком двора короля Франции с обычными для сего случая обязательствами, прерогативами и почестями». Это назначение король подтвердил вручением магу кошелька с 300 золотых экю, к которым благодарная Екатерина Медичи добавила еще 200 из собственного кармана.

Теперь все жители Салона и окрестностей еще с большим уважением взирали на свою знаменитость, получившую такое высокое отличие из рук самого короля...

Когда королевский кортеж на обратном пути вновь оказался в районе Авиньона, несколько знатных вельмож и сопровождавших их куртизанок решили воспользоваться случаем и вновь повидать знаменитого мага в расположенном неподалеку Салоне. Им ведь так и не удалось вдоволь поговорить с ним, расспросить о своей будущей судьбе — все внимание пророка было отдано представителям королевской семьи.

Одна дама по имени Жамбель де Жюсиё, наслышавшись о подвигах Нострадамуса на любовном фронте, воспылала к нему страстью и не желала уезжать в Париж, не испробовав на себе воздействие знаменитого «фильтра любви».

Остановившись в замке, в котором недавно жила королева, она послала за великим магом.

Подчинясь капризу придворной дамы, Нострадамус, тяжело вздохнув и украдкой перекрестившись, приступил к практическим занятиям и расшифровке рецепта своего «фильтра любви». Этим он занимался до самого утра — вероятно, его ученица оказалась весьма бестолковой.

Но у нее хватило ума и обаяния, чтобы утром усадить усталого, разбитого физическими упражнениями старика, несмотря на его протесты и ссылки на усиливающуюся ломоту в дрожащих коленях, в свою коляску и совершить увеселительную поездку до Марселя. По дороге они несколько раз останавливались в придорожных гостиницах — проверяли усвоенные дамой знания.

Когда королевский кортеж выезжал из Марселя, Нострадамус подошел к королеве-матери, чтобы с ней попрощаться.

— Думаю, мадам, что здесь наши пути расходятся. Вряд ли я еще когда-нибудь приеду в Париж. Мне остаются лишь воспоминания о вас, о моем короле, о моих парижских друзьях, о встречах с вами...

— Двери Лувра всегда для вас открыты, — улыбнулась королева в ответ.

— Мне уже не видеть Лувра. Чувствую, пришло время составлять завещание.

Боязливо пожившись при упоминании о неизбежной страшной гостье, Екатерина Медичи, молча помахав на прощание рукой астрологу, отдала приказ трогать.

Вскоре Мишель Нострадамус остался один на дороге, печально глядя путешественникам вслед.

Глава XVI

«*Nic propre mors est*»

Нострадамусу не были чужды простые земные удовольствия. Он любил вкусно и плотно поесть, знал толк в винах. Не чурался и женщин. Теперь за все излишества приходилось расплачиваться здоровьем. Ему было лишь немного за шестьдесят, но выглядел он сильно изношенным человеком с опущенными плечами, с узловатыми пальцами, с раздувшимися ногами. С ним все чаще случались приступы падучей, донимала подагра. По ночам он задыхался, сон покидал его, и ему приходилось подниматься с постели и в течение долгих часов сидеть на скамеечке, стоящей рядом с кроватью.

Его недомогания усиливались с каждым днем. За свою жизнь он многим помог, многим спас жизнь, но его искусство мага и врачевателя оставалось бесполезным в отношении его самого. Значит, последний час пребывания на этой земле не за горами. Пододвинув к себе астрономическую книгу Жана Стадиуса «Эфемериды», Нострадамус задумчиво начертал на ней фразу по-латински «*Nic propre mors est*» («Здесь, совсем рядом, смерть»).

17 июня 1566 года он вызвал нотариуса Жозефа Роша и в его присутствии составил завещание. Мишель Нострадамус всегда удивлял своей оригинальностью и даже в такой торжественно-скорбный момент не изменил себе. На листе пергамента он большими буквами, в разрядку написал: «НИЖЕСЛЕДУЮЩЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ».

Затем разорвал лист с написанной фразой надвое и передал половинку нотариусу. Вторую разорвал еще на две части, и одну четвертинку отдал жене Анне, вторую — брату Иохану. Он сообщил при этом нотариусу, что если смерть достигнет его в пути, то супруга должна взять у Иохана его четвертинку, соединить со своей и передать обе для рассмотрения матру Жозефу Рошу.

Если все пергаментные ленточки точно совпадут и у нотариуса не возникнет сомнений в их подлинности, то он передаст тысячу золотых монет жене Анне Понсар, в настоящий момент надежно спрятанных в тайнике, — местонахождение его известно только нотариусу.

На самом деле осторожный Нострадамус соорудил не один, а семь тайников — вокруг своего дома, на городском кладбище, в подвале церкви Сент-Лорен и под большим оливковым деревом в монастыре Сент-Франсуа.

Остальную часть денег, как и принадлежащее ему имущество, он распределил между своими братьями и детьми. Он назначил троих своих сыновей, Цезаря, Карла и Анре, единственными наследниками, исключив из их числа четвертого — Мишеля,

который бесчестил имя отца, публикуя пророчества, ни одно из которых не сбылось.

Он завещал передать все свои книги (запретив сделать их опись), манускрипты, сборники и альманахи тому из них, который окажется наиболее способным к наукам.

Первого июля 1566 года, за день до смерти, Нострадамус позвал к себе преподобного отца Дюваля де Миним, исповедался ему и причастился. Вечером того же дня, когда его верный секретарь Шавиньи, как всегда, прощаясь с ним, сказал: «До завтра», — Нострадамус печально заметил:

— Мой милый Шавиньи, вы меня не увидите живым на рассвете. — И молча протянул ему свое предсказание о собственной смерти — катрен, который он намеревался включить в последний альманах.

Шавиньи пытался успокоить старика, отвлечь его от темных мыслей, но тот упорно стоял на своем.

На следующее утро, на рассвете, Шавиньи обнаружил мертвое тело Нострадамуса.

Оно лежало, распростершись, между кроватью и скамеечкой на летней террасе. Его широко раскрытые неподвижные глаза смотрели на гаснущие звезды.

Весь в слезах верный Шавиньи закрылся в кабинете Нострадамуса и вскрыл переданный ему мэтром пакет. В нем давались указания в отношении похорон.

Нострадамус пожелал, чтобы его тело было похоронено в церкви монастыря Сент-Франсуа-де-Салон, между большим порталом и алтарем Святого Мартина. Вначале он хотел быть похороненным в церкви Сент-Лорен, но затем изменил ее на церковь францисканцев и при этом добавил небольшое уточнение, точно исполненное:

«Я не хочу, чтобы меня похоронили в любом месте, наугад, а хочу, чтобы гроб поставили вертикально в земле, вплотную со стеной церкви францисканцев. Таким образом, даже после моей смерти глупцы и трусы всех мастей, пошляки и злодеи не смогут станцевать на моей могиле».

Он попросил положить ему в гроб четыре свечи, книги, а крышку забили тринадцать городских бедняков.

В тот же день, 2 июля 1566 года, его труп положили в гроб и при большом скоплении народа перенесли в специально приготовленную нишу возле стены церкви францисканцев. Таким образом, Мишель Нострадамус, по его завещанию, был похоронен «стоя».

Его супруга Понсар, утверждая, что эпитафия была составлена на латинском языке самим мэтром, повелела, чтобы ее выбили на надгробном камне. Вот она:

Здесь покоятся кости Мишеля Нострадамуса,

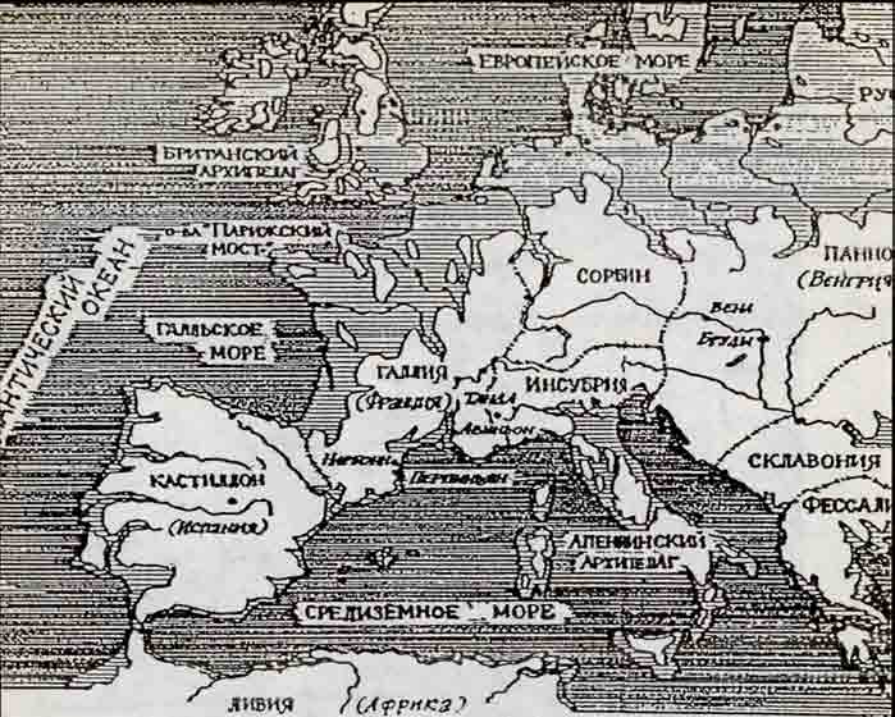
Единственного, по суждению всех смертных,

Почти божественное перо которого

Оказалось достойным, чтобы по влиянию звезд

Предсказать будущие события на всей нашей земле.

Он прожил шестьдесят два года, шесть месяцев и семнадцать дней.

Умер он в Салоне-де-Кро в год 1566 от Рождества Христова, 2 июля.

Не завидуйте, о, потомки, его упокоению.

Позже Цезарь де Нострадамус повелел, чтобы над могилой поместили портрет отца, выполненный им на коже по оригиналу 1561 года.

Едва похоронили великого мага, как вокруг его имени закружились новые легенды. Для простых людей он вовсе не умер, а был зарыт живьем в могиле с лампой, бумагой, перьями с чернилами. Эта легенда упорно жила до 1791 года, когда революционеры разрушили церковь. Они вскрыли гроб Нострадамуса и, естественно, не нашли в нем ничего, кроме скелета. Они начали раздавать кости великого мага всем желающим в качестве сувенира, а один из вандалов, говорят, даже выпил вина из его черепа.

Когда встревоженный таким святотатством мэр прибыл на место происшествия, то обратился к стражам «нового порядка» с пламенной речью, в которой указал на заслуги Нострадамуса, особенно на то, что именно он стал предтечей Великой французской революции. Мэр вложил столько страсти в свои слова, что сумел переубедить этих ослепленных злобой к прошлому людей в мундирах. Растроганные солдаты вновь собрали кости пророка, отобрав их у любителей сувениров, и отнесли гроб «предтечи Революции» на место, у стены церкви францисканцев, где он покоится и поныне.

«Не завидуйте, о, потомки, его упокоению!»

ГОНКИ:

по трассе

И ПО ЖИЗНИ

АНДРЕЙ БАТАШЕВ,
обозреватель газеты «Спорт-экспресс»

Выступая среди любителей, велогонщик Асят Сaitов (рост 1,83 м, вес 78 кг) десять раз выигрывал чемпионаты страны, был вторым на мировом чемпионате в Австрии...

Четыре года назад Сaitов стал профессионалом. Сначала выступал за «Альфа-Люм», а последние три сезона — за испанский клуб «Келме». За это время одержал одиннадцать побед на этапах.

Правда, лишь дважды финишировал первым, однако в призах был часто — раз десять приезжал вторым и раз двадцать — третьим. На последней «Вуэльте» его настойчивость была вознаграждена: закончив главную для испанцев многодневку в майке самого активного гонщика, Саитов получил специальный приз — автомобиль «фиат-типо».

Я разговаривал с Асятом в его московской квартире.

— Что в жизни профессионала самое трудное?

— Встать утром, когда идет последняя, третья неделя гонки. Примерно на восьмой день тебя начинает одолевать усталость. С каждым днем она нарастает. И вот в 8 утра ты встаешь, завтракаешь и до 12 часов, до старта, тебе ничего не надо. Хочется только одного — домой, к маме... Ты уже мертвый, а тебе говорят: нужно атаковать, делать то-то и то-то. И надо внушить себе: ты свежий и сегодня, на шестнадцатый день соревнований, можешь отработать так же, как и в первый. Велосипедисты, которые стартуют в «Тур де Франс», «Джиро д'Италия», «Вуэльте» — это люди-роботы: гонка, ужин, массаж, сон, гонка, ужин, массаж, сон... И так 21 день.

— Но бывает же и отдых?

— В прошлом году на «Джиро», например, — два дня, на «Вуэльте» — ни одного. Для меня самые изнурительные состязания — это «Вуэльта». Они проводятся весной, когда часто идут дожди. Дорога становится скользкой, поднимаешься в горы — холод, спускаешься — адская жара. В холодную погоду быстро наступает истощение. Не поел вовремя, сразу же чувствуешь — не можешь педаль крутить. Думаешь: это мой последний день. Если бы был в любителях, то, может быть,

и сошел бы. Но в профессионалах нельзя делать себе поблажек. От тебя, правда, никто не требует: умри, но обязательно будь впереди. Можешь отстать, однако добраться до финиша ты обязан.

— А можно ли выиграть профессиональную гонку за счет хитрости, тактических уловок?

— У профессионалов своя этика. Если ты всю гонку просидел на колесе соперника, а на финише «выстрелил» и победил — тебя не поймут. Это считается неприличным. И назавтра тебя «посадят» так, что ты долго будешь помнить свои хитрости. Если уж ты уехал с кем-то в отрыв, то должен пахать и пахать. А если ты выиграл «с колеса», тебя засмеют.

— Ну, а как тебе живется в Испании? Нет ли недостатка в общении? Россиянина ведь хлебом не корми — дай поговорить...

— Мне легко даются языки, и испанским я овладел довольно быстро. Живу в Аликанте, маленьком городке на юге Испании. Кроме меня, здесь нет велосипедистов-профессионалов, и я везде прохожу как местный: мне присылают приглашения на спортивные праздники и презентации, а на гонках, представляя меня, говорят, что это, мол, «руссо», но живет он в Аликанте. Я знаю все окрестные бары, кафе, ресторанчики и днем или вечером обязательно куда-нибудь захожу. У меня свой круг друзей, с которыми мне есть о чем поговорить, я даже болею за «свою» команду — «Валенсию» — хотя это, конечно же, не московский «Спартак»... Однако мне все равно не хватает старых друзей. Но, когда чувствуешь себя одиноким, выручает телефон.

— В Италии и Испании на стол всегда ставят вино. А ты можешь позволить себе бокал-другой?

— Днем — нет, вечером —

могу. Бокал сухого вина, а пьют его здесь, разбавляя водой, снимает напряжение, «раскрепощает» ноги...

— За ужином, наверное, как и в любой команде, все состязаются в остроумии?

— Мы по-разному воспринимаем юмор. Если, например, кто-то попадет соседу хлебным мякишем в глаз, мне это не кажется смешным, а вот мои партнеры хохочут чуть ли не до упаду. Но, когда я рассказываю им наши анекдоты — про Василия Ивановича, например, — они тоже укатываются со смеху, прямо угорают...

— За последние годы все вокруг тебя стало иным. А сам ты изменился?

— По-моему, я остался таким же, каким был в семь лет. Я вырос в Саратовской области, в маленьком городке Пугачево. Мой отец был шофером, «дальнобойщиком», зарабатывал хорошо. Ну, и хозяйство свое было: корова, куры... Придя из школы, я должен был быстренько натаскать воды. До реки недалеко — метров сто. Но, когда раз пять-шесть сходишь туда и обратно с двумя ведерочками, чувствуешь, что неплохо размялся. Нужно еще уголь занести, дрова нарубить, печку истопить — ведь газа-то у нас не было. Освободился — и в спортшколу. Там я пропал до девяти вечера. Сегодня я живу на морском курорте, могу поехать отдыхать куда угодно. Но меня тянет домой. Мне хочется увидеть родных, повидать моего первого тренера Валентина Александровича Мущерова, который всю свою жизнь тянет лямку, занимается и в воскресенье, не спрашивая, сколько ему за это платят.

— Первого января тебе исполнилось 29 лет. Не много ли это для гонщика?

— Для профессионала — нет. Ирландец Син Келли, например, продолжает выступать, хотя ему уже 37. Я сейчас все отдаю гонкам, но когда закончу, никогда больше не буду работать... Может быть, стану тренером. Буду готовить профессионалов.

— А ты что-нибудь окончил?

— Лет десять назад поступил в Саратовский институт механизации сельского хозяйства. Я и сейчас там числюсь на пятом курсе. В те времена нельзя было без бумажки. А сейчас она никому не нужна.

— А что все-таки будешь делать, если осуществится твое желание не работать?

— Стану детей воспитывать.

— Но ты вроде бы не женат?

— Не за горами свадьба. Моя невеста — Светлана Мастеркова. Она легкоатлетка, 800 метров бегает. И неплохо: была второй на Кубке мира и на зимнем чемпионате мира в Торонто.

— Испытывал ли ты когда-нибудь чувство страха?

— Бывают в гонке такие моменты: впереди кто-то упал, и у тебя сердце екает...

— Ты о чем-нибудь сожалел? Хотел бы что-то исправить?

— Когда-то у меня была мечта — стать чемпионом мира, победить на Олимпиаде. Хотелось завоевать всеобщее признание. Однако в любителях я не сумел этого добиться. Сейчас передо мной более прозаические задачи: продержаться в профессионалах еще несколько лет и обеспечить будущее моих близких. И тем не менее я не отказался от того, о чем мечтал, и потому обязательно буду пробиваться на Игры-96...

Виталий ПЕСКОВ

Что мне больше всего нравится в жизни? Карикатуры. А из карикатур — те, что нарисовал Виталий Песков.

Могу объяснить.

Виталий понимает, что рисует, потому что знает жизнь. Герои его рисунков живут как нормальные люди: ходят на свадьбы и на работу, выпивают и воспитывают в трезвости детей, покупают машины и сдают посуду, носят шляпы на головах, а жен на руках, обменивают ваучеры на акции и одежду на продукты. Словом, живут.

Это раз!

Виталий быстро схватывает все, что его окружает и еще быстрее рисует. А это особый дар. Я помню, мы вместе смотрели по телевизору, как разглагольствовал депутат. Я не успел досмеяться, а рисунок был уже готов. Талант!

Это два!

В-третьих (но это уже чисто лич-

ное), мы с Виталием сделали вместе книгу под названием «Мой муж пьяница?». Я сам слышал, как продавец в подземном переходе кричал: «Покупайте новую книгу художника Виталия Пескова!» О том, что в книге еще и моя повесть, он умалчивал. А это уже всенародное признание художника!

Наконец, ответьте: можно ли дать Виталию Пескову «полтинник»? Ему, судя по творческим успехам и энергии, не больше двадцати пяти. Вот с этим юбилеем давайте и поздравим Виталия Пескова.

Интересно, что когда собрались гости и кто-то из корреспондентов спросил, в чем секрет его творчества, Виталий скромно ответил: «Зато я не умею писать, как вы!..»

Все рассмеялись, и... праздник удался.

ВЛАДИМИР АЛЬБИН

ЗА ТВОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ
ИЗ ПИОНЕРЛАГЕРЯ, СЫНОК

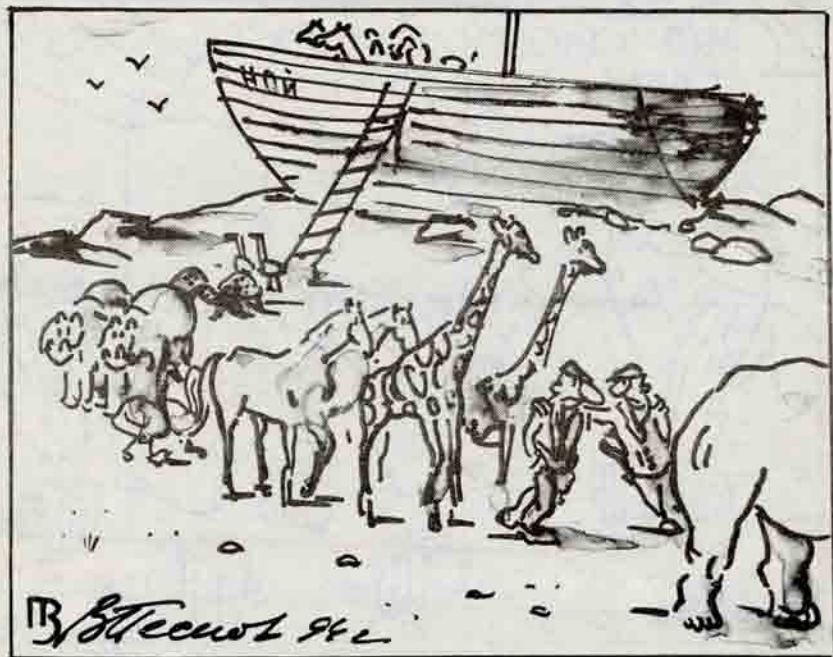
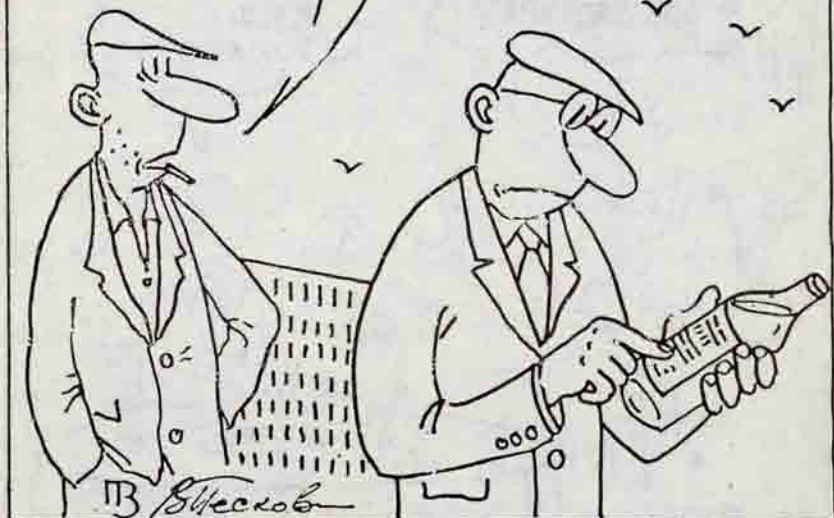

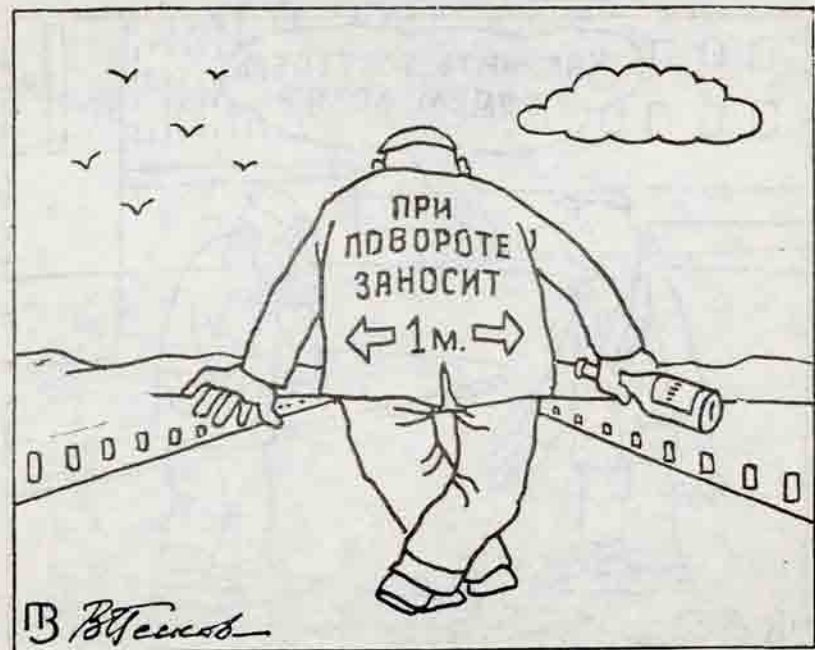
РЕКЛАМНАЯ
ПАУЗА!

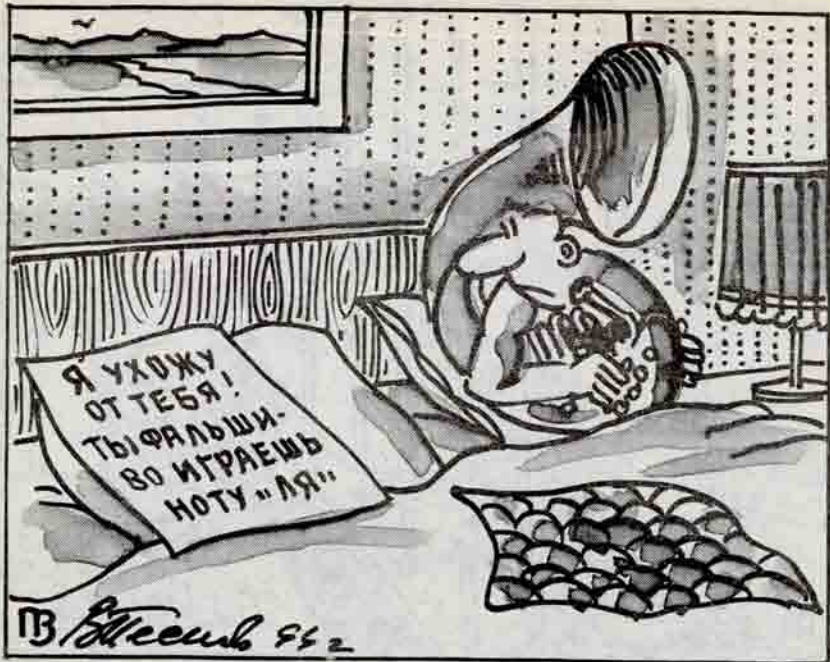

ЧТО ПИЩУТ НОВЕНЬКОГО?

ИСЧЕЗНУВШАЯ

РИЧАРД МАРСТЕН

НЭ

Клянётесь ли вы говорить правду, только правду и ничего, кроме правды?

— Клянусь.

— Как вас зовут?

— Филипп Колби.

— Сколько вам лет, м-р Колби?

— Двадцать четыре.

— Вы живёте в этом штате?

— Нет, сэр, в соседнем.

— Чем же занимались у нас, в Салливанс Пойнте?

— Я намеревался провести здесь свой отпуск. Он начался в понедельник третьего июня.

— Ваша профессия?

— Детектив.

— Частный детектив?

— Нет, сэр. Я работаю в полиции штата. В двадцать третьем отделении.

— Но в Салливанс Пойнте вы находились не по служебным делам?

— Нет, сэр.

— А почему именно здесь вы хотели провести свой отпуск?

— К выбору места отдыха я не имею отношения. Его выбрала Анна.

— Анна?

— Анна Грэфтон. Моя невеста.

— Однако в Салливанс Пойнте вам пришлось заняться работой по специальности. Не так ли?

— Да, сэр... то есть заняться ею неофициально.

— Имели ли и другие служащие вашего отделения полиции какое-либо отношение к делу?

— Да, сэр. Детектив Энтони Митчел.

— Будьте любезны поточнее изложить суду события, произошедшие во время вашего отпуска.

— С чего я должен начать, ваша честь? Дело весьма запутанное и...

— Начните с утра третьего июня, то есть с того дня, когда начался ваш отпуск.

— Хорошо, сэр. Итак...

ВЕСТА

Я заехал за Анной около девяти, вернее, в половине десятого. Анна живет вдвоем со своим отцом. Мать ее давно уже умерла. Когда я подъехал, отец был еще дома, хотя обычно в девять тридцать уже отправляется на работу. Мне показалось, он был несколько обеспокоен тем, что дочь собирается провести отпуск со мной. Не потому, что не доверял мне. Но вы ведь знаете, когда девушка воспитывается без матери...

Анна очень красива. У нее черные волосы, карие глаза и великолепная фигура.

В тот день на ней был белый летний костюм, в котором она выглядела обворожительно.

Анна подошла к отцу и поцеловала его, а он, взглянув на меня, произнес:

- Присматривай за ней хорошенько, Фил.
- Буду само внимание, — пообещал я.

Мы пожали друг другу руки и втроем направились к автомобилю. Должен заметить, это была не моя машина. Один из моих коллег, некий О'Хара, предложил воспользоваться его тачкой, «шевроле» 1953 года выпуска.

Около десяти мы были уже в пути. Более благоприятный день для начала отпуска даже трудно себе представить.

Когда мы выбрались из города, Анна поинтересовалась:

— Тебе удалось успокоить папу?

— Разумеется, я сказал ему, что соблазню тебя сразу же за первым мостом.

— И как он отреагировал?

— Сказал, что не пожелал бы такого никому.

— В этом я с ним солидарна. — Анна включила приемник и положила свою нежную ладошку на мою руку, державшую руль.

— Я чувствую себя такой счастливой! Фил, ты просто не представляешь, насколько я счастлива!

Она взяла карту и начала вслух зачитывать мне названия населенных пунктов. Я был вынужден с сожалением констатировать, что почти не ориентируюсь в этом штате. Анна же, напротив, ориентировалась так, будто была рождена здесь. Это и неудивительно — ей часто приходилось отдыхать в горах. Именно

поэтому она и предложила провести наш отпуск в Салливанс Пойнте.

— Во второй половине дня мы должны туда добраться, — сказала Анна. — Тебе там понравится, Фил. Это самый прелестный уголок, какой я знаю. Представь себе — высокие пинии и длинные мысы, выдающиеся в озеро...

Однако я был настроен несколько скептически.

Вскоре после полудня, когда мы наскоро пообедали в какой-то закусочной, стоящий у дороги большущий щит оповестил нас: «ВЫ НАХОДИТЕСЬ В САЛЛИВАНС КОРНЕРЕ». Мы проехали приблизительно полмили, когда сзади на мотоцикле пристроился патрульный дорожной инспекции. Первой его заметила Анна.

— Милый, — она явно подтрунивала надо мной, — я не хочу волновать тебя, но недремлющее око закона явно следует за тобой по пятам.

Посмотрев в зеркало заднего вида, я увидел голубую униформу и мотоцикл. Патрульный полицейский находился приблизительно в ста ярдах от нас.

Бросив взгляд на спидометр, я успокоил Анну:

— Сорок.

Однако вскоре полицейский обогнал нас и, притормозив, соскочил с мотоцикла на обочину. Он оказался высоким мускулистым смуглым парнем в солнцезащитных очках. Сойдя с седла, полицейский с удовольствием потянулся и зевнул.

— Хелло, — поприветствовал он нас.

— Хелло.

— Спешим?

— Нисколько, — ответил я.

— Нисколько? Да ведь допустимая скорость в нашем штате — 50 миль в час. Вы же позволяете себе не менее шестидесяти пяти.

В первый момент я подумал, что ослышался. Глядя в его смеющееся лицо, я пытался разглядеть за темными стеклами очков глаза и что-нибудь прочесть в них.

— Вы шутите, — отреагировал я наконец.

— Вы в этом уверены? — поинтересовался он и потянулся за своей книжницей.

— Я сам полицейский, — продолжал я, — и, кроме того, мы ехали со скоростью не больше сорока миль в час.

— Нет, 65 миль. К тому же мне абсолютно безразлично, кто вы такой. Да хоть сам судья. Могу я посмотреть ваши права и документы на машину?

— Но послушайте, господин полицейский...

— Водительские права и документы на машину!

Я полез в бумажник и позаботился о том, чтобы он смог заметить полицейскую бляху, привинченную к его коже. Рядом с правами была вложена карточка, свидетельствующая о моей принадлежности к благотворительной полицейской организации.

— Вы можете оставить в покое остаток содержимого вашего бумажника, — связвил полицейский. — Меня интересуют лишь ваши права и документы на машину.

— Именно остаток и является моими правами, — усмехнул-

ся. — Будьте любезны посмотреть на это повнимательнее.

— Итак, вы — детектив. Ну и что же? В этом штате мы не позволяем никому ездить с такой скоростью. Даже детективам с другого берега.

Он возвратил мне мое удостоверение полицейского и развернул водительские права. Затем вновь поднял на меня глаза и поинтересовался:

— А где же документы на машину?

До этого момента я надеялся на то, что все ограничится коротким нравоучением стража закона по поводу недопустимости превышения скорости. Когда же он потребовал документы на автомобиль, мне пришло на ум, что О'Хара не говорил о них ни слова.

Когда я открывал перчаточный ящичек, у меня появились недобрые предчувствия.

— Машину я одолжил. Надеюсь, владелец догадался оставить документы в ящичке.

— Так вы одолжили автомобиль?

— Именно. У своего коллеги, также детектива.

— Вы нашли документы?

Я копался в кавардаке, который О'Хара устроил в ящичке, — фонарик, схема дорог Нью-Хемпшира, справочник «Познакомьтесь с Соединенными Штатами», несколько свечей зажигания и, как следовало ожидать, пистолет 32-го калибра.

— Что это такое?

— Что? — переспросил я, прекрасно понимая, что его интересует отнюдь не карта Нью-Хемпшира.

— У вас есть разрешение на ношение оружия? — поинтересовался полицейский.

— Я полицейский, — напомнил я. — Вы же понимаете, что мне не требуется никакое разрешение...

— Чей это пистолет?

— По всей видимости, О'Хары. Я имею в виду человека, у которого одолжил машину.

— Так вы нашли документы на машину или нет?

— Нет, — тупо констатировал я.

— Тогда вам придется последовать за мной, — отрубил полицейский.

— Почему?

— Откуда мне знать, что вы не украли машину? Кто мне гарантирует, что с вашими документами все в порядке?

— Я же показал вам свою бляху полицейского. Неужели вы полагаете, что ее можно приобрести в придорожном универсаме?

— Ну, бляху, положим, можно просто украсть. Так что следуйте за мной.

— Послушайте же...

— Все свои соображения вы расскажете судье, — усмехаясь, прервал меня патрульный и заспешил к своему мотоциклу.

— Чертов идиот, — не удержался я.

— Но я-то знаю, что ты ехал со скоростью 40 миль в час, — сказала Анна, — и могу это засвидетельствовать.

— Естественно. Вот только кому больше поверит судья? Мне или полицейскому из своего штата?

— Дорогой,— улыбнулась Анна,— не забывай, что ты тоже полицейский.

— Но почему, черт возьми, О'Хара не оставил мне документы на машину? Это по крайней мере...

— Не отвлекайся, в противном случае мы рискуем потерять нашего друга из поля зрения,— напомнила Анна.

II

Фамилия мирового судьи была Хэнди. Представьте себе высокого мужчину за пятьдесят с импозантной белоснежной гривой, светло-голубыми глазами и с опущенными вниз уголками губ.

Он вершил суд и расправу в деревянном домике, удаленном приблизительно на 200 ярдов от шоссе. Не вызывало никакого сомнения, что в этой хибаре он и жил. Когда мы вошли, судья повел себя так, будто встретил добрых друзей, заглянувших на послеобеденный чай.

— Входите, пожалуйста, входите.

Он обратился к сопровождавшему нас патрульному:

— Привет, Фред.

Фред стянул перчатки, снял солнцезащитные очки и последовал за нами в комнату.

У противоположной стены я увидел открытый камин. Над ним в рамке висело удостоверение судьи, рядом с которым соседствовала старая сабля.

— Судья Хэнди,— торжественно обратился к нему Фред,— кажется, нам предстоит весьма интересный случай.

— Садитесь,— предложил Хэнди.— Вы и ваша супруга можете устраиваться поудобнее.

— Мы не женаты,— ответила Анна, и я вдруг вспомнил о шутках, отпускавшихся в полицейском отделении по поводу так называемого «закона Мэна». Как известно, Мэн — сенатор, предложивший в свое время закон, в соответствии с которым надлежало штрафовать всех неженатых людей, позволяющих себе безнравственное поведение в обществе.

— Так в чем же он обвиняется? — поинтересовался Хэнди, и, мне показалось, голос его стал звучать более резко, когда он узнал, что мы с Анной не женаты.

— В превышении скорости,— ответил Фред.— Кроме того, он управлял автомобилем, на который у него отсутствуют документы. Ко всему прочему, позволил себе оскорблять полицейского. А в соответствии с законом Мэна...

— Придержите-ка язык! — не выдержал я.

— Вам что-то не нравится, сынок? — поинтересовался судья Хэнди.

— Все в порядке,— ответил я.— Только вам следовало бы проинформировать виртуоза-мотоциклиста о том, что его ожидает в случае предъявления ложных обвинений.

— Это не причина сердиться на Фреда,— заметил Хэнди.— Он лишь выполняет свой долг. Итак, превышение скорости?

— Я ехал со скоростью не более сорока.

— Ну да, в зоне с ограничением скорости до 25 миль в час.

— Допустимая скорость на хайвеях* составляет...

— Только не в Салливанс Корнере. Непосредственно за щитом с названием штата висит знак, ограничивающий скорость движения до двадцати пяти миль. Вы же превысили допустимую скорость движения, — констатировал Хэнди. — А это стоит десять долларов. Что там у нас еще?

— Я одолжил машину у друга, тоже детектива. Если вы позвоните в двадцать третье отделение, он все вам объяснит.

— Так вы детектив? — переспросил судья, и его брови приподнялись.

— Он утверждает, что является им, — вмешался Фред. — И в перчаточном ящике машины держит пистолет 32-го калибра.

— А в моей кобуре покоится еще один, 38-го калибра. И так, вам просто следует позвонить лейтенанту службы детективов Фрэнку Деморре. — Пошарив в кармане брюк, я протянул ему визитную карточку. — Вы найдете здесь нужный номер. И будьте добры сказать ему, что у вас находится Фил Колби, один из его детективов, которому вменяется в вину превышение скорости. Заодно можете поинтересоваться, не одалживал ли я для отпуска машину у детектива Барри О'Хара.

— И закон Мэна... — снова начал Фред.

— А закон Мэна вообще не стоит упоминать, если вы не в состоянии доказать аморальное поведение, — бесцеремонно прервал я его. — Кстати, почему бы вам снова не нацепить солнцезащитные очки, чтобы хоть немного прикрыть грязные мыслишки?

— Нам действительно следует позвонить туда, — согласился судья Хэнди.

Взяв визитку, он подошел к телефону, стоявшему на каминной полке, и обменялся парой слов с телефонисткой. Ожидая, пока в 23-м отделении кто-нибудь возьмет трубку, судья неприятно рассматривал меня, а через несколько секунд уже говорил своим ровным голосом:

— Алло. Будьте добры пригласить к телефону лейтенанта Деморре. Его нет? А когда он вернется? С вами говорит судья Хэнди из Салливанс Корнера. У нас тут находится один господин, уверяющий, что является полицейским из вашего отделения. Его зовут Фил Колби. Что, простите?.. Ах так, ясно. Спасибо.

Прикрыв трубку рукой, он повернулся ко мне и пояснил:

— Сейчас меня соединят с дежурным.

Я глубоко вздохнул. Рядом со мной терпеливо вздыхала Анна.

— Алло? — оживился Хэнди. — Вас беспокоит судья Хэнди из Салливанс Корнера. С кем я говорю?.. Угу. Как поживаете, детектив Томсон?

— Сэм Томсон, — обрадовался я. — Позвольте мне поговорить с ним.

* Скоростная автомагистраль (англ.).

— Минутку, — перебил Хэнди и продолжил: — Детектив Томсон, у нас находится один молодой человек, некий Фил Колби, уверяющий, что является детективом вашего отделения. Действительно является? Что ж, великолепно. Он ездит на автомобиле, который, по его словам, ему одолжили... Действительно одолжил? У кого, у вас? Нет? А могу ли я поговорить с хозяином автомобиля? Где он? На дежурстве? И что? Понимаю. Ну да, это не очень-то поможет нашему юному другу.

— Так могу я поговорить с ним? — напомнил я.

— Еще секундочку, — бросил мне Хэнди, продолжая свой разговор с Томсоном. — Я просто не имею права отпускать его до тех пор, пока не поговорю с молодым человеком, одолжившим ему машину. Ведь вы понимаете это, не так ли? А кроме того, он оказался здесь за превышение скорости.

— Может, вы все-таки дадите мне поговорить с ним? — На сей раз я позволил себе проявить нетерпение.

— Он хочет побеседовать с вами, — бросил Хэнди в трубку.

Я пересек комнату и подошел к телефонному аппарату.

— Привет, Сэм.

— Привет, Фил, — ответил Томсон. — Что новенького?

— Кончай свои шуточки. Я нахожусь здесь в примерзчай...

Заметив, что Хэнди напрягся, я проглотил конец фразы.

— Ты не должен как оголтелый носиться по их дорогам, — нравоучительно произнес Сэм. — И вообще, приятель, тебе бы следовало знать подобные вещи.

— Но я ехал со скоростью не выше сорока, — возразил я.

— В украденном автомобиле, не так ли?

— В автомобиле О'Хары! Где, собственно, он сейчас пребывает?

— На дежурстве.

— Какое, к дьяволу, дежурство?

— Фил, боюсь, что тебя это неприятно поразит, но, несмотря на твое отсутствие, мы пытаемся продолжать здесь свою обычную работу. Схватываешь? И О'Хара задался целью взять по свежим следам одного взломщика.

— А когда он вернется?

— Вот ежели бы я предварительно оговорил этот момент со взломщиком, то смог бы ответить на твой вопрос абсолютно точно. К сожалению...

— Ладно, кончай. Попроси его по возвращении незамедлительно позвонить сюда.

— По какому номеру? — спросил Сэм.

— Салливанс Корнер 8-7520.

— Послушай, приятель. — Сэм понизил голос.

— Да?

— Они тебя в соответствии с законом Мэна... — начал он шепотом.

— Иди к дьяволу, — прервал я его и повесил трубку.

— Ну и? — поинтересовался Хэнди.

— Владелец автомобиля позвонит нам сразу же, как только вернется с дежурства, — сообщил я. — Следует ли выдать вам полагающиеся 10 долларов сейчас или потом?

— Быстро улаженные проблемы не нужно удерживать в памяти,— ответил судья и рассмеялся.

О'Хара позвонил лишь около часа ночи. К тому времени Анна уснула, удобно устроившись на софе.

Хэнди дымил своей трубкой и рассказывал мне, насколько хороша рыбалка на мысу к северу отсюда. Фред смотался пару часов назад.

Когда зазвонил телефон, я сразу же вскочил. Хэнди рукой показал мне, чтобы я продолжал сидеть, а сам, неспешно переваливаясь с боку на бок, направился к телефону и снял трубку.

— Алло? Да-да, судья Хэнди слушает. Как поживаете, мистер О'Хара? Да, конечно. Меня радует, что дела обстоят именно так. Естественно, мы его тотчас же отпустим. Большое спасибо... Что вы сказали? Ах, так, ну, конечно.

Хэнди опустил трубку и тихо произнес:

— Он хочет поговорить с вами.

— Алло?

— Согласись, ты использовал не лучший способ кражи автомобиля.

— Вам что, делать больше нечего, как тратить средства нашего штата на дурацкие телефонные шутки? — поинтересовался я.

— Что ты бесишься? Ведь все прояснилось, не так ли?

— Да, благодарю тебя, Барри.

— С моей стороны было по крайней мере глупо не побеспокоиться о разрешении на пистолет. Может, послать его тебе по почте?

— Да нет, не нужно, Барри. Молния не ударяет дважды в одно и то же место. А как ты? Удалось взять взломщика?

— Что? Ах, этого... Нет, сегодня он предпочел не выходить из дома. По всей видимости, у их брата тоже бывает отпуск.

— Наверное. Что ж, о'кей, Барри. Еще раз большое спасибо.

— Не за что, дружище. Несмотря на неудавшееся начало, хорошего вам отпуска.— Он выдержал небольшую паузу.— Я еще хотел поинтересоваться...

— Да-а?

— Как там насчет закона Мэна? — И О'Хара быстро положил трубку.

Я подошел к софе и разбудил Анну.

— Что? Что такое?..

— Мы снова свободны,— оповестил я.

— Тогда пошли. Давай выбираться отсюда как можно быстрее.

Мы простились с судьей и направились к автомобилю.

— Слава Богу, что все наконец закончилось,— с облегчением произнес я.

— Угу,— хмыкнула Анна.

— Ты устала?

— Немножко.

— А почему бы тебе не поспать? Я разбужу, как только мы приедем в Салливанс Корнер.

— Ну нет,— возразила она.— Теперь буду бодрствовать, что-

бы нормально спать потом. Кроме того, мне нужно с тобой кое-что обсудить.

— Я весь внимание.

— Я люблю тебя, Фил.

— И я тебя люблю, — в очередной раз признался я.

— Скажи, Фил, тебе, наверное, не хватает твоего отделения?

— Не хватает отделения? Что ты! Я чувствую себя так, будто еще и не покидал его. Ведь в течение целого дня я был вынужден общаться с коллегами...

III

Когда мы въехали в город, он показался нам вымершим. Естественно, после описания Анны я и не ожидал увидеть здесь бесконечные ряды неоновых фонарей. Но, откровенно говоря, мне представлялось, что и в эти часы на улицах можно встретить пару-другую человеческих душ.

Город располагался у основания обрывистого холма, и именно этот холм назывался «Вершина Салливанс» — Салливанс Пойнт.

— Куда едем? — спросил я у Анны.

— Насколько мне помнится, нужно проехать через город, а затем дорога поведет к вершине.

Я свернул со скоростной магистрали и поехал через город. При этом точно выдерживал скорость 25 миль в час.

Если можно сказать о городе, что он выглядит неприветливо, то это как нельзя более относится к Салливанс Корнеру. Территория двадцать третьего отделения — тоже не долина счастья. Но там кипит жизнь! И, несмотря на всю грязь, слышится обычный человеческий смех. На территории двадцать третьего отделения людей грабят и убивают ударом ножа или выстрелом, но там есть и влюбленные парочки, гуляющие по темным улицам, или целующиеся украдкой на крыше какого-нибудь небоскреба. И, хотя там многие лица немывты, они все-таки улыбаются! У меня же складывалось впечатление, что в Салливанс Корнере улыбаются крайне редко. Казалось, что опасные тени не пропадают здесь и с восходом солнца.

Мы проехали небольшой щит, укрепленный на столбе, и развилку, о которой он оповещал.

— Это где-то здесь, Фил, — сказала Анна.

— Где?

— Ты только что проехал мимо.

Я включил передачу заднего хода, подал машину назад, затем свернул. Улочка была неприветлива и темна.

— Не очень-то заманчиво все это выглядит, — заключил я.

— Наверху улица освещена фонарями. Там найдется и где переночевать.

Дорога была очень извилистой. Мы тряслись по колдобинам, поднимая с каждым новым ярдом кучи пыли.

Я бросил взгляд на спидометр: четыре мили — и никакого света.

— Мне помнится, прежде здесь стояли дома, — тихо произнесла Анна. — Возможно, освещение не включают, поскольку еще не

начался сезон. Ведь еще только июнь. Ты на меня сердишься, Фил?

— Нет, — ответил я. — Нет, Анна. Только вот... мы в общем-то провели весьма сумбурный день и вместо обеда довольствовались лишь легкой закуской. Так что хотелось бы надеяться, что вскоре мы получим здесь какую-нибудь еду. Боюсь, ты чувствуешь себя совсем разбитой.

— Я действительно устала, — призналась Анна. — И что же ты намерен теперь делать?

— Для начала давай проедем еще немного вперед, хотя бы до конца улицы. Так или иначе, мне здесь не развернуться, дорога слишком узка.

Преодолев еще шесть миль, мы миновали пару мотелей, но повсюду было темно и пусто. Ни людей, ни света, ни автомобилей.

Теперь-то я понимаю, что вел себя тогда несколько по-детски. Поверни я назад, удалось бы избавить Анну и себя от многих неприятностей. Но увы! Мне требовалось чувство удовлетворения от достижения поставленной цели.

Анна не могла оценить мои действия, ибо задремала, положив голову на мое плечо.

Свет появился внезапно. Готов держать пари, что, не заметь я его, мы бы прямым ходом въехали в озеро. Я остановил машину и, осторожно переместив голову Анны на спинку сиденья, выскользнул из нее.

Свет лился из окон домика в конце большого немощенного двора. У въезда во двор висела табличка размером с футбольный мяч: МОТЕЛЬ.

Я как раз разглядывал эту табличку, когда дверь домика открылась и на землю упало пятно оранжевого цвета. В дверях стоял мужчина с пистолетом в руках.

— Кто здесь? — выкрикнул он.

— Уберите пистолет, — попросил я, — и не бойтесь. Я просто ищу, где бы переночевать.

— А кто вы?

— Меня зовут Филипп Колби.

— Я вас не знаю, Колби, — хмуро произнес мужчина.

— Я тоже не знаю вас. Но мне хотелось бы здесь переночевать. Не могли бы вы сдать мне два домика?

— Зачем вам два домика?

— Я приехал с девушкой. Мы обручены.

Затем последовала длительная пауза, в течение которой мужчина пытался, по всей видимости, осмыслить сказанное мною. Наконец пистолет опустился.

— Меня зовут Бартер, — догадался представиться он. — Майк Бартер.

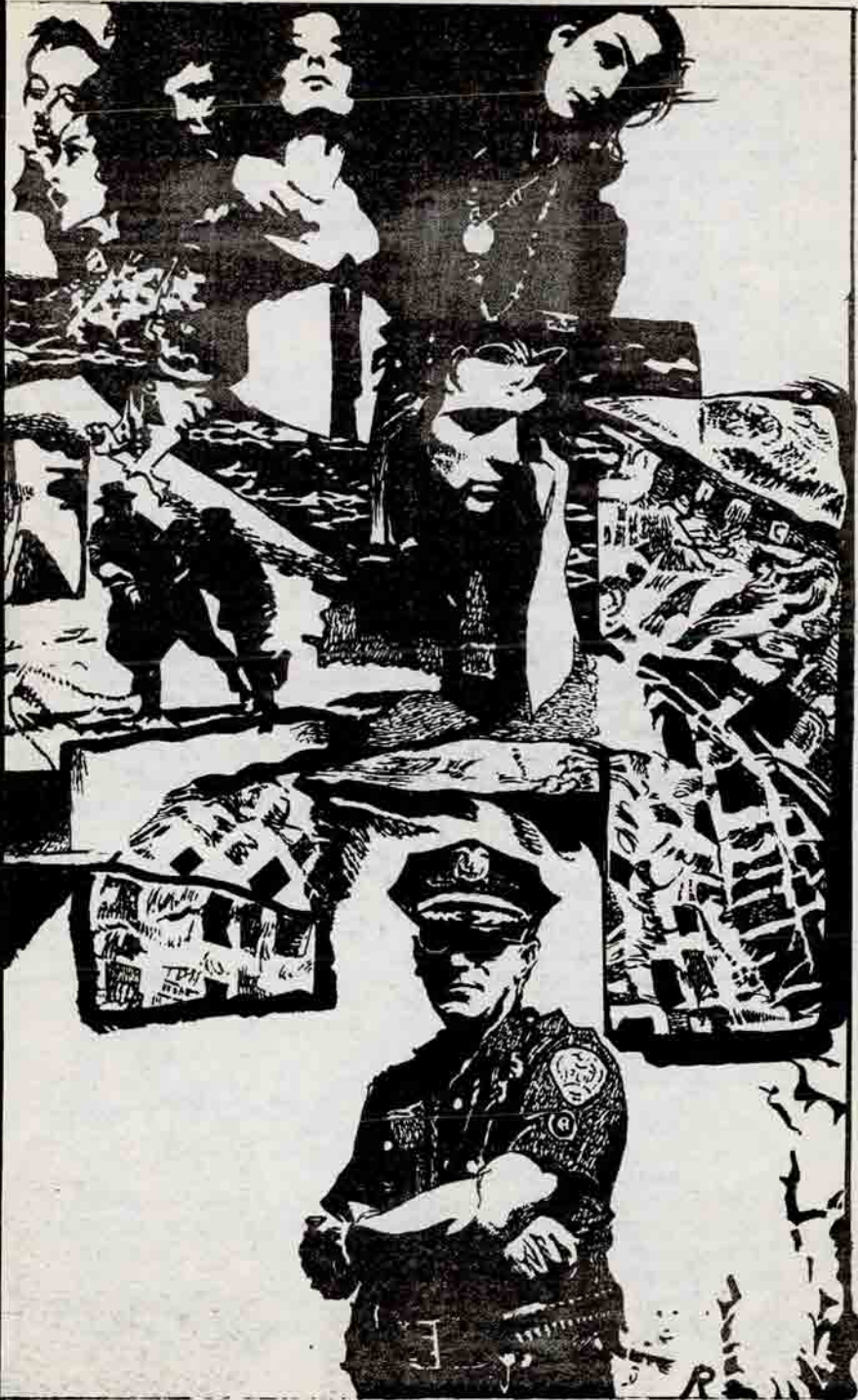
Я протянул ему руку, но он либо не разглядел ее в темноте, либо просто-напросто не захотел ее увидеть.

— Рад встретить вас здесь, мистер Бартер, — сказал я, заполняя затянувшуюся паузу.

— А где же девушка? — спросил Бартер.

— В машине.

Подойдя к автомобилю, он поднял фонарик и направил его яркий луч через стекло в салон.

— Эй! Она спит, так что уберите свет. — Схватив Бартера за плечо, я решительно отодвинул его в сторону и с издевкой поинтересовался: — Убедился?

— В чем?

— В том, что со мною действительно девушка.

— И очень интересная притом, — добавил он.

— Спасибо.

— Думаю, у меня найдутся для вас два домика.

— Два домика, расположенных рядом? — уточнил я.

— Конечно.

— С ванными?

— За офисом находится душ, — пояснил Бартер. — Мы как раз собираемся построить пару домиков с душем, но они еще не будут готовы к четвертому июля. В этот день у меня начинается сезон. Так что пока мы официально не функционируем. Сколько дней вы планируете провести у меня?

— Только эту ночь, — успокоил его я.

— Хм. О'кей. Семь долларов за домик. И оплата вперед.

— Отлично.

— Пойдемте в офис.

— Конечно, — буркнул я и последовал за Бартером к освещенному домику.

Бартер открыл ящик своего письменного стола, вытащил формуляр и положил его передо мной так, чтобы я смог прочесть текст.

— Заполните его только на себя. Девушка может подписаться завтра, перед вашим отъездом. Каждый, кто снимает домик, должен заполнить формуляр. Каждый за себя самого. Но если вы супружеская пара и хотите снять одну комнату, то можете подписаться за двоих.

— Нет-нет, мы берем два домика, — повторил я.

Подписавшись, я извлек бумажник, чтобы сразу же рассчитаться. Бартер тем временем подошел к стенному шкафу и вытащил из него пару полотенец. Когда он вернулся с ними, на столе уже лежали 14 долларов.

— В вашем распоряжении домики 12 и 13, — объявил он.

— Они действительно располагаются рядом?

— Ну, не совсем. Рядом номера 11 и 12, а между номерами 12 и 13 проходит короткая дорожка.

— Я предпочел бы получить номера 11 и 12.

— Увы, это невозможно. Одиннадцатый уже снят.

— Тогда тринадцатый и четырнадцатый.

— Четырнадцатый тоже снят.

— О'кей. Пусть будет так.

Мы вышли из офиса. Бартер заглянул в домик 13, где неожиданно зажегся свет, а я подошел к машине, открыл дверцу и склонился над Анной.

— Анна!

— Ммм?

— Анна, ты проснулась? У нас есть комната на ночь.

— Отлично.

— Ты не хочешь выйти из машины?

Анна молчала. Я вздохнул, осторожно поднял ее на руки и понес к домикам. Бартер как раз выходил из номера 13.

— Все чисто и убрано. Простыни сменены только сегодня во второй половине дня. — Он внимательно рассматривал Анну. — Почему бы не уложить ее в тринадцатом номере? А я тем временем подготовлю двенадцатый.

— Хорошо, — согласился я и взобрался на ступеньки.

Домик, как и офис, был изнутри отделан деревом. Два окна, кровать, туалетный столик, небольшая смежная комнатка, раковина для умывания.

Подойдя к кровати, я осторожно положил на нее Анну, потушил в комнате свет и пошел к автомобилю, чтобы забрать вещи.

Когда я вернулся, она продолжала спать. Поставив оба чемодана в маленькой смежной комнате, я повесил ее белое платье на плечики, а кошелек положил на туалетный столик. Затем потушил свет и вышел.

Бартер стоял перед дверью и ухмылялся.

— Хорошо устроились? — поинтересовался он, приподнимая брови.

— Неплохо, — коротко ответил я и закрыл за собой дверь.

— Ваш домик уже подготовлен, — сообщил Бартер.

— Душ функционирует? — спросил я.

— Проточная вода, — гордо ответил Бартер.

— Тогда я приму душ.

— Как хотите. Только наденьте купальный халат, когда пойдете в душ. Хорошо? У меня здесь есть и другие постояльцы.

— Ну да, — подыграл я, — ведь обычно я имею обыкновение носиться по окрестностям обнаженным...

— Что? — не понял Бартер.

— И при этом пою рождественские песни, — добавил я и направился к машине, оставив Бартера наедине с его заботами.

Я забрал с заднего сиденья свой чемодан и вытащил из перчаточного ящичка пистолет 32-го калибра, принадлежавший О'Харе. Затем вернулся к домику 12, закрыл дверь, разделся и достал из чемодана купальный халат. С умывальника захватил кусок мыла, полотенце и направился к душу.

Вода в кране с холодной водой была холодна как лед. В кране с горячей — просто холодной. Через пару минут я услышал за motelем звук двигателя грузового автомобиля, затем хлопанье дверцы и голоса. Внезапно подвижная фара грузовика повернулась в направлении душа и на какой-то момент осветила кабинку. Вскоре двигатель вновь заработал, и по звуку я понял, что машина выехала на улицу.

Я быстренько вытерся и надел халат. На территории motеля было совсем темно. Я остановился перед номером 13 и прислушался. Постояв так немного, тихо позвал на всякий случай:

— Анна?

Ответа не последовало. Она спит, подумал я и направился к своему домику, открыл дверь, нащупал выключатель и включил свет. Повернувшись, я увидел в своей кровати девушку...

В двадцать третьем отделении привыкли к девушкам легкого поведения, поскольку они являются неотъемлемой частью нашей повседневности. Их видишь повсюду. Они сидят в барах, стоят в подъездах и на перекрестках, и вскоре уже с легкостью можешь отличить, кто принадлежит к их числу, а кто нет.

Должен заметить, что на территории двадцать третьего отделения девушки легкого поведения выглядят совсем не так, как их обычно изображают в фильмах. Они не носят обтягивающих сатиновых платьев, не штукатурят свои лица и не покрывают их краской, не размахивают красными сумочками и в своей массе даже не имеют обыкновения вихлять бедрами.

Обычно они довольно консервативны и одеваются со вкусом. Многие пользуются губной помадой и пудрой. Самые молодые выглядят как чистенькие и весьма честолюбивые студентки.

Я упоминаю девушек легкого поведения на территории своего отделения лишь для того, чтобы провести параллель с неожиданной посетительницей. Все говорило о том, что девушка в моей кровати явно легкого поведения.

Она была рыжеволосой, с устрашающе бледным от чрезмерного употребления косметики лицом. Губы пламенели ярко-красной помадой. Пурпурное платье отличалось особенно глубоким вырезом. Это было самое блестящее и короткое платье из всех, какие мне когда-либо приходилось видеть. На ногах красовались лодочки на высоких каблучках, а щиколотка была охвачена золотой цепочкой. Она выглядела лет на семнадцать.

В течение пары минут мы молча разглядывали друг друга, затем она небрежно бросила:

- Привет!
- Вы ошиблись адресом, — сухо произнес я.
- Вы уверены? — поинтересовалась она.
- Да, уверен, — подтвердил я.

В тот момент мне было все равно. Я слишком устал. Я не знал ее. И после сумасшедшего дня мне хотелось побыстрее заснуть. И заснуть в одиночестве.

— А я так не думаю, — капризным тоном продолжала девушка.

— С удовольствием обсудил бы с вами эту проблему, но только в другой раз. Сейчас я чувствую себя слишком усталым.

— Вы так молодо выглядите. И мне нравятся блондины. Они действуют на меня прямо-таки ошеломляюще.

— Маленькая девочка, я почти уверен, что ты должна понимать...

— Бланш. — Она приподняла одну бровь.

— Ну хорошо, пусть будет Бланш. Так почему ты не идешь домой, Бланш?

— Потому, что хочу остаться здесь.

— Я тоже.

— Это можно уладить.

— Наверяд ли.

— Почему?

— Скажем, потому что я храплю. И ты не сможешь заснуть.

— Не важно.

— Послушай, милая...

— Вот видишь, — обрадовалась она, — ты стал уже намного любезнее.

— Сейчас я стану таким любезным, что вышвырну тебя за дверь, если ты не предпочтешь исчезнуть самостоятельно.

Бланш захихикала.

— Очень похоже на шутку.

— Неужели до тебя еще не дошло, — продолжал я, — что вся твоя затея — пустой номер? Так что рассматривай наше знакомство в плане приобретения дополнительного житейского опыта и отправляйся домой.

— Я остаюсь здесь, — упрямо повторила она.

— Мне бы очень не хотелось пугать тебя...

— Отчего же? Если хочется, можешь и попугать.

— Я полицейский.

Она внимательно оглядела меня сверху донизу и заключила:

— Ясно. В таком случае я разбойник. Что ж, давай поиграем в сыщиков-разбойников.

— Мне что, показать свою бляху? — Я тяжело вздохнул. — Бланш, давай будем разумными. Я не знаю, кто послал тебя в мой домик, но, кто бы это ни был, он допустил ошибку. Я ничего и никого не заказывал. Не интересуюсь. Схватываешь? И вообще мне не нравятся рыженькие. А особенно я не переношу маленьких семнадцатилетних девочек, которым, собственно, в это время полагается находиться дома и читать комиксы в постели. Так что не вынуждай меня основательно взяться за тебя... Где ты живешь?

— В городе.

— В Салливанс Корнере?

— Корнер? Ну нет, мне совсем не улыбается быть заживо погребенной. В Дэвистауне.

— О'кей. Тогда собирайся домой.

— Ничего не получится. Так что я остаюсь. И тебе придется привыкнуть к этой мысли. Сегодня ночью я намерена спать в этом домике.

— Моя невеста спит в соседнем домике, — сообщил я.

— Ну и что?

— Она сильная девушка, и не исключено, что обойдется с тобой пожестче, чем я.

— Не бойся, я умею находить общий язык с сильными девушками, — усмехнулась Бланш и добавила: — Признайся, я выгляжу сногшибательно. Не так ли?

— Точно.

— А как тебя, собственно, зовут?

— Фил.

— Ну, ты явно не смотришься как Фил. У нас в Дэвистауне есть один Фил. Такой пошляк! А ты выглядишь... скажем, как Ричард.

Я решил предпринять еще одну попытку.

— А почему бы тебе для разнообразия не попробовать вер-

нуться домой? Мне действительно очень хочется спать.

— Не пойдет. Я не могу.— Она внезапно стала серьезной.

— Почему?

— Весьма сожалею...— прозвучало в ответ.

— Я мог бы пойти к Бартеру...

— Насколько я знаю, он с удовольствием придет, чтобы составить нам компанию.

— Да... Ребята из двадцать третьего отделения мне никогда не поверят.— Вздохнув, я стянул с постели пару покрывал и повернулся к двери, где стояла Бланш.— У меня нет ни малейшего желания продолжать эту игру. Милочка, до сих пор я был с тобой почти что нежен. Не будь ты так молода и доброжелательна, я бы тебя уже вышиб отсюда. А вместо этого я просто ухожу. Так что кончай валять дурака, не то будет худо.

— А ты выглядишь на удивление здорово, когда злишься.

— Отойди от двери.

— Так заставь меня!

Я протянул руку и легко отодвинул ее от притолки.

— А ты, оказывается, действительно сильный,— нежно проворковала Бланш.

— Спокойной ночи.

— Подожди, Фил! — В голосе ее послышался испуг.

Я обернулся.

— Что тебе еще?

— Не уходи. Прошу тебя, не уходи!

— Это уже было.

— Мне очень жаль. Я понимаю, что делаю что-то не то.

— Вот здесь ты права.

— Послушай, Фил, мне просто необходимо с кем-нибудь поговорить. Пожалуйста, останься еще на минутку.

— Окей, тогда давай выкладывай.

— Что?

— Кто послал тебя ко мне?

— Я пришла сама.

— А как ты узнала, что я занимаю этот домик?

— Видела тебя, когда ты направлялся к душевой.

— А где ты была в то время?

— В № 3.

— Что ты там делала?

— Собиралась переночевать.

Бланш замолчала.

Снаружи раздался звук подъезжающего легкового автомобиля. Бланш подошла к окну, выглянула, потом опустила занавеску.

— У меня есть предложение,— сказал я.

— Да?

— Сейчас ты отправишься в свой домик, а завтра утром мы захватим тебя с собой в Дэвистаун. Ну как, согласна?

— Звучит неплохо.

— Так ты идешь?

— Да. Очень сожалею, если была вынуждена побеспокоить тебя.

— Да нет, никакого беспокойства,— облегченно вздохнул я.

надеясь, что свалившийся у меня с сердца камень шлепнулся не слишком громко.

— Ты уверен, что не пожалеешь? Я ведь действительно прелестный ребенок.

— Ну, конечно, ты — просто фантазия. Но только не сегодня.

— Как хочешь, — бесстрастно заключила она и приблизилась к стене. — Как я выгляжу? Не торопись с оценкой. Посмотри внимательно. Это важно.

Я охотно подыграл ей. Посмотрел в глаза, затем опустил взгляд вниз, к ногам. И здесь мой взгляд задержался. Меня больше заинтересовало то, что виднелось на стене, чем ее ножки. У самого пола образовывалось и расплывалось на глазах большое красное пятно.

V

— Ну что там?.. — начала Бланш, но тут сама увидела, к чему был прикован мой взгляд. Даже под творожно-белым слоем белил толщиной в палец можно было видеть, как побледнело ее лицо. Она подняла руку к губам, и я уже ожидал услышать душераздирающий вопль, но не прозвучало ни звука.

Бланш быстро отступила от стены, будто боялась, что расширяющаяся красная лужица превратится в огромное озеро, в котором она рискует утонуть.

Я подошел к стене, присел на корточки и коснулся красной лужицы пальцем. Жидкость продолжала сочиться из стены, отгораживающей нас от номера 11.

Я поднялся.

— Куда ты? — спросила Бланш. Глаза ее были полны панического страха, губы дрожали.

— К соседям, — ответил я, вытащил из заднего кармана кобур с пистолетом 38-го калибра, снял пистолет с предохранителя и вышел из домика.

В номере 11 было темно. Я поднялся по ступеням и постучал в дверь. Затем повторил попытку рукояткой пистолета.

— Откройте! — громко потребовал я и снова ударил в дверь. — Откройте! Я требую!

Сзади меня послышались шаги. Это была Бланш.

— Что ты делаешь? — прошипела она. — Ты что, сдвинулся?

— Не настолько, чтобы не узнать кровь, — ответил я.

Помолотив еще некоторое время по двери, я сдался и спустился вниз. Потом направился к снятой мною половине, где на полу ширилась кровавая лужица. Бланш шла за мной.

— Но это же не кровь, — твердила она. — Ты просто сошел с ума.

— Действительно? — Открыв тумбочку для туалетных принадлежностей, я вытащил принадлежавший О'Харе пистолет 32-го калибра и засунул его в карман. Когда я вновь направился к двери, мой 38-й был уже в правой руке.

— И что ты собираешься предпринять? — спросила Бланш.

Ее голос продолжал дрожать, да и дрожание рук ей никак не удавалось сдержать.

— Поищу мистера Бартера. В конце концов он-то должен иметь ключ от этого номера.

— Почему ты не прекратишь вести себя как фараон? — закричала она. — Немного красного цвета и...

— Красного цвета? Ты совсем подвинулась! — сказал я и вышел во двор.

Свет из номера 12 освещал дорожку не более чем на десяток ярдов, далее царил темнота. Позади меня слышались шаги Бланш по неровной поверхности двора, усыпанного множеством крупных камней.

Перед офисом был припаркован «кадиллак». Раньше я его здесь не видел. По всей видимости, это был тот автомобиль, двигатель которого я слышал, когда Бланш была в моем номере.

Я постучал в дверь.

— Бартер! Майк Бартер!

Увы, ответом мне было молчание. Я повернул ручку, и дверь открылась. Внутри было темно.

— Бартер! — снова позвал я.

Звук моего голоса повторился, отраженный стенами помещения. В офисе была еще одна дверь. Я открыл ее и испытал легкое удивление. Хотя, собственно, чему тут удивляться? Ведь и владельцы мотелей должны где-то жить... Но вот великолепно обставленную квартиру я никак не ожидал увидеть.

Большая жилая комната была обставлена весьма современной изысканной мебелью. В баре стояли напитки, название которых я едва ли смогу выговорить.

Жилая комната совмещалась со спальней, где я увидел огромную кровать, стоящую в центре большого круглого белого ковра. Интерьер дополняли шкафы, зеркала, шезлонг, два ночных столика и вычурное трюмо, на котором лежало розовое дамское белье. Простыни были из белого шелка, и на них красовалась монограмма SBR.

В комнате царил беспорядок: ящики выдвинуты, повсюду разбросаны одежда и кое-какие предметы туалета. Один из шкафов был распахнут, и я мог видеть ряд пустых вешалок. На полу лежало платье, упавшее с одной из них.

Мне нужен был ключ, поэтому я вернулся в офис и, направившись к письменному столу, выдвинул верхний ящик.

У Майка Бартера был обильно смазанный пистолет 45-го калибра. Здесь же лежали счета от молочного хозяйства, письмо какой-то текстильной фабрики, дырокол и пара сломанных карандашей. Ключи он хранил явно не в этом ящике.

Я достал носовой платок, расправил его на ладони, извлек из ящика пистолет и понюхал ствол. Что бы там ни делал Майк Бартер в последнее время, из своего автоматического пистолета он не стрелял.

Я положил пистолет обратно в ящик и собирался выдвинуть следующий, как вошла Бланш.

— Куда Бартер кладет свои ключи? — спросил я. — Тебе это известно?

— Нет. Послушай-ка... — В ее голосе слышалось нервное на-

пряжение. — Линяй отсюда. Забудь Бартера и забудь кровь. Попросту линяй отсюда.

— Я должен попасть в домик 11, — бросил я в ответ и принялся копаться во втором ящике. Там были скрепки, стержни для шариковых ручек, карандаши и никаких ключей. Я резко задвинул ящик.

— Фил, — мягко произнесла Бланш. — Послушай моего совета. Не беспокойся о том, что здесь происходит. Испаряйся как можно быстрее. Пропу тебя.

— Мы с Анной останемся здесь на столько, на сколько... — У меня перехватило дыхание. — Анна! — произнес я и вдруг почувствовал, что все во мне похолодело. Я повернулся и бросился мимо Бланш во двор, к домику 13. Я взлетел на ступени, рывком открыл дверь и зажег свет.

Комната была пуста.

VI

Шесть утра.

Я находился в местечке под названием «Вершина Салливанс», в соседнем штате, о котором практически ничего не знал, в домике, где совсем недавно уложил спать свою девушку. Теперь комната была пуста. Кровать выглядела так, будто Анна никогда и не лежала в ней. Не было видно и вещей Анны, которые я сам принес в этот номер: пропал кошелек с ночного столика, пропали белое платье и ее туфельки.

Меня охватила паника. Я сразу же вспомнил разговор с мистром Грэфтоном, которого я заверял, что с его дочерью ничего не случится. Не знаю, сколько времени я стоял, объятый ужасом. Помню только, как уставился на пистолет в своей руке, как выбежал затем из номера с криком «Бланш!».

И тут меня ослепили автомобильные фары. Непроизвольно я заслонился рукой от света. Машина остановилась в каких-нибудь десяти ярдах от меня, и из нее вышел Майк Бартер.

— Что случилось? — заинтересовался он, увидев в моей руке пистолет. — Что здесь происходит?

— Где вы были? — спросил я.

— Почему вас это интересует? Хотя могу ответить — у Хеца. Так что же все-таки случилось?

— Где ключи от номера 11?

— Кому они понадобились?

— Мне.

Бартер едва заметно повернул голову и позвал:

— Хец! Хицекия!

Я увидел, как парень, которого звали Хицекия, зашевелился и вышел из машины. Он был довольно-таки высок, по крайней мере шесть футов четыре дюйма, и весил никак не менее двухсот фунтов. Несмотря на это, двигался он весьма легко, гибким, упругим шагом хищника.

— Какие трудности, мистер Бартер? — спросил Хицекия, и его глухой голос напомнил эхо в старом винном погребе.

— Никаких трудностей, Хец, — заверил я его. — Так что оставайтесь на месте. Мой пистолет не очень-то дружелюбен.

Хец остановился и уставился на оружие. Его голубые глаза прыгали с Бартера на пистолет и обратно.

— Доставайте-ка ключ, Бартер, — приказал я.

— И не собираюсь, поскольку в 11-м номере спит постоялец, — ответил он.

— Именно этот постоялец меня и интересует.

— А почему бы вам не позаботиться о своих собственных делах и не вернуться в свой номер?

— Да по той простой причине, что постоялец, о котором идет речь, касается меня как нельзя больше, — с нажимом произнес я. — Будем говорить прямо, моя девушка пропала.

Бартер посмотрел вначале на меня, затем на Хеца, потом снова на меня и спокойно переспросил:

— Девушка? Какая девушка?

— Девушка, с которой...

Я замолчал и внимательно взгляделся в своих собеседников, пытаясь понять что-нибудь по их лицам. Лицо Бартера напоминало бесстрастную маску. Лицо Хеца также не выражало никаких эмоций.

— Кончайте ломать комедию! — потребовал я.

— Ваша фамилия Колби, не так ли? — как бы вспоминая, сказал Бартер. — Ведь вы из номера 12, или я ошибаюсь?

— Вы очень хорошо знаете, кто я. И вам известно также, что я приехал с девушкой.

— Вы приехали один, — поправил меня Бартер.

— И долго вы намереваетесь делать из меня дурака? — поинтересовался я.

— Вы приехали один, — повторил Бартер. — В чем, собственно, вы собираетесь нас убедить?

— Послушай-ка, ты, сукин сын! Не рекомендую так обращаться со мной! Если в течение пары минут вы не соизволите выдать мне ключи от номера 11, то я забуду, что я полицейский, и нажму на курок.

— Полицейский? — Бартер обернулся и посмотрел на Хеца. — Вы — полицейский?

— Удивительно быстро соображаете, Бартер. Итак, я считаю: один... два...

— Ключи у меня в кармане, — перебил Бартер. — Я готов проводить вас к номеру 11, но вы там ничего не найдете. И уж, во всяком случае, не найдете никакой девушки, ибо с вами ее не было. Не пойму, чего вы добиваетесь своими разговорами?

— Скажи ему, чтобы показал свою бляху, — посоветовал Хец.

— Да, как насчет бляхи?

Я достал портмоне и предоставил им возможность бросить взгляд на бляху.

— Ну, в нашем штате это не котируется, — заметил Бартер.

— Зато пистолет котируется достаточно высоко в любом штате, — напомнил я ему.

Бартер внимательно посмотрел на мой 38-й.

— Что ж, пошли. Покажу вам номер.

Бартер вытащил большую связку ключей и вставил один из

ключей в замок. Резко открыв дверь, он зажег свет и отступил в сторону, чтобы позволить мне пройти.

— Проходите вперед, — скомандовал я. — И вы, Хеэ, тоже.

Они прошли в номер. Я последовал за ними и внутренне несколько напрягся, ожидая самого плохого. Меня обрадовало, что ничего мы не обнаружили. В номере никого не было. Абсолютно никого.

— Ну что, довольны? — поинтересовался Бартер.

— Пока нет, — ответил я. — Обоим лечь на кровать. Быстро! Лицом вниз. Руки на подушку.

— Это вам так не пройдет, парнишка, — прошипел Бартер. — Не знаю, кто вы есть и кем себя представляете, только не забывайте, что в нашем штате тоже есть полицейские.

— На кровать! — повторил я.

Первым вскарабкался на кровать Бартер, за ним последовал Хеэ. Должен вам заметить, это была премилая парочка. Они перевернулись на живот и вытянули руки, положив их на подушки.

— Не шевелитесь. В случае чего, стреляю без предупреждения.

— Проклятый парень! — пробурчал Бартер.

— Ага. Пусть так. Ну и что?

Я подошел к стене, отделявшей этот номер от моего, обследовал каждый дюйм поверхности, но нигде не смог обнаружить следов крови. Затем прошел в смежную комнатку, расположенную в передней части номера, и увидел, что весь пол покрыт кровью. Вблизи стены он был несколько неровен, так что, по всей видимости, потребовалось немало времени, прежде чем кровь достигла стены и просочилась в мой номер.

А «немало времени» означает, что тот или та, кто потерял эту кровь, уже давно спрятан за горами и долами.

— Подойдите-ка, Бартер, — позвал я.

Бартер поднялся с постели и, пошатываясь, подошел ко мне.

— Так что вы на это скажете?

— Что это?

— Кровь.

— Ничего об этом не знаю, — поспешил заверить Бартер. — Этот номер я сдал вчера около шести вечера. Мужчине из Вермонта.

— Как его фамилия?

— Не могу вспомнить. Нужно посмотреть в регистрационной книге.

— О'кей. А теперь расскажите, что случилось с девушкой, которая приехала со мной.

— Вы приехали без девушки.

— Бартер, вы лжете. Не знаю почему, но вы лжете. Девушка была со мной, и у меня есть свидетель, который видел нас, когда мы приехали.

— Что еще за свидетель? — спросил Бартер.

— Девушка по имени Бланш.

— Бланш? — повторил Бартер. — Я не знаю ни одной девушки с этим именем.

— Она сняла у вас номер 3. И всю ночь провела там. Так вот она видела, как я приехал сюда с девушкой.

— У вас все в порядке с девушками, а? — съязвил Бартер. — В третьем номере нет никого, кроме мужчины, приехавшего после ужина.

— Но ведь кто-то же вынес девушку, все вещи и одежду из номера...

— О какой из девушек вы говорите? — прервал меня Бартер.

— О той, которая приехала со мной, черт подери!

— Понимаю, — ухмыльнулся Бартер. — И в каком номере должна находиться девушка, с которой вы якобы приехали?

— Номер 13.

— Вы не против, если Хец встанет с кровати? — поинтересовался Бартер. Казалось, что все происходящее забавляет его.

— Давай, Хец. — Я сопроводил свои слова приглашающим жестом руки с пистолетом.

Мы вышли из номера 11 и направились в тринадцатый. Бартер поднялся по ступеням и постучал.

— Там никого нет, — заметил я. — Ну, входите же...

В этот момент дверь открылась, и в проеме показался высокий худощавый мужчина. Он был босиком и без рубашки. Глядя на нас с легким удивлением, мужчина выдавил:

— Да?

— Сожалею, что пришлось потревожить вас, — сказал Бартер. — Здесь все в порядке?

— Почему, собственно?.. Да, конечно, — ответил мужчина и взглянул на мой 38-й. — Скажите, что все это значит?

— Сколько времени вы находитесь в этом номере? — спросил я.

— А кто вы, черт возьми?

— Меня зовут Фил Колби. Так с какого времени вы занимаете этот номер?

— Я появился тут приблизительно в восемь, — ответил он.

— Около восьми? — в бешенстве прервал я его. — А ну-ка, отойдите в сторону!

— Минуточку, вы, темпераментный господин! Дело в том, что в постели лежит моя жена.

— Ваша... что?

— Моя жена. Вы находите это удивительным?

— А ну освободите проход, — скомандовал я. — Мне хотелось бы бросить взгляд на вашу супругу.

— Клянусь небесами, ничего подобного мне в жизни не приходилось... — обратился мужчина к Бартеру.

Отодвинув его в сторону, я вошел в номер. Рядом со шкафом на полу стояли два зеленых чемодана. В кровати, натянув одеяло до шеи, сидела белокурая женщина и испуганно смотрела на нас.

— Как вас зовут? — спросил я мужчину.

— Калисл. Джо Калисл, — ответил он. — А это моя жена.

— А как зовут ее?

Калисл несколько замешкался с ответом и посмотрел на блондинку. Та принужденно рассмеялась.

— Стефани, — сказала она. — Стефани Калисл.

— И как долго вы находитесь в этой комнате, Стефани?

— С восьми.

Я кивнул, повернулся и направился в смежную комнатку, где была разбросана дамская одежда — пальто, два костюма, пара юбок, блузки.

— А где ваша одежда, Джо?

— Я никогда не беру с собой вещи, — пояснил он.

— Могу я посмотреть ваше удостоверение?

— С какой стати? У меня его нет.

— Вы приехали сюда на машине?

— Да, но...

— В таком случае покажите ваши права.

— Об этом я как-то не подумал. — Калисл направился к шкафу, вытащил портмоне и, открыв его, протянул мне удостоверение водителя. — Вы из полиции? — поинтересовался он.

— Да.

— Из полиции нравов или что-то в этом духе? Но мы действительно женаты.

В правах стояла фамилия Калисл. Джозеф Калисл, проживающий в Дэвистауне. Вернув ему удостоверение водителя, я подошел к шкафу и заглянул в верхний ящик, заполненный нижним бельем Стефани. Два других ящика были пустыми. Я вернулся к чемоданам и открыл их. Они оказались тоже пустыми. Я закрыл чемоданы и прошел в комнату для умывания. На раковине лежала расческа, в аптечном шкафчике ничего не было. Я вернулся в комнату и спросил:

— У вас есть сумочка, Стефани?

— По всей видимости, я оставила ее в машине.

Я повернулся к Калислу.

— А где ваш автомобиль?

— Я поставил его рядом с офисом.

— В таком случае вы приехали около получаса тому назад.

— Нет, приблизительно около восьми.

— И как долго вы намереваетесь оставаться здесь?

— Один... Пару дней.

— Нам хотелось порыбачить, — вмешалась Стефани.

— И именно поэтому вы захватили пару вечерних платьев? — поинтересовался я и повернулся к Джо Калислу: — А вы приехали рыбачить в костюме? Никаких тебе сапог, никаких старых рубашек?

— Я рыбачу так, как мне нравится.

Бартер ухмылялся.

— А вам не кажется, что пора наконец дать людям поспать?

— Ну конечно, — согласился я. — А вот меня потрудитесь провести к остальным номерам.

— У меня здесь мотель, которым я зарабатываю себе на жизнь, — проворчал Бартер. — Клиентам не очень-то нравится, когда их будят среди ночи.

— Могу себе представить. Однако пошли.

— Откуда бы вы хотели начать? — спросил Бартер, когда мы спустились по ступеням.

— С первого номера. А потом пойдем по порядку.

— Как вам угодно. Так или иначе, большинство номеров пустует.

Мы подошли к домику 3 и постучали.

— Кто там? — прозвучал мужской голос.

— Это я, — откликнулся хозяин мотеля, — Майк Бартер.

— А-а. Минуточку.

В домике зажегся свет, кто-то чертыхнулся, и вскоре мы услышали приближающиеся к двери шаги. Наконец дверь открылась, и в дверном проеме появился мужчина лет шестидесяти в нижнем белье. Его череп был лыс, белки глаз в красных прожилках.

— А где?.. — начал он.

— Кто где? — переспросил я.

Глаза в красных прожилках забегали.

— Не кто, а что! — поправил он меня. — Я хотел спросить у мистера Бартера, куда подевались обещанные мне полотенца.

— Проклятье! Я и забыл. — Бартер щелкнул пальцами. — Вы позволите нам войти, сэр?

— Сделайте одолжение, если не имеете ничего против моего одеяния.

Мужчина отступил в сторону, и мы вошли в номер. Я бросил взгляд на постель. Ее украшали две подушки, и обе были примяты. Войдя в комнату с умывальником, я заметил два полотенца. На одном из них виднелись следы губной помады.

— Идем в следующий номер, — скомандовал я.

Номера четыре, пять и шесть пустовали. Дверь седьмого номера открыла темноволосая девушка в голубом купальном халате. У меня сложилось впечатление, что ее поразил приход Бартера. Казалось, она собиралась ему что-то сказать, но тут заметила меня.

— Сожалею, что вынужден потревожить вас и вашего супруга, мадам, — извинился Бартер. — Вы позволите войти?

— Где ваш муж? — поинтересовался я.

Она беспомощно озиралась, как будто не могла вспомнить, куда умудрилась засунуть его в этой комнате.

— Скорее всего в туалете. Позвать?

— Не нужно. Пошли, Бартер.

Мы покинули девушку. Она с любопытством провожала нас взглядом, пока мы шли по узкой тропинке к следующему домику.

— Все остальные пустуют, — сообщил Бартер. — Или вы в любом случае хотите ознакомиться с ними?

— До сих пор вы неизменно были правы. Поэтому нет никакого смысла обследовать остальные домики. Но предварительно мне предстоит еще кое-что сделать. — Я направился к своей машине.

— Что же?

— Заехать в полицию.

VII

Моей целью был деревянный домик судьи Хэнди. Конечно, я мог бы позвонить в полицию, но было почти четыре часа утра,

и черт его знает, где в это время искать в незнакомом городе телефонную будку. Я ехал быстро, помня о своей цели. Мне нужно было, чтобы полицейская машина заработала на полные обороты.

Страх. Он еще не помог ни одному полицейскому. У каждого есть свои тайны, но никто не хочет, чтобы они в самый неподходящий момент вдруг всплыли. Страх может довести до паники виновного. А паника — лучшая метка, помогающая полицейским расследовать преступления.

Немного страха можно было заметить и на лице судьи Оливера Хэнди, когда он открывал мне дверь. И этот страх удивил меня. Может быть, судья относится к числу людей, которые непроизвольно пугаются, когда среди ночи им звонят в дверь. Но я еще из машины заметил свет в окнах его дома, следовательно, он не спал. Ко всему прочему я почувствовал определенную враждебность, когда он пропустил меня в квартиру. Его глаза устало смотрели на меня.

— Что случилось, Колби? — спросил он.

— Мне нужно поговорить с вами.

Я быстро огляделся и обратил внимание на дымящуюся в пепельнице сигарету.

— Я спал, — поспешил пояснить Хэнди. — Так что же случилось?

— Сожалею, что пришлось разбудить вас.

— Ну хорошо. Что же стряслось?

— Мне нужны в помощь хотя бы двое полицейских.

— Коль уж вы вытащили меня из постели, то можете спокойно все объяснить, — вздохнул Хэнди.

— Исчезла моя девушка, — начал я.

— Если можно, поподробнее. — Судья открыл крышку хрустальной сигаретницы и вытащил сигарету. — Так что же там с пропавшей девушкой? — Он выпустил длинную струю дыма.

— Мы остановились в мотеле, принадлежащем некоему Майку Бартеру, — продолжил я.

— Ну да. Там, на вершине.

— Угу. Я оставил Анну в номере. Теперь ее там нет. Исчезло все — одежда, вещи.

— Кого вы оставили в номере? — переспросил Хэнди.

— Анну. Мою невесту.

— А-а, — протянул Хэнди. Создавалось впечатление, что он не совсем понимал меня.

— Я имею в виду девушку, которая вчера вечером была здесь со мной, — пояснил я.

— О какой девушке вы говорите? — Хэнди оторвал взгляд от сигареты и внимательно посмотрел на меня.

— О девушке... — Я замолчал.

Наши взгляды скрестились. Его светло-голубые глаза излучали бодрость. Судья Хэнди снова был в полной боевой готовности.

— Я не могу вспомнить ни о какой девушке. Вчера Фред доставил вас сюда одного.

— Ах, вот как... — сказал я.

Хэнди улыбнулся.

— Не исключено, что всему виной длительное пребывание за рулем.

— А может быть, телефонный звонок? — предположил я.

— Что?!

— Телефонное сообщение, которое вы, вне всякого сомнения, получили незадолго до моего прихода. Именно поэтому рядом с телефоном дымилась в пепельнице сигарета. Что происходит, Хэнди?

— Не понимаю, о чем вы говорите, — упрямо продолжал Хэнди.

— Нет? Вы наверняка прекрасно помните, что вчера вечером я был у вас с девушкой. К чему все эти уловки?

— Ну если с вами и была какая-то дама, то я ее просто-напросто не видел.

— Но она же спала на вашей кушетке!

— Я ее не видел.

— О'кей, Хэнди. — Я поднялся. — Вы можете полагать, что это проклятое гнездо является центром вселенной, но тем самым несколько упрощаете географию. Ведь есть еще полиция штата и федеральная полиция. И та, и другая вплотную занимаются киднеппингом!*

— А еще существует один патрульный полицейский, который будет уверять, что в момент задержания в машине больше никого не было. Вы путешествовали в одиночестве. Так почему бы вам не успокоиться?

— Мне нужны в помощь полицейские, Хэнди. Вы их выделите или мне следует обратиться куда-нибудь еще?

— Для чего вам полицейские? Чтобы искать следы не существующей в природе девушки?

— Ну нет, — ответил я. — Надеюсь, вы не думаете, что я сошел с ума? Я прошу выделить в помощь полицейских, поскольку в мотеле обнаружил большое кровавое пятно. И надеюсь, что найдутся полицейские, которые охотно займутся выяснением всех обстоятельств, связанных с появлением этой крови.

— Не исключено, — согласился Хэнди.

— Ну и?

— Я позвоню в патрульное отделение. Не хочу стоять на пути гражданина, полагающего, что совершено преступление. — Он пожал плечами. — Но что касается девушки...

— Какой девушки? — переспросил я.

Брови Хэнди приподнялись, и мягкая улыбка появилась на его лице. Он поднял трубку и набрал четыре цифры.

— Хэлло, Фред. Я не разбудил вас? Сожалею... Нет-нет, это не так уж срочно. Помните молодого парня, которого вчера вечером доставили ко мне за превышение скорости? Детектива?

Некоторое время Хэнди молча слушал.

— Точно. Речь идет как раз о нем. Видите ли, он полагает, что у Бартера что-то неладно, и местная полиция может ему помочь. Как вы смотрите на то, чтобы подвезти туда с ним? Нет-нет, не

* Похищение с целью выкупа (англ.).

из мотеля Майка. Я звоню от себя... Ясно. Жду. — Он повесил трубку и заметил с удовлетворением: — Фред — великолепный парень.

— Очень может быть.

— Успокойтесь же наконец, Колби. Где ваш оптимизм? Позвольте дать вам один совет. Я намного старше и умнее вас. В молодые годы я пытался плыть против течения, сегодня же такой глупости себе не позволяю. Так что, пожалуйста, не смотрите на меня столь высокомерно.

— Это и есть ваш совет?

— Совет мой сводится к следующему: возвращайтесь в мотель. Выспитесь хорошенько и продолжайте свой отпуск, будто ничего не произошло.

— С Анной или без нее?

— А кто такая Анна? Не знаю, о ком вы говорите, но у меня есть все основания полагать, что вы сможете провести ваш отпуск, как запланировано.

— Еще вопрос, ваша честь.

— Да?

— Человек, который в соседнем домике истекал кровью, он тоже... может провести свой отпуск так, как планировалось?

— В жизни люди часто теряют кровь. Вы же полицейский и должны иметь об этом представление. Поэтому, когда появится Фред, рекомендую заявить ему, что вы скорее всего ошиблись и никакой крови не было.

— Но я не ошибся. Я никогда не ошибаюсь, если вижу кровь.

Хэнди вздохнул.

— Вы никогда еще не совершали большей ошибки. И просчет ваш гораздо существеннее, чем можете себе представить.

В этот момент в дверь постучали.

VIII

Я был ошеломлен, наблюдая, как изменилось выражение лица Хэнди. Пару минут назад это был меланхоличный циник. Теперь же передо мной стоял судья маленького городка. Изменились его осанка, голос, даже манера говорить.

— Так вы приехали, Фред, — произнес он официальным тоном. — Входите. Подходящее время, чтобы прокатиться по свежему воздуху.

— Так что же случилось? — спросил Фред.

— Этот молодой человек уверяет, что видел кровь в одном из номеров Майка Бартера, — пояснил Хэнди. Затем повернулся ко мне: — Я правильно обрисовал ситуацию?

— Все было именно так, — подтвердил я.

— Может быть, кто-то просто порезался во время бритья, — предположил Фред.

— Очень сомневаюсь. Обычно в чуланах не бреются. К тому же вряд ли в результате пореза набегит целая лужа крови.

— Конечно, следует ознакомиться с ситуацией на месте, — заметил Хэнди.

— Почему бы нам сразу не заняться этим?

Хэнди проводил нас до двери, и мы с Фредом вышли. Было почти пять утра, и в воздухе витало нечто неопределенное, как бывает до наступления рассвета. Каждый шорох очаровывал — поскрипывание сапог Фреда, скрип двери, закрываемой за нами, легкое дуновение ветерка, шелестящего в пиниях.

— Сегодня обойдемся без мотоцикла? — поинтересовался я.

— Я приехал на своей машине, — бросил Фред.

Мы уселись в «бьюик», Фред завел двигатель и вырулил на шоссе.

— Итак, кровь? — нарушил тишину Фред.

— Да.

— Ну-ну.

— И много.

— А тела не было?

— Нет. Но было кое-что еще.

— Что именно?

— Исчезла девушка, с которой я приехал сюда.

Фред не отрывал взгляда от дороги.

— Что-то не могу вспомнить никакой девушки.

— Я был уверен, что вы скажете именно так.

— Зачем же тогда спрашивать?

— Просто хотел убедиться, что вы хорошо усвоили полученные инструкции.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Никто не понимает этого.

— Естественно. Мы же здесь, так сказать, провинциалы, — сязвил Фред. — Куда нам понимать господ из больших городов!

— Однако позволю себе определить случившееся, — продолжал я. — Это называется похищением.

— Хорошее слово. Даже мы, провинциалы, слышали о нем.

— У меня заготовлено слово получше. Хотите, скажу?

— Если только смогу его усвоить.

— Это слово — убийство. Что вы думаете по поводу крови?

— А что я могу думать? Предположим, мы найдем немного крови. Можно назвать тысячу причин, по которым она там находится. — Помолчав немного, Фред добавил: — У Бартера солидное заведение.

— Вы уверены?

— Очень чистое.

— И сколько он платит в месяц?

— О чем вы?

— Сколько ему приходится выкладывать соответствующим службам, чтобы, в случае необходимости, скрывать свои грязные делишки?

— Бартер не впутывается в грязные делишки. У него солидное семейное предприятие. Он человек женатый. Кроме того, в нашем штате взяток не берут.

Мы выехали на улицу, ведущую к вершине. Уже поднималось солнце, и небо окрашивалось в светло-апельсиновый цвет. Судя по всему, предстоял отличный день.

— Если там была кровь, скорее всего она там и есть, — рассуждал Фред. — Однако не исключается, что вы ошиблись. Возмож-

но, кровь является порождением вашей фантазии. Как и девушка. Кто знает?..

— Вам знакома девушка по имени Бланш?

— Нет.

— Не знаете ли вы парня Джо Калисла?

— Нет.

— А девушку, которую зовут Стефани?

— Стефани... А дальше?

— Стефани Калисл. Жена Джо.

— Нет, не знаю.

— Что могла увидеть Анна? — внезапно спросил я.

— Анна? — переспросил Фред. — А кто такая Анна?

— Забудьте это, — ответил я.

Остаток пути до вершины мы проехали молча. Когда подъезжали к мотелю, он был окружен клочьями поднимающегося тумана. Туман стелился по земле и цеплялся за ветви высоченных пиний, окружал озеро и вил себе гнезда в лодках, выстроившихся ровными рядами вдоль скалистого берега, окутывал белые домики с окнами, смотрящими на мир через жалюзи, покрашенными в зеленые и голубые тона.

«Кадиллак» все еще стоял перед офисом Бартера. Можно было взглянуть регистрационный номер: SR-1412.

— Это машина Калисла, — сообщил я Фреду. — Она вам знакома?

— Нет, — коротко ответил он.

Фред припарковал свой «бьюик», мы вылезли и направились к офису. В офисе звучала музыка, в окнах горел свет, как будто Бартер ожидал гостей.

Дверь открылась. На лице появившегося перед нами Бартера была пена, в правой руке он держал бритву.

— Привет, Фред, — поприветствовал полицейского Бартер.

— Здравствуйте, мистер Бартер, — ответил на приветствие Фред. И это прозвучало довольно фальшиво.

Из-за закрытой двери продолжала звучать музыка.

— Он уже рассказал вам об исчезнувшей девушке? — поинтересовался Бартер.

— Да.

— И о крови в одиннадцатом номере?

— Тоже. Нельзя ли заглянуть в номер 11, мистер Бартер?

— Ну, конечно же, — ответил Бартер. — Только смою пену с лица.

Направившись к двери, ведущей в жилое помещение, он открыл ее. В поле моего зрения попала часть комнаты с длинной кушеткой, на которой лежала женщина. Точнее говоря, я успел увидеть лишь женские ноги. Красивые, стройные ноги. Одна покоилась на кушетке, вторая была согнута в колене.

— Миссис Бартер, — перехватил мой взгляд Фред. — Очень интересная женщина.

— Откуда вам известно? — поинтересовался я.

— Что она красива? О Боже...

— Нет. Что это ноги миссис Бартер. Я, например, видел лишь ноги.

Фред пожал плечами.

— Кто же еще может находиться в квартире Майка Бартера?

— Логика, достойная похвалы,— констатировал я.

— Послушайте, если бы у вас была такая же жена, как миссис Бартер, вы бы поняли, что, помимо нее, в комнате никого быть не может.

— Мне никогда не приходилось встречаться с миссис Бартер.

— Можете мне поверить,— с энтузиазмом заключил Фред и тем самым поставил точку в нашем разговоре.

Мы ждали, но Бартер не появлялся.

— Что могло так задерживать Бартера? — поинтересовался я.

— Он смывает пену с лица,— пояснил Фред.

— Не кажется ли вам, что ему требуется слишком много времени для того, чтобы смыть немного пены?

В этот момент дверь открылась. В поле моего зрения вновь попали ноги, за которыми в дверном проеме показался ухмыляющийся Бартер.

— Не хотите ли по чашечке кофе? — предложил он.

— Нет,— поспешил ответить я.

— А я бы охотно выпил чашечку,— перебил Фред.

— Никакого кофе! Мы немедленно направляемся в домик.

— Он слишком нетерпелив,— съязвил Фред.

— Я его не осуждаю,— заметил Бартер.— Он промучился без сна целую ночь.

— Ну что ж, пойдем посмотрим на кровь.

Еще до того, как переступить порог домика 11, Фред произнес:

— Не вижу никакой крови.

— В смежной комнатке,— напомнил я.

Фред прошел в смежную комнату, а я замер на месте.

— Никакой крови,— услышал я голос Фреда и стремительно влетел за ним.

Пол оказался застеленным большим куском линолеума. Пахло мылом.

— Поднимите-ка линолеум,— потребовал я.

— Зачем?

— Следы крови полностью удалить невозможно. В любом случае на деревянных половицах должны остаться ее частицы. Сорвите линолеум и сами убедитесь.

— Вы прекрасно понимаете, что я не могу портить чужую собственность,— сказал Фред.— Ради Бога, ведь вы тоже полицейский!

— Да, я полицейский и точно знаю, что следует делать, поэтому повторяю, что под линолеумом находится кровь. Так вы поднимете этот кусок?

Неожиданно для меня Фред выхватил из кобуры полицейский специальный 38-го калибра.

— Ну-с, дорогой юноша...— сказал он, ухмыляясь.

IX

Многие из маленьких городков не имеют собственной тюрьмы. В Салливанс Корнере таковая имелась.

Со мною в камере оказался пьяница. Когда Фред привел меня в камеру, он спал с открытым ртом. После того как дверь камеры захлопнулась, пьяница поднялся, протер глаза и уставился на меня.

— Так что там у тебя на совести? — поинтересовался он.

— Ничего. Спи дальше.

— Ага. Плохое настроение?

— Точно. Спи дальше.

— Я просто пытаюсь быть дружелюбным.

— Ну ладно. Я совершил убийство. Топором, — сказал я. — Пришел жену и 14 милых деток.

— Да? — воодушевился он. — А почему? Что случилось? Она тебя рассердила?

— У нее был любовник.

Пьяница сощурился.

— Приятель, а что, на дворе уже утро?

— Да, — подтвердил я, — и мне хочется спать.

— Если предпочитаешь спать внизу, я могу перебраться наверх, — предложил он.

— Уже взбираюсь.

Я вскарабкался по лестничке и рухнул на верхнюю кровать.

— Многие не любят спать наверху, — продолжал пьяница. — Я с удовольствием предоставляю в твоё распоряжение нижнюю постель, если хочешь. И вообще здорово, что тебе сразу же захотелось спать после того, как ты ухлопал несколько человек.

— Мне ещё потребуются силы...

— Для чего?

— Подумай сам. Ведь рано или поздно они вынуждены будут выпустить меня...

Первые лучи солнца пробивались через маленькое зарешеченное окошко. Я уже почти засыпал, когда услышал очередной вопрос пьяницы:

— А почему ты, собственно, воспользовался топором?

— Да потому, что оба моих пистолета были у Фреда, — пробормотал я и отключился.

Когда я проснулся, мне потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, где я нахожусь.

— А ты любитель поспать, — раздался чей-то голос.

Я огляделся. Напротив меня стоял мужчина в коричневом рабочем комбинезоне и в нижней рубашке. Его нос был красного цвета. Такого же цвета были и глаза.

— Доброе утро, — приветливо обратился я к нему.

— Добрый день, — поправил меня сосед-пьяница.

— Так что у нас сегодня на завтрак?

— О завтраке уже можно забыть.

— Тогда что на обед?

— Обед тоже кончился.

Я поднялся на постели.

— Кто заправляет этим заведением?

— Некий Текс Плэнетт, шериф Салливанс Корнера.

— Мне кажется, ты неплохо здесь ориентируешься.

— Я здесь вроде постоянного гостя, — пояснил пьяница и как бы между прочим добавил: — Я бродяга. Моя фамилия Таккем.

— А я Колби.

— Рад познакомиться, — вежливо произнес Таккем. — В течение двадцати лет я ничего не делаю, только пью. Просто удивительно, что мой мозг еще не размок. Когда-нибудь надеюсь написать историю своей жизни. Что-то вроде «Завтра заплачу». Смогу, как ты думаешь?

— Угу.

— Тебе тоже нужно написать свою историю. Уверен, что парни, убивающие людей топором, просто обязаны это делать.

— Мой дядя написал свою автобиографию.

— Да? Он тоже убивал людей топором?

— Нет. Он сжег свою жертву. Ты не читал его книгу?

— А как она называется? — спросил Таккем.

— «Мясо на сковороде».

— По всей видимости, пропустил, — с сожалением признался Таккем и, озорно улыбувшись, добавил: — А ведь ты никого не убивал топором, правда?

— Нет.

— Я так и думал. Но тогда за что тебя посадили?

— Слишком много знаю.

— Это относится к большинству находящихся здесь. Они либо слишком много знают, либо знают недостаточно.

— И кто представляет здесь полицию?

— Ну, в первую очередь Текс. Он шериф. У него четыре заместителя. Да, четыре.

— А патрульные полицейские?

— Насколько мне известно, только один. Его зовут Фред.

— А Хэнди?

— Судья... Безобидный парень. Прежде это был борец, мужчина. Но теперь уже не тот.

В коридоре послышались шаги. Таккем насторожился, а я подошел к зарешеченной двери. За ней можно было видеть крупного стройного мужчину, подстриженного под «ежик», с холодными голубыми глазами. На его груди висела шерифская звезда.

— Надеюсь, я не прервал вашу беседу, — сказал он.

— Текс? — поинтересовался я.

— Это я, — подтвердил мужчина. — Собственно, меня зовут Сальваторе. Сальваторе Планетти. Слышал, что сегодня утром вы устроили черт-те что, Колби.

— Действительно?

— Судя по тому, что рассказывал Фред, да. Мне бы хотелось, чтобы вы знали: у нас закон не спит.

— Не спит?

— Нет! Я послал одного из своих заместителей к Майку Бартеру, чтобы он там все проверил. Он ознакомился с книгой регистрации гостей мотеля Майка. Верно, вы внесены в нее, но ... вы один. И нет никакой девушки, которая была бы зарегистрирована с вами или после вас. Он также заглянул под линолеум в смежной комнатке.

— Правда?

— Вы мне что, не верите?
— Конечно же, верю. Так что же он обнаружил?
— Ничего.
— Я был уверен, что его поиски закончатся именно этим.
— Нарушение порядка является всего лишь проступком, — заметил Текс. — Заплатив десять долларов, вы можете удалиться.

— И в сумме — двадцать, — усмехнулся я. — Как вам передать десятку? После того как откроется дверь, или просунуть ее сквозь решетку?

— Пойдемте-ка со мной в офис, — предложил Текс. — Там вы сможете заплатить.

Он открыл дверь и с запозданием поприветствовал:

— Хэлло, Таккем.

— А когда выпустят меня?

— Ты протрезвился?

— Конечно.

— Ну так охладись здесь еще немного.

Я вышел из камеры, и Текс запер за мной дверь.

— Сюда, — показал он, и я последовал за ним по длинному коридору.

В конце коридора он отпер еще одну дверь и впустил меня в офис с письменным столом, складскими шкапами и с заполненной различными оружием полкой.

— У вас прекрасная тюрьма, — заметил я.

— Мы считаем, что большая тюрьма позволяет нам сэкономить на содержании лишней пары полицейских. Итак, вы даете мне десять долларов, а я вам — квитанцию.

Я достал портмоне и вручил ему десятку.

— Как ваше имя? — спросил он.

— Филипп.

Текс выписал квитанцию и вырвал из нее листок.

— Вот, возьмите.

— Вы кое-что забыли, не так ли?

— Что именно?

— Я прибыл сюда с двумя пистолетами.

— Не видел.

— У меня их изъял Фред.

— В таком случае позаботьтесь, чтобы Фред и вернул их вам. Надеюсь, что у вас есть разрешение на оружие. В противном случае мы с вами вскоре вновь увидимся.

— А где я могу найти Фреда?

— Ну, он может быть где угодно. — Текс поднялся. — Пока, Колби. Хорошо, что вы у нас побывали.

В городе было оживленно, типичная суматоха маленького городка. И всегда, как это бывает, когда находишься в чужом городе, я задавался вопросом, почему все люди куда-то спешат.

Со вчерашнего вечера у меня не было ни крошки во рту. В результате еда казалась самой важной задачей. А ведь мне еще нужно было позвонить, поскольку без помощи в создавшейся ситуации не обойтись.

Я вошел в небольшой ресторанчик, заказал три гамбургера, чашечку кофе, паштет на десерт, затем прошел в телефонную будку и набрал номер междугородной.

— Дайте мне, пожалуйста, Аргайл 4-31-87.

— 55 центов за первые три минуты, прошу вас,— ответил девичий голос.

Я бросил монеты. На другом конце подняли трубку.

— Двадцать третье отделение. Сержант Коломбо.

— Эл, говорит Фил Колби. Лейтенант на месте?

— Минутку, Фил. Гляди-ка, а я считал, что ты в отпуске.

— Так оно и есть. Будь добр, дай мне лейтенанта.

— Сейчас.

— Деморра слушает,— послышался в трубке сумрачный голос.

— Лейтенант, говорит Фил Колби.

— Кто?

— Фил...

— Ха! Что опять случилось, Фил?

— У меня возникли затруднения, сэр.

— Это все из-за той истории с машиной? О'Хара говорил мне.

— Нет-нет, сэр, не из-за машины. Пропала моя невеста. Исчезла из своего номера в мотеле.

— Вы уверены в том, что говорите, Колби?

— Увы, сэр.

— Вы обращались в местную полицию?

— Да, сэр. Мне там ответили, что со мною не было никакой невесты.

— Не было... Как это понимать?

— Сэр, я не знаю, что здесь разыгрывается. Но в это втянуты многие люди, и все врут как... неизвестно кто. В одном из номеров мотеля я обнаружил лужу крови, однако местная полиция утверждает, что эта лужа существует лишь в моей фантазии. До недавнего времени я находился в тюрьме, сэр. А Анна пропала, и я действительно не знаю...

— В тюрьме?

— ...что мне предпринять в первую очередь.

— А откуда вы звоните, Колби?

— Из телефонной будки ресторана в Салливанс Корнере, сэр. Меня только что выпустили из местной тюрьмы.

— А может, ваша невеста просто тихо удалилась, поскольку ей этого вдруг захотелось?

— Когда я последний раз видел ее, сэр, она крепко спала. К тому же у нее нет автомобиля. Кроме того, нет никаких оснований...

— Ну, с женщинами никогда нельзя быть уверенным.

— Видите ли, сэр, если бы дело обстояло таким образом, то здешние господа не пустились бы во все это вранье, как вы понимаете.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Деморра.

— Сэр?

— Да?

— Я... Мне нужна помощь.

— Хорошо. Я подумаю, чем вам можно помочь. Позвоню через десять минут. Скажите только, по какому номеру.

Я продиктовал номер ресторанного телефона и добавил:

— Огромное спасибо, сэр.

— О'кей, Колби. Сейчас же принимаюсь за работу.— И он положил трубку.

Я вышел из телефонной будки и направился к столу, где меня уже ожидали гамбургеры и кофе.

Вдруг открылась входная дверь, и я увидел девушку, которую сразу узнал.

X

Она была в том же пурпурном платье и с тем же грубым макияжем на лице.

— Бланш! — позвал я.

Увидев меня, она задержалась в проеме, будто решала, стоит ли ей удалиться. Внутренняя борьба закончилась тем, что она осталась стоять, ожидая, когда я подойду к ней.

— Хэлло, Бланш, — поздоровался я.

— Не уверена, что прежде приходилось видеть вас, — сказала она.

Такого поворота событий я никак не ожидал. В течение некоторого времени я молча смотрел на нее и наконец произнес:

— А что в этом плохого?

— Может быть, и ничего. Чего вы хотите?

— Пригласить вас на чашечку кофе.

— Но я очень спешу.

— Я тоже. Так что пойдем.

Мы подошли к столу. Бланш уселась, и мужчина за стойкой бара поздоровался:

— Хэлло, Бланш.

Она кивнула ему в ответ.

— Еще чашечку кофе, — попросил я официанта. — Для дамы.

— И куда же вы исчезли прошлой ночью? — начал я.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Не прикидывайтесь. Мы оба прекрасно знаем, о чем идет речь.

— Мистер, все, что мне сейчас нужно, сводится к чашечке кофе.

— Можете и не рассчитывать на большее.

— Хорошо.

— Вы не будете против, если я задам вам пару вопросов?

— Буду.

— Почему?

— Ненавижу вопросы.

— Не думаю, что для разговора с вами мне потребуются бархатные перчатки.

— Да и любые другие вряд ли продвинут вперед наш разговор.

— Мне нужна помощь.

— Почему вы обращаетесь с этим ко мне?

— Потому что вам, как мне кажется, хорошо известно обо всем, что случилось вчера вечером.

— Я ничего не знаю.

Официант принес кофе.

— Будете заказывать еще что-нибудь? — поинтересовался он.

— Нет, спасибо, — ответил я.

Официант вернулся к бару, а я непроизвольно понизил голос до шепота:

— Что случилось, Бланш?

— Мне ничего не известно, — ответила она.

— Что вы делали вчера вечером у Майка Бартера?

— Снимала номер.

— Одна?

— Да.

— А кто был этот мужчина в трусах?

Бланш с удивлением посмотрела на меня.

— Откуда?.. Что вы хотите?.. Когда?..

— Я встретил его. Вы были с ним перед тем, как прийти в мой номер?

Бланш кивнула.

— Но почему тогда вы пришли ко мне?

— Я... Мне велел Майк.

— Почему?

— Я действительно не знаю.

— И что он сказал?

— Только то, что я должна пойти в ваш номер, что должна...

248 Послушайте, у меня могут быть неприятности. Я вам больше ничего не скажу.

— А мне казалось, что вы не боитесь мужчин!

— Действительно, не боюсь. И Майка Бартера тоже!

— Кого же вы тогда боитесь?

— Ничего больше не скажу.

— Он вам велел задержать меня в номере?

Бланш нервно покусывала губы.

— Д-да.

— А для чего?

— Этого я не знаю.

— Но ведь он должен был назвать какую-нибудь причину!

— Ничего он не объяснял! Да я и не спрашивала. Просто делаю все то, о чем меня просят.

— Так вы работаете на него?

Бланш ответила не сразу.

— Ну хорошо, — сказала она наконец. — Я работаю на него.

— И другие девушки работают на него?

— Какие другие?

— Те, которых можно встретить в мотеле. «Женщины» в извечной игре «мужчина и женщина», которой Бартер хотел обмануть меня.

— Не знаю, кого вы там видели.

— А кто такой Джо Калисл?

— Ах, этот... С ним все в порядке.

— То есть?

— Он приезжает время от времени и выполняет для Майка кое-какую работу. Майк оплачивает его работу с помощью... Ну, вы знаете как. А Хец постоянно работает у Майка.— Она посмотрела мне в глаза.— Хицекия Ховкинс. Живет вблизи мотеля на Соус Хантор Роуд.

— Что произошло с его женой?

— Кто... С чьей женой?

— С женой Калисла.

— Калисла? Так он не женат.

— Вчера вечером с ним в номере была какая-то блондинка. В номере, где должна была находиться моя невеста. Блондинку звали Стефани. Вы ее знаете?

— Нет,— поспешила ответить Бланш.

— Вы не видели никого, кто бы направлялся в номер моей девушки?

— Какой еще девушки? — переспросила Бланш.— Не видела никакой девушки.

В течение некоторого времени мы пристально глядели друг другу в глаза.

— Откуда взялась кровь в номере одиннадцать?

— Кровь? Не было никакой крови.

— Конец интервью? — спросил я.

— Конец,— подтвердила Бланш.— Мне не нужны неприятности. Мне и так хватит их до конца жизни.

— Что за неприятности?

— Не знаю. Крики, восклицания, машины...

— И кто же кричал?

— Кто-то в мотеле. В номере... одиннадцать.

— Так кто был в этом номере?

— Не знаю.

— Нет, Бланш, знаете. Я вижу это по вашим глазам.

— Больше ничего не могу вам сказать.— Глаза девушки умоляли меня не продолжать этот неприятный для нее разговор.

В телефонной будке раздался звонок. Я быстро поднялся, но Бланш внезапно схватила меня за руку.

— Ваша девушка,— произнесла она,— она... она в безопасности.

— Что?!

Телефон продолжал звонить. Официант вышел из-за стойки бара и направился к будке. Стараясь опередить его, я подбежал к телефону.

— Алло?

— Колби, это лейтенант Деморра.

— Да, сэр, слушаю...

— У вас есть новости?

— Мне кажется, что в настоящее время Анне ничего не грозит. Не знаю, надолго ли гарантирована ей эта безопасность.

— О'кей. Направляю вам Тони.

— Митчела?

— Да. Но, как вы понимаете, неофициально. Нам бы не хотелось ввязываться в дела полиции соседнего штата. У Тони

отпуск по болезни. Так что он едет к вам на свой страх и риск. Где вас можно найти?

— Лучше всего здесь, в ресторане.

— Как называется забегаловка?

— Не знаю, сэр. Но он ее никак не минует. Это первый ресторан при въезде в город.

— О'кей. Он уже отчаливает. На дорогу ему нужно от трех до четырех часов. Так что, скажем, в шесть. Пойдет?

— Отлично. Сэр, они изъяли у меня пистолет.

— Тони захватит для вас. Вы думаете, он понадобится?

— Может быть.

— Ну ладно. Успехов, Колби.

— Спасибо, сэр. — Я положил трубку и вышел из будки.

Бланш в ресторане уже не было.

XI

Я присел к своему столику и углубился в поглощение оставшихся гамбургеров. Когда официант заметил, что я покончил с горячим, он принес мне паштет с шоколадным кремом.

Мне явно полегчало, так как я отношусь к людям, находящим удовольствие в еде. Способность к мышлению вернулась, и, должен заметить, вся эта история стала выглядеть более безобидно, чем раньше.

Итак, Анна в относительной безопасности. По крайней мере так сказала Бланш. К тому же ко мне спешил Митчел, а в 23-м отделении не было лучшего полицейского.

Оплатив счет, я вышел из ресторана и решил вернуться к Бартеру, хотя бы для того, чтобы забрать свои вещи и машину.

В мотель я приехал на такси. Перед офисом все еще стоял «кадиллак» с номером SB. Рядом припарковался небольшой «форд».

Бартера нигде не было видно.

Выйдя из такси, я направился прямо к номеру 12. Меня не удивило, что со стены и полов исчезли следы крови. Переодевшись и собрав вещи, я понес чемодан к своей машине.

Проходя мимо офиса, я вдруг услышал голоса и остановился, прислушиваясь.

— Я знаю, что она здесь, — говорил мужской голос. — Так что кончайте валять дурака!

— Я предпочитаю, чтобы вы прекратили эти инсинуации, — ответил женский голос, — и отправились своим путем.

— Где Лу? Это все, что я хочу знать! — с нажимом произнес мужчина.

— Я вам уже сказала, где она. Уехала. Сегодня утром.

— Куда?

— Отсюда она поехала на вокзал, так как собиралась вернуться домой.

— Почему она мне ничего об этом не сказала?

— Откуда мне знать? Она заявила, что должна уехать, и вскоре действительно уехала.

— Лу поехала одна?

— Нет. Я отправила с ней другую девушку. И даже сама доставила ее к поезду.

— Что на ней было?

— Белое платье, — ответила женщина.

— Хорошо. Поеду на вокзал и проверю.

— Ради Бога! Проверяйте, если вам хочется. Мы еще задержались в городе, чтобы выпить по чашечке кофе. В «Зеленой двери». Можете поинтересоваться и там.

— Я так и сделаю. Можете быть уверены, проверю каждый шаг, каждый след, черт подери!

— Не переносу, когда сквернословят в моем присутствии, — заметила женщина.

— И если ваша история не соответствует действительности, я вернусь, и тогда — пеняйте на себя...

Разговор меня больше не интересовал, и я направился к машине. Открыв багажник, забросил туда свои пожитки, сел за руль и выехал на шоссе. У первого перекрестка свернул, заглушил двигатель и стал ждать.

Не прошло и пяти минут, как появился «форд». Я завел двигатель и поехал за ним. Вскоре мы оказались на вокзале Салливанс Корнера. Мужчина подошел к билетной кассе, а я, стоя у газетного киоска, старался не выпускать его из поля зрения.

По всей видимости, ему было не более двадцати девяти. Немного приземист, но не обижен мускулами, свидетельствующими о привычной физической работе. Цветом волос он напоминал лисицу. На нем были темно-серые брюки и белая рубашка с засученными рукавами.

Я заплатил за газету, вышел из здания вокзала и сел в машину. Через пару минут вышел и рыжий, сел в свой «форд» и поехал в сторону центра. Я последовал за ним. Неожиданно он остановился у небольшого кафе под названием «Зеленая дверь», подошел к мужчине, стоявшему за кассовым аппаратом, и начал оживленно беседовать с ним. Некоторое время я наблюдал за ними, а затем вернулся в свою машину, ожидая, когда рыжий выйдет. Через пару минут мы уже ехали дальше, пока не оказались перед городским отелем.

Когда я вошел в холл, рыжий уже получил ключ и был в лифте. Я направился прямо к дежурному.

— Этот рыжеволосый... — сказал я.

— Да?

— Это ведь Джордж Бадли?

— Нет. — Дежурный торопливо поправил меня. — Это мистер Симмс.

— Ах да, конечно, — произнес я и, наморщив лоб, пощелкал пальцами. — Фу, как глупо забыть...

— Джон Симмс, — улыбнулся мужчина.

— У него ведь комната на четвертом этаже, не так ли? — спросил я. Здесь не было никакого ясновидения, просто я успел заметить, как в лифте загорелась цифра «четыре».

— Да-да, в 407-м, — подтвердил дежурный.

— Четыре, — сказал я лифтеру.

Когда двери лифта закрылись, он поинтересовался:

— Не хотите ли развлечься?

— Я не играю.

— Девушки?

— У тебя есть на примете?

— Какие хотите.

— Предпочитаю блондинку.

— Заметано.

— Блондинку по имени Стефани, — уточнил я.

Бой внимательно посмотрел на меня.

— А почему вам нужна именно Стефани?

— Я встретил ее в одном баре. Но потом, к сожалению, потерял из виду. Не можешь ли подсказать, где ее можно найти?

— Стефани, которую я знаю, не предлагается, — отрубил лифтер.

— Может быть, мы говорим о разных девушках? — предположил я.

— Скорее всего, нет, мистер. Но ведь есть и другие блондинки.

— Я разборчив.

— Завидую тем, кто может себе это позволить, — сказал он, приподняв плечи, и наконец объявил: — Четвертый.

Я вышел, пройдя по коридору, отыскал номер 407 и постучал.

— Кто там?

— Фил Колби.

— Кто?

— Вы меня не знаете. Открывайте, Симмс.

— Секунду. — Дверь открылась. — Что вам нужно?

— Хочу поговорить с вами.

— О чем?

— Лу, — сказал я.

— Проходите, — предложил Симмс.

Я прошел за ним в комнату, вся обстановка которой состояла из кровати, шкафа и кресла. Рядом с кроватью лежала Библия издания Гидеона, тут же стояла бутылка дешевой водки.

— Хотите глоток?

— Нет, спасибо.

— Ну а я позволю себе. — Симмс до половины наполнил стакан и выпил его одним залпом. Шумно вздохнув, он спросил: — Так что вам известно о Лу?

— Только то, что она пропала.

— Где она?

— Это вы мне скажете.

— Как вас понимать?

— Она была сегодня утром на вокзале?

— Да. Ее видели. Три интересные дамы, приехавшие вместе на вокзал... Согласитесь, такое быстро не забывается.

— Три?

— Блондинка, рыженькая и брюнетка. Кстати, кассир в кафе тоже запомнил эту тройку.

— А кто из них Лу?

— Что? А, понял. Брюнетка.

— Что она делала у Майка Вартера?

- А почему вас это так интересует?
- Дело в том, что я тоже потерял кое-кого.
- Кого именно?
- Девушку. Свою невесту.
- Она... Чем она занималась у Майка Бартера?
- Сидела в своем номере. Потом пропала. Но вернемся к Лу.

Так что она делала у Бартера?

- Работала.
- И что за работа?
- Да так, работа...
- Вы пока не ответили на вопрос.
- А я и не обязан отвечать, — бросил Симмс.

Чувствовалось, что моя настойчивость неприятно задела его.

- Послушайте, — продолжил он, — я хочу на ней жениться.
- Не понимаю, какое это имеет отношение к ее работе!
- Самое непосредственное. Я уже достаточно слышал о Лу.

Мне безразлично, чем она занималась. Не верю всякой чепухе.

- Какой чепухе?
- Той самой. Теперь она любит меня, и это главное. Скоро мы поженемся, и она будет великолепной женой.

- Возможно.
- Она чудесная девушка.
- А чем занимаетесь вы? — спросил я.
- Я водитель грузовика. На пивоваренном заводе. И у меня остается много времени для размышлений.

— Какое это имеет отношение к Лу, Симмс?

— А то, что я женюсь на проститутке! Я женюсь на ней!

И я люблю ее!

— Так и женитесь. Ничего не имею против. Расскажите мне о Лу подробнее.

- Она настоящее сокровище.
- А как она выглядит?
- Разве вы не понимаете? Сокровище и выглядит как сокровище!

- Брюнетка?
- Да.
- Глаза?
- Как леденцы.
- Высокая? Маленькая?
- Выше меня, но мне нравится, что она высокая.
- А почему она пошла к Бартеру?
- Хорошие деньги. Ведь я вам уже сказал, что мы хотим

пожениться. Так что нам пригодятся любые деньги, какие только удастся раздобыть.

- А откуда она?
- Из соседнего штата. Я тоже.
- Когда она приехала?
- Два дня назад. В первый же вечер позвонила мне и сказа-

ла, что позвонит снова на следующий. Это было вчера. Когда же, не дождавшись звонка, я попытался найти ее у Бартера, выяснилось, что его телефона в телефонном справочнике нет. Здесь, в отеле, мне сказали, что она не приезжала. Именно поэтому

сегодня утром я и направился прямым ходом туда.

— А она ничего не говорила вам об этой лавочке, я имею в виду мотель Бартера?

— Только то, что надеется заработать много денег. Она намеревалась остаться там на месяц. Что-то в этом деле нечисто. На вокзале мне сказали, что она села в поезд на Дэвистаун. Но почему на Дэвистаун? Я должен все выяснить, Колби.

— Фил,— поправил я его.

Я оставил Симмса и некоторое время*бродил по городу. До встречи с Тони Митчелом оставался еще целый час.

Когда он наконец появился, мы ушли с места встречи порознь, поскольку Тони полагал, что в этом случае мы сможем достичь большего. Меньше всего ему хотелось, чтобы нас видели вместе, поскольку Бартер и другие пока еще не подозревали о его существовании.

Естественно, позже он рассказал мне о том, что случилось с ним, но я могу передать это лишь с его слов. Он вручил мне свой письменный доклад для передачи Высокому Суду, и из этого доклада вы узнаете, что произошло с Симмсом после нашего с ним разговора.

XII

СООБЩЕНИЕ ЭТОНИ МИТЧЕЛА

254 Я прибыл в Салливанс Корнер 4 июня около 5.45 вечера на полицейском автомобиле, предоставленном в мое распоряжение лейтенантом Деморрой. Должен засвидетельствовать, что был несколько сбит с толку, услышав о затруднительном положении, в котором оказался Фил Колби. Меня удивило также желание лейтенанта помочь Филу.

Ресторан я нашел довольно быстро. Сел за стол в дальнем углу зала и заказал светловолосой официантке чашечку кофе.

Не прошло и пяти минут, как появился Фил. Выглядел он очень усталым. Мне приходилось прежде работать с ним, и мы попадали в острейшие ситуации, не спали ночами, но таким утомленным я его никогда еще не видел.

Он направился прямо к моему столу и протянул руку. Я поднялся.

— Присядь, Фил. Ты выглядишь так, будто сейчас свалишься.

— Немного устал,— признался Колби.— Босс передал тебе, что здесь случилось?

— Он рассказал об исчезновении Анны. Что ты можешь добавить к этому?

— Анна пропала из борделя.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Как же она пропала?

— Из своего номера. А как — не знаю. Она крепко спала, а потом ее уже там не было.

— Ну и ну.

— Кроме того, в ее номере оказались новые жильцы. Некие

Джо Калисл со своей женой Стефани. Правда, потом мне удалось выяснить, что Калисл не женат.

— И что за девушка была с ним?

— Не знаю. Вначале я полагал, что она подрабатывает там. Но, судя по ее гардеробу, она не из числа девушек легкого поведения. Но вот Симмс...

— А кто такой Симмс?

— Приятель девушки, которую зовут Лу и которая тоже исчезла. Возможно, это случайное совпадение. Симмс сказал, что девушки жили вне мотеля. Его девушка, например, проживала в местной гостинице.

— О'кей. Теперь расскажи главное.

— Мотель. Приблизительно 15 номеров. Хозяина зовут Майк Бартер. Женат. Его жену не видел. Судья по имени Оливер Хэнди. Патрульный полицейский Фред. Он-то как раз и изъясил у меня пистолеты. Мой и О'Хары.

— Барри? А какое он имеет к этому отношение?

— Он оставил пистолет в перчаточном ящике своего автомобиля. У Бартера есть помощник, которого зовут Хицекия. Помогает ему и Калисл.

— Во что была одета Анна?

— Вчера на ней было белое хлопчатобумажное платье, открытое, без плеч, а также соломенная сумочка и туфли-лодочки из замши.

— Шляпа?

— Нет, шляп она не носит.

— Что еще мне следует знать?

— Девушка по имени Бланш. Огненно-рыжие волосы. Семнадцать лет... У нее было задание отвлечь меня, и ей многое известно. Кстати, это она наемкнула мне, что Анна находится в безопасности. А, черт!

— Что такое?

— Судья Хэнди тоже намекал на это. Он сказал, что Анне ничего не будет угрожать, если я позабочусь о своих собственных делах.

— Что же они скрывают?

— Не знаю. Может быть, убийство.

— О'кей. Я хотел бы оглядеться. Где тебя искать?

— Я отправляюсь в гостиницу. Можешь мне звонить туда. А куда ты собираешься в первую очередь?

— В мотель.

— Так что же мне делать, Тони?

— Не забудь об этой Лу. Попытайся разузнать о ней побольше. Не исключено, что она связана с исчезновением Анны.

— Я еще раз поговорю с ее приятелем.

— Ну а я постараюсь позвонить тебе около полуночи. Если мы случайно встретимся в городе, ты меня не знаешь. Пойдем. Я дам тебе твой 38-го калибра.

Мы вышли из ресторана и подошли к моему «седану». Так как нам не хотелось привлекать чье-либо внимание, я передал пистолет Филу в машине. Он засунул его за брючный ремень.

— Теперь я чувствую себя более уверенно, — произнес Фил.

— Используй его только в крайнем случае, — напомнил я. —
Итак, звоню тебе поздно вечером.

Мы пожали друг другу руки, и Фил вышел из машины. Я же поехал в мотель Майка Бартера. Припарковав машину за «кадиллаком» с номером, начинавшимся буквами SB, подошел к двери офиса и постучал. Мне никто не ответил.

— Есть здесь кто? — крикнул я и уже намеревался вернуться к машине, как вдруг заметил женщину. Она шла от мостков, что виднелись на берегу. В руках у нее было полотенце, которым она легко похлопывала себя по лицу. На голове купальная шапочка, декорированная пластмассовыми маргаритками.

Прислонившись к двери автомобиля, я разглядывал ее. Она сняла купальную шапочку, и по ее плечам рассыпались белокурые волосы.

— Хэлло, — с улыбкой приветствовал ее я.

— Хэлло, — ответила она.

— Как водичка?

— Великолепная.

— Судя по всему, купание идет вам на пользу.

— Откуда вам знать? Вы ведь никогда прежде меня не видели.

— «Прежде» нет. Но вот «потом» явно производит впечатление.

— Благодарю. Вы закончили?

— Мне хотелось бы получить номер, но, кажется, в офисе никого нет.

— Я провожу вас.

— А вы не знаете владельца?

— Я владелец, — коротко ответила она.

— Что?

— Стефани Бартер, — представилась дама. — Пойдемте.

Мы прошли в офис. С тела Стефани все еще падали на пол капли, и на нее было очень приятно смотреть.

— Что бы вам хотелось? — поинтересовалась она.

— А есть выбор?

— Да нет, собственно. Вам порекомендовали наш мотель? Или вы оказались здесь случайно?

— Вас порекомендовали.

— И кто же?

— Мужчина по имени Джо Калисл. Вы его знаете?

— Конечно, знаю. И он порекомендовал вам остановиться в нашем мотеле?

— Ну да.

— А как вас зовут?

— Тони.

— Тони... а дальше как?

— Митчел.

— И давно вы знакомы с Джо?

— Не так уж и давно.

— Звучит несколько неопределенно, — заметила Стефани.

— Просто мы повстречались в одном баре. Я сказал ему, что ищу заведение, где бы... где бы я мог поспать.

— И он порекомендовал вам отправиться сюда?

— Вот именно.

— Скорее всего мы могли бы удовлетворить ваше желание, — сказала Стефани.

— Могли бы?

— Да. Все зависит от того, подойдут ли вам наши условия. Ну и цена, конечно.

— Судя по тому, что я увидел, условия просто замечательные.

— В других домиках не совсем так, как здесь, в офисе, — заметила Стефани.

— А я надеялся как раз на нечто подобное.

— Ну ладно. Полагаю, вы не будете разочарованы.

— Какова стоимость номера? — поинтересовался я, не спуская с нее глаз.

— А разве Джо не сказал вам?

— Увы...

— Сто пятьдесят.

По всей видимости, я непроизвольно моргнул, и Стефани впервые улыбнулась.

— Что, слишком много? — спросила она.

— Немного кусается.

— Но у нас номера очень чистые и хорошо обставлены. Уверена, вы получите бездну удовольствия.

— В этом я уверен, — заверил я ее.

— Мой муж уехал, — сказала она внезапно. — По делам. И неизвестно, когда вернется. По всей видимости, вы хотите попасть ко мне в постель?

— Очень, — скромно подтвердил я.

— Что ж, пойдете со мной. Мы побеседуем, пока я буду переодеваться.

XIII

Стефани Бартер выглядела великолепно. Она собрала свои белокурые волосы в хвост и укрепила их на затылке зеленой заколкой. На ней был белый халат с уже знакомой мне монограммой SBR, на ногах гофрированные розовые сандалеты.

— Как насчет ржаного виски? — спросила она.

— Охотно.

Стефани взяла бутылку и позаботилась о том, чтобы я смог увидеть наклейку «Канадеан Клуб». На ее лице появилось выражение искренней гордости.

— Тост! — потребовала она.

— За правду и красоту! — предложил я, и мы чокнулись. Затем я продолжил нашу беседу: — Откуда вы приехали в Салливанс Корнер?

— Из Сан-Диего.

— Что же вас занесло на восток?

— Деловые проблемы. Я вела дела с моряками... Но что такое моряки? — Она помолчала немного. — Когда я выходила замуж за Майка, то была очень хороша. И если красота начинает блекнуть, то вскоре от нее ничего не остается. Я продала красоту и поступила очень умно. Вы действительно хотите попасть ко мне в постель? — неожиданно спросила Стефани.

— Мне бы хотелось еще минутку поговорить с вами. Скажите, какой договор вы заключили со своим мужем?

— Обязанность быть верной женой.

— И вы верны ему?

— Конечно.

— В таком случае не вижу никаких проблем,— заметил я.

— Никаких проблем,— подтвердила Стефани.— Вы знаете, а я не люблю Майка. Да никогда и не любила. Просто он купил меня и в результате получил красоту и жену. А я получила все то, чего хотела, и в дополнение мужа. Вот и весь договор.

— И что с того?

— Я не переношу грязи. Достаточно насмотрелась на нее в детстве.

— Для человека, который ненавидит грязь, у вас несколько необычное занятие.

— Но я честно руковожу делом. Девушки хороши. Любой, кто со мной работает, никогда не скажет, что я способна на обман.

— А как вы встретили Майка?

— Однажды он приехал сюда из города. Майк работал без большого размаха. Только поймите меня правильно. Он богат. Ему принадлежит половина этого озера. Наше дело приносит хорошие деньги. У нас 15 номеров, и в удачные вечера по крайней мере десять из них бывают заняты. За некоторых девушек мы получаем триста долларов, половину отдаем им. Умножьте половину на десять... Неплохой гешефт.

— Вы счастливы?

— Кто может сказать, что он счастлив?

— Я, например.

— Вы женаты?

— Да.

— А если вы женаты, то что вам здесь надо? Где же ваше счастье?

— Ну хорошо...

— Мимолетное нарушение договорных обязательств?

— Что ж, можно было бы назвать и так.

— Я называю это так,— подчеркнула Стефани и замолчала, прислушиваясь к чему-то.

Теперь и я услышал звук приближающегося автомобиля.

— Майк,— прошептала она и направилась к двери. Я последовал за нею в офис. Она подошла к письменному столу и, выдвинув из него ящик, вытащила регистрационную книгу.

Снаружи послышались шаги. Затем открылась дверь офиса. Стоящий в проеме мужчина был коренаст, несколько неуклюж и лысоват, с маленькими свинными глазками и сильными руками.

Позади него стоял долговязый парень, лицо которого было так же маловыразительно, как миска с помоями.

— Кто это? — спросил коренастый.

— Тони Митчел,— представился я.— Друг Джо Калисла.

— Он в порядке,— вяло произнесла Стефани.— Как съездил?

— Отлично.— Он повернулся к сопровождавшему его гиганту:— Отгони-ка грузовик, Хец.

Не говоря ни слова, Хец вышел из офиса.

- Бартер посмотрел на меня и задумчиво произнес:
- Не думаю, чтобы мы смогли принять вас на ночь.
 - А почему нет? — вмешалась Стефани.
 - Не можем, — повторил Бартер.
 - Джо специально подчеркнул, что мне следует приехать сюда, — с нажимом сказал я.
 - Джо ошибся.
 - Он даже посоветовал, кого именно нужно спросить, — продолжал я.
 - Боюсь, что...
 - Девушку по имени Лу, — завершил я начатую фразу.
- Стефани с испугом посмотрела на меня. Затем супруги быстро обменялись тревожным взглядом.
- Мы не знаем никого с таким именем, — заверил Бартер.
 - Никого?
 - Нет.
 - Высокая брюнетка.
 - А-а, — сказала Стефани, — Лу.
 - Да-да.
 - Так она уехала.
 - Жаль.
 - Но ты же вспомнил эту Лу? — поинтересовалась Стефани у своего мужа.
 - Лу? О, да-да, она уехала.
 - Сегодня утром, — подсказала Стефани.
 - Куда же она уехала?
 - Домой.
 - А где она живет?
 - Не знаю.
 - Так вы уверены, что она уехала? — не унимался я.
 - Я сама подбросила ее к поезду, — ответила Стефани.
 - К какому поезду?
 - На Дэвистаун.
 - Что ж, я несколько разочарован, — заметил я.
- Стефани перехватила мой взгляд и не удержалась:
- Я тоже.
 - Здесь Лу или нет ее, — сказал Бартер, — в любом случае сегодня мы вас принять не можем.
 - Тогда я лучше уеду.
 - Судя по всему, это самое правильное, что вы можете сделать, — прокомментировал Бартер.
 - Было очень приятно с вами познакомиться. — Я вежливо склонил перед ними голову.
 - Попытайтесь приехать в другой раз, — посоветовала Стефани.
 - Обязательно приеду.
 - Джо все еще живет в Марисвилле, не так ли — спросил внезапно Бартер.
 - В Марисвилле?
 - Да.
 - Представления не имею, где он живет, — ответил я. — Мы встретились с ним в одном баре.

— Где?

— Дэвистаун.

— Ну хорошо, — вздохнул Бартер. — Передайте ему мой сердечный привет.

Я сел в машину и проехал приблизительно четыре-пять минут, затем выключил фары и свернул в кусты.

XIV

Как и Фил Колби, я — продукт города. Не люблю сельскую жизнь. Не люблю дороги и улицы без освещения. Не переношу жужжание насекомых, проклятое стрекотание, гудение и шуршание.

Мне совсем не нравится запутываться в отвратительной паутине, как только выходишь из машины. И уж совсем не доставляет удовольствия ступать в липкое и скользкое месиво. Мне неприятно, что можно угодить в гнездо каких-нибудь шершней или наступить на змею. С этой точки зрения я трусоват.

В тот вечер, четвертого июня, я вылез из полицейской машины, чего мне совсем не хотелось делать, стер с лица остатки паутины, задался вопросом, не запутались ли пауки в моих волосах, и углубился в лес. Я пробирался вперед так же тихо, как бейсболист с загипсованной ногой. Мертвый индеец и тот обернулся бы мне вслед.

Эти шорохи! Они никогда мне не нравились. Более того, пугали меня. На всякий случай я вытащил из кобуры свой пистолет 38-го калибра, снял его с предохранителя и, напряженно прислушиваясь к шорохам, стал пробираться через кусты.

Под ногами трещали сучья. Казалось, что за каждым деревом прячется какой-то зверь. Во тьме вскрикивали птицы. Стрекотали и жужжали насекомые.

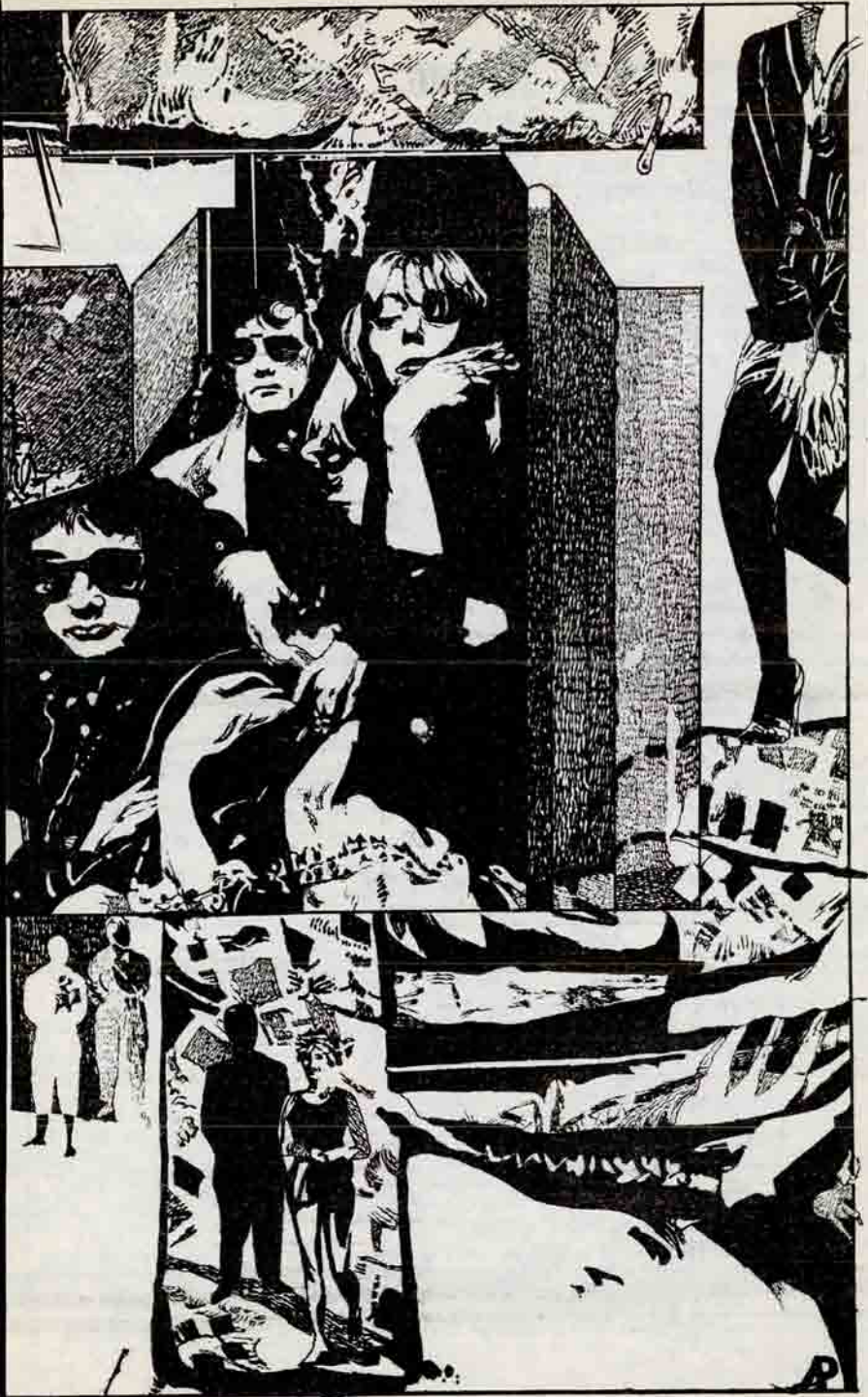
Я не представлял, куда иду. Теплилась надежда, что если идти все время прямо, то можно выйти на мотель. Мне следовало бы быть следопытом. Или первопроходчиком-пионером. А еще точнее, следовало бы оставаться в постели.

Мне не хватало только упасть. И я почувствовал, что падаю. Все случилось так внезапно! Я вдруг потерял почву под ногами и упал лицом в грязь и воду. Моя рука крепко сжимала пистолет, но он также был под водой и, по всей видимости, в ближайшие пять лет ему уже не суждено выстрелить.

Я сел и почувствовал, что в окружавшей меня воде что-то шевелится. Вначале я решил, что глаза играют со мной нехорошую шутку. Естественно, мне и прежде приходилось слышать, что змеи умеют плавать, а вот видеть это воочию как-то не доводилось.

Я не люблю змей, поэтому поднял свою пушку 38-го калибра и начал стрелять, но попасть в змею не удавалось. Внезапно она бросилась на меня, и я закричал. Затем почувствовал боль в ноге, как будто меня укололи иглой.

Я кричал и размахивал пистолетом до тех пор, пока она не уползла. Мне пришла в голову кошмарная мысль, что в воде

могут находиться и другие змеи. Я вскочил и начал выползать из воды на берег. Боль в ноге стала непереносимой, но мне удалось добраться до дороги.

Я медленно шел вперед, пока не увидел свет, исходящий, видимо, из окон мотеля, почти дополз до двора и закричал:

— Помогите!

Дверь офиса открылась, и из нее вышли Бартер и Хицекия.

— Помогите, — уже шепотом попросил я и захромал к ним.

Хицекия пошел ко мне навстречу. Что-то большое и тяжелое было у него в руках.

— Меня укусила змея, — сказал я.

И тут этот сукин сын Хицекия ударил меня по голове.

XV

Не знаю, угощали ли вас когда-нибудь разводным ключом по затылку. А в руках у Хицекии был именно разводной ключ. Если в какой-нибудь книге или в фильме кого-то бьют по голове разводным ключом, он теряет сознание, а придя в себя, чувствует легкое головокружение. И на этом неприятности заканчиваются.

Мне хотелось бы внести коррективы в эти неверные представления. Должен заметить, что череп, даже если он так прочен, как мой, является достаточно чувствительным местом.

Когда я открыл глаза, оказалось, что я сижу на стуле, а мои руки связаны за его спинкой, и каждая из ног прибинтована к ножкам стула.

Напротив сидела девушка и озабоченно смотрела на меня.

— Слава Богу! — прошептала она. — Я думала, что вы умерли.

Я увидел, что девушка тоже связана. На ней было белое хлопчатобумажное платье и замшевые лодочки. Эта высокая девушка, привязанная к маленькому стулу, была очень красива.

— У вас все в порядке? — спросила она.

— Дела идут, — тихо произнес я.

— Я — Анна, — сказала девушка.

— А я — Тони Митчел. Меня укусила змея.

— Знаю, — заметила девушка. — Но змея не ядовитая. Они говорили об этом. Один сказал, что змея сыграла им на руку. Но другой возразил, уточнив, что в округе нет ядовитых змей.

— Как болит голова! — пожаловался я.

— Вы кошмарно выглядите.

— Спасибо.

— Что с Филом?

— С Филом?

— Да. Разве вы не сказали?..

— Фил! — встряхнулся я. — Ради Бога, да ведь вы — Анна?

— Да.

— Простите.

— Ничего. Я боялась, что вы умерли. Вы так истекали кровью, когда они вас сюда принесли.

— И кто же принес?

— Один был низеньким и коренастым, а другой — высоким...

— Бартер и Хицекия, — пояснил я. — Звучит как название адвокатской конторы.

— Что с Филом?

— С ним все в порядке. О Господи, как болит череп! А ведь я должен был позвонить ему. Он очень беспокоится о вас. Скажите, где мы, собственно, находимся?

— В Дэвистауне.

— А где именно в Дэвистауне?

— В какой-то квартире. Хозяина зовут Джо.

— Джо Калисл?

— Не знаю. Они называли его только по имени.

— А как сюда попали вы?

— Поездом, а потом на такси.

— Когда?

— Сегодня утром.

— А сколько сейчас может быть времени?

— Почти полночь, — ответила Анна.

— В это время я должен был звонить Филу. — Подумав немного, я заинтересовался: — Так вас привезли сюда сегодня утром?

— Да. После того как высохло мое платье...

— Начните лучше с самого начала. С того момента, как вы получили номер.

— Я крепко спала. И проснулась после того, как они уже стояли у моей кровати. Их было двое. Один низенький и коренастый... Вы сказали, его фамилия Бартер?

— Да.

— Бартер и блондинка. Стефани. Они вытащили меня из постели и засунули в кузов грузовика, который вел этот длинный, Хицекия, кажется. Вот там-то я и испачкала свое платье кровью. По всей видимости, кровь была в кузове.

— И куда вас повезли?

— К Хицекии. Он живет вблизи мотеля. Мы добрались туда очень быстро.

— А потом?

— Потом они звонили. Звонила Стефани. Этому Джо, у которого мы сейчас находимся. Она сказала, чтобы он немедленно приезжал к Хеду. После того как разговор закончился, Бартер обратился к ней: «Ну хорошо, когда он приедет, ты снова вернешься в мотель, соберешь пару платьев и кое-какой багаж и пойдешь в ее номер».

Джо приехал приблизительно через полчаса. После этого они со Стефани уехали. Меня же связали и оставили в спальне. Бартер и Хицекия тоже выпли — у Хицекии что-то не ладилось с машиной.

— Так они оставили грузовик у Хицекии?

— Да.

— А вы ничего не видели в грузовике?

— Нет. А там еще что-то было?

— Не знаю. Что дальше?

— Они явились ко мне очень рано на следующее утро. Стефани увидела кровь на моем платье и выстирала его. Мы вынуждены были ждать, пока оно высохнет.

— И куда вы потом поехали?
— В Салливанс Корнер. Стефани посадила нас в свой «кадиллак».

— Нас?

— Ну да, меня и рыжеволосую. Бланш. На ней было кошмарное пурпурное платье. Стефани тоже была одета весьма вызывающе. Мы составляли интересное трио...

— Охотно верю. А что произошло потом?

— В городе мы остановились выпить кофе. У Бланш был пистолет. Она уверяла, что непременно выстрелит, если я решусь с кем-нибудь заговорить. Потом мы поехали на вокзал, и Стефани купила два билета до Дэвистауна. Мы сели с рыжеволосой в поезд. В Дэвистауне взяли такси и приехали сюда. Джо связал меня, а Бланш сказала, что снова поедет в Салливанс Корнер.

— Вы хоть представляете, почему вас здесь держат?

— Нет,— ответила Анна.— Но пока они не сделали мне ничего плохого. Я имею в виду...

— А не видели ли вы случайно девушку по имени Лу? — поинтересовался я.

— Нет.

— Так я и думал. А откуда вы узнали, кто я?

— Благодаря одному телефонному разговору, который произошел ранним вечером. Я слышала, как Джо переспросил: «Кто? Тони Митчел? Нет, я не знаю никакого Тони Митчела». Когда они внесли вас сюда... Да и Фил часто рассказывал о вас.

264 — Таким образом, причиной удара по голове был как раз этот телефонный звонок. Когда они увидели меня, им уже было известно, кто я такой.

— Но что здесь, собственно, происходит? Вы что-нибудь понимаете, Тони?

— У меня есть кое-какие предположения. Хотелось бы надеяться, что Фил воспринимает происходящее так же, как и я.

— Вы полагаете, что...

Внезапно открылась дверь, и вошли Стефани и ее муж. За ними стоял худой мужчина.

— Как ваша голова, детектив Митчел? — спросила Стефани.

— Пока еще покоится на плечах,— усмехнулся я.

— Хепу следовало бы действовать решительнее,— сказал Бартер.— Но мы не знали, что вы фараон, до тех пор, пока не ознакомились с содержимым вашего бумажника.

— И что же?

— Все зависит от того, как много вы успели узнать, Митчел.

— Я приехал сюда, чтобы помочь своему другу решить его проблемы. Пропала его девушка. Теперь я ее нашел.

— Не только ее, но и еще кое-что...

— Больше я ничего не вижу и не знаю. Итак, дайте нам уйти, а сами можете отправляться назад, к своему проклятому мотелю.

— Не переносу, когда ругаются,— вставила Стефани.

— К черту! Мне тоже не нравится, когда буквально разрывается голова...

— Думайте о том, что говорите,— сказал худой мужчина.

- Я думаю, что вы — Джо Калисл.
- Да, я — Джо.
- Вы сделали вчера вечером большую глупость. Можно назвать немало неприятностей, если...
- Если что? — перебила Стефани.

Я улыбнулся.

- Если все развалится в один прекрасный день.
- С меня достаточно, — вступил в разговор Бартер. — Вы заходите слишком далеко. Так что мы будем делать с этими гостями?

- Подождем двух других.
- А потом?
- Ну ты же знаешь, — ответила Стефани.
- Я не могу! — повысил голос Бартер. — И если только ты...
- Придержи язык!
- Ну нет! Черт возьми, почему, собственно, я должен молчать?

Внезапно Стефани сильно ударила его по лицу.

- Ах ты, дерьмовый слизняк! — прошипела она. — Ничтожество! Исчезни из этой комнаты! Я еще не забыла...

- Стеф, успокойся, — вмешался Калисл.
- Выставь-ка его отсюда, — приказала она.

Калисл взял Бартера за локоть и повел к двери.

- Вам не следует играть со мною, Митчел, — обратилась ко мне Стефани.

- А откуда вам известно, что я играл?
- И впредь не рекомендую! — отрубила она.
- Так когда начнется вечеринка? — поинтересовался я.
- Что касается вас, — ответила Стефани, — то она для вас уже закончилась.

- Кто же эти двое, кого мы ждем?
- Отгадайте.
- Я бы сказал, что это Фил Колби и человек по имени Симмс.
- Верно, — гордо подтвердила Стефани.

Вот только не знаю, гордилась ли она тем, что я отгадал ее замысел, или самим замыслом.

- Что же тогда будет? — спросил я.
- Попытайтесь-ка еще раз. Вы так хорошо умеете рассказывать различные истории.
- Вы просто убьете нас.

- Да.
- А почему?

Стефани не ответила. Ее рот скривился в тонкой улыбке.

- А не слишком ли много шума вы поднимаете из-за какого-то похищения? — поинтересовался я.

- Увы. На карту поставлено намного больше.
- И что бы это могло быть?
- Нечто, что может свести на нет полумиллионное дело.
- И кто вас разорит?
- Ну кто же еще? Ваша четверка.
- Вы скорее предпочтете убить нас, не так ли?

Стефани не ответила.

— Зря потратите силы и время,— продолжал я.— Лейтенант нашего отделения в курсе всей этой истории.

Собственно, он ничего не знал, но Стефани могла и не подозревать этого.

— Пусть приезжает,— сказала она.

— Он упрямый парень и непременно приедет.

— Да ради Бога! В результате ему придется заняться автокатастрофой.

— Чем?!

— Найдется машина, заехавшая в озеро или свалившаяся с обрыва. Машина с четырьмя пассажирами. Имеется в виду — с вами, с девушкой, Колби и Симмсом.

— Не пройдет,— заметил я.

— И все же придется рискнуть. Не отказываться же от того, над чем трудился всю свою жизнь... А, Митчел? Получив что-то, всегда за это цепляешься.

— У меня тоже есть кое-что, что мне весьма дорого.

— Что же это?

— Моя жизнь.

— Сейчас они пойдут искать тех двоих,— помолчав, сказала Стефани.— Не думаю, чтобы это было очень сложно.

— Не исключается, что будет несколько сложнее, чем в моем случае.

— Почему?

— Да потому, что ни одного из них не кусала змея.

Этим завершался доклад Тони Митчела.

Могу заверить, что, не дождавшись в ту полночь звонка Тони, я, естественно, забеспокоился и связался с Симмсом. Он сообщил мне, что Лу и рыжеволосая уехали в Дэвистаун. По описанию, данному Симмсу вокзальным служащим, рыженькой могла быть только Бланш.

Я же встретил Бланш около двух в ресторане. Даже если она действительно поехала утром в Дэвистаун, то ей пришлось поспешить, чтобы вернуться так быстро. И, очевидно, без Лу.

Симмс настаивал на том, чтобы мы прочесали городок и непременно разыскали Бланш. Я же попросил его подождать звонка Митчела и пообещал вернуться сразу же после разговора с ним.

В четверть первого в мою дверь постучали.

— Кто там?

— Коридорный, сэр,— ответил голос.

Я попался на один из самых древних трюков в мире и отпер дверь.

В коридоре стоял Текс Плэнетт со своими помощниками. Когда я видел Текса Плэнетта в последний раз, его пушка 45-го калибра покоилась в кобуре. Теперь он сжимал ее в правой руке.

— Возьмите-ка плащ, Колби,— приказал он.

— С какой стати?

— Мне хотелось бы поговорить с вами в офисе.

— Почему?

Плэнетт пожал плечами.

— Подозрение на взлом. Ну, как вам это нравится?

Я пошел к кровати, на которой лежал мой пиджак. Револьвер был во внутреннем кармане.

— Поосторожнее, Колби, — сказал Плэнетт и дал рукой знак одному из своих помощников. Тот взял мой пиджак, обыскал его и через пару секунд протянул револьвер Плэнетту.

— Вот теперь вы можете надеть его, — прокомментировал Плэнетт.

Когда я натянул пиджак, он спросил:

— Где ваш друг?

Вначале я подумал, что он имеет в виду Тони Митчела, и мое настроение несколько поднялось.

— Какой друг?

— Симмс. Мы только что из его комнаты. Там его нет.

— Я не знаю, где он.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся Плэнетт. — Мы его наверняка найдем.

Мы спустились к ожидающей нас полицейской машине и поехали в офис Плэнетта. Он провел меня в тюремное отделение, открыл одну из камер и запер меня в ней.

— Что, собственно, случилось, Плэнетт? — окликнул я его.

— А что могло случиться? Ничего не случилось, Колби.

— Так почему я здесь?

— Мы кое-кого ожидаем. Как только я позвоню, кое-кто забрет вас отсюда.

— Кто же?

Плэнетт усмехнулся.

— Все очень просто. Нам не хотелось бы иметь дело с прокурором штата. Нужно сохранить нынешнее положение вещей. Бывает и так, к сожалению, что какой-нибудь полицейский может все расстроить. Этого мы и хотим избежать.

— Что же произойдет со мной?

— Боюсь, вам придется умереть, Колби, — пояснил он.

— Только так?

— Только так. — Он снова усмехнулся. — Поверьте, против вас лично я ничего не имею. Но нам приходится защищаться. Я зарабатываю ровно 6000 долларов в год. Это немного. Мужчины нужны приработки.

— Я зарабатываю 5230 долларов в год, — заметил я, — и у меня нет никаких приработков.

Плэнетт пожал плечами.

— Умирать вам, не мне.

— И все это ради того, чтобы покрыть бордель? — с горечью спросил я.

— Нет, чтобы покрыть убийство, — ответил Плэнетт.

На сей раз он не улыбался. Дойдя до конца коридора, Текс открыл дверь и вышел, но тут же вернулся обратно. Я увидел, от кого он пьитится. Перед ним стоял Джонни Симмс с топором в руках. Симмс замахнулся и попал Плэнетту в шею. Плэнетт рухнул на пол, а Симмс нагнулся и снял с его пояса кольцо

с ключами. Когда он открыл дверь моей камеры, я заметил:

— Вы так могли и убить его.

— Не исключено, что я это уже сделал, — улыбнувшись, произнес Симмс. — Видели бы вы его помощников! Я застал их врасплох во время карточной игры.

— Откуда у вас топор?

— Из отеля. Я собирался навеститься к вам, когда увидел Плэнетта с его помощниками перед дверью. Понятно, что они забрали вас не для того, чтобы вы поиграли им на пианино.

— И где вы научились так виртуозно пользоваться топором?

— На флоте.

Я склонился над Плэнеттом и вытянул из-за пояса свой револьвер. Потом достал из его кобуры пистолет 45-го калибра и протянул его Симмсу.

— С этим каждый моряк наверняка умеет обращаться.

— Умеет, — подтвердил Симмс, беря оружие.

— Пошли.

Мы прошли через офис. У одного из помощников был великолепный расклад, когда Симмс помешал ему выиграть в покер. Оба помощника получили по огромной шишке на затылке и еще не пришли в себя.

— Моя машина стоит на улице вблизи отеля, — сказал я. — Нам следовало бы в первую очередь забрать ее.

— Куда мы едем? — спросил Симмс.

— К мотелю.

— Хорошо.

По дороге к мотелю мы практически не разговаривали. Когда приехали, вокруг стояла тьма — хоть выколи глаз. Я включил фары и направил их на дверь офиса. Затем взял пистолет, подошел к двери и постучал по ней рукояткой пистолета. Никто не подавал ни малейших признаков жизни.

Симмс тоже вышел из машины и посветил фонариком себе под ноги.

— Следы человека, — сказал он. — Ведут в лес.

Мы пошли по следам и вскоре увидели грузовик. Он стоял на просеке, окруженной высокими пиниями.

— Посмотрим, что там внутри, — предложил я.

Совместными усилиями мы отстегнули брезент в задней части грузовика, и я вскарабкался наверх.

В одном из углов кузова лежал мешок. Он был пуст, но влажен и заскорузл, а главное — окрашен в красный цвет. Кровь!

В свете фонарика что-то блеснуло. Я нагнулся. Металлическая лопата со сломанным черенком. К лопате прилипла мягкая земля, а на черенке виднелась засохшая кровь.

Я спрыгнул на землю и вернул фонарик Симмсу.

— Можете выбросить его.

— Почему? — Он пытался разглядеть в темноте выражение моего лица. — Что вы там нашли, Фил?

— Кровь.

— Что?!

— И еще лопату, которой пользовались совсем недавно. Кто-то умер, Джонни, и кого-то закопали.

— Кого же?
— Не знаю.
— Это не может быть Лу. Она же поехала в Дэвистаун. Она...
— Нет, — подтвердил я. — Это не Лу.
— Тогда... — Симмс замолчал, и мы пошли вдоль дороги.
— Бросай пушки! — неожиданно прозвучал чей-то голос.
Я прирос к месту и автоматически поднял свой 38-й.
— Я же сказал, бросьте пушки! У меня палец на курке.
Он стоял посреди дороги, гигант в красной рубашке и брюках землистого цвета. Хицекия.

— Бросай-ка, Колби, — повторил он. — И ты тоже, Симмс.
Я позволил выскользнуть моему 38-му и услышал, как рядом упал 45-й Симмса.

— Подтолкните-ка игрушки сюда, — потребовал Хицекия, — и подойдите поближе один к другому.

Симмс, подбоченившись, подошел ко мне.

— Что, нашли грузовик? — спросил Хицекия.

— Да.

— И то, что было внутри?

— А что там должно было быть, Хеэ? — поинтересовался я.

— Мешок, в котором мы ее несли. А также лопата, которой мы ее закапывали.

— Угу. Мы нашли все это, — подтвердил я.

— Они сказали, что я должен найти тебя, Колби. Я подумал, что ты обязательно притащишься сюда, чтобы посмотреть на своего друга из полиции. И я оказался прав.

Известие, что Митчел был у них, почти обрадовало меня.

— Да, ты оказался прав. Но у тебя еще есть шанс выкарабкаться.

— Серьезно? Несмотря на то, что девушка мертва и захоронена?

— Но ведь не ты же убил ее. Или?..

— Конечно, не я. Я же не дурак. Девушка мертва, и никто не узнает, что мы сделали.

— Кто она? — перебил я Хеца. — О какой девушке ты говоришь?

— Кто? Ну, эта потаскушка, — ответил Хицекия. — Лу. Кто же еще?

Внезапно рядом со мною раздался хрип, и затем — тишина. Мертвая тишина. В этот момент я вспомнил о Симмсе, но было уже слишком поздно. Я успел лишь заметить, как Симмс прыгнул на Хеца, и тут же раздался выстрел.

Фонарик упал на землю, покатился и остался лежать, освещая участок дороги. Хеэ ругнулся и собрался снова выстрелить, но тут руки Симмса замкнулись на его горле.

Я попытался помочь Симмсу, но Хеэ успел двинуть меня коленом в живот. Я закричал от боли и опрокинулся навзничь. До меня доносился голос Симмса:

— Ах ты, сукин сын, ты, проклятый сукин сын!

Его руки не выпускали горла Хицекии. Пистолет вывалился из рук Хеца, а левая рука исчезла в кармане. Я знал, что сейчас он вытащит Смит-и-Вессон, и действительно увидел пистолет.

Хецу потребовалось около четырех секунд, чтобы снять его с предохранителя. Затем последовал выстрел, и тело Симмса содрогнулось от пули, вонзившейся в него. Но Симмс так и не отпустил горла Хицекии.

Подняв пистолет выше, Хицекия направил ствол на голову Симмса. Я же ничего не мог поделать, парализованный болью и невыносимой слабостью, граничащей с обмороком.

Джонни Симмс продолжал крепко сжимать горло Хицекии. И каждый раз, когда Хеэ собирался произвести смертельный выстрел, он бросал его тяжелое тело на землю. Наконец пистолет выпал из руки Хеэ. Пальцы Симмса судорожно сжались вокруг шеи противника. Хицекия в последний раз предпринял попытку освободить свою шею от железной хватки пальцев Джонни Симмса, но тот не ослаблял усилий. По телу Хицекии прошла судорога. Сотрясалось все — начиная с волос и кончая пальцами ног. Внезапно он успокоился и остался лежать неподвижно.

— Достаточно, Джонни, достаточно же, — произнес я.

Но Джонни Симмс не реагировал. Его пальцы все так же крепко сжимали горло Хицекии. Увы, он был мертв.

Я подобрал пистолет 38-го калибра, выпавший из руки Хицекии.

Итак, он сказал, что убитая девушка — Лу. В таком случае девушка, которая сегодня утром отъехала в Дэвистаун, была Анна Грэфтон. Но где она могла сейчас находиться?

Я знал, что есть человек, которому это известно.

Я положил пистолет в карман брюк и побежал к машине. С озера дул холодный ветер, обещавший в ближайшее время дождь. Я бросился на сиденье, завел двигатель, поудобнее устроился за рулем и начал спускаться по ухабистой дороге со скоростью не менее 60 миль в час. Через некоторое время я услышал вой сирены, но, несмотря на это, продолжал ехать на предельной скорости. Меня подгоняла мысль о том, что Анна в опасности.

— К обочине! — крикнул подъехавший на мотоцикле патрульный полицейский.

— Ты плохо меня знаешь! — прокричал я в ответ.

Он вынул пистолет из кобуры и предупредил:

— Стреляю при счете три!

Я ударил по тормозам, и машина с визгом и скрежетом остановилась. Мотоцикл остановился рядом. Когда Фред соскочил с сиденья, я держал в руке пистолет и целился ему в голову. Мы смотрели друг на друга буквально через стволы наших пистолетов.

И тут внезапно хлынул ливень. Капли были большими и тяжелыми. А мы продолжали стоять с направленными друг на друга пушками.

— Ты окончательно спятил, — попытался перекричать Фред раскаты грома. — Почему не смотался, когда еще была возможность?

— Ну, смотаться-то я могу и сейчас, — ответил я. — Вот чего

бы мне не хотелось, так это длительных дебатов, Фред. Так что либо ты разворачиваешь свой мотоцикл и едешь в обратном направлении, либо я вынужден буду нажать на спуск.

— Проклятый идиот! Неужели ты действительно полагаешь, что сумеешь справиться со всеми нами? Неужели ты думаешь... Я выстрелил, и Фред упал прямо на мостовую.

Я снова устроился за рулем и поехал дальше, даже не взглянув на дело своих рук.

Дождь хлестал по ветровому стеклу, капли стекали по сиденью.

Я чуть было не проехал мимо деревянной хибары Хэнди. Моя правая нога ударила по тормозам. Заблокированные колеса перестали вращаться, и машина пошла юзом по мокрой дороге. Я выскочил из нее и, подойдя к дверям, ударил по ним рукояткой пистолета.

— Кто там? — раздался голос Хэнди.

— Колби. Открывайте!

— Секунду, секундочку.

Наконец двери открылись, и на пороге появился Хэнди в пижаме, поверх которой был накинут халат.

— Где Анна Грэфтон? — спросил я, приставив пушку к его животу.

— Вы что, сдвинулись? — поинтересовался Хэнди. — Вытаскивать меня в такое время из постели! Да еще играть пушкой, как будто бы...

Я втолкнул его в комнату и захлопнул за собою дверь.

— Где Анна?

— Откуда мне знать, черт возьми...

— Из этой пушки уже застрелены двое, Хэнди. Один мертв, второй валяется на дороге. Неужели вам хочется быть третьим?

— Не нужно угрожать, Колби, — спокойно произнес Хэнди. — Пушкой меня не испугаешь.

— Чем же вас можно напугать, Хэнди? Учтите, я весь на взводе. Так где Анна Грэфтон?

— Не знаю, — упрямо повторил он и повернулся ко мне спиной.

— Вам это точно известно, идиот бесхребетный! Вы в курсе всех событий с самого начала! Так где же она?

Глаза Хэнди яростно блеснули.

— Нельзя плыть против течения, Колби! Только дурак может позволить роскошь бороться с течением!

— Это против какого течения? Вы о шерифе и паре его помощников? О патрульном полицейском с одной извилиной и мотоциклом? О парочке, управляющей борделем? И это вы называете течением, с которым нельзя бороться?

— Не имеет значения, насколько силен поток, достаточно того, что у него в городе власть.

— И перед ними вы трясетесь? А мне говорили, что прежде вы были отважным человеком, Хэнди. Что же с вами случилось? Неужели вы так сильно заинтересованы в регулярно поступающих отчислениях за подстраховку?

— Мне не нужны деньги. Я не хочу...

— Ну ладно, Хэнди. Послушайте-ка, что я вам скажу. Мне известно, что убита девушка по имени Лу. Я знаю, что Бартер и Хицекия где-то захоронили ее. Мне известно также, что сегодня утром отвезли в Дэвистаун Анну. И мне известны причины этого похищения.

— Они обещали отпустить ее,— попытался заверить меня Хэнди.

— Точно? — с горечью заметил я.— А как вы объясните следующее? Один из моих друзей, тоже полицейский, ранним утром поехал в мотель. От Хицекии мне известно, что его избили. Теперь он в их руках. И вы действительно полагаете, что они обоих отпустят? Черт возьми, Хэнди, здесь попахивает очередными убийствами! Где они?

— Не знаю.— Хэнди медлил.— Вы видели Хицекию сегодня вечером?

— Он мертв. Его убил некий Джонни Симмс, узнав о том, что случилось с Лу. Он хотел жениться на ней, Хэнди. Так где же они?

Хэнди глубоко вздохнул.

— У Джо Калисла, в Дэвистауне. Я отвезу вас туда, Колби. Только быстренько переоденусь.

Хэнди прошел в соседнюю комнату. Когда он вернулся, на нем уже был плащ английского покроя. Под мышкой торчало старое шерстяное одеяло.

Мы сели в машину.

— Когда-нибудь настоящий мужчина должен снова начать творить добро, помогая справедливости,— произнес Хэнди, как бы размышляя вслух.

— Если только он настоящий мужчина,¹ — подтвердил я.— Куда теперь?

— Нужно проехать через Салливанс Корнер.

— И сколько ехать?

— Около получаса. Будьте осторожны в Салливанс Корнере. Нам ни к чему неприятности с Плэнеттом.

— Плэнетт вышел из игры. Фред тоже. Так что поток иссякает понемногу, Хэнди.

— Я этого не знал.

Свернув направо, я прибавил газ.

— Что происходит в мотеле? — спросил я.

— Обычный бордель, но выгодное дело. Оно было выгодным еще до того, как Бартер женился на Стефани. Годовой доход в полмиллиона — это вам не шутка.

— Действительно не шутка.

— Такой гешефт нуждается в подстраховке. А наш прокурор штата объявил крестовый поход против безнравственности. Естественно, он был вынужден переложить организацию борьбы на местных служащих. Кто не хотел сталкиваться с законом, должен был сделать все, чтобы закон закрывал глаза на некоторые вещи. Об этом заботилась Стефани. Мне неизвестно, с кого она начала, кто первым проглотил наживку. Возможно, это был Фред — купить его можно по дешевке. Не исключено, что и Плэнетт. Да и я... не очень-то сильно упирался.

— Что было потом?

— Поймите Стефани. Она забавная девушка. Ей хочется иметь буквально все. И она превращает... проституцию в фантастическое дело.

— Как она попала к Бартеру?

— Ей нужен был капитал, а Бартер в состоянии ей его дать. Она вышла за него замуж, как только выяснила, что у него много денег и, что особенно важно, земельный участок у озера. Кроме того, у него уже было дело, в котором она великолепно разбиралась, и она четко себе представляла, как его можно расширить, чтобы оно приносило больше денег. Ей везло. В этом ей следует отдать должное.

— Я очень хотел бы знать, что произошло вечером 3 июня.

— К этому как раз и подхожу. Видите ли, чтобы понять случившееся, нужно знать Стефани. Мне еще не приходилось слышать, чтобы она не сдержала данное ею слово, не выполнила взятое на себя обязательство. Жизнь у нее была не сахар, но красивые девушки только хорошеют от ударов судьбы. Она же — само очарование. И нужно полагать, что мужчина вроде Бартера... ну да... Во всяком случае, он должен быть достаточно счастлив. Не так ли?

— Наверное.

— Но вчера вечером... кое-что случилось.

— Что именно?

— Эта девушка, Лу, была в номере 11. Бартер вышел, чтобы немного прогуляться. А Стефани оставалась в офисе одна. По всей видимости, она слушала пластинки, как вдруг раздался жуткий крик.

— Крик?

— Да. Вначале она позвала Бартера, но потом до нее дошло, что она в квартире одна.

— И в котором часу это случилось?

— Что-то около восьми. Уже стемнело, если я точно запомнил. Поймите, меня же там не было. Стефани рассказала об этом позже, по телефону.

— Продолжайте.

— У Стефани есть пистолет. Ей он просто необходим. Сами понимаете, красивая женщина... на вершине... Одним словом, она взяла пистолет и вышла. Крик доносился из номера 11. Стефани знала, что девушка там находилась одна, и решила, что, по всей видимости, в домик проник какой-нибудь зверек. Она вошла в номер. — Хэнди тяжело вздохнул. — И это действительно был зверь. Зверь по имени Майк Бартер.

— Вот как?

— Стефани увидела, что он борется с девушкой. Забавные эти проститутки, Колби. Лу оборонялась как тигрица. А Стефани стояла у порога с пистолетом в руке. Не желая того, она неожиданно выстрелила и... убила девушку.

— Почему?

— Вероятно, она хотела убить Бартера. А может быть, гнев женщины всегда подсознательно направляется на другую жен-

щину. Увидев, что девушка упала, Стефани собралась выбежать из номера, но Бартер ее удержал. Подняв пистолет, он спрятал его в карман. Затем оттащил тело в смежную комнатку.

— И что же пришло ему на ум?

— Он заехал за Хицкеией, и они отнесли тело в грузовик, прикрыв труп старым мешком. Потом отъехали и оставили грузовик в лесу. В принципе они охотнее всего закопали бы ее в любом месте, но им не хотелось делать это на своем земельном участке. Поэтому они вернулись в офис. В это время подъехали вы с девушкой. Бартер ни за что не сдал бы вам номер, не будь с вами девушки. Он способен быстро принимать решения и уже знал, что надо делать. Лу была высокой брюнеткой. Ваша девушка также была высокой интересной брюнеткой. Лу мало кто знал в городе, так как большую часть времени она проводила в своем номере в мотеле. Но Бартер понимал, что рано или поздно кто-нибудь поинтересуется судьбой Лу. Девушки так просто не исчезают. Ему меньше всего хотелось видеть у себя следователей, что привело бы к большим неприятностям. А неприятности при сложившихся обстоятельствах означали конец так хорошо налаженного дела.

— Дальше мне уже все известно, — прервал я Хэнди.

— Да?

— Да. Пока я был под душем, Бартер объяснил супруге и Хэцу свой план. Они вытащили Анну из номера, вывели грузовик из леса и уехали, чтобы провести ночь за пределами мотеля. А на следующее утро Стефани подготовила запоминающийся своей броскостью отъезд. Чего стоит одна Бланш — она неизменно привлекает к себе внимание. И все трое — Анна, Бланш и Стефани — поехали в город. Бланш известна всем как проститутка. Стефани тоже достаточно хорошо знают в городе. Так что люди автоматически отметят, что с ними была и третья девушка. И если позднее кто-то спросит о Лу, можно будет спокойно сказать, что она уехала из города. Ведь многие ее видели...

— Да. Но они действительно предполагали отпустить Анну.

— Вполне может быть, что вначале это и предполагалось. Но, после того как они узнали, что я полицейский, и представили себе все возможные последствия, могли ли они просто отпустить ее? Черт возьми, Хэнди... ведь в данный момент она, может быть, уже мертва!

— Я... я не могу в это поверить. — Судья бросил взгляд вперед. — Мы подъезжаем к Дэвистауну. Осталось совсем немного.

Дождь прекратился, и я выключил «дворники».

— Как давно вы ее любите? — спросил я.

— Кого?

— Стефани.

Ответ последовал без промедления:

— С первого дня, как только ее увидел.

— А почему теперь вы везете меня к ней?

Хэнди задумался.

— Знаете, прежде я был неплохим адвокатом, Колби, и счи-

тался неплохим мировым судьей. Так что я верю в закон.

— И что же?

— Стефани убила человека. — Помедлив, он тихо произнес: — Могу себе представить, что жертву тоже кто-то любил.

Мы ехали через Дэвистаун до тех пор, пока по команде Хэнди я не свернул к трехэтажному дому.

В квартире на третьем этаже горел свет, в то время как в других квартирах дома жильцы, очевидно, уже давно спали, о чем свидетельствовали темные глазницы окон.

— Какой номер у этой квартиры? — поинтересовался я.

— Не знаю, — ответил Хэнди. — Но жильца зовут Джо Калисл.

— Вы подождете здесь.

— Будьте осторожны, — предупредил он.

На улице царили покой и тишина. В подъезде я бросил взгляд на почтовые ящики. Фамилия Калисла красовалась на ящике квартиры № 33. Я буквально взлетел по лестнице вверх и позвонил, предварительно сняв пушку с предохранителя.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Хицекия, — прошептал я.

— Подожди.

Я слышал, как она возится с дверными затворами. Затем дверь приоткрылась, и я заметил выражение ужаса в ее глазах.

Она попыталась вновь захлопнуть дверь, но я успел толкнуть ее. От толчка Стефани отлетела назад, споткнулась и рухнула на пол.

Бартер и Калисл выбежали из комнаты. При виде меня на их лицах появилось выражение, которое можно наблюдать у детей, захваченных врасплох за поеданием запретных сладостей.

— И кто вам сказал, что мы здесь? — спросила Стефани, еще не пришедшая в себя от потрясения.

— Не имеет значения, — заметил я. — Встаньте!

Она посмотрела на меня полными слез глазами и прокричала:

— Ах ты свинья, проклятая свинья!

Вот так обстояли дела.

XVIII

В помещении 23-го отделения было тихо. Июльское жаркое солнце пробивалось через жалюзи окон, смотрящих на улицу. Тони Митчел и Сэм Томпсон сидели за одним из письменных столов. Перед ними стояло по кофейнику.

— Всегда можно отличить мужественного героя-полицейского от обычного фараона, — сказал Томпсон.

— Да что ты? — рассмеялся Митчел.

— Конечно же. Вот, например, ты — явно полицейский с героическими задатками. Это сразу видно.

— В чем же, позволь полюбопытствовать?

— Все очень просто. За все годы, которые я провел в полиции и в армии, мне не приходилось встречать ни одного полицейского или солдата, которого бы кусала змея. Так что ты единственный в своем роде.

— Знаешь, я ведь тоже не встречал...

— И это подтверждает мой взгляд на вещи. Ты — бесценный экземпляр. Да, Тони, ты — герой.

— А что скажешь о Филе? В конце концов ведь именно он проделал большую часть работы.

— Нет, Тони, не тот, кто делает основную работу, является героем! Нет. Тот, кто получает по затылку, в конечном счете всегда является героем. Ты только посмотри на себя! Повязка на ноге, забинтованная голова. Твоей супруге следовало бы прикончить тебя из чистого сострадания, чтобы ты не мучился!

— Каждое утро я получаю завтрак в постель.

— Уже разжеванный?

— Это еще предстоит. Хотя нет, — печально посетовал Митчел. — Завтра мою голову разбинтуют.

— Герой! — вскричал Томпсон. — Поглядите-ка на него! Бесстрашен и самоотвержен! Честен! Пример для подражания!

Фил Колби вошел в комнату и плюхнулся на стул, вытянув с наслаждением ноги.

— У вас не осталось кофе? — поинтересовался он.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Томпсон. — Разве слушание уже завершилось?

— Завершилось, — подтвердил Колби. — Так у вас есть еще кофе?

— За стенкой О'Хара варит очередной кофейник. Хочешь чашечку?

— Да.

— О'Хара! — прокричал Томпсон. — Чашечку кофе для вернувшегося героя!

— А что случилось? — спросил Митчел.

— Прошло предложение прокурора штата. И в зале суда было ой как жарко!

— Именно поэтому я и предоставил тебе приятную возможность отправиться туда одному, — засмеялся Митчел.

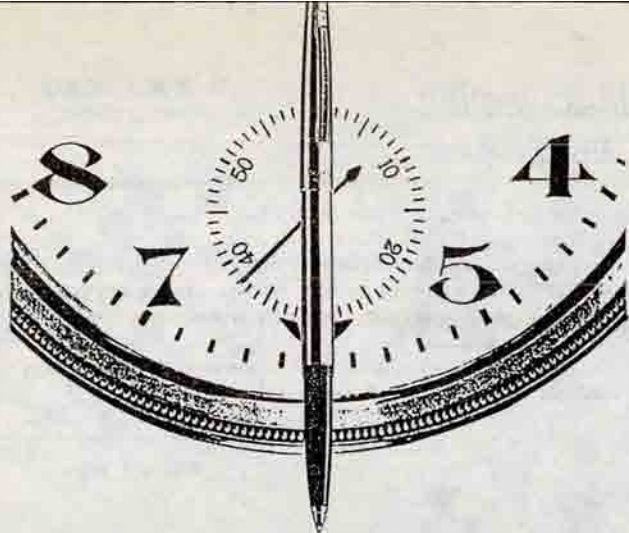
— Усталый воин, — прокомментировал Колби.

В комнату вошел О'Хара. Рукава его рубашки были засучены до локтей. В одной руке он нес кофейник, а в другой — две чашки.

— Как дела у наших звезд-свидетелей? Что новенького? — спросил О'Хара.

— Какие тебе еще нужны новости? — поинтересовался Колби и с удовольствием отхлебнул кофе.

**Перевод с английского
ЛЕОНИДА МАТЮХИНА.**

ВНИМАНИЮ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Реклама в «СМЕНЕ» —

ВАШ

ДОЛГОВРЕМЕННЫЙ УСПЕХ!

Вашу рекламу увидят миллионы в нашей стране и за рубежом. Каждый номер наши читатели не только передают из рук в руки, но и бережно хранят. Ярко, выразительно оформленная талантливыми художниками,

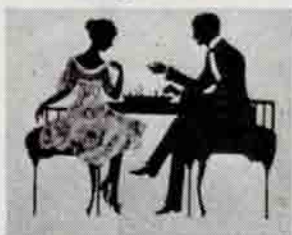
реклама в «СМЕНЕ»

ВЫГОДНА И НАДЕЖНА

Об условиях вы можете узнать, написав по адресу:
101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14,
редакция журнала «Смена», —
или позвонив по телефонам: 250-49-98, 212-15-07.

*Редакция приглашает к сотрудничеству
рекламных агентов.*

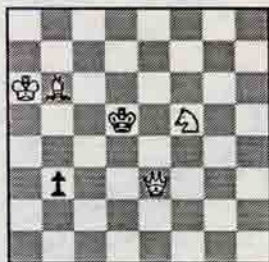
Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

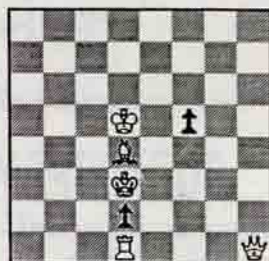
Продолжаем публикацию оригинальных композиций, присланных на III международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр. Конкурс проводится по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы. Принять участие в конкурсе могут все желающие. Обращаем внимание наших читателей, что срок присылки композиций истекает 1 сентября. Задачи, присланные позднее, примут участие в конкурсе «Смены» 1995 года.

49. В. ЖЕЛТОНОЖКО
Екатеринбург

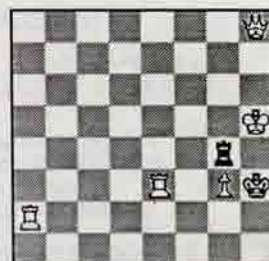
Мат в 2 хода

50. Ю. ЛУБКИН
Москва

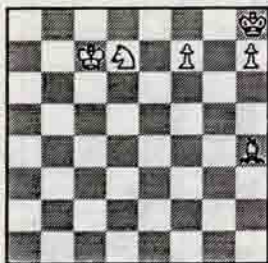
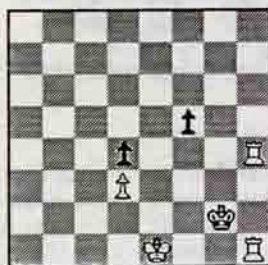
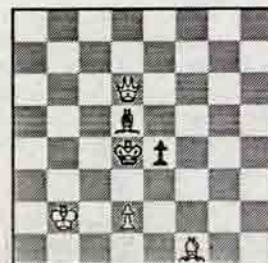
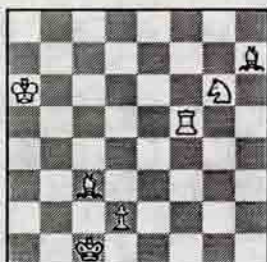
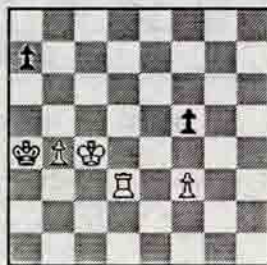
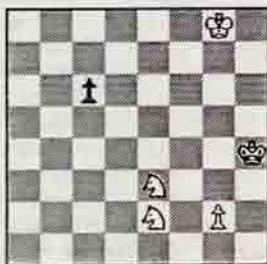

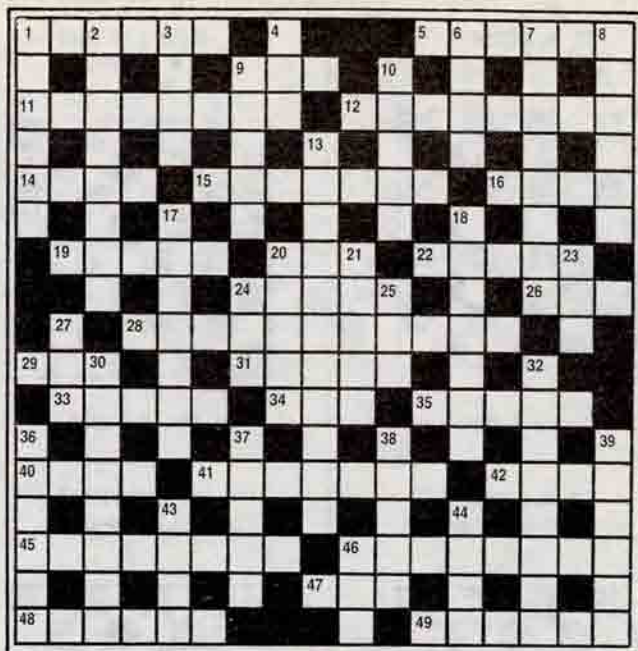
Мат в 2 хода

51. Н. ЗИНОВЬЕВ
г. Усть-Каменогорск
Казахстан

Мат в 2 хода

52. В. АНТИПОВ*г. Боровичи***Мат в 3 хода****53. В. ИВАНОВ***п. Повенец Карелия***Мат в 3 хода****54. В. ЖУПИКОВ***г. Люберцы
Московской обл.***Мат в 3 хода****55. В. КОЖАКИН****и О. САКС***Магадан***Мат в 3 хода****56. С. РАДЧЕНКО***Ростов-на-Дону***Мат в 4 хода****57. В. АНТИПОВ***г. Боровичи***Мат в 5 ходов**

1. Самая большая река Дании. 5. Средства и устройства в театре, создающие иллюзию, воспроизводящие то или иное явление. 9. Рекламный текст В. Маяковского: «Нами оставляются от старого мира только — папирсы...». 11. Шотландский архитектор и дизайнер, один из родоначальников стиля «модерн». 12. Наука, ставшая таковой в результате работ Ф. Вёлера. 14. Дальневосточное название тигра. 15. Старое русское название крючкотворства, сутяжничества (например, в рассказе И. Тургенева «Однодворец Овсяников»). 16. Пассажиры, названные в стихотворении В. Маяковского «Христофор Колумб» наряду с доннами и сеньорами. 19. Продукция фабрики, где работает Кармен (в опере Ж. Бизе). 20. Сотая часть корейской вонь. 22. Аквариумная рыбка. Стая при вожаке строго придерживается «табели о рангах». 24. Собирательное мусульманское название смычковых инструментов. 26. В числе прочего помещица Ларина в «Евгении Онегине» А. Пушкина «брила...», то есть отдавала крестьян в рекруты. 28. Система мер в цирке, одно из средств которого — лонжа. 29. Писатель, пославший рекордное число писем — двести пятьдесят тысяч. 31. Единственная книга, которую признавал Омар, древний завоеватель Александрии. 33. Указать на... — попросить удалиться.

34. Злодей, изменник в старину. 35. Английский писатель, творивший под маской «смеющегося философа». 40. Полевая картина «певца лесного царства». 41. «Ковер крови» у арабов в средние века (его приносил палач, чтобы совершить казнь во дворце халифа). 42. Среднеазиатский поэт, написавший тюркское «Шахнаме» — поэму «Благодатное знание». 45. Поэт и переводчик, о котором еще Н. Гумилев писал в «Письмах о русской поэзии». 46. Эпос из пятидесяти рун. 47. Сорок квадратных родов в английской системе мер. 48. Симфоническая поэма, на которую Листа вдохновил Шиллер. 49. «Железные котурны» конца средних веков.

По вертикали.

1. Восточная гробница с куполом. 2. Животное, приемная дочь Цагна, главной фигуры в бушменском фольклоре. 3. Сумма октавы и секунды. 4. Большой гвоздь с зубринами. 6. Самовосхваление, которое перед боем в поэтическом состязании произносил бедуинский воин. 7. Имя, под которым, по пророчеству Исайи, должен был родиться Иисус Христос. 8. Процесс, роднящий воск, лед, сахар. 9. Друг Геракла, победивший на его лошадях на Олимпийских играх. 10. Главное течение, противостоявшее суннитскому богословию в средние века. 13. «Главный атаман и походный полковник» Е. Пугачева. 17. Зверь, известный в старину как пардус. 18. Один из самых популярных артистов немого кино благодаря редкой красоте, гигантскому росту и физической силе. До кино под настоящим именем Б. Пагано работал грузчиком в порту Генуи. 20. Писатель, ловивший однажды шляпой, по свидетельству М. Горького, солнечный луч. 21. Прибыль. 23. «Текущее море» Сибири. 24. «Политика, как..., разъедает поэзию» (С. Дали). 25. Наместник короля Хорватии до 1921 года. 27. Самый тяжелый, не считая астата, галоген. 30. «... к женщине — вот самое верное доказательство цивилизованности страны» (Ф. Купер «Шпион»). 32. Материал, в гробу из которого покоится Энрико Карузо. 36. Медведь, больше всего любящий борщевик. 37. Жанр древнерусской литературы. 38. Способ охоты окружением зверя. 39. Денежная единица. 43. Судья, герой сценки «Ночь» из «Четырех времен дня» У. Хогарта. 44. Родина античных философов, по А. Лосеву. 46. Приятель, покровительствующий продвижению по службе, радетель.

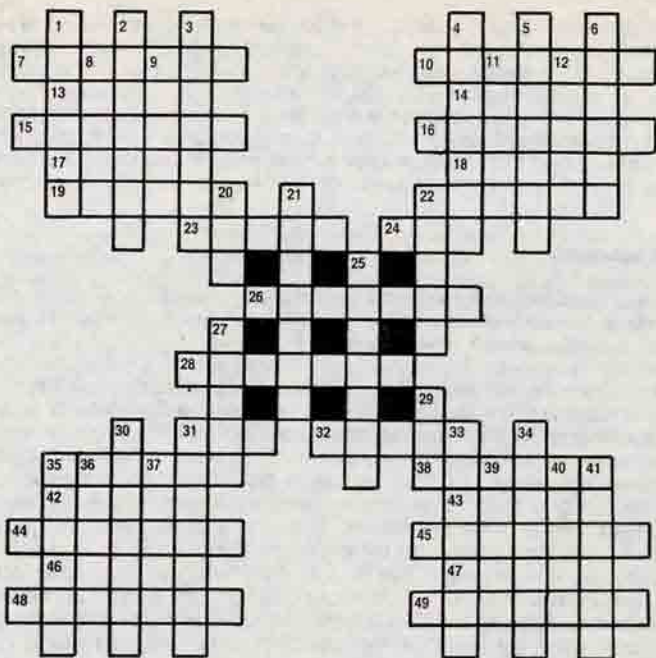
**ОТВЕТЫ
НА
«ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 5**

По горизонтали.

3. Джазист. 8. Кроль. 9. Лоран. 11. Известь. 12. Буна. 14. Унция. 15. Арбуз. 16. Шикша. 22. Реомюр. 23. Шильпакара. 25. Туга. 26. Предмет. 27. Вейц. 30. Карбанова. 31. Матисс. 34. Цыган. 35. Пампа. 38. Хедив. 40. Исав. 41. Ядерщик. 42. Этика. 43. Юрюнг... 44. Лягушка.

По вертикали.

1. Труба. 2. Елена. 4. Жузгун. 5. Змея. 6. Сутсильвен. 7. Чагин. 10. ...ойна. 13. Армюр. 14. Ушнан. 17. Гретцки. 18. Болгары. 19. Миндовг. 20. ...падение. 21. Нарцисс. 24. Гренландия. 28. «Обрыв». 29. Хаппи. 32. Маниок. 33. Нефть. 34. Цинк (латунь). 36. ...Астра... 37. Рвань. 39. Фрау.

КРОССВОРД
Составил
А. ЯДЫКИН,
Климовск
Московской
области

По горизонтали.

7. Ружье, из которого, по преданию, Бенвенуто Челлини застрелил коннетабля Бурбона при обороне Рима в 1527 году. 10. Пролит. В него, по легенде, бросился Аристотель, не сумев разгадать, почему вода в нем течет то в одну, то в другую сторону. 13. Хранилище новогоднего подарка Санта Клауса. 14. Гора в Красноярском крае с единственным в мире памятником метеориту. 15. Воинское звание. 16. Невоспитанность. 17. Персонаж рассказа А. Куприна «Серебряный волк». 18. Афинский оратор Лисий по социальному положению. 19. Жительница республики, где поклонялись волку. 22. Похожий на мандолину музыкальный инструмент. 23. Самоцвет, который Карл Смелый носил в шлеме. 24. Каждая из одиннадцати персонажей «Спящей красавицы» П. Чайковского. 26. Один из самых тяжелых цветов. 28. Резной камень. 31. Английский радиотехник, показавший, как рассчитывать емкость длинноволновых антенн. 32. «Снежный» месяц французского республиканского календаря. 35. Герой в сказке А. Пушкина, написанной в творческом соревновании с В. Жуковским. 38. Лекарственный отвар. 42. Американский луноход. 43. Французский актер, организовавший Авиньонские фестивали. 44. Способ приготовления пищи. 45. Ветер, упоминаемый в поэме М. Лермонтова «Джюлио». 46. Черпаковый подъемник. 47. Кавказское озеро, где водится форель шихан. 48. Город на полуострове Босо в Японии. 49. Полотенце.

По вертикали.

1. Пловчиха, участница «сокрушительного советского трио» на Олимпиаде в Монреале. 2. Гаитянский зверь, способный умереть от собственного яда. 3. Жук, обгрызающий цветы и листья плодовых деревьев. 4. Спутница Афродиты, олицетворение законности. 5. «Родственница» мангуста, любящая кофе. 6. Белее снега, чернее сажи, выше дома, ниже травы (загадка). 8. Друг, приятель на Кавказе. 9. Соль одной из кислот. 11. Венгерский живописец. 12. Батюшка... бока наши повытер (поговорка). 20. Отряд конницы в римской армии. 21. Человек, увенчанный лавровым венком. 22. Созвездие, не заходящее на нашем небе. 25. Каждое из трех сословных объединений купцов на Руси. 27. Союз. 29. Дно топки, устья печи. 30. Представитель союза славянских племен, участвовавших в царьградских походах Олега и Игоря. 31. Излюбленный стихотворный размер греческих лириков. 33. Древнегреческий живописец, столь искусно изобразивший виноград, что воробьи слетелись клевать ягоды. 34. Страна, где погиб Че Гевара. 35. Дерево, плод которого в Турции невеста после свадебного обряда бросала оземь. Число вылетевших семян предвещало число детей. 36. Механический «осел», впервые исследованный в школе Аристотеля. 37. Город в Испании с уникальным памятником местному климату. 39. Военный головной убор. В России дольше всего сохранялся в Павловском полку и лейб-гвардии. 40. Морской зверь с непропорционально большим сердцем. 41. Роман О. Гончара.

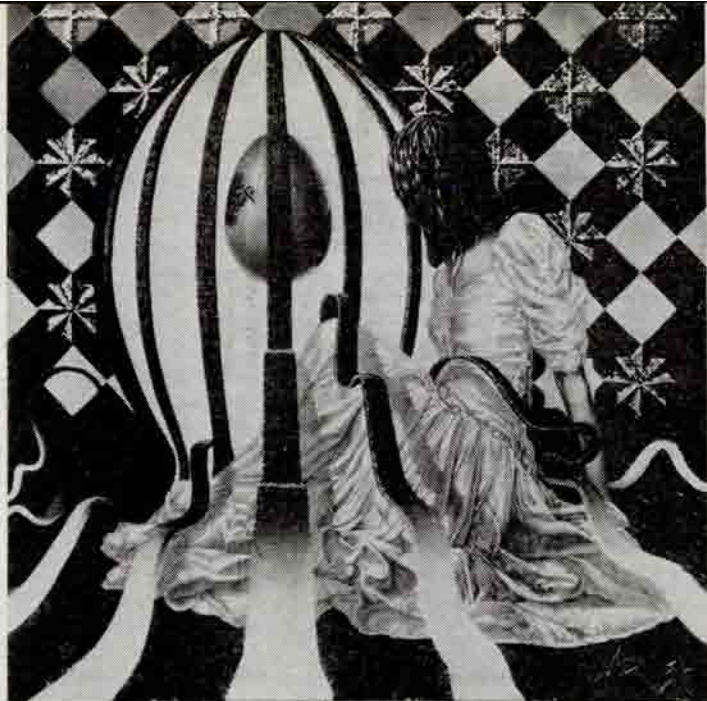
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали.

1. Хаширов. 5. «Элгуджа». 8. Еврипид. 12. Мародер. 13. Кулемка. 14. Застава. 15. ...Дачники... 16. Анафема. 17. Лансере. 18. Ниагара. 22. Урядник. 26. Баламан. 30. Аполлодор. 31. Ледебур. 32. Уистлер. 33. Ерла. 34. Союз. 35. Рангоут. 37. Жиронда. 38. Тускарора. 39. Джимара. 43. Кинталь. 47. Каландр. 51. Денежка. 52. Ортопед. 53. Реполов. 54. Чуринга. 55. Никелин. 56. ...критики. 57. Волчица. 58. Циновка. 59. Статика.

По вертикали.

1. Хамадан. 2. Шерочка. 3. Реднина. 4. Верзила. 5. Эсквайр. 6. Голиард. 7. Домреми. 9. Росянка. 10. Планета. 11. Диадема. 19. Изоглосса. 20. Галл. 21. Радиозонд. 22. Углерод. 23. Ярданги. 24. Нобеока. 25. Каретта. 26. Брузжак. 27. Люстрин. 28. Мелинда. 29. ...нормаль... 36. Фара. 40. Жидачов. 41. Мандрил. 42. Рижанки. 44. Истукан. 45. Туполев. 46. Лядунка. 47. Каракас. 48. Лепнина. 49. Нилгири. 50. Ровница.

КОНСТАНТИН ХУДЯКОВ. Синдром открытия.

Когда-то, лет двадцать назад, в Москве среди почитателей «неофициального искусства» были необычайно популярны выставки группы «20 московских художников», проходившие на Малой Грузинской. Тогда они казались чуть ли не единственным очагом свободы и вызывали раздражение у тех, кто ограничивал современное искусство рамками социалистического реализма. Попасть в небольшой подвальный дом 28 было непросто, приходилось стоять несколько часов в очереди. Особое внимание на выставках привлекали работы Константина Худякова. Они были настолько необычны и загадочны, что перед ними надолго останавливались, бурно обсуждали замысел художника, спорили.

Теперь Константин Худяков известен у нас и за рубежом. И не только как художник, но и как общественный деятель. Он предсе-

датель правления независимой художественной галереи «МАРС», поставившей цель создать в Москве Музей современного искусства.

— Я знаю, что вы закончили архитектурный институт. Как же получилось, что архитектура отошла на второй план, а делом всей вашей жизни стала живопись?

— На этот вопрос невозможно ответить кратко. Считаю, мне повезло, что в Московском архитектурном институте я попал в прекрасную интеллектуальную среду. Наши преподаватели смогли сохранить замечательные традиции конструктивизма 20-х годов. Власть считала архитектуру областью абстрактной, и поэтому в МАРХИ меньше, чем в других учебных заведениях, ощущался идеологический контроль. В институте была роскошная библиотека, и на занятиях мы получали разнообразную информацию. Мой преподаватель

"М'а ро"

СЛУЖИТЕЛЬ АПОЛЛОНА

Виталий Скобелев дал возможность мне и моим друзьям познакомиться с современным западным искусством, с творчеством Сальвадора Дали; у него было много материала о сюрреализме. Тогда об этом направлении знали мало, так как советские идеологи характеризовали сюр резко отрицательно. Фактически Дали являлся у нас в стране запрещенным художником, а альбомы с репродукциями его работ и книги о нем долгое время не разрешалось ввозить в Советский Союз, их просто отбирали на таможне. Скобелев, зная, что могут возникнуть неприятности на работе, тем не менее давал нам, студентам, альбомы по западному искусству, даже позволял работать с ними в общежитии.

Поступая в институт, я собирался стать архитектором, проектировать суперсовременные здания, но в процессе учебы понял, что создать и воплотить какие-то инте-

ресные проекты в то время было совершенно невозможным, нереальным делом. По распределению попал художником в Центральный музей В. И. Ленина.

Но вскоре все свободное время стал отдавать живописи.

— В первых выставках, устраиваемых группой «20 московских художников», вы участия не принимали. Когда вы присоединились к этому объединению?

— Меня всегда привлекало не искусство соцреализма, а «другое» — неофициальное. Идеологи социалистической культуры создали такую эстетику, которая пыталась превратить искусство в зеркало, отражающее идеальную, на взгляд партийных руководителей, идею. И все же, несмотря на тоталитарность и кажущуюся тогда неизбежность, возникали новые тенденции. В изобразительном искусстве первыми открыто выступили

против официоза московские художники на несанкционированной выставке, вошедшей в историю как «бульдозерная». Союз художников наотрез отказался принимать в судьбе «неофициалов» какое-либо участие. Тем не менее «неофициальное искусство» было разрешено в виде профсоюзной организации при Городском комитете художников-графиков на Малой Грузинской, 28. В то непростое время художники чувствовали потребность консолидации, было очевидно, что невозможно ничего пробить в одиночку. Так появились группы «7», «9», «11», «17» художников, а впоследствии, используя их опыт, возникло объединение «20». В него вошли художники разного возраста, которых не связывали какие-либо идеологические установки, — просто своеобразная форма существования и выживания. И хотя внутри «20» были свои небольшие группировки (по 2—3 человека), никто никому не мешал.

Вначале я со стороны наблюдал всю эту ситуацию, понимая, что в тех жестких рамках, в которые ставила жизнь, надо было что-то предпринимать. И когда Виталий Скобелев предложил мне выставить свои работы на Малой Грузинской, я согласился.

— А как отнеслись к вашему участию в этих выставках на работе? Ведь к тому времени вы стали главным художником Музея?

— Меня обвиняли в «ориентации на западное искусство», в том, что я вступаю «в контакты с иностранцами» и т. д. В представлении коллег, на Грузинской я общался с неблагонадежными художниками, с диссидентами. Начались провокации со стороны музейного начальства, парторганизации. Говорили, что недопустимо, когда фамилия главного художни-

ка Музея В. И. Ленина звучит в программах радиостанций «Голос Америки» и «Свободная Европа». Требовали писать бесконечные объяснительные, дать слово, что никогда больше на Малой Грузинской не выставлюсь. Конечно, никаких обещаний я не давал... К счастью, были в Музее и люди, которые меня поддерживали, гасили скандалы. В 1981 году я решил уйти из Музея, стать свободным художником.

— Ваши картины красивы, безукоризненно выполнены по технике. Но они всегда вызывали споры у публики, которую смущали их сложность и обилие символики. Они что, действительно настолько «зашифрованы»?

— Художнику всегда непросто объяснить свои работы. Иногда меня поражали неожиданные толкования картин. К примеру, вот какая ситуация возникла с «Золотым яйцом». В 1980 году, по указанию отдела культуры Мосгорисполкома, полотна убрали с выставки, почему-то усмотрев в нем антисоветчину. Представители Управления культуры восприняли изображение яйца с золотистой поверхностью как символ нашей золотой молодежи, рвущейся на Запад. Смешно, не правда ли? Ведь в своей работе я стремился передать на холсте красоту линий и форм, разнообразие фактур... И если в моих картинах появляются раковины или плоды граната, это не значит, что я собираюсь рассказать о чем-то языком символов. Просто они очень красивые и загадочны. Я, например, не могу понять, как простая улитка рождает такую красоту, как морская раковина.

— Критики называют ваши произведения сюрреалистическими, некоторые же относят их к «фантастическому реализму». Как вы

определяете направление, в котором работаете?

— Я сам пытался найти какое-то определение. Условно его можно назвать — «Русский сюрреализм». Правда, это не совсем точно. Ведь в действительности сюрреализма как течения в Советском Союзе не было. Его критиковали как одно из ведущих направлений буржуазного искусства. А вот фантастика была разрешена, поэтому мои картины и причислили к «фантастическому реализму».

— Живописная техника, к которой вы прибегаете, необычна и создает впечатление «нерукотворности» живописи...

— Техника смешанная. Я использую кисть и аэрограф. Изобретенный в 1904 году, аэрограф широко использовался в рекламе; с ним работал Дали. Одно время у нас говорили, что аэрограф — это плохо. Когда же я впервые его увидел, то поразился техническим возможностям, и с тех пор работаю в основном с ним, хотя до этого писал только кистью.

— В роду Худяковых были художники или вы первый?

— Предки моих родителей — крестьяне с Поволжья и из Пензенской губернии. А вот моя дочь Саша тоже художник. Недавно она закончила Строгановку и занялась изготовлением коллекционных авторских кукол из фарфора и ткани. Мечтает изготовить куклы с сюрреалистическим оттенком...

— Ваши картины находятся во многих частных собраниях мира...

— Да. Со своими работами я выезжал в Северную Америку, побывал в Европе. Групповые выставки устраивались в США, Японии, Греции. Сделать персональную выставку непросто. Сейчас готовлю ретроспективную выставку,

которая пройдет в «М'АРСе», потом, вероятно, поеду с ней в Нью-Йорк.

— «М'АРС» — первая частная галерея в нашей стране. Вы — председатель ее правления. Расскажите о вашей галерее.

— «М'АРС» — это объединение, включающее в себя музей, коммерческую галерею и издательство.

Идея Музея современного искусства возникла еще на Малой Грузинской в конце семидесятых. Тогда была собрана хорошая коллекция из даров художников. Но не успели музей открыть, как через месяц Главное управление культуры закрыло его. Работы художники забрали по домам. Надо сказать, что от этой уникальной коллекции практически ничего в стране не осталось. Но мечта о музее сохранилась.

Реализовать ее стало возможным через десять лет. После вступления в действие горбачевского закона о кооперации, была создана наша галерея. Сначала «М'АРС» являлся кооперативом, так как другой формы не существовало. Но, по сути, это был не кооператив — ведь его организаторы и владельцы всю прибыль отдавали на содержание и пополнение коллекции современного искусства.

Нашей первой акцией стала закупка картин, заведомо обреченных на вывоз за границу. Ведь не секрет, что работы наших художников широким потоком уплывали да и сейчас уплывают из России. Мы сумели сохранить для русской культуры немало замечательных произведений, которые и стали основой будущего Музея. Объединение выплачивает стипендии молодым перспективным художникам, оказывает помощь детским студиям. Сегодня в коллек-

ции более 1200 первоклассных произведений искусства, и она продолжает пополняться.

— Ваша коллекция отражает все направления современного искусства России?

— Нет, коллекция «М'АРСа» не универсальна. Отбор вкусовой, и это не скрывается. Коллекция формируется в соответствии со взглядами основателей галереи на современное искусство. Многие в нем нас не устраивают, в частности, стремление все пересмотреть, перевернуть, полное отрицание традиций и школ. «М'АРС» в этом отношении разумно консервативен.

— А нужны ли вообще галереи нашим художникам, нашему искусству, зрителю?

— Безусловно. Практически прекратили свое существование союзы художников, исчезли закупочные комиссии Министерства культуры, госзаказы и прочие централизованные «кормушки». Но художник создает картины, он хочет, чтоб их видели зрители, покупали, делали ему рекламу, чтобы не было проблем с красками, кистями, подрамниками и пр. Все это взяли на себя галереи, частные дилеры, культурные центры. Пестрый процесс возникновения арт-рынка порождает новые проблемы. Все более бесцеремонно вмешивается в творческий процесс дилер, что неизменно приводит к девальвации истинных ценностей, созданию ложных целей и искусственных кумиров. Культура превращается в «эстетику хохм». Галерея «М'АРС» пытается противостоять этим сложным процессам и стремится к сохранению творческой личности художника.

— Как вы представляете себе будущее Музея современного искусства?

— Нам казалось: для того чтобы выжить, необходима коммерче-

ская галерея. Но вскоре мы поняли, что заниматься исключительно коммерцией нельзя, надо сделать что-то серьезное и полезное для нашей культуры, нашего города. Так пришла идея создать Музей современного искусства столицы, причем музей совершенно нового типа. Сейчас в центре Москвы на улице Хмелева мы приступили к строительству этого музея (общая площадь комплекса должна превышать 4 тыс. кв. м). Первый этап — строительство выставочных площадей, залов музея, библиотеки. Он должен завершиться в 1995 году. В будущем появятся издательство, клуб, концертный зал, мастерские для художников из провинции. Хочется, чтобы Музей был оснащен по последнему слову техники. И главное — доступен для всех; вход в Музей (как и в галерею на Малой Филевской) предполагается бесплатным.

— Ну что ж, задача грандиозная. А вы уверены, что в наше сложное время сможете ее решить, довести до конца задуманное?

— Конечно, а иначе за это не стоило и браться.

АЛЛА ТРИСТАН

ИНДЕКС 70820

театр
Аллы Сигаловой

